Н.М. Миркурбанов, Д.Т. Мирахмедова,
М.Н. Ахмедов

ЛИТЕРАТУРА
11 класс

Новое издание

Учебник для классов с русским языком обучения
школ общего среднего образования

Рекомендован к изданию Министерством дошкольного и школьного образования Республики Узбекистан

Издательско-типографский дом имени Гафура Гуляма
Ташкент – 2026

УДК 821.161.1.09(075.3)
ББК 83.3(2Рос=Рус)я72
М 63

Литература 11 класс [Текст]: учебник / Н. Миркурбанов, Д. Мирахмедова, М. Ахмедов; редактор М. Мухамедова. – Ташкент: Издательско-типографский дом имени Гафура Гуляма, 2026. – 240 с.

Ответственный редактор

Н. М. Миркурбанов

Рецензенты:

З. С. Бабаева – и.о. доцента кафедры «Русский язык и литература» Национального педагогического университета Узбекистана имени Низами;

Р. А. Ташматова – учитель высшей категории школы № 280 Чиланзарского района г. Ташкента;

Т. Н. Ворсина – учитель высшей категории школы № 164 Чиланзарского района г. Ташкента;

Д. Д. Марупова – доктор философии по педагогическим наукам, и.о. доцента кафедры исследований письменного и устного перевода Международного университета туризма и культурного наследия «Шёлковый путь».

Учебник подготовлен совместно с Республиканским центром образования.

ISBN 978-9910-247-41-5

© Издательско-типографский дом имени Гафура Гуляма, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1

Абдулла Кадыри 5
«Минувшие дни» 6
Алексей Толстой 30
«Пётр Первый» 32
Бернард Шоу 46
«Пигмалион» 47

ГЛАВА 2

Хамид Алимджан 66
«Когда цветёт урюк» 67
Айбек 71
«Навои» 72
Михаил Шолохов 88
«Судьба человека» 89

ГЛАВА 3

Пиримкул Кадыров 112
«Алмазный пояс» 113
Чингиз Айтматов 140
«И дольше века длится день» ... 141
Ульмас Умарбеков 163
«Зелёная звезда» 164
Борис Пастернак 185
Лирика 186

ГЛАВА 4

Улугбек Хамдам 190
«Шиповник» 192
Валентин Распутин 200
«Последний срок» 201
Франц Кафка 219
«Превращение». 220

Дорогие одиннадцатиклассники!

Вы держите в руках завершающий том школьного курса литературы – учебник, который подводит итог вашему десятилетнему путешествию по страницам русской, узбекской и мировой классики. И это не случайно, так как мы живём в Узбекистане – стране, где переплетаются культуры, языки и традиции. Поэтому в руках у вас не просто книга, а пространство диалога, размышлений, открытий.

С первого класса вы знакомились с великими произведениями, учились слышать голос эпохи, понимать чувства героев, видеть в литературе отражение жизни. Вы читали Пушкина и Навои, Толстого и Айбека, Шекспира и Хемингуэя. Вы учились сравнивать, чувствовать, спорить, думать.

Теперь – финальный аккорд: литература XX и XXI веков. Это время стремительных перемен, новых форм, новых голосов. Это период, когда писатели задают неудобные вопросы, ищут новые смыслы, ломают границы жанров и культур. Это эпоха, когда литература становится не только искусством, но и способом говорить о мире, о человеке, о будущем.

Этот учебник – о литературе как диалоге:

- между народами и культурами,
- между прошлым и настоящим,
- между автором и читателем.

Мы приглашаем вас не просто читать, но размышлять, спорить, чувствовать. Пусть уроки литературы станут для вас местом свободы мысли, уважения к иному, поиска истины.

В этом учебном году вы:

- познакомитесь с произведениями, написанными в условиях войны, эмиграции, глобализации, цифровой эпохи,
- обсудите, как литература реагирует на вызовы времени,
- откроете для себя новых авторов – и, возможно, себя как автора,
- напишете работы, в которых отзовётся ваш личный опыт, ваша позиция, ваш голос.

Мы верим: литература – это не только путь сквозь страницы, но и путь внутрь себя. В каждом произведении – возможность услышать мир, в каждом герое – шанс понять другого, в каждом вопросе – рост. Пусть этот учебник станет для вас светлым ориентиром на пороге зрелости, помогая не только читать, но и видеть, не только понимать, но и чувствовать.

С уважением и надеждой – авторы учебника

АБДУЛЛА КАДЫРИ (1894–1938)

Абдулла Кадыри (Джулкунбай) – узбекский писатель, поэт и драматург, один из основоположников узбекской реалистической прозы. Наиболее известен своими романами **«Минувшие дни»** и **«Скорпион из алтаря»**, в которых показана жизнь и нравы узбекского общества конца XIX – начала XX века. Его творчество сыграло важную роль в развитии национальной литературы и формировании новой узбекской прозы. В 1938 году Кадыри был репрессирован и расстрелян, посмертно реабилитирован.

Давайте поговорим

1. Как вы думаете, какие традиции и обычаи в XIX веке играли важную роль в жизни людей?
2. Почему писатели часто обращаются к прошлому, описывая «минувшие дни»?
3. О чём, по вашему мнению, может быть роман с таким названием – о любви, о судьбе народа, о переменах?

Подготовка к встрече с текстом

Роман «Минувшие дни»

Представьте мир, где честь, долг и любовь ведут жестокую, непримиримую войну. Мир, где человек не хозяин своей судьбы, а пешка в руках предрассудков, воли родителей и коварства недругов. Именно в такое время, в середине XIX века, на фоне заката Кокандского ханства, разворачивается действие одного из величайших романов узбекской литературы XX века – «Минувшие дни» Абдуллы Кадыри.

Роман больше чем история несчастной любви Атабека и красавицы Кумуш. Это гениально выстроенная трагедия, в которой личное счастье героев становится мише-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

нью для всего общества. Их чувство с самого начала обречено: его разрушает и злая воля завистника Хамида, и слепая, эгоистичная любовь матери Атабека, Узбек-аим, и незыблемые патриархальные устои, требующие беспрекословного подчинения. Даже искренняя любовь родителей и верность слуги Хасанали не могут уберечь Атабека и Кумуш от роковой цепи событий.

Роман Кадыри – это зеркало, в котором отражается целый мир. Мир интриг при дворе и тихой семейной жизни, шумных базаров и высоких стен, скрывающих тайны. Автор мастерски показывает, как на фоне больших исторических событий – междоусобиц, восстаний, смены власти – живут, любят и страдают обычные люди. Война, политика и этнические конфликты становятся грозным фоном, подчёркивающим хрупкость человеческой жизни.

Но главная сила романа в его психологической глубине. Кадыри заставляет нас не просто наблюдать, а чувствовать безумную радость первой встречи Атабека и Кумуш, холодный ужас несправедливого доноса, глухую боль вынужденной второй женитьбы, пожирающую душу ревность. Герои живые и противоречивые: умная, но беззащитная перед обычаем Кумуш; благородный, но не нашедший в себе сил для бунта Атабек; властная и слепая в своей любви Узбек-аим.

Роман Кадыри «Минувшие дни» – это прощание с целой эпохой, «минувшими днями», которые уносят с собой не только старый уклад, но и лучшие чувства, растоптанные этим укладом. Это роман о цене, которую платит человек за то, чтобы оставаться частью системы, и о катастрофе, которая происходит, когда система подавляет в человеке личность.

Читая эту книгу, вы откроете для себя не только сокровищницу узбекской культуры, но и вечные вопросы, не имеющие срока давности: где граница долга перед семьёй и перед собственным сердцем? Можно ли сохранить достоинство в мире, построенном на принуждении? И что сильнее в итоге – слепая судьба или человеческое чувство, даже самое обречённое?

Абдулла Кадыри приглашает вас в путешествие, из которого не возвращаются прежними. Это путешествие в прошлое, которое становится поразительно настоящим, стоит лишь перевернуть первую страницу.

МИНУВШИЕ ДНИ

Роман

(в сокращении)

Шёл семнадцатый, зимний день месяца далв тысяча двести шестьдесят четвёртого года хиджры, солнце зашло, с окрестностей доносились призывы к вечерней молитве.

Известный маргиланский караван-сарай с воротами, обращёнными на юго-восток, был занят купцами из Ташкента, Самарканда и Бухары. За исключением одной-двух, все комнаты переполнены приезжими. После дневных забот постояльцы караван-сарая возвращаются под его кров; многие занялись приготовлениями к вечерней трапезе, и поэтому в пустовавшем днём помещении теперь, напротив, царит оживление:

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

от неумолкающих разговоров, громкого хохота шум стоит невообразимый, и кажется, строение вот-вот взметнётся к небесам.

В глубине двора – отличающаяся изысканным убранством уютная комната. Если в других комнатах полы устланы кошмами, то здесь – вместо них лежат ярко-красные ковры; если остальные снабжены бязевыми одеялами, здесь их заменяют курпачи из шёлка и адраса; если везде коптят плошки, тут резво пляшет пламя свечи. Да и обитатель помещения, не в пример легкомысленным, заводным постояльцам других комнат, держится иначе.

Спокойный и сдержанный нрав, статное телосложение, красивое белокожее лицо, чёрные глаза, под стать которым чёрные брови и только-только пробивающиеся усики – таков облик юноши. Иными словами, среди помещений и постояльцев караван-сарая эта комната и её жилец привлекают особое внимание. Молодого человека, погружённого в одни лишь ему известные раздумья, звали Атабек; он был сыном именитого вельможи Ташкента – Юсуфбека-хаджи.

Во двор караван-сарая вошли двое. Один из них – Рахмат, сын богатого маргиланца Зия-шахичи. Второй, долговязый мужчина с неприятной внешностью, был известен под прозвищем «Хамид-бабник» – настолько привычным, что, услышав имя Хамид без этого прозвища, люди не понимали, о ком идёт речь. С Атабеком он знаком не был, а Рахмату приходился близким родственником – дядей, шурином Зия-шахичи. Им указали на комнату Атабека, и гости направились туда.

– Простите нас, бек[1]-ака, – начал Рахмат, – мы побеспокоили вас своим визитом в неурочный час.

Приглашая гостей занять почётное место, Атабек с обезоруживающей любезностью возразил:

– Нет, что вы, не побеспокоили, напротив – безмерно порадовали, ибо я впервые в вашем городе, ни с кем не знаком, а вынужденное отшельничество и скука порядком утомили меня.

Тем временем в комнату вошёл ещё один человек и тоже поздоровался. Хасанали, именно так звали этого старика, был лет шестидесяти, с продолговатым лицом, крутолобый, с почти жёлтыми круглыми глазами и длинной белоснежной бородой. Несмотря на бороду, в осанке и цвете его лица признаки старости особо не просматривались.

Атабек усадил гостей к сандалу и после краткой молитвы обратился к Хасанали:

– Как вы себя чувствуете, отец?

– Слава Аллаху, – ответил Хасанали, – немного полегчало. Видимо, угорел я.

– Я хотел вас кое о чём попросить…

– Приказывайте, сын мой.

– Благодарю, отец, тогда вскипятите-ка нам чаю.

– Будет сделано, мой бек.

Хасанали вышел. Рахмат, вновь справившись о здоровье Атабека, спросил:

---

[1] Бек – правитель и начальник; в данном же случае – вежливое и уважительное обращение «господин».

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Бек-ака, кем вам приходится этот человек?

Атабек промолчал, затем взглянул на дверь и, убедившись, что старик далеко, лишь затем ответил:

– Это наш раб.

Что-то в этих словах заставило Хамида удивиться.

– Ваш раб?

– Именно.

Ещё в детстве Хасанали был куплен дедом Атабека за пятнадцать золотых тилля у одного туркмена, который занимался кражей детей в Иране для их дальнейшей продажи. Раб Хасанали прожил в семье Атабека около пятидесяти лет и за это время успел стать настоящим её членом. Он был бесконечно предан своему хозяину Юсуфбеку-хаджи и в особенности его сыну – хаджи-заде Атабеку, на что те взаимно отвечали ему уважением и доверием. Когда Хасанали исполнилось тридцать лет, он женился на купленной рабыне, однако от этого брака детей не было, а если они и рождались, то вскоре умирали. Видимо, поэтому старик всю свою любовь и привязанность обратил на Атабека, ставшего ему как родным сыном.

«Если после моей смерти он прочтёт молитву из Корана за упокой души моей, вспомнит меня добрым словом, мол, жил когда-то на этом свете Хасанали-ата, мне этого будет предостаточно», – думалось ему. Он уже попросил Атабека об этом и получил соответствующие искренние заверения. Вот таким простодушным человеком был этот старик – раб.

После разговоров о Хасанали Рахмат спросил:

– Бек-ака, что вы привезли из Ташкента?

– Да так, пустяки: материю, кожу для обуви, несколько казанов.

– На маргиланских рынках спрос на материю и кожу весьма велик, – вставил Хамид.

Разговор коснулся торговли и маргиланских рынков. Беседа не клеилась, и за дастарханом чувствовалось отчуждение.

– Как вам наш Маргилан, бек-ака, понравился или…?

Отвечая на вопрос, Атабек вроде бы немного замялся и почувствовал неловкость:

– Как вам сказать… скорее, пришёлся по душе. Маргилан ведь первый город нашего Туркестана по ткацкому делу.

Невнятный ответ заставил Хамида и Рахмата переглянуться. Перехвативший их взгляды Атабек, шутя, пояснил:

– С первого же дня в вашем Маргилане город стал тяготить меня, ибо здесь у меня не было знакомых, я чувствовал себя чужеземцем. Однако с этого часа Маргилан предстаёт передо мной совершенно иным, поскольку в вашем лице я нашёл близких друзей, которые решили навестить меня!

Атабек, здороваясь с незнакомыми людьми в доме Зия-шахичи, внимательно их рассматривал. Заметив это, хозяин стал представлять присутствующих:

– Разве вы не знаете этих господ? Вот это – из близких друзей вашего отца, Мирзакарим-кутидор, а это андижанский купец Акрам-хаджи.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Мирзакариму, чернобровому, черноглазому, красивому и прекрасно одетому человеку, было на вид лет сорок пять-пятьдесят, Акрам-хаджи же выглядел старше лет на десять. Атабек вновь внимательно посмотрел на Мирзакарима-кутидора.

– Весьма рад познакомиться с близкими друзьями отца, спасибо, ака, – и, обращаясь к Акраму-хаджи и Мирзакариму, учтиво продолжил: – отец наказал мне передать тёплый привет его близким друзьям, таким, как вы.

– Спасибо, да благословит вас Аллах!

Среди собравшихся на угощение, устроенное в честь Атабека, помимо упомянутых выше мужей, были также Хамид, Рахмат и Хасанали. После церемонии знакомства взгляды Атабека и кутидора стали часто встречаться. Но стоило кутидору только раскрыть рот, чтобы о чём-то спросить Атабека, как Акрам-хаджи и Зия-шахичи заводили какой-нибудь продолжительный диалог.

Лишь когда взгляды Атабека и Мирзакарима пересеклись в очередной раз, кутидор, улыбнувшись, спросил:

– Бек, помните ли вы меня?

Атабек, внимательно и уважительно посмотрев на кутидора, ответил:

– Нет, ака.

– Сколько вам лет?

– Двадцать четвёртый идёт…

Кутидор, подсчитав в уме что-то, молвил:

– Конечно же, вы не можете меня помнить. Когда я вёл торговые дела в Ташкенте, вам было примерно пять или шесть лет… Ощущение такое, что это происходило совсем недавно, и только вчера я гостил в вашем доме. На самом же деле с тех пор минуло пятнадцать-двадцать лет, и вы уже взрослый молодой человек. Оказывается, жизнь – что выпущенная стрела!

– Так вы бывали в нашем доме?

– И не единожды я гостил у вас, – ответил кутидор, – тогда ваш дед был ещё жив.

Сидевший поодаль, но вслушивавшийся в разговор Хасанали, вмешался:

– В то время, когда этот господин посещал наш дом, вы, бек, были ещё совсем ребёнком. Он, бывало, и в караван-сарай брал вас с собой.

Атабек смущённо улыбнулся и глянул на кутидора:

– Сожалею, однако не могу вспомнить.

Кутидор порывался было ещё что-то сказать, но его прервал Акрам-хаджи:

– Чем сегодня занимается ваш уважаемый отец?

– Он – советник правителя Ташкента.

– Азизбек и поныне правит Ташкентом?

– Именно.

– Да какой это бек! Скажите лучше Азиз-бача, – воскликнул вдруг Хамид и, посмотрев на Акрама-хаджи, усмехнулся. – Совсем ещё недавно на празднествах хромого Мусульманкула этот самый Азиз-бача потешал гостей.

Сказав это, он обвёл гордым взглядом присутствующих, будто сообщил что-то чрезвычайно важное, неизвестное другим. Видимо, неуместный выпад Хамида по-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

казался бестактным, и гости переглянулись между собой. Это обстоятельство вызвало на некоторое время всеобщее молчание, которое было нарушено вопросом Акрама-хаджи:

– А правду ли говорят, что ваш правитель чрезмерно суров?

– Истину говорите, – отвечал бек. – Народ сыт жестокостью Азизбека.

Ответ Атабека изумил не только Акрама-хаджи, но и других гостей. Признание деспотизма покровителя собственного отца поистине казалось удивительным.

Азизбек снискал себе славу одного из самых злобных угнетателей – тиранов в туркестанских ханствах, о его жестокости к населению Ташкента и Ферганы давно ходили легенды. Однако вопрос Акрам-хаджи, адресованный сыну наиболее приближённого к Азизбеку человека, был задан неспроста – для проверки Атабека. Услышанное ещё более изумило Акрам-хаджи, и он не преминул проявить интерес к причине такого отношения:

– Раз ваш отец является советником Азизбека, – развивал мысль Акрам-хаджи, – отчего бы ему хоть изредка не наставлять бека на правильный путь?

– Прошу прощения, уважаемый, – улыбнулся Атабек, – видимо, у вас нет достаточно ясного представления о должности моего отца… Исполнять роль советника при вынесении нашими беками какого-либо решения – задача невозможная. Хотя мой отец и является советником Азизбека, да к тому же ещё его ближайшим собеседником, однако прислушивается он к советам моего отца лишь по вопросам, не имеющим особого значения. Позвольте привести вам один пример, имевший место совсем недавно: на одной из частных пятничных пирушек один человек начал восхвалять Азизбека, на что другой возразил:

– И чего это ты расхваливаешь его? Азизбек всего лишь бача.

Эти слова были немедленно донесены до ушей Азизбека тайным доносчиком, находившимся неподалеку. На следующий день Азизбек вызвал к себе этих двоих: восхвалявшему была дарована высокая должность, второй же приговорён к казни. Мой отец, присутствовавший при вынесении приговора, обратился к Азизбеку с просьбой разъяснить ему вину приговорённого, на что ответом был лишь окрик Азизбека, обращённый к палачу:

– Выводи скорее!

А когда мой отец повторил свою просьбу, Азизбек «пошутил»:

– Может быть, заменить преступника на самого хаджи?

– Отчего же народ не обращается с письменной жалобой к хану?

– О какой по счёту жалобе вы говорите? – спросил Атабек. – Мы вместе с угнетёнными и притеснёнными Азизбеком людьми направили уже десятую жалобу. На что же мы можем рассчитывать, коли советник хана сам по жестокости превосходит Азизбека? Однако в последнее время Азизбек в открытую проявляет пренебрежение к ярлыкам и указам из Коканда. Наши жалобы все зиждутся на мольбах – «и да проявит он повиновение…», хотя, возможно, Коканд и закроет на них глаза. Как бы там ни было, жители Ташкента пресытились жестокостью Азизбека, да и помощи не знают от кого ждать.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Взгляды Юсуфбека-хаджи теперь были ясны всем, а в особенности Акраму-хаджи. В дальнейшем эта тема не обсуждалась, и разговор пошёл о другом.

Угощение было подготовлено с величайшей заботой и уважением к дорогому гостю. Время от времени Зия-шахичи и его сын Рахмат обращались к присутствующим, предлагая отведать новые кушанья, от чего аппетиты приглашённых только разыгрывались. Однако никакие уговоры хозяев не могли заставить Атабека выйти из состояния глубокой задумчивости. Что за мысли занимали его и о ком он думал, догадаться было трудно, однако вот что привлекало внимание: в раздумьях взор его невольно останавливался на сидевшем напротив кутидоре, а если тот заглядывал ему в глаза, Атабек в растерянности переводил взгляд на блюда, которыми был полон дастархан.

Состояние Атабека для прочих гостей было незаметно, лишь Хамид внимательно и украдкой наблюдал за ним.

– Бек, а где вы бывали по торговым делам? – поинтересовался кутидор.

– Я посетил много наших городов, – ответил Атабек, – довелось побывать и в городе урусов Шамай[2].

– Вот как! Вы и в Шамае были? – изумленно спросил Зия-шахичи.

– Был в прошлом году, однако наша поездка совпала с не совсем благоприятным периодом, отчего пришлось перетерпеть множество трудностей.

– Вы, оказывается, настоящий купец, – восхитился кутидор, – мы вот в нашем возрасте и своих-то крупных городов не видывали, а вы дошли до русского Шамая.

– Идущий подобен реке, сидящий же – циновке, – заметил Акрам-хаджи.

В те времена мало кто из туркестанских купцов вёл торговлю в русских владениях, и Атабек, побывавший за границей, вызвал почтительное отношение к себе со стороны присутствующих. Кутидор и Зия-шахичи слыхали множество небылиц о русских, и им хотелось узнать правду от Атабека об увиденном им в Шамае.

– До поездки в Шамай я думал, что власть всюду такая же, как у нас, – уточнил бек, – однако Шамай полностью перевернул моё представление об этом, и ныне мне всё видится по-иному. Я вынужден признать, что по сравнению с административными порядками у русских, наши устои напоминают жалкое подобие игры…

Давайте обсудим

1. В чём проявляется художественное своеобразие романа Абдуллы Кадыри: в выборе темы, особенностях повествования или создании образа главного героя?
2. Как вы думаете, почему автор открывает роман описанием караван-сарая? Что это говорит о мире, в котором живёт герой?
3. Что означает противопоставление старого и нового мира в романе – борьбу идей, поколений или ценностей?

[2] Шамай – Семипалатинск. Один из городов, где во времена ханов шла торговля между русскими и туркестанскими купцами.

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

Работа в парах

Выберите двух героев для сравнения.

Например: **Атабек и Хасанали** (герой нового времени и человек из простого народа) или **Атабек и Хамид** (высокие идеалы и эгоизм старого мира).

Прочитайте отрывок, обращая внимание на то, как описаны герои, какие слова, выражения и формы использует автор (эпитеты, повторы и т. д.).

Творческое задание

Напишите письмо от имени одного из героев романа (Атабек, Хасанали или Хамид), представив, что он живёт в наше время. В письме укажите, к кому обращается герой; что он думает о современном мире, свободе, любви, чести и верности. Объём: 8–10 предложений.

Все с великим интересом внимали Атабеку, изумлённые его размышлениями, доселе никем не слышанными. Даже те из присутствующих мужей Туркестана, кому и во сне не снилась забота о народе, не могли оставаться безучастными к взволнованным словам, как бы сочившимся из искреннего сердца Атабека.

– Кабы был повелитель сродни Амиру Умархану, – молвил кутидор, – и мы могли бы превзойти урусов.

Зия-шахичи добавил:

– В нынешнем плачевном положении виноваты мы сами.

– Правда, – подхватил Акрам-хаджи.

Хамид, не желая отстать от других, тоже заметил: «Всевышний даровал неверным богатства».

– Мне же кажется, – сказал Атабек, – превосходство урусов заключено в их сплочённости. По моему разумению, наши же нескончаемые взаимные распри и являются причиной того, что мы день ото дня неуклонно катимся вниз. Иначе говоря, размышления уважаемого Зия-шахичи представляются мне отчасти верными. Нет среди нас праведных людей, ясно осознающих всю опасность сложившегося положения; напротив, распустили перья всякие башибузуки, усилиями которых всюду проникли корни раздора, опутывающие и толкающие народ в трясину бедствий. В качестве примера может служить существующая вражда между карачапанами и кипчаками[3]. Подумайте: какова польза и выгода для нас и братьев наших кипчаков от этих распрей? Это выгодно лишь подстрекателям, сеющим семена ненависти между двумя народами.

К примеру, возможно ли считать Мусульманкула беспристрастным человеком? Ка-

[3] Карачапанами в те времена именовали узбеков. Кипчаки – один из родов, в руках которого в описываемый период была сосредоточена власть.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

кую пользу для народа он принёс, кроме кровопролития? Из-за корыстных побуждений он, основываясь на несущественных доводах, убил зятя своего Шерали-хана, казнил невинного Мурад-хана, а покончив с ташкентским правителем, смиренным, как овца, Салимсакбеком, на его место посадил деспота Азизбека. Затем, объявив себя мингбаши (первым министром), провозгласил несмышлёного юнца (Худаяра) ханом и сел на шею народа. Добро бы ещё, ежели Мусульманкул преследовал при этом благую цель и устранил тиранов, а народу дал мирную и спокойную жизнь – кто бы стал возражать? А между тем именно Мусульманкул возвёл в правители изувера Азизбека, равного которому не знала вся история Ташкента. С трудом верится, что у такого нелюдя тоже была мать! Пока не будут уничтожены деспоты, захватившие власть в своих личных интересах и нещадно угнетающие народ, нет нам избавления – разве только гнать их в шею и вместо них назначить справедливых людей.

Атабек выражал новые и доселе никем не слыханные идеи, собравшиеся, разинув рты, слушали бека. И в самом деле, ясно представляя себе причины и следствия непрекращающихся раздоров, он давал им правильную оценку. Его умозаключения словно помогли присутствующим найти кончик нити в запутанном клубке, тем самым выразив неозвученные, но осмысленные убеждения собравшихся.

Когда Атабек вышел из михманханы, чтобы совершить омовение перед намазом хуфтан, Зия-шахичи обменялся понимающими взглядами с гостями и сказал ему вслед:

– Истинный сын своего отца!

– Да продлятся дни его, – поддержал Акрам-хаджи, – он самый разумный среди нашей молодёжи... Если бы мне было дано право назначать хана, я провозгласил бы ханом Атабека... Он образован?

Хасанали, сердце которого переполняла радость от похвал его любимцу, сообщил:

– Он был одним из лучших в ташкентском медресе «Беклар-беги»[4]. Но три года назад хаджи забрал его оттуда и приставил к торговому делу.

– Да, Аллах всесторонне одарил этого молодого человека, – согласился кутидор.

Собравшиеся дружно превозносили Атабека, однако Хамид в этом не участвовал, казался чем-то раздосадованным и уж совсем изменился в лице, когда кутидор спросил у Хасанали, не женат ли бек. Хасанали подробно рассказал вопрошавшим о том, что по сей день бек не нашёл себе девушки по душе, на что Хамид нетерпеливо заметил:

– Видимо, ваш бек возжелал ханской дочери, – ирония так и сквозила в его тоне, – такого рода парни после свадьбы всю жизнь мучают своих жён...

Хасанали не оставил без ответа этот необъяснимый сарказм и, улыбнувшись, ответил:

– Неведомо мне, желает ли он взять ханскую дочь, однако вполне достоин этого... И думаю, если он даже мне, рабу-зархариду, остерегается сказать резкое слово, конечно же, не нанесёт обиды свободной девушке, да ещё собственной жене. Мне

---

[4] Беклар-беги – одно из престижных медресе Ташкента было расположено на площади Эски-Жува. Снесёно в XX в.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

кажется, это очень далеко от истины, чтобы Атабек уподобился скотоподобным типам, что истязают свою жену, да причём не одну, превращая жизнь женщин в преисподнюю, братец-мулла Хамид...

Намёк Хасанали был весьма прозрачен. Ведь недавно он от самого Хамида слышал, что тот при случае бьёт своих жён кожаной плетью. И посему последняя фраза Хасанали заставила Хамида притупить взор, так как нечего было возразить. Зия-шахичи бросил взгляд на своего шурина, во взгляде явно читался упрёк: «Ну что, получил?», и обратился к Хасанали:

– Простите, ота. Наш Хамидбай от рождения будто создан говорить подобные грубости.

Кутидор также поспешил подбодрить Хасанали:

– Верно говорите, ота. Атабек и вправду достоин ханской дочери.

Хамиду оставалось только молчать. Он, недобро усмехнувшись, исподлобья глянул на Хасанали.

После плова сначала Хамид, затем и другие гости стали расходиться. Атабеку и кутидору было по пути, и они вышли вместе. Подходя к своему дому, кутидор стал прощаться с беком:

– Непременно ждём вас в гости послезавтра, договорились?

– Обязательно буду, ака.

– Вон та угловая калитка наша... А может, вы сегодня останетесь у нас, что скажете?

– Благодарю вас... Счастливо оставаться, желаю вам здоровья.

Когда они, попрощавшись, удалились, из тёмного закоулка поблизости вышел закутанный в халат человек и направился в ту сторону, откуда появились Атабек и Хасанали.

Караван-сарай погрузился в глубокое, сонное безмолвие. Полночь. Хасанали отомкнул длинный винтовой замок, зажёг свечу и, постелив постель беку, стал его дожидаться. Однако Атабек всё не заходил. Он в это время, будто застывший, стоял, прислонившись к столбу, словно и не догадывался, что дверь открыта, свеча зажжена, а постель готова.

– Я вам постелил, бек.

После этих слов Атабек вошёл в худжру и присел у постели. Хасанали ждал, когда бек разденется и ляжет, ибо, уложив его, хотел унести свечу в соседнюю комнату. Однако Атабек, как сел у постели, так и застыл в задумчивости… Вот уже несколько дней Хасанали замечал перемены в Атабеке. Странное поведение бека на протяжении последних пяти-шести дней приводило Хасанали в удивление. И действительно, нынче Атабек был сам не свой: рассеян, равнодушен к делу.

Хасанали некоторое время пристально рассматривал бека. Однако чем дольше Атабек пребывал в плену задумчивости, тем большее нетерпение проявлял Хасанали.

– Нет ли для меня поручений? – спросил он.

Атабек, казалось, слушал и не понимал, ибо, подняв глаза, взглянул на Хасан-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

али и вновь уставился в одну точку. Беспокойство Хасанали от увиденного росло: он не знал, как толковать подобную потерянность бека.

Атабек, наконец, словно очнувшись ото сна, вздрогнул и взглянул на своего слугу:

– Отчего вы не ложитесь?

– Нет ли для меня поручений? – повторил Хасанали.

– Какие могут быть поручения? Можете идти и свечу тоже унести.

Хасанали, взяв свечу, перешёл в свою худжру. Та была расположена по соседству с комнатой Атабека и заполнена тканями, обувью и другим товаром.

Хасанали именно поэтому расположился здесь – чтобы присматривать за имуществом. Сев, Хасанали лишь произнёс: «тавба». Как рассказано выше, он заметил происходящие с Атабеком изменения примерно неделю-десять дней назад, но ныне его беспокойству не было предела. Состояние хозяина наталкивало его на различные умозаключения.

Сидя на своей постели и поглаживая седую бороду, старик впал в задумчивость и размышлял: может, он допустил какой-либо просчёт в торговле, либо же какая-то хворь одолела его, ведь и у Зия-шахичи Атабек вяло и нехотя ел… Надо же, заболеть на чужбине! Однако старик не удовлетворился ни одной из своих догадок, поскольку состояние дел торговых ему было известно.

А ежели бы бек захворал, то непременно бы пожаловался. Довольно долго, теряясь в своих догадках и предположениях, Хасанали ничего не мог придумать. Затем он встал и потушил свечу в нише. Худжра погрузилась в полную темноту. Старик ощупью добрался до двери, затем, стараясь не скрипеть, открыл её и осторожно выглянул наружу, осмотрев караван-сарай. Убедившись, что вокруг ни души, он мягко ступал ногами, обутыми в ичиги, подошёл к худжре Атабека, остановился и вновь окинул взором двор. Караван-сарай был во власти темноты и спокойного сна, что, однако, нарушалось похрустыванием сена лошадьми в конюшне да перекликанием петухов в окрестностях. Хасанали тихонько прилёг у худжры и стал вслушиваться. В комнате царила тишина, и ничто её не тревожило. Подождав ещё некоторое время, Хасанали решил было подняться с места, как изнутри раздался тяжёлый вздох. Насторожившись, Хасанали напряг слух, в его глазах появились беспокойные огоньки.

Давайте обсудим

1. Кто такой Атабек и чем он отличается от других собравшихся?
2. Кого Атабек считает виновными в бедственном положении страны?
3. Почему автор показывает размышления Атабека не в толпе, а в узком кругу людей?
4. Как вы понимаете фразу: «Пока не будут уничтожены деспоты, нет нам избавления»?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Исследовательское задание

Прочитайте отрывок и выполните исследование по плану. Ответ оформите в виде эссе (8–10 предложений) или как таблицу.

Тема и цель	Какая главная проблема поднята в тексте? Почему Атабек говорит о единстве народа?
Образ героя	Какие слова и поступки Атабека показывают, что он отличается от других? Какие новые идеи он выражает?
Исторический контекст	Какие реальные события и правители упоминаются (Мусульманкул, Худаяр-хан и др.)? Зачем автор вводит эти имена?
Сравнение взглядов	Сравните позицию Атабека с поведением гостей (Зия-шахичи, Акрам-хаджи, Хамид). Почему одни поддерживают его, а другие насмехаются?
Вывод	Почему автор называет Атабека «истинным сыном своего отца»? Может ли один человек повлиять на общество?

Практическое задание

Представьте, что вы журналист начала XX века и пишете статью об Абдулле Кадыри.

1. Кратко расскажите о жизни писателя (образование, первые произведения, вклад в литературу).
2. Выскажите своё мнение о романе «Минувшие дни» и проблемах, которые он поднимает (общество, власть, любовь, нравственные ценности).
3. Придумайте заголовок статьи.
4. В конце подпишите статью псевдонимом.

Неожиданные события нынешней ночи оглушили Хасанали, он был в замешательстве, сон окутывал его старческие очи. Старик пребывал в плену раздумий: не знал, как утром преподнести беку такую радостную весть. Хасанали обстоятельно прокручивал в голове всё, что могло произойти в душевном состоянии Атабека. Он будто видел, как Атабек, неделями не покидавший худжру, наконец оставит своё затворничество, выйдет на улицы, на базар, а затем воодушевлённым войдёт в дом кутидора.

По мере того как сон одолевал старика, ему казалось, что Атабек подходит и благодарит его:

– Отец, никогда не забуду то добро, которое вы мне сделали!

Хасанали, временами просыпаясь, вновь и вновь продолжал размышлять:

– Бедняга… Должно быть, и головушка твоя раскалывается от боли, в мечтах

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

и вздохах о возлюбленной… Уж, наверное, и надежду потерял, думая, что некуда обратиться за помощью, не с кем поделиться своей бедой. Не горюй, мой бек. Отец твой Хасанали обо всём позаботился… Наступил последний вечер твоей печали, канун светлых лунных ночей, полных поэзии, мой бек!

Хасанали засыпал, и снова перед ним вставал образ Атабека, а рядом – милови-дная, красивая девушка; счастливо улыбаясь, они говорили:

– Вы – наш настоящий отец.

И сон опять покидал Хасанали.

– Мне уже шестьдесят четыре года, – думал он, – а ни сына, ни дочери нет у меня. Так и проживу на свете бездетным… Но разве Атабек не заменяет мне сына, а жена его – дочь? Дети их будут называть меня «дедушкой» и бегать за мной. И ежели обо мне, забытом всеми, под землей, вспомнят с добром: «Был у нас когда-то дедушка Хасанали…» – с меня и этого достаточно!

Ночи были длинны, и Хасанали томительно дожидался рассвета; ему не терпе-лось поскорее обрадовать Атабека, а мысли об этом мешали спать. Так, в состоянии полудрёмы, подошли те часы, те заветные утренние мгновения, когда можно было преподнести сладкую весть.

После утреннего чаепития Хасанали вернулся в свою комнату, держа под мышкой сверток, и сел напротив бека. Ему не терпелось выкорчевать из сознания Атабека ростки гнетущего молчания и тоски, а вместо них посеять семена цветов и орошать их водицей надежды.

– Поздравляю вас, – сказал он.

Атабек изумлённо, не понимая, взглянул на Хасанали. Улыбаясь, старик положил подле сандала нарядный парчовый халат.

– Что это за халат? – спросил бек.

– Я ведь говорю: поздравляю вас!

– С чем это вы поздравляете?

– Вас с невинной и любимой супругой и таким тестем, как кутидор, а Хасанали – с невесткой.

С Атабеком вдруг произошло странное: он задрожал, глаза его широко раскры-лись и, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Неестественно присев, он спросил:

– Что вы хотите этим сказать?

– Незачем спрашивать, что я хочу сказать, – улыбнулся Хасанали, – поверьте тому, что я уже сказал. Я решил женить вас на дочери кутидора и этой же ночью вместе с Зия-шахичи выполнил своё решение… то есть мы сосватали за вас дочь кутидора.

Атабек совсем растерялся и быстро переспросил:

– А какую дочь?

– Единственную дочь кутидора, – ответил Хасанали. – Не волнуйтесь, бек. Зия-шахичи обещал прийти после утреннего чая, нам ещё предстоит обсудить предсва-дебные приготовления.

Лицо молодого человека выражало смесь радости и растерянности. Атабек не протестовал, но радости от сообщения не испытывал.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Проснувшись утром, Кумуш сразу заметила, что в доме происходит что-то необычное:

– Кажется, этой ночью всем приснилась свадьба…

Говорят о покупке пуховых подушек, шьют новые одеяла, обсуждают одежду будущего зятя. Офтоб-аим приказывает мужу приобрести для жениха золотой пояс… И впору диву даваться: о каком зяте идёт речь? Кого собираются выдавать замуж, разве у родителей есть ещё дочь, кроме меня? Одна я – значит, меня, Кумуш, выдают замуж. Всё это кажется очень мудрёным.

– Кто выходит замуж? – спросила она.

– Кумуш.

– А нравится ли Кумуш жених? Сначала нужно спросить, верно?

– Незачем спрашивать, да и сообщать тебе не о чем.

– Почему?

– Таков обычай. Кумуш обязана согласиться и выйти за того, кого выбрали родители.

Лишь последняя фраза Тойбеки помогла Кумуш понять, кого ей прочат в мужья:

– Вот, юная госпожа, ты не ценишь свою тётку Тойбеку, – улыбаясь, начала служанка. – А я, ей-богу, провидица. Только скажу или даже подумаю – ангелы тут же произносят «аминь». Помнишь, давеча я расхваливала одного молодого гостя, и ты тогда рассердилась… А вот замуж выдают тебя именно за него. Теперь будешь доверять мне свои тайны, госпожа!

Слёзы набежали на глаза Кумуш, орося ресницы.

– Не плачь, моя госпожа! – успокаивала её Тойбека. – Мужчины в таких случаях смеются, а девушки, подобные вам, плачут. Раз плачете – значит, радуетесь… Я тоже слёзы лила, когда меня замуж выдавали, а в душе дождаться дня свадьбы не могла.

– Ах, оставьте, тётушка, терпению моему пришёл конец, не говорите ничего больше! – запричитала Кумуш.

– Уже молчу! – сказала Тойбека. – Скажу лишь главное… Ох, взглянула бы ты хоть разок на своего жениха! И убедилась бы сама, до чего же он красив и умён, моя госпожа. Звёзды ваши сошлись. Не скажешь, кто лучше – оба несравненно хороши.

Кумуш-биби больше не выдержала и испуганно вскрикнула:

– Ой, умру я сейчас, замолчите!

На крик Кумуш вбежали Офтоб-аим и бабушка Айша.

– Что стряслось? Что случилось? – взволнованно спросили они.

Увидев мать и бабушку, Кумуш натянула на голову одеяло, покрывавшее сандал, и легла.

Тойбека совсем перепугалась:

– Я начала было говорить о её суженом, а она вдруг рассердилась на меня.

Офтоб-аим накинулась на Тойбеку:

– Вот глупая, ты же смутила Кумуш! Очень тебе нужно во всё вмешиваться. Иди отсюда, занимайся своим делом.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Кумуш, расценив своё поведение как обычное смущение, просидела так довольно долго. Затем, вздохнув, отняла руку от лица и осмотрелась, словно кого-то искала взглядом, словно кого-то ждала…

– Берег арыка, таинственный берег арыка! – тихо прошептала она.

Глазами, полными слёз, Кумуш уставилась на воду, затем её изящные ноги сами понесли девушку к берегу. Она перепрыгнула через арык и присела на корточки в известном нам месте, зачерпнула воду рукой и брызнула себе в лицо. Потом тихонько посмотрела в сторону улицы и вновь стала изучать течение воды. Никто не знает, что чувствует Кумуш, о чём она мечтает – всё это ведомо одному лишь арыку… Будто таинственный арык говорит ей о чём-то, внемлет ей, ведь никто со стороны не подозревает о их беседе и не имеет возможности это узнать.

Водой волшебного арыка она ещё не раз смывала жемчужные капли слёз. А когда ей полегчало, взгляд её посветлел, и, успокоившись, она неторопливо пошла обратно в ичкари.

Мать и бабушка ушли к себе и снова принялись ворошить содержимое сундуков, продолжая приготовления к свадьбе. Кумуш некоторое время пролежала, завернувшись в одеяло. Затем встала и юркнула на мужскую половину двора. От долгого плача у неё покраснели глаза, припухли веки, изменилась мимика, но даже это не могло затмить её красоту и обаяние – напротив, девушка казалась ещё прелестнее. Она забилась в угол террасы, склонила голову и подперла лицо правой рукой. Так просидела довольно долго, потом, вздохнув, отняла руку от лица и осмотрелась, словно кого-то ждала.

Ночь была так темна, что казалось, она хотела скрыть предстоящую встречу Атабека с Хамидом. И мрак покрывал всё вокруг – кому из них пробьёт в эту ночь последний час? Воображение Атабека рисовало картину схватки, и он готовился к ней, тогда как мысли Хамида были заняты совершенно иным: он вдыхал аромат райского цветка, предвкушая прогулку в цветнике.

Узкий, шириной в шесть пядей, бесконечно длинный переулок упирался в маленькую калитку. В промежутке между намазами «шам» и «хуфтан» на его начале появился Атабек, незаметно осматривавшийся вокруг. На улицах уже никого не было, не слышно было шагов. Всё же Атабек внимательно всматривался в подворотни и проломы дувалов, проверяя крыши домов, и, убедившись, что рядом нет никого, осторожно пошёл по узкому переулку. На середине пути он оглянулся, чтобы убедиться, что за ним никто не следит. Дойдя до маленькой калитки, он вновь оглянулся, постоял, подумал и, осторожно приподнявшись, через пролом в дувале стал осматривать участок.

Хотя в дверях калитки не было ни замка, ни засовов, она была лишь прикрыта – Атабек не вошёл внутрь, а взобрался на дувал. После намаза «шам» стало темно, но луна уже достаточно высоко поднялась, и пустая площадка двора хорошо просматривалась. Убедившись, что там никого нет, Атабек спустился на землю и направился во двор.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Двор занимал около двух танапов земли и представлял собой тыльную стену домов кутидора и его соседа, с трёх других сторон к нему примыкали чужие строения. Летом здесь, очевидно, был огород, всюду тянулись глубокие грядки. Земля, размокшая от дождей, не позволяла идти свободно, и каждый раз, переставляя ноги, Атабек натыкался на тяжёлые комья грязи. С трудом перебравшись на южную сторону участка, он подошёл к задней стене дома кутидора, где темнел пролом величиной с циновку.

Так как вчерашней ночью Атабек уже был здесь и видел подкоп, он не стал осматривать его. Но пройти равнодушно мимо он не мог. Там, за проломом в стене, была комната Кумуш; память бека хранила сладкие воспоминания о минувших счастливых часах, проведённых в этой комнате. И сейчас там сидела Кумуш – единственная его опора в жизни. Атабек не мог оторвать взгляд от дома, словно прощаясь навсегда со своим ангелом.

Потом он достал из кармана подготовленное письмо, задумчиво разгладил его и снова спрятал. Ещё раз пристально взглянув на дом, он отошёл в западную сторону двора на пятнадцать шагов к яме, образовавшейся, очевидно, от того, что здесь брали глину для заливки крыши. Вчера Атабек заметил её. Он спустился в яму и прилёг, заложив руки под голову. Хоть яма была совсем близко от дома, под который велся подкоп, тень строений и темнота ночи делали её надежным укрытием.

Настала полночь. Те, кто легли спать рано, успели уже увидеть десятый сон. Наконец открылась калитка, и в неё один за другим вошли два человека. Увидев их, Атабек вынул из ножен кинжал и приник к земле… Две тени безмолвно приблизились к пролому в стене дома и остановились. Это были Садык и Мутал. Атабек, словно кот на охоте, наблюдал за ними.

Остановившись, Садык шёпотом спросил:

– Много ещё копать?

– Думаю, самая малость осталась, – ответил Мутал, – уже примерно аршин вырыт в глубь глинобитного слоя стены.

Мутал говорил почти во весь голос, и Садык перебил его:

– Потише, ты!

Снимая тешу с пояса, Мутал ответил:

– Трусишь? Погоди, может, я ещё песню запою!

– Не дури, Мутал-ака! Я тебе нужен здесь? – строго спросил Садык.

– Хочешь – будь здесь, хочешь – нет, дело твоё, – сказал Мутал.

Пролезши в дыру, Мутал стал копать.

– Не ударяй тешой так сильно! – сказал Садык.

– Не учи меня, сам знаю! – огрызнулся Мутал.

Садыка беспокоила неосторожность Мутала. Он постоял, посмотрел на работу Мутала и сказал:

– Пойду постою у калитки… Когда пробьёшь стену, свистни.

– Ладно! А куда же запропастился твой женишок Хамид? – поинтересовался Мутал.

– Сторожит, наверно, на углу улицы. Когда свистнешь, его тоже позвать?

– Зови! – ответил Мутал, и комья земли с шумом посыпались из пролома.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Садык отошёл к калитке. Атабек поднял голову и тихо пополз к Муталу. Тот был занят, усердно выбрасывая землю наружу. Вдруг кто-то схватил его за руки под мышками и, словно тисками, сжал горло. Мутал был силён, но Атабек – сильнее. Мутал пытался вырваться, но в левый бок ему вонзился острый кинжал. Он ещё сопротивлялся, но сильные руки всё крепче сжимали его горло.

После недолгой борьбы Мутал ослабел, перестал сопротивляться, вздрогнул несколько раз и затих. Атабек осторожно поволок его к яме, где сам прятался, разжал пальцы на горле и столкнул вниз. Голова Мутала упала в грязь, и он больше не шевельнулся.

Атабек снова подошёл к дому и свистнул. Услышав ответный свист от калитки, он скрылся в проломе.

Подошёл Садык, стоя поодаль, тихо спросил:

– Проломил, Мутал?

– Проломил. Иди сюда!

Садык приблизился к пролому и наклонился, чтобы пролезть, но внезапно кто-то схватил его за горло, и кинжал вонзился в живот. Он успел взмахнуть рукой, держащей кинжал, но ударить не успел. Атабек выскочил из пролома и всем телом навалился на Садыка. Он почувствовал боль в теле: левая рука сжимала горло врага, правая с кинжалом ломала руку Садыка. Напрягшись, Атабек вновь со всей силой сжал горло. Садык хрипел, но не выпускал кинжал.

От калитки уже показался Хамид. Нельзя было терять ни минуты. Атабек отодвинулся, освободил руку и всадил кинжал в грудь Садыку. Тот пытался ударить раз-другой, но кинжал выпал из рук.

– Ты так предан своему Хамиду-ака, Садык, что готов отдать душу за него! – сказал Атабек.

Садык застонал.

– Кто тут хрипит? – спросил, подходя, Хамид.

– Скорее, Хамид-ака! Мы тут Атабека убили! – торопливо сказал Атабек.

Хамид вскрикнул и подошёл к подкопу. Оставив Садыка, Атабек схватил его за руку, в которой был кинжал.

– Мутал подох. И Садык умирает. Остались лишь мы с вами – двое!

Хамид пытался вырваться, но Атабек строго сказал:

– Погодите, Хамидбай, сейчас отпущу вашу руку, но скажу два слова!

– Если ты не трус, отпусти мою руку! – рвался Хамид.

– Не торопись, сейчас отпущу! – гневно ответил Атабек.

В эту минуту Садык шевельнулся, пытаясь подняться, и Атабек оттащил его в сторону. Хамид упирался, но шёл за ним. Рукой с кинжалом Атабек показал на дыру в стене и сказал:

– Там, за стеной, спит создание, доставившее вам столько хлопот, заставившее истратить столько золота и, наконец, приведшее вас сюда. Если не принимать во внимание поддельного письма о разводе, которое вы написали, эта женщина – моя законная жена, из-за которой я два года скитаюсь, как бесприютный. Именно из-за

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

неё между вами и мной смертельная борьба. До сих пор удача была на вашей стороне: вы привели меня на виселицу, передали в руки Мусульманкула, а когда из этого ничего не вышло, с помощью поддельного письма разлучили меня с женой и убили ни в чём не повинного человека. В конце концов вы вступили на путь разбоя и погубили двух преданных слуг, с которыми мне пришлось биться насмерть. Теперь скажите: правы ли вы в своих злодеяниях?

– Был прав! – хрипло сказал Хамид и рванулся, освободив руку с кинжалом. Но тут же упал навзничь, потому что Атабек вонзил нож в живот и распорол его.

Хамид лежал на земле, а Атабек, наблюдавший за ним в пяти шагах, зло переспросил:

– Значит, был вправе?..

Собрав последние силы, Хамид пробормотал:

– Был вправе! – и швырнул кинжал в Атабека. Кинжал упал к его ногам.

Он уже направился от бойни к калитке, как услышал предсмертный хрип Садыка, лежавшего в пяти-шести шагах. С отвращением Атабек покинул это страшное место.

Исследовательское задание

1. Найдите информацию о жизни людей в Бухаре и Ферганской долине в конце XIX – начале XX века (семья, традиции, суды, социальные отношения).
2. Сравните исторические реалии с событиями текста. Как решались конфликты между людьми? Как автор через поступки героев показывает мораль и справедливость?

Творческое задание

Представьте, что Атабек живёт в современном городе Узбекистана. Какие качества его характера проявились бы в сложной жизненной ситуации? Напишите рассказ от имени Атабека, показав его поступки и решения. Объём: 5–10 предложений.

Через дней десять после возвращения Атабека из Маргилана он получил письмо от уста Алима. В нём мастер подробно описывал своё свидание с кутидором: «Как вы обижались на вашего тестя, пока не узнали о предательстве, так и он был обижен на вас. Ему казалось, что вы насмеялись над ним и его дочерью, и он думал, что никогда не простит вам этого оскорбления. Узнав же от меня правду, он едва не лишился чувств. О том, что произошло в ичкари, не могу сообщить точно, но догадываюсь, что и женщины впали в такое же состояние, как ваш тесть. А он сам не мог представить всю тяжесть перенесённого вами испытания и не находил слов, чтобы по достоинству оценить отпор, который вы дали своим врагам. Во всяком случае,

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

можете быть уверены: теперь все обиды и недоразумения исчезли вместе с вашим соперником».

В письме были и такие строки: «Ваш тесть спросил меня, где вы сейчас находитесь. Я сказал всё, что знал. Он спросил, приедете ли вы сюда, но я дал такой же неопределённый ответ, какой получил от вас. Думается мне, если не зимой, то весной они сами приедут в Ташкент».

В конце письма была приписка: «Хамид умер на другой день после вашего отъезда. Эта дикая свинья сдохла, не произнеся ни слова. Я боялся, чтобы он вас не выдал. Кутидору обвинений не предъявляли, так как родичи убитых ничего подозрительного не заметили, и дело не стали расследовать. Мне кажется, хотя никто не знает вашей тайны, мать Садыка о чём-то догадывается. Но и она молчит, а когда её спрашивают, говорит: «Пусть бог их накажет». Думая, что от этой женщины можно ждать всего худшего, я предупредил вашего тестя, чтобы они не допускали к себе чужих женщин и не ели ничего, доставленного со стороны. С дурными людьми всегда нужно быть настороже».

После этого из Маргилана около двух месяцев не было вестей. Атабек жил словно в тумане, не зная, принесёт ему завтрашний день радость или горе. Временами он оживал, окрылённый надеждой, а затем снова впадал в мрачную задумчивость. Порой, охваченный ласковым объятием надежды, застывал в плену грёз: вдруг чудилось ему – вот как луна выглянет из-за крыши, вот-вот в ворота войдёт та единственная, в жёлтом или чёрном атласном платье, с чачваном в руке, а в глазах – немой укор…

Иной раз ему казалось, что слышит такие слова:

– Значит, ты ездил в Маргилан только для того, чтобы расправиться с врагами, а как свёл счёты – и пропал без вести? Что ж, если найдётся хороший жених, может, выдать Кумуш замуж, чтобы её жизнь не проходила в одиночестве…

От таких мыслей Атабека бросало в жар, сомнения раздирали душу: «Почему два года я ездил туда-сюда, а когда добился своего, сижу здесь, как дурак?» – думал он и был готов отправиться в Маргилан. Но ехать сейчас – не входило в его расчёты. «Раз я уехал, зачем теперь вернуться, что скажу? Я ждал, что вы сами привезёте дочь в Ташкент. Но вы не привезли её, и вот я сам явился – это что ли им скажу?» Так проходили дни Атабека.

Узбек-аим тихо радовалась: сын, который месяца не мог прожить, чтобы не съездить в Маргилан, теперь уже три месяца не двигается с места. Даже о Маргилане говорить перестал. «Видно, последнее колдовство подействовало. Теперь только бы перестал спать один в михманхане и прижался к жене! Во всяком случае, надо продолжать ворожбу», – думала она и заставляла Зайнаб ходить к гадальщикам и колдунам.

Так как Атабек совсем забросил торговые дела, Хасанали оказался свободен. Он вложил немного капитала и с разрешения хаджи открыл небольшую бакалейную лавочку на гузаре. Атабек много времени проводил за книгами в михманхане. Когда чтение надоедало, он шёл к Хасанали; если и там было скучно – отправлялся куда глаза глядят, бродил по берегу Салара, заходил в Чукур-кишлак. Правда, теперь он не напивался, ограничиваясь несколькими, от силы четырьмя чашками бузы,

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

и возвращался чуть под хмельком, забывшись от мучивших его дум. Но даже немного развеявшись, он не мог скрыть состояния от чуткого Хасанали.

Позавчера он ездил в Чукур-кишлак, вернулся незадолго перед часом предзакатной молитвы и в задумчивости остановился на гузаре у лавки Хасанали. Конные и пешие жители сновали по улице, а Атабек, будучи ныне более под хмельком, смутно различал их силуэты.

Хасанали, взглянув на него разок-другой, испытывающе спросил:

– Почему вы так долго не едете в Маргилан?

Этот вопрос словно сразу отрезвил Атабека, и он широко раскрыл глаза:

– Нет охоты…

– Если б ваш тесть согласился, лучше привезти сюда жену, чем ездить туда-сюда.

– Как знать…

Раньше ему было трудно говорить неправду о Кумуш; хотелось рассказать всё, пожаловаться: «Ты причина, что я женился на ней, а теперь меня разлучили с возлюбленной». Сейчас же он не смутился и не огорчился. Мысль пришла ему: если сам он не хочет ехать, можно послать Хасанали в Маргилан. Эта идея прочно засела в голове, и хмель покинул его.

Хасанали закрыл лавку, они пошли домой, вместе поели в михманхане. За ужином Атабек продолжал думать о том же, но к решению не пришёл. С сомнениями он начал разбираться, что происходит в Маргилане: «Может, они опять раздумали? Стоит ли послать кого-то, не узнав точно?»

Погода прояснилась. Весенние тучи, два дня поливавшие землю дождём, рассеялись, и солнце с улыбкой озарило округу. Воробьи чирикали, горлинки ворковали, на соседнем тополе иволги совещались, где удобнее свить гнездо. Теленок с белой отметиной на лбу бежал за матерью. Голубь на крыше, защищая самку, надул зоб и кружил боком-боком. Казалось, вся вселенная была в хорошем настроении, словно после приятного сна.

Чудесное весеннее утро пробудило чувства Атабека. Он быстро позавтракал и вместе с Хасанали направился к гузару. Сосед Хасанали, молодой человек по имени Али, лениво подымал ставни своей лавки. Увидев Атабека, он остановился и спросил:

– Вы нынче свободны, бек-ака?

– Свободен.

– Если свободны, не съездить ли нам на кумыс в Мингурюк? Там Тула-казах пустил кобыл на джайляу.

– А как же лавка?

Али поставил на место снятую ставню:

– Э, разве когда-нибудь все дела переделаешь на этом свете, бек-ака? Если согласны идти со мной – закрою лавку, и отправимся!

Атабек прищурился на сверкающее солнце:

– Закрывайте лавку!

Часто бывая в лавке Хасанали, Атабек познакомился с Али. Это был простодушный, весёлый парень открытого нрава, который держался с беком так, будто они знали друг друга много лет.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Предложение Али оказалось очень кстати: Атабек, выйдя из дому, сам мечтал провести день за городом. Они купили мяса и пешком отправились на Мингурюк.

Уже само название «Мингурюк» говорило о том, что это был обширный сад с тысячью урючин, ряды которых тянулись от арыка Чаули до канала Салар. За Саларом начиналась бескрайняя холмистая степь, только-только покрывшаяся ковром молодой зелени. На берегу канала стояло несколько казахских юрт. Вдвоём они вышли на берег Салара. Мясо отдали молодухе Тула-казаха, чтобы она приготовила им шурпу.

Али вынес из юрты кошму и постелил её на берегу Салара. Невестка-молодуха принесла одеяла и подушки. Атабек с наслаждением растянулся на кошме. Солнце ласково пригревало, лёгкий ветерок был наполнен ароматами трав. Несколько ласточек летали низко над водой, славя весну своим пением «вал-фаджр».

Покрытые свежей зеленью холмы необъятной степи и низины вдали скрывались в туманной дымке. Пение птиц и стрёкот кузнечиков звучали как музыка саз, вызывая в человеке неясные чувства, которые трудно передать словами.

Атабек любовался открывшейся перед ним картиной и глубоко вздохнул, подумав: «Если бы здесь была она!»

Али тоже был под впечатлением красоты весеннего дня, безуспешно стараясь скрыть распирающее его изнутри волнение.

– Какой чудесный день! – воскликнул он.

Атабек слегка нахмурился, и в голосе его прозвучала тихая жалоба на тоску, мешавшую наслаждаться красотой вокруг.

– Как было бы прекрасно, если бы в такой чудесный день на душе не лежала никакая тяжесть…

– Неужели и вам есть о чём горевать? – улыбнулся Али, стараясь разрядить лёгкую грусть друга.

– А вы думаете, нет?

– У всех может быть что-то, а у вас, мне кажется, нет.

– Что вы имеете в виду?

– Ну как же, – улыбнулся Али, – авторитету вашего отца может позавидовать сам кушбеги, а насчёт богатства – тоже не скажешь, что вы голодали. Две красавицы-жены расчёсывают свои косы для бека. Чего же вам ещё не хватает?

Такой простой взгляд на человеческое счастье показался Атабеку наивным, и он усмехнулся:

– Ваша правда!

– Всевышнего нужно благодарить, бек-ака! – сказал Али и стал жаловаться, что ему едва хватает на пропитание и он до сих пор не может жениться. Атабек сочувственно слушал его жалобы и думал о том, что жизнь наносит удары каждому по мере его положения, но не милует никого.

– Увы, так устроен мир, мулла Али! – утешал он. Оба на некоторое время погрузились в молчание.

– От маргиланской жены у вас уже, наверное, есть дети?

– Нет…

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Ведь вы уже несколько лет как женаты… Не живут, что ли?

– Не живут…

Али подумал, что Атабек печалится из-за отсутствия детей.

– Не надо огорчаться, бек-ака, вы ещё молоды.

Атабек не ответил. Принесли кумыс в большой деревянной чашке – корсоне, и раскрашенные клеевые чашки поменьше – заранги. Бек выпил пару чашек кумыса и, растянувшись на кошме, снова загляделся в небо.

Али затянул песню:

Глаза устремлены на пыльную дорогу.
О, милая, скорей приди, рассей тревогу.
Какой разбойник преградил твой путь?
О новой встрече здесь молюсь я Богу.

Джайляу *– выпас, летовка.*

Саз *– струнный музыкальный инструмент.*

– Что ж вы не подпеваете, бек-ака?

– Вы и один хорошо поёте, продолжайте!

Али пропел газель до конца, во весь свой голос.

– Ну как вам моё пение, бек-ака?

– Вы, оказывается, хороший певец!

– А раз так, выпейте-ка ещё! – сказал Али, со смехом протягивая ему чашку-заранг с кумысом.

Бек залпом опорожнил её и надолго уставился в далёкую степь, вполголоса проговаривая строки волнующей газели:

Глаза устремлены на пыльную дорогу.
О, милая, скорей приди, рассей тревогу.

– Нет ли каких-нибудь вестей о вояках, ушедших из Ташкента в Коканд, бек-ака?

Атабек, словно очнувшись от мыслей, взглянул на Али:

– Нет, не слыхал.

– Мой старший брат тоже ушёл с отрядом… Лишь бы вернулись благополучно!

– Разве ваш брат воин?

– Нет, он просто хороший стрелок. Больно загорелся поехать вместе с товарищами, которые отправились в Коканд. И отговорить его никак не удалось. Нет ли вероятности войны, или они просто поехали на поклон к молодому хану, чествовать его с победой? Как вы думаете, бек-ака?

– Кто знает? – сказал бек и, подумав, добавил: – Не должно быть войны…

Кумыс допит, шурпа съедена. Поблагодарив молодую хозяйку, убиравшую дастархан, они прочитали благодарственную молитву с пожеланием ей сыночка, дали ей тридцать пулов на сурьму и отправились в степь – прогуляться и собрать фиалки.

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

Давайте обсудим

1. Как изменилось отношение тестя Атабека к нему по окончании разговора?
2. Что случилось с Хамидом после отъезда Атабека?
3. Почему, получив письмо, Атабек живёт «как в тумане»?

Творческое задание

«Исторический контекст судьбы Атабека»

№	Элемент анализа	Вопрос	Форма ответа
1	Историче-ская эпоха	В каком историческом периоде происходят события романа? Каковы отношения между Ташкентом и Кокандом в то время?	Приведите исторические факты (2–3 предложения)
2	Социальное устройство	Какой образ жизни ведут герои (Атабек, его родители, Хасанали)? Что это говорит о сословиях и традициях эпохи?	Сопоставьте с историческими данными об укладе жизни горожан XIX века
3	Быт и культура	Какие детали в эпизоде показывают традиции и быт узбеков XIX века (например, кумыс, юрта, дастархан, песни, колдовство)?	Составьте список из 5 элементов
4	Мировоз-зрение героев	Сравните взгляды Атабека и Али: кто ближе к «новому времени», а кто – к традиционному миру?	Ответ в форме: «Атабек – …, Али – …»
5	Песня как символ эпохи	Почему песня «Глаза устремлены на пыльную дорогу…» могла быть близка чувствам людей XIX века?	Интерпретация (2–3 предложения)
6	Историчес-кая оценка	Как роман помогает понять нравственные и социальные проблемы узбекского общества XIX века?	Итоговый вывод (эссе из 5–6 предложений)

После такого ответа хаджи несколько успокоился, провёл ладонями по лицу в молитве, поднялся и, достав из кармана письмо, передал его Атабеку:

– Вот, – сказал он, – письмо от твоей жены, наверное.

Атабек взял письмо и стал ожидать, пока отец покинет помещение. Оно было сложено восемь раз, прошито в нескольких местах красной шёлковой ниткой и адресовано Атабеку. Он не вскрывал его сразу, сердце дрожало, как у загнанной лошади. Наконец, разорвав нитки, он развернул письмо и жадно начал читать:

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

«Как Зулейха, потерявшая покой из-за страсти к Юсуфу, как Лейли, рыдающая от любви к Меджнуну, я шлю вам бессчётные, как волосы моих кос, приветы! Моё дело каяться, а ваше – прощать. Говорят: кто старое помянет, тому глаз вон. Для меня вспоминать те чёрные дни, что пришлось пережить за эти два года, – всё равно, что заново их пережить, поэтому вы, как хотите, забудьте или не забывайте, а я их забыла. Я хочу вспоминать только начиная с того дня, от которого веет на меня ароматом счастья.

Вы – беглец. Вы наспех написали мне несколько строк и сбежали. Значит, я верно истолковала ваши приезды в Маргилан за эти два года: вы приезжали, волновались и хлопотали только для того, чтобы отомстить врагам, иначе вы повидались бы со мной. Если у вас самого не было желания видеть меня, пусть хоть я насмотрелась бы досыта! Видно, уж такая я несчастная, что надоела вам, и не удивительно, что вы стали избегать меня. Что ж, бегите, но я отныне опоясала крепко стан свой, чтобы догнать неких беглецов. На днях, в сопровождении отца моего и матери, я отправлюсь к вам – служить вам и быть вашей рабой! Наконец узнаю, чего стою в сравнении с вашей любимицей!.. Вы благородны: из уважения к нашей прежней любви вы, хоть из учтивости, взглянете на меня, улыбнётесь и осчастливите бедную!

Только я боюсь, как бы не обидела меня ваша любимица – младшая жена. Когда получите это письмо, в первый же счастливый час наедине с ней, ради Бога, возьмите с неё обещание не смотреть на меня как на соперницу… Я готова быть служанкой вам и вашей возлюбленной. Мне бы только видеть моего Атабека! Под конец признаюсь: в душе моей живёт постоянный страх – не прогонят ли меня от ворот в отместку за то, что было. Но если Бог милостив и я благополучно поселюсь у вас, уж знаю, что делать дальше. Ах, как далёк день отъезда! И дорога длинна, как жизнь…

3-го хамала[5]. Маргилан. Писала ваша Кумуш».

Радость переполнила грудь Атабека. Он улыбался, почти теряя сознание. Прочитав письмо ещё раз, он обрадовался ещё сильнее. Но вдруг невольно вспомнил вчерашний день – картины побоища всплыли перед глазами. Он вздрогнул, словно вновь увидел мёртвые тела, торопливо сложил письмо, спрятав его в карман, вскочил и вышел из дома.

[5] 3-го хамала – соответствует приблизительно 7 марта.

RESPUBLIKA MARKAZI

Побродив по улице, Атабек словно забылся, но затем вернулся домой и, прислонившись к окошку михманханы, снова стал перечитывать письмо. На этот раз радость не приходила: смысл письма обернулся иначе, как тень соболезнования на слова Кумуш:

«Только я боюсь, как бы не обидела меня ваша любимица – младшая жена…»

Он удивился, как мог радоваться только что. Эти слова таили тоску, предчувствие будущей беспокойной жизни, которая теперь казалась вполне вероятной.

Хотя Атабек и не опасался Зайнаб – соперницы, как писала Кумуш, мысли о матери затуманили ему разум. Не его ли родная мать лишила его самых драгоценных дней жизни? Не она ли заставила два года скитаться по опасным дорогам судьбы, идти на убийство? Не её ли прихоть развязала руки соперникам?

Это она, перевернув город в поисках красивой невесты, нашла достойную, по её мнению, красавицу и умницу, устроила свадьбу, праздник, и, радуясь исполнению желания, с гордостью поднесла ему: «Вот она, какой должна быть жена». Как же теперь встретить маргиланскую пери, которая явится назло её любимице?

Кумуш боялась только соперницы, а у Атабека опасения по поводу матери затуманили разум.

Давайте обсудим

1. Какие эмоции выражает Кумуш в письме? Приведите конкретные цитаты.
2. Как влияние матери Атабека отражается на его поведении и мыслях?
3. Какие сравнения и метафоры, приведённые в письме, помогают понять чувства героини?
4. Если бы вы снимали этот эпизод как фильм, какой момент письма вы бы показали на экране первым и почему?

Творческое задание

Представьте, что вы – Атабек. Напишите ответ на письмо Кумуш (8–10 предложений), в котором отразите его чувства, сомнения и внутренний конфликт.

Практическое задание

Герой	Его поступки	Что символизирует	Авторская оценка
Атабек			
Кумуш			
Зайнаб			

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ (1883–1945)

Алексей Николаевич Толстой – русский писатель, драматург, публицист. Один из крупнейших мастеров исторического романа XX века. Роман «Пётр Первый» стал вершиной исторической прозы писателя. Работа над ним продолжалась более десяти лет. Толстой стремился показать эпоху реформ Петра I как переломный момент в судьбе России, когда страна вступала в новую эпоху государственного, культурного и духовного развития.

Давайте поговорим

1. Что вы знаете о реформаторской деятельности Петра I?
2. Почему исторические личности вызывают интерес у писателей и художников?
3. Какие произведения о Петре I вы уже встречали в литературе или кино?

Подготовка к встрече с текстом

Роман «Пётр Первый»

Роман А.Н. Толстого «Пётр Первый» охватывает события конца XVII – начала XVIII века, когда Россия вступает в период масштабных реформ, затрагивающих государственное управление, армию, промышленность, образование и быт. Опираясь на исторические источники, писатель стремился показать не только хронику событий, но и внутреннюю драму личности, её борьбу, сомнения и духовное возрождение.

В романе прослеживается жизнь Петра с детских лет и до зрелой поры государственного деятеля. После смерти царя Фёдора Алексеевича российский престол переходит к сестре Петра – Софье. Писатель с большим художественным мастерством погружает читателя в беспокойную жизнь царских палат, полную интриг и опасностей, показывает сильные и слабые стороны близких к верхушке власти людей,

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

их характеры, страсти, воссоздаёт панораму исторических событий конца XVII века на основе многих документальных источников.

Бесславный Крымский поход обрёк Россию на нищету. Василий Голицын не смог пройти с войсками по выжженной степи и вернулся в Москву. Софья пыталась избавиться от младшего брата, но Петра предупредили, и он укрылся в Троице. Стрельцы постепенно перешли на сторону Петра. Юный царевич одержал победу над Софьей, судьба которой была решена: её без особого шума ночью перевезли из Кремля в Новодевичий монастырь. Сторонникам опальной царицы отрубили головы. Так, жестоко и безжалостно расправившись с врагами, Пётр стал царём.

В основу композиции произведения наряду с движением «большой истории» положено развитие характера Петра, его мужание. Писатель шаг за шагом показывает постепенное превращение непослушного, настойчивого, горячего мальчика, «волчонка», по словам царевны Софьи, в непреклонного правителя, грозного военачальника, дипломата и политического деятеля.

Рядом с крупными историческими деятелями в романе выведены простые люди из народа. Для воспроизведения исторического колорита автор не жалеет красочных бытовых деталей. Действие романа переносится из дворца в курную избу, из боярской усадьбы со слюдяными окошечками в дымный кабак, из Успенского собора в царский розыск и т.д.

В романе большое внимание уделяется деятельности Петра по созданию армии, флота, развитию новых культурных традиций. По его указу создаются школы европейского типа, зеркальные танцевальные залы, вводится европейский этикет. Велики природные богатства России, Пётр использует знания и опыт западных советников для приумножения экономической мощи страны. Чтобы вести достаточно прибыльную торговлю с зарубежными странами, необходим был выход к морям. Его советником становится Лефорт. В феврале 1695 года войска Петра двинулись в Крым, к турецкой крепости Азов. Писатель подчёркивает, что первый азовский поход окончился бесславно, но Пётр был упрям: к весне отстроили флот и взяли Азов. Пётр строит крепость Таганрог как символ своей победы. Несколько идеализированный царь раз за разом демонстрирует волю, энергию, любознательность и упорный характер; он бьётся за свои решения, часто не исполняемые лукавыми и ленивыми приближёнными. Чувства и жизни отдельных людей щедро приносятся в жертву ради триумфа государственных интересов.

В романе очень подробно описаны поездки царя за границу, стрелецкий бунт. Жестокость царя выражена одной фразой писателя: «Ужасом была охвачена вся страна». Толстой чрезвычайно натуралистически описывает пытки, экзекуции, казни.

В романе исторические факты искусно сочетаются с художественным вымыслом, описание батальных сцен перемежается с описанием семейных неурядиц, причём персонажи попадают из одной экстремальной ситуации в другую. У Петра умерла мать, он опечален её кончиной, но жена не захотела его утешить, а только подчеркнула, что покойница её не любила. Это и определит её участь в дальнейшем.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Пётр всегда в действии, полон энергии, решителен и непреклонен в своих преобразованиях. Теперь он правит Россией и без консультаций Лефорта. Лефорт умер, а Пётр вступил в войну со шведами и победил.

Петровское время – значительный период в жизни России. С именем Петра связаны многие военные победы, появление школ, открытие библиотек, театров, выход первой газеты «Ведомости», основание Петербурга. В романе А.Н. Толстого фигура Петра предстаёт во всей своей противоречивости и сложности, с его и благими, и тёмными деяниями.

Давайте поговорим

1. Что вы знаете о детстве и юности Петра I?
2. Какие черты характера могли помочь ему стать великим реформатором?
3. Какие литературные приёмы использует писатель, отображая эволюцию личности персонажа в художественном произведении?

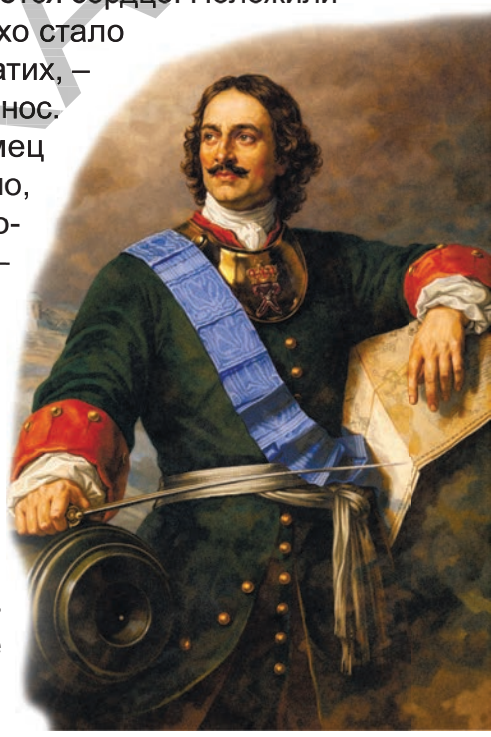
ПЁТР ПЕРВЫЙ

(отрывок из романа)

В низкой, жарко натопленной палате лампады озаряли низкий свод и тёмную роспись на нём: райских птиц, завитки трав.

Под тёмными ликами образов, на широкой лавке, уйдя хилым телом в лебяжьи перины, умирал царь Фёдор Алексеевич.

Ждали этого давно: у царя была цинга и пухли ноги. Сегодня он не мог стоять заутрени, присел на стульчик, да и свалился. Кинулись – едва бьётся сердце. Положили под образа. От воды у него ноги раздуло, как брёвна, и брюхо стало пухнуть. Вызвали немца-лекаря. Он выпустил воду, и царь затих, – стал тихо отходить. Потемнели глазные впадины, заострился нос. Одно время он что-то шептал, не могли понять – что? Немец нагнулся к его бескровным устам: Фёдор Алексеевич невнятно, одним дуновением произносил по-латыни вирши. Лекарю почудился в царском шёпоте стих Овидия… На смертном одре – Овидия? Несомненно, царь был без памяти…

Сейчас даже его дыхания не было слышно. У заиндевелого окна, где в круглых стёклышках играл лунный свет, – сидел на раскладном итальянском стуле патриарх Иоаким, суровый и восковой, в чёрной мантии и клобуке с белым восьмиконечным крестом, сидел согбенно и неподвижно, как видение смерти. У стены одиноко стояла царица Марфа Матвеевна, – сквозь туман слёз глядела туда, где из груды перин виднелся маленький лобик и вытянувшийся нос умирающего мужа. Царице всего было семнадцать лет, взяли её во дворец из бедной семьи Апраксиных за красоту. Два только месяца побыла царицей. Темнобровое глупенькое её личико

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

распухло от слёз. Она только всхлипывала по-ребячьи, хрустела пальцами, – голосить боялась.

В другом конце палаты, в сумраке под сводами, шепталась большая царская родня – сёстры, тётки, дядья и ближние бояре: Иван Максимович Языков – маленький, в хорошем теле, добрый, сладкий, человек великой ловкости и глубокий проникатель дворцовых обхождений; постный и благостный старец, книжник, первый постельничий – Алексей Тимофеевич Лихачёв и князь Василий Васильевич Голицын – писаный красавец: кудрявая бородка с проплешинкой, вздёрнутые усы, стрижен коротко, – по-польски, в польском кунтуше и в мягких сапожках на крутых каблуках, – князь роста был среднего.

Синие глаза его блестели возбуждённо. Час был решительный, – надо сказывать нового царя. Кого? Петра или Ивана? Сына Нарышкиной или сына Милославской? Оба ещё несмышлёные мальчишки, за обоими сила – в родне. Пётр – горяч умом, крепок телесно, Иван – слабоумный, больной, вей из него верёвки… Что предпочесть? Кого?

Василий Васильевич становился боком к двустворчатой, обложенной медными бармами дверце, припав ухом, прислушивался, – в соседней тронной палате гудели бояре. С утра, не пивши, не евши, прели в шубах, – Нарышкины с товарищи и Милославские с товарищи. Полна палата: лаются, поминают обиды, чуют, – сегодня кто-то из них поднимется наверх, кто-то полетит в ссылку.

– Гвалт, проше пана, – прошептал Василий Васильевич и, подойдя к Языкову, сказал ему по-польски тихо: – Ты б, Иван Максимович, всё ж поспрошал патриарха, – он-то за кого?

Курчавый, сильно заросший русым волосом Языков румяно, сладко улыбнулся, глядя снизу вверх, – от жары запотел, пах розовым маслом:

– И владыка и мы твоего слова ждём, князюшка… А мы-то как будто решили…

Подошёл Лихачёв, вздохнул, осторожно кладя белую руку на бороду.

– Разбиваться нельзя, Василий Васильевич, в сей великий час. Мы так размыслили: Ивану быть царём трудно, непрочно, – хил. Нам сила нужна.

Василий Васильевич опустил ресницы, усмехался уголком красивых губ. Понял, что спорить сейчас опасно.

– Будь так, – сказал, – быть царём Петру.

Поднял синие глаза, и вдруг они вздрогнули и заволоклись нежно. Он глядел на вошедшую царевну, шестую сестру царя, Софью. Не плавно, лебедем, как подобало бы девице, – она вошла стремительно, распахнулись полы её пёстрого летника, не застёгнутого на полной груди, разлетелись красные ленты рогатого венца. Под белилами и румянами на некрасивом лице её проступали пятна. Царевна была широка в кости, коренастая, крепкая, с большой головой. Выпуклый лоб, зеленоватые глаза, сжатый рот казались не девичьими, – мужскими. Она глядела на Василия Васильевича и, видимо, поняла – о чём он только что говорил и что ответил.

Ноздри её презрительно задрожали. Она повернулась к постели умирающего, всплеснула руками, стиснула их и опустилась на ковёр, прижала лоб к постели. Патриах поднял голову, тусклый взгляд его уставился на затылок Софьи, на её упавшие

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

косы. Все, кто был в палате, насторожились. Пять царевен начали креститься. Патриарх поднялся и долго глядел на царя. Отмахнул чёрные рукава и, широко осенив его крестом, начал читать отходную.

Как автор через внутренние размышления и внешние действия персонажей показывает напряжение интриг при выборе нового царя и влияние родственных связей на власть?

Софья схватилась за затылок и закричала пронзительно, дико, – завыла низким голосом. Закричали её сестры… Царица Марфа Матвеевна упала ничком на лавку. К ней подошёл старший брат её, Фёдор Матвеевич Апраксин, рослый и тучный, в шубе до пят, – стал гладить царицу по спине. К патриарху подбежал Языков, припал и потянул за руку. Патриарх, Языков, Лихачёв и Голицын быстро вышли в тронную палату. Бояре стадом двинулись к ним, размахивая рукавами, выставляя бороды, без стыда выкатывая глаза: «Что, ну что, владыко?..»

– Царь Фёдор Алексеевич преставился с миром… Бояре, поплачем…

Его не слушали, – теснясь, пихаясь в дверях, бояре спешили к умершему, падали на колени, ударялись лбом о ковёр и, приподнявшись, целовали уже сложенные его восковые руки. От духоты начали трещать и гаснуть лампады. Софью увели. Василий Васильевич скрылся. К Языкову подошли: братья князья Голицыны, Пётр и Борис Алексеевичи, чёрный, бровастый, страшный видом князь Яков Долгорукий и братья его Лука, Борис и Григорий. Яков сказал:

– У нас ножи взяты и панцири под платьем… Что ж, кричать Петра?

– Идите на крыльцо, к народу. Туда патриарх выйдет, там и крикнем… А станут кричать Ивана Алексеевича, – бейте воров ножами…

Через час патриарх вышел на Красное крыльцо и, благословив тысячную толпу – стрельцов, детей боярских, служилых людей, купцов, посадских, спросил, – кому из царевичей быть на царстве? Горели костры. За Москвой-рекой садился месяц. Его ледяной свет мерцал на куполах. Из толпы крикнули:

– Хотим Петра Алексеевича…

И ещё хриплый голос:

– Хотим царём Ивана…

На голос кинулись люди, и он затих, и громче закричали в толпе: «Петра, Петра!..»

Сегодня у кабака народ лез друг на друга, заглядывал в окошки. На дворе, на крыльце не протолкаться. Много виднелось стрелецких кафтанов – красных, зелёных, клюквенных. Теснота, давка. «Что такое? Кого? За что?..» Там, в кабаке, в чистой избе стояли стрельцы и гостинодворцы. В тесноте надышали, – с окошек лило ручьями. Стрельцы привели в избу полуживого человека, – он лежал на полу и стонал, надрывая душу. Одежда изорвана в клочья, тело сытое. В серых волосах запеклась кровь. Нос, щёки, – всё разбито.

Стрельцы, указывая на него, кричали:

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН МАРКАЗ

– И с вами то же скоро будет…

– Дремлете? А они на Кукуе не дремлют…

– Ребята, за что немцы бьют наших?

– Хорошо, мы шли мимо, вступились… Убили бы его до смерти…

– При покойном царе разве такие дела бывали? Разве наших давали в обиду иноземцам проклятым?

Овсей Ржов, стрелец Пыжова полка, унимал товарищей, говорил гостинодворским купцам с поклоном:

– По бедности к вам пришли, господа честные гости, именитые купцы. Деваться нам стало некуда с жёнами, малыми ребятами… Вконец обхудали… Жалованье нам не идёт второй год. Полковники нас замучили на надсадной работе. А жить с чего? Торговать в городе нам не дают, а в слободах тесно… Немцы всем завладели. Ныне уж и лён и пряжу на корню скупили. Кожи скупают, сами мнут, дьяволы, на Кукуе… Бабы наших, слободских, башмаков нипочем покупать не хотят, а спрашивают немецкие… Жить стало не можно… А не вступитесь за нас, стрельцов, и вы, купцы, пропадёте… Нарышкины до царской казны дорвались… Жаждут… Ждите теперь таких пошлин и даней, – все животы отдадите… Да ждите на Москву хуже того – боярина Матвеева, – из ссылки едет… У него сердце одебелело злобой. Он всю Москву проглотит…

Страшны были стоны избитого человека. Страшны, темны слова стрельца. Переглядывались гостинодворцы. Не очень-то верилось, чтобы кукуйские немцы избили этого купчишку. Дело тёмное. Однако ж и правду говорят стрельцы. Плохо стало жить, с каждым годом – скуднее, тревожнее… Что ни грамота: «Царь-де сказал, бояре приговорили», – то новая беда: плати, гони деньги в прорву… Кому пожалуешься, кто защитит? Верхние бояре? Они одно знают – выколачивать деньги в казну, а как эти деньги доставать – им всё равно. Последнюю рубаху сними, – отдай. Как враги на Москве.

Сравните позицию стрельцов и позицию бояр: какие средства убеждения использует каждая сторона и как это влияет на развитие конфликта?

В круг, стоявший около избитого, пролез купчина, вертя пальцами в серебряных перстнях.

– Мы, то есть Воробьёвы, – сказал, – привезли на ярмарку в Архангельск шёлку-сырца. И у нас, то есть немцы, – сговорились между собой, – того шёлку не купили ни на алтын. И староста ихний, то есть немец Вульфий, кричал нам: мы-де сделаем то, что московские купчишки у нас на правеже настоятся за долги, да и впредь заставим их, то есть нас, московских, торговать одними лаптями…

Гул пошёл по избе… Стрельцы: «А мы что вам говорим! Да и лаптей скоро не будет!» Молодой купец Богдан Жигулин выскочил в круг, тряхнул кудрявыми волосами.

– Я с Поморья, – сказал бойко, – ездил за ворванью. А как приехал, с тем и уехал – с пустыми возами. Иноземцы, Макселин да Биркопов, у поморов на десять лет вперёд всё ворванье сало откупили. И все поморцы кругом у них в долгах. Иноземц-

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

цы берут у них сало по четверть цены, а помимо себя никому продавать не велят. И поморцы обнищали, и в море уж не ходят бить зверя, а разбрелись врозь… Нам, русским людям, на север и ходу нет теперь…

Стрельцы опять закричали, подсучивая рукава. Овсей Ржов схватился за саблю, звякнул ею, оскалился:

– Нам – дай срок – с полковниками расправиться… А тогда и до бояр доберёмся… Ударим набат по Москве. Все посады за нас. Вы только нас, купцы, поддержите… Ну, ребята, подымай его, пошли дальше…

Стрельцы подхватили избитого человека, – тот завыл, мотая головой: «Ой, уби-и-и-и-и-ли», – и поволокли его из избы, распихивая народ, на Красную площадь – показывать.

Гостинодворцы остались в избе, – смутно! Ох, смутны, лихи дела! Тоже ведь, свяжись со стрельцами: шпыни, им терять нечего… А не свяжешься – всё равно бояре проглотят.

Давайте поговорим

1. Что в описаниях Толстого помогает почувствовать атмосферу конца XVII века?
2. Почему автор уделяет внимание не только Петру, но и его окружению, быту, обычаям?
3. Что важнее в историческом романе – точность фактов или художественная правда?
4. Как изображены стрельцы и купцы в этом эпизоде? Что их объединяет?

Практическое задание

Анализ текста

Элемент анализа	Вопрос	Пример
Тема	Что изображено в отрывке?	
Идея	Что хотел показать автор?	
Образы	Кто главный герой и как он показан?	
Детали	Какие художественные средства создают историческую атмосферу?	

Давайте обсудим

1. Какими художественными приёмами автор передаёт эволюцию личности персонажа?
2. Что труднее – изменить себя или изменить эпоху?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Торговых и промысловых дел добрые люди, оставя сани за воротами и сняв шапки, поднимались по длинной – едва не от середины двора – крытой лестнице в Преображенский дворец. Гости и купцы гостиной сотни приезжали на тройках, в ковровых санях, – входили, не робея, в лисьих, в пупковых шубах гамбургского сукна. Обветшалая палата была плохо топлена. Бойко поглядывая на прогнувшийся щелястый потолок, на траченное молью алое сукно на лавках и дверях, говорили:

– Строеньице-то – не ахти… Она и видна боярская-то забота. Жалко, жалко…

Собрали сюда торговых людей наспех, по именным спискам. Кое-кто не приехал, боясь, как бы не заставили есть из никонианской посуды и курить табак. Догадывались, зачем царь позвал во дворец. Недавно на Красной площади думным дьяком при барабанном бое с лобного места был прочитан великий указ: «Известно государю учинилось, что гостям и гостиныя сотни, и всем посадским, и купецким, и промышленным людям во многих их приказных волокитах от воевод, от приказных и от разных чинов людей, в торгах их и во всяких промыслах *чинятся большие убытки и разорение…* Милосердуя, он, государь, об них указал: во всяких их расправных, судных и челобитных, и купецких делах, и в сборах государственных доходов – *ведать бурмистрам их и в бурмистры выбирать* им меж себя погодно добрых и правдивых людей, – кого они меж себя похотят. А из них по одному человеку быть в первых, сидеть по месяцу президентом…» В городах, в посадах и слободах указано ж выбирать для суда и расправы и сбора окладных податей земских бурмистров из лучших и правдивых людей, а для сбора таможенных пошлин и питейных доходов выбирать таможенных и кабацких бурмистров – кого похотят. Бурмистрам *думать* и торговыми и окладными делами *ведать* в особой Бурмистерской палате, и ей со спорами и челобитными входить – мимо приказов – к одному государю.

Для Бурмистерской палаты отведено было в Кремле, близ храма Иоанна Предтечи, строение староцарского дворца с подвалами – где хранить казну.

Для такого честного дела московские купцы не пожалели денег (давно ли в Кремле ходили без шапок, и то с опаской – теперь сами там сели): ветхий дворец покрыли новой крышей – под серебро, покрасили снаружи и внутри, вставили оконницы не со слюдой, а со стёклами. У подвалов поставили свою стражу.

За избавление от воеводского разорения и приказной неправды купечество должно было теперь платить двойной против прежнего оклад. Казне – явная прибыль. Ну, а купечеству? – как сказать…

Действительно, от воевод, от приказных людей и людишек не стало житья: алчны, как волки, не уберегись – горло перервут, в Москве затаскают по судам, разденут, а в городах и посадах затомят на правеже на воеводином дворе. Это всё так…

Но многие, – конечно, кто похитрее, – оберегались и жили не совсем плохо: воеводе поклонился рублём, подьячему послал сахарцу, сукнеца или рыбки, повытчика зазвал откушать чем бог послал. У иного богатея не то что воевода или приказный – дьявол не дознается, сколько у него товаров и денег. Конечно, такие орлы, – Митрофан Шорин – первый купец гостиной сотни, или Алексей Свешников, – эти, – как на ладони, к ним на двор и митрополит ездит. Рады платить хоть тройной оклад

РЕПУБЛИКА ТАТЫМАРКАЗ

в Бурмистерскую палату, – там им честь, и сила, и порядок. Ну, а, скажем, Васька Ревякин старший? В лавчонке его в скобяном ряду товару на три алтына, – сидит, глаза тряпочкой вытирает. А между прочим, знающие люди говорят: кабальных душ крестьянских за ним, посчитать, тысячи три. Не то что мужик или посадский, – редкий купец не бывал у него в долгу по тяжёлой записи. И нет такого города, такого посада, где бы Ревякин не держал скобяного склада и лавчонки, и всё это у него записано на родственников и приказчиков. Ухватить его никакими средствами нельзя: как налим – гол и скользок. Ему Бурмистерская палата – разорение, – от своих не скроешься.

В ожидании царского выхода купечество – постарше сидели на лавках, меньшие стояли. Понимали: нужны, значит, денежки надёже-государю, хочет поговорить по душам. Давно бы так, – по душам-то… Бывавшие здесь впервые не без страха поглядывали на раскрашенные львами и птицами двери сбоку тронного места (трона не было, остался один балдахин).

Как описание Бурмистерской палаты, поведения купцов и их отношений с властью помогает понять, в каком положении находились купцы при Петре I? Почему им приходилось выбирать между честью, выгодой и собственной безопасностью?

Пётр вышел неожиданно из боковой дверцы, – был в голландском платье, – красный, видимо выпивший. «Здорово, здорово», – повторял добродушно, здоровался за руку, иных похлопывал по спине, по голове. С ним – несколько человек: Митрофан Шорин и Алексей Свешников (в венгерских кафтанах); братья Осип и Фёдор Баженины – серьёзные и видные, с закрученными усами, в иноземном суконном платье, узковатом в плечах; низенький и важный Иван Артемич Бровкин – скоробогатей – обрит наголо, караковый парик до пупа; суровый думный дьяк Любим Домнин и какой-то – по одёже простой посадский – неведомый никому человек, с цыганской бородой, с большим залысым лбом. Этот, видимо, сильно робел, шёл позади всех.

Пётр сел на лавку, оперся о раздвинутые колени. «Садитесь, садитесь», – сказал придвинувшемуся купечеству. Помялись. Он велел, дёрнул головой. Старшие сейчас же сели. Оставшийся стоять думный дьяк Любим Домнин вынул сзади из кармана грамоту, свёрнутую трубкой, пожевал сухими губами. Тотчас братья Осип и Фёдор Баженины вскочили, держа на животе аглицкие шляпы, важно потупились. Пётр опять кивнул на них:

– Вот таких бы побольше у нас… Хочу при всей людности Осипа и Фёдора пожаловать… В Англии, в Голландии жалуют за добрые торговые дела, за добрые мануфактуры, и нам – ввести тот же обычай. Верно я говорю? (Обернулся направо, налево. Приподнял бровь.) Вы что мнётесь? Денег, боитесь, буду у вас просить? По-новому надо начинать жить, купцы, вот что я хочу…

Момонов, богатый суконщик, спросил, поклонясь:

– Это как – по-новому жить, государь?

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

– Отучаться жить особе… Бояре мои сидят по дворам, как барсуки. Вам нельзя, вы – люди торговые… Учиться надо торговать не в одиночку – кумпаниями. Ост-Индская кумпания в Голландии – милое дело: сообща строят корабли, сообща торгуют. Наживают великие прибыли… Нам у них учиться… В Европе – академии для сего. Желаете – биржу построим не хуже, чем в Амстердаме. Составляйте кумпании, заводите мануфактуры… А у вас одна наука: не обманешь – не продашь…

Молодой купчик, влюблённо глядевший на царя, вдруг ударил шапкой о руку:

– Это верно, у нас это так…

Его стали тянуть за полу в толпу. Он, вертя головой, пожимая плечами:

– А что? Разве не правда? На обмане живём, один обман, – обвешиваем, обмериваем…

Пётр засмеялся (невесело, баском, кругло раскрыв рот). Близстоящие также посмеялись вежливо. Он, оборвав смех, строго:

– Двести лет торгуете – не научились… Возле богатства ходите… Опять всё то же убожество, нагота. Копейку наторговал и – в кабак. Так, что ли?

– Не все так, государь, – проговорил Момонов.

– Нет, так! (Раздувая ноздри.) За границу поезжайте, поглядите на тех купцов, – короли! Нам ждать недосуг, покуда сами научитесь… Иную свинью силой надо в корыто мордой совать… Почему мне иностранцы жить не дают? Отдай им то на откуп, отдай другое… Лес, руды, промыслы… Почему свои не могут? В Воронеж, чёрт-те откуда, один человек приехал, такие развёл тарара, такие прожекты! У вас, говорит, золотой край, только люди вы бедные… Отчего сие? Я смолчал… Спрашиваю, – или не те люди живут в нашем краю? (Оглянул купцов вылезшими глазами.) Бог других не дал. С этими надо справляться, так, что ли? Мне русские люди иногда – поперёк горла… Так уж поперёк. (Ухо у него натянулось, шейная жила вот-вот дёрнется.)

Тогда Иван Артемич, сидевший рядом с ним, проговорил добро, нараспев:

– Русских били много, да били без толку, вот и уроды получились.

– Дурак! – крикнул Пётр. – Дурак! – И локтём ткнул его в бок.

Иван Артемич – ещё придурковатее:

– Ну, вот, а я-то что говорю…

Пётр с минуту бешено глядел на лоснящееся, придурковато сощуренное, с дурацкой улыбкой лицо Бровкина. Ладонью щёлкнул его по лбу:

– Ванька, шутом быть тебе ещё не велено!

Но видно, и сам понял, что пылить, сердиться при купечестве – неразумно. Купцы – не бояре: тем податься некуда, вотчину в кармане не унесёшь. Купец, как улитка: чуть что – рожки спрятал и упятился с капиталом… Действительно, в палате стало тихо, отчуждённо. Иван Артемич хитрой щёлкой глаза повёл на Петра.

– Читай, Любим, – сказал Пётр дьяку.

Братья Баженины опять почтенно потупились. Любим Домнин высоким голосом сухо, медленно читал:

– «…дана сия милостивая жалованная грамота за усердное радение и к корабельному строению тщание… В прошлом году Осип и Фёдор Баженины в деревне

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Вовчуге построили с немецкого образца водяную пильную мельницу без заморских мастеров, сами собою, чтобы на той мельнице лес растирать на доски и продавать в Архангельске иноземцам и русским торговым людям. И они лес растирали, и к Архангельску привозили, и за море отпускали. И есть у них намерение у того своего заводу строить корабли и яхты для отпуска досок и иных русских товаров за море. И мы, великий государь, их пожаловали, – велели им в той их деревне строить корабли и яхты и, которые припасы к тому корабельному строению будут вывезены из-за моря, пошлин с них имать не велеть, и мастеров им, иноземных и русских, брать вольным наймом из своих пожитков. А как те корабли будут готовы, – держать им на них для опасения от воровских людей пушки и зелье против иных торговых иноземческих кораблей…»

Как автор через эмоции, жесты и речь Петра I показывает характер реформатора и его отношение к отечественным купцам?

Долго читал дьяк. Свернул в трубку грамоту с висящей печатью, положа на ладони, подал Осипу и Фёдору. Приняв, братья подошли к Петру и молча поклонились в ноги, – всё чин чином, степенно. Он поднял их за плечи и обоих поцеловал, но уже не по царскому обычаю, – ликуясь щёчкой, – а в рот, крепко.

– То дорого, что почин, – сказал он купечеству. Отыскал бегающими зрачками не известного никому посадского с цыганской бородой, залысым лбом. – Демидыч! (Тот, резко пхаясь, пролез сквозь толпу.) Демидыч, поклонись купечеству… Никита Демидов Антуфьев – тульский кузнец. Пистолеты и ружья делает не хуже аглицких. Чугун льёт, руды ищет. Да крылья у него коротки. Поговорите с ним, купцы, подумайте. А я ему друг. Надо – земли пожалуем и деревеньки. Демидыч, кланяйся, кланяйся, я за тебя поручусь…

Давайте обсудим

1. Какими художественными средствами и приёмами А.Н. Толстой раскрывает внутренний мир Петра?
2. Почему Толстой не идеализирует Петра, а изображает его противоречивым?
3. Какова авторская позиция по отношению к реформатору?
4. Какие качества Петра раскрываются в этих главах?
5. Можно ли считать методы Петра I справедливыми и эффективными для развития страны?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Практическое задание

Аспект	Характеристика
Историческая достоверность	События, реформы, ...
Художественная индивидуализация	Внутренние монологи, ...
Черты характера	Сила воли ...
Авторская позиция	Пётр – символ преобразований, ...

Работа в группах

Группа 1

Определите ключевые качества Петра I как лидера.

Группа 2

Найдите в тексте примеры, раскрывающие внутренние противоречия героя.

Группа 3

Объясните, как личность Петра связана с идеей обновления России.

Каждая группа готовит краткий устный отчёт (2–3 минуты) с примерами из текста.

Здесь, на краю русской земли, у отвоёванного морского залива, за столом у Меньшикова сидели люди новые, – те, что по указанию царя Петра: «отныне знатность по годности считать» – одним талантом своим выбились из курной избы, переобули лапти на юфтевые тупоносые башмаки с пряжками и вместо горьких дум: «За что обрекаешь меня, господи, выть с голоду на холодном дворе?» – стали, так вот, как сейчас, за полными блюдами, хочешь не хочешь, думать и говорить о государском. Здесь были братья Бровкины, Федосей Скляев и Гаврила Авдеевич Меньшиков – знаменитые корабельные мастера, сопровождавшие Петра Алексеевича из Воронежа на Свирь, подрядчик – новогородец – Ермолай Негоморский, поблёскивающий глазами, как кот ночью, Терентий Буда, якорный мастер, да Ефрем Тараканов – преславный резчик по дереву и золотильщик.

За столом были и не одни худородные: по левую руку Петра Алексеевича сидел Роман Брюс – рыжий шотландец, королевского рода, с костлявым лицом и тонкими губами, сложенными свирепо, – математик и читатель книг, так же как и брат его Яков; братья родились в Москве, в Немецкой слободе, находились при Петре Алексеевиче ещё от юных его лет и его дело считали своим делом; сидел соколиноглазый, томный, надменный, с усиками, пробритыми в черту под тонким носом, – полковник гвардии князь Михайла Михайлович Голицын, прославивший себя штурмом и взятием Шлиссельбурга, – как и все, он пил не мало, бледнел и позвякивал шпорой под столом; сидел вице-адмирал ожидаемого балтийского флота – Корнелий Крейс, морской бродяга, с глубокими, суровыми морщинами на дублёном лице, с водянистым взором, столь же странным, как холодная пучина морская; сидел генерал-майор Чамберс,

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

плотный, крепколицый, крючконосый, тоже – бродяга, из тех, кто, поверя в счастье царя Петра, отдал ему всё своё достояние – шпагу, храбрость и солдатскую честь; сидел тихий Гаврила Иванович Головкин, царский спальник, человек дальнего и хитрого ума, помощник Меньшикова по строительству города и крепости.

Гости говорили уже всё враз, шумно, – иной нарочно начинал кричать, чтобы государь его услышал. В высокой комнате пахло сырой штукатуркой, на белых стенах горели свечи в трёхсвечниках с медными зерцалами, горело много свечей и на пестрой скатерти, воткнутых в пустые штофы – среди оловянных и глиняных блюд, на которых обильно лежало всё, чем мог попотчевать гостей генерал-губернатор: ветчина и языки, копчёные колбасы, гуси и зайцы, капуста, редька, солёные огурцы, – всё привезённое Александру Даниловичу в дар подрядчиком Негоморским.

Больше всего споров и крику было из-за выдачи провианта и фуража, – кто у кого больше перетянул. Довольствие сюда шло из Новгорода, из главного провиантского приказа, – летом на стругах по Волхову и Ладожскому озеру, зимой по новопросечённой в дремучих лесах дороге, – на склады в Шлиссельбург, под охрану его могучих крепостных стен; там, в амбарах, сидели комиссарами земские целовальники из лучших людей и по требованию отпускали товар в Питербурх для войска, стоявшего в земляном городе на Выборгской стороне, для разных приказов, занимавшихся стройкой, для земских мужиков-строителей, приходивших сюда в три смены – с апреля месяца по сентябрь, – землекопов, лесорубов, плотников, каменщиков, кровельщиков.

Путь из Новгорода был труден, здешний край разорён войной, поблизости достать нечего, запасов постоянно не хватало, и Брюс, и Чамберс, и Крейс, и другие – помельче люди, рвали каждый себе, и сейчас за столом, разгорячась, сводили счёты.

Петру Алексеевичу было подано горячее – лапша. Посланным в разные концы солдатам удалось для этой лапши найти петуха на одном хуторке, на берегу Фонтанки, у рыбака-чухонца, содравшего ради такого случая пять алтын за старую птицу. Поев, Пётр Алексеевич положил на стол длинные руки с большими кистями: на них после бани надулись жилы. Он говорил мало, слушал внимательно, выпуклые глаза его были строгие, страшноватые; когда же, – набивая трубку или по какой иной причине, – он опускал их – круглощёкое лицо его с коротким носом, с улыбающимся небольшим ртом казалось добродушным, – подходи смело, стучись чаркой о его чарку: «Твоё здравие, господин бомбардир!» И он, смотря,

РЕСПУБЛИКА ЛЕНИНА ЛЕНИНГРАД

конечно, по человеку, одному и не отвечал, другому кивал снизу вверх головой, – тёмные, тонкие, завивающиеся волосы его встряхивались. «Во имя Бахуса», – говорил баском и пил, как научили его в Голландии штурмана и матрозы, – не прикасаясь губами к чарке – через зубы прямо в глотку.

Пётр Алексеевич был сегодня доволен и тем, что Данилыч поставил назло шведам такой хороший дом, с Нептуном и морской девой на крыше, и тем, что за столом сидят все свои люди и спорят и горячатся о большом деле, не задумываясь, – сколь оно опасно и удастся ли оно, и в особенности радовало сердце то, что здесь, где сходились далёкие замыслы и трудные начинания, всё то, что для памяти он неразборчиво заносил в толстенькую записную книжку, лежавшую в кармане вместе с изгрызенным кусочком карандаша, трубкой и кисетом, – всё это стало въяве, – ветер рвёт флаг на крепостном бастионе, из топких берегов торчат сваи, повсюду ходят люди в трудах и заботах, и уже стоит город как город, ещё невелик, но уже во всей обыкновенности.

Пётр Алексеевич, покусывая янтарь трубки, слушал и не слушал, что ему бубнил про гнилое сено сердитый Брюс, что кричал, силясь дотянуться чаркой, пьяный Чамберс… Желанное, возлюбленное здесь было место. Хорошо, конечно, на Азовском море, белёсом и тёплом, добытом с великими трудами, хорошо на Белом море, колышущем студёные волны под нависшим туманом, но не равняться им с морем Балтийским – широкой дорогой к дивным городам, к богатым странам. Здесь и сердце бьётся по-особенному, и у мыслей распахиваются крылья, и сил прибывает вдвое…

Как через хаотичную атмосферу трапезы и споры гостей автор показывает трудности организации снабжения и управления государственными ресурсами при Петре I и какие детали помогают передать напряжение и живость сцен?

Александр Данилович нет-нет да и поглядывал, как у мин херца всё шире раздувались ноздри, гуще валил дым из трубки.

– Да будет вам! – крикнул он вдруг гостям. – Заладили – овёс, пшено, овёс, пшено! Господин бомбардир не за тем сюда ехал – слушать про овёс, пшено. – Меньшиков всей щекой мигнул толстенькому, сладко улыбающемуся человеку, в коротеньком, растопыренном кафтане. – Фельтен, налей ренского, того самого, – и выжидающе повернулся к Петру Алексеевичу. Как всегда, Меньшиков угадал, прочёл в потемневших глазах его, что – вот, вот – настала минута, когда всё, что давно бродило, клубилось, мучило, прилаживалось и так и этак у него в голове, – отчётливо и уже непоколебимо становилось волей… И тут не спорь, не становись поперёк его воли.

За столом замолчали. Только булькало вино, лиясь из пузатой бутыли в чарки. Пётр Алексеевич, не снимая рук со стола, откинулся на спинку золочёного стула.

– Король Карл отважен, но не умён, весьма лишь высокомерен, – заговорил он, с медленностью, – по-московски, – произнося слова. – В семисотом году фортуну свою упустил. А мог быть с фортуной, мы бы здесь ренское не пили. Конфузия

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

под Нарвой пошла нам на великую пользу. От битья железо крепнет, человек мужает. Научились мы многому, чему и не чаяли. Наши генералы, вкупе с Борис Петровичем Шереметьевым, Аникитой Ивановичем Репниным, показали всему миру, что шведы – не чудо и побить их можно и в чистом поле и на стенах. Вы, дети сердца моего, добыли и устроили сие священное место. Бог Нептун, колебатель пучин морских, лёг на крыше дома сего вельможи, в ожидании кораблей, над коими мы все трудились даже до мозолей. Но разумно ли, утвердясь в Питербурхе, вечно отбиваться от шведов на Сестре-реке да на Котлине острове? Ждать, когда Карл, наскуча воевать с одними своими мечтами да сновидениями, повернёт из Европы на нас свои войска? Тогда нас здесь, пожалуй, и бог Нептун не спасёт. Здесь сердце наше, а встречать Карла надо на дальних окраинах, в тяжёлых крепостях. Надобно нам отважиться – наступать самим. Как только пройдёт лёд – идти на Кексгольм, брать его у шведов, чтобы Ладожское озеро, как в древние времена, опять стало нашим, флоту нашему ходить с севера без опасения. Надобно идти за реку Нарову, брать Нарву на сей раз без конфузии. Готовиться к походу тотчас, камрады. Промедление – смерти подобно.

***Исторический роман** – это эпическое произведение, в котором изображаются реальные исторические события и личности в художественной форме.*

Исторический роман в русской литературе

Первые образцы жанра появились в первой половине XIX века.

- А. С. Пушкин – «Капитанская дочка» (восстание Пугачёва);
- Л. Н. Толстой – «Война и мир» (эпоха наполеоновских войн);
- А. Н. Толстой – «Пётр Первый» (эпоха реформ и становления империи).

Каждый из этих авторов стремился показать не только исторические события, но и внутренние духовные процессы народа и личности.

Практическое задание

1. Подготовьте развёрнутый ответ на тему:
   «Исторический роман как жанр и его особенности в романе А. Н. Толстого “Пётр Первый”».
2. Создайте **проект** (презентацию или эссе) на тему *«Историческая личность глазами писателя»*. Выберите любого героя русской или узбекской литературы.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Черта жанра	Проявление в романе
Историческая достоверность	События и личности изображены…
Художественный вымысел	
Соединение личного и государственного	
Масштабность изображения	
Авторская позиция	

Давайте обсудим

1. Можно ли считать роман Толстого примером классического исторического эпоса?
2. Как автор соединяет документальную точность и художественное воображение?
3. Почему, по мнению Толстого, именно личность способна изменить ход истории?
4. Что общего между Петром I и другими историческими героями русской литературы?
5. Как автор через обстановку трапезы, споры гостей и детали снабжения показывает сложность управления страной в эпоху Петра I?
6. Почему Пётр I в этом эпизоде выглядит одновременно жёстким, вдохновляющим и близким к своим людям?

Практическое задание

Заполните таблицу.

Итоги реформ Петра I		
Направление реформ	**Что было сделано**	**Итог**
Модернизация армии		
Создание флота		
Новая столица		
Открытие России Европе		

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

БЕРНАРД ШОУ (1856–1950)

Бернард Шоу – выдающийся ирландский драматург, эссеист, критик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1925). В своих пьесах «Дом, где разбиваются сердца», «Профессия миссис Уоррен», «Человек и сверхчеловек», «Святая Иоанна» он обличал социальные пороки общества, высмеивал условности, показывал духовное преображение человека. Пьеса «Пигмалион» стала одной из самых известных: это история превращения простой цветочницы в леди, не только внешнего, а прежде всего, внутреннего преображения. Важнейшие темы творчества драматурга – социальное неравенство, роль воспитания и культуры, ответственность личности за собственную судьбу, а также иллюзорность внешних различий между людьми.

Давайте поговорим

1. Что вы знаете об английском обществе начала XX века?
2. Что может означать слово «Пигмалион»? Где вы его слышали?
3. Как вы думаете, может ли язык изменить судьбу человека?
4. Какую роль играет образование в жизни человека?

Подготовка к встрече с текстом

Пьеса Бернарда Шоу «Пигмалион» – произведение, которое на первый взгляд кажется лёгкой комедией, но внимательный читатель и зритель очень быстро обнаруживают глубокий и даже острый смысл произведения. Название отсылает нас к античному мифу.

Это изумительная легенда о древнегреческом скульпторе Пигмалионе, который влюбился в созданную им же самим статую девушки. Поражённая его искренней любовью, богиня Афродита оживила изваяние, которое в поздней литературе полу-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

чило имя Галатея. Сюжет мифа символизирует силу искусства и любви, способных преображать реальность.

Однако Шоу предлагает совсем иную версию этого сюжета – без волшебства, но с куда более сложными последствиями. Действие пьесы разворачивается в Лондоне начала XX века. В центре внимания – случайная встреча людей из разных социальных слоёв, которая постепенно превращается в своеобразный эксперимент. Его предметом становится человек, а главным инструментом – язык, речь, культура поведения.

Перед нами пьеса, в которой нет волшебства – но есть эксперимент. Представьте: можно ли изменить судьбу человека, просто научив его иначе говорить? Можно ли стереть границу между «низшим» и «высшим» обществом, если изменить речь, манеры, внешний облик? Наверное, сложно и даже очень.

А вот Джордж Бернард Шоу, вдохновлённый греческим мифом, написал пьесу «Пигмалион» о профессоре лингвистики Генри Хиггинсе, который заключает пари с полковником Пикерингом о том, что сможет изменить язык и этикет у неухоженной, косноязычной и дурно воспитанной цветочницы Элизы Дулиттл из Ковент-Гардена. Более того, профессор обещает затем выдать её за леди на балу у иностранных послов и даёт гарантию, что все будут в восторге от преобразованной Элизы.

В «Пигмалионе» Бернард Шоу сталкивает людей из разных миров и предлагает дерзкую идею: человек – это результат воспитания и среды. Но что произойдёт, если этот «эксперимент» удастся? Станет ли герой по-настоящему свободным или окажется между двумя мирами, не принадлежа ни одному из них?

Казалось бы, пьеса начинается как комедия, но очень быстро превращается в серьёзный разговор о человеческом достоинстве, ответственности и цене чужих экспериментов. В «Пигмалионе» эксперимент над личностью внешне оправдан научным интересом, но с нравственной точки зрения оказывается проблематичным: результат достигается ценой внутреннего кризиса и утраты прежней идентичности.

Прочитав пьесу «Пигмалион», каждый здравомыслящий человек задумается над главным вопросом, который пронизывает это гениальное творение Шоу: кто имеет право «создавать» другого человека и где проходит граница такого вмешательства?

ПИГМАЛИОН

Действие первое

Ковент Гарден. 11:15 вечера. Лето. Проливной дождь. Со всех сторон отчаянные гудки автомобилей. Прохожие бегут к рынку и к церкви св. Павла, под портиком которой уже укрылось несколько человек. Среди них дама с дочерью, обе в вечерних туалетах. Все мрачно взирают на потоки дождя, и только один человек, стоящий спиной к остальным, по-видимому, целиком поглощён своей записной книжкой; он торопливо делает какие-то заметки.

Бьёт четверть двенадцатого.

Дочь *(стоит между двумя центральными колоннами портика, ближе к левой).* Я продрогла до костей. Куда пропал Фредди? Вот уже двадцать минут как он ушёл.

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

Мать *(справа от дочери)*. Положим, не двадцать. Но такси он бы всё-таки мог уже найти.

Прохожий *(справа от дамы)*. Раньше половины двенадцатого никакого такси он вам не достанет, мэм, и не надейтесь; сейчас все из театров разъезжаются.

Мать. Но нам очень нужно. Мы не можем стоять здесь до половины двенадцатого. Какое безобразие!

Прохожий. А я чем виноват?

Дочь. Будь у него голова на плечах, он давно бы нашёл такси у театра.

Мать. Ну что ты хочешь от бедного мальчика?

Дочь. Все достают такси. А он почему не может?

Под потоками дождя со стороны Саутгемптон-стрит вылетает Фредди и становится между ними, закрывая зонтик, с которого стекает вода. Это молодой человек лет двадцати в вечернем костюме, брюки у него мокры по щиколотку.

Дочь. Ну, достал-таки?

Фредди. Нигде ни одного, ни за какие деньги.

Мать. Ах, Фредди, машину всегда можно достать. Ты просто плохо искал.

Дочь. Боже, как мне всё надоело. Уж не прикажешь ли нам самим идти за такси?

Фредди. Я же вам говорю, все машины расхватали. Дождь начался внезапно, никто его не ожидал, и все кинулись искать такси. Я дошёл до Черинг-Кросс, потом повернул и добрался почти до самого Ледгет-серкус: нигде ни одной свободной машины.

Мать. А на Трафальгар-сквер?

Фредди. И на Трафальгар-сквер ни одной.

Дочь. А ты там был?

Фредди. Я был на Черинг-Кросском вокзале. Ты, вероятно, ожидала, что я пробегусь до Хаммерсмита?

Дочь. Никуда ты не ходил.

Мать. Ты в самом деле ужасно беспомощен, Фредди. Иди опять и, пока не найдёшь такси, не возвращайся.

Фредди. Только зря вымокну до нитки.

Дочь. А мы? По-твоему, мы всю ночь будем стоять здесь на ветру, в одних платьях? Это свинство. Эгоист несчастный!

Фредди. Ну, ладно, ладно, иду.

Раскрывает зонтик и бросается в сторону Стрэнда, но по дороге сталкивается с уличной цветочницей, которая спешит укрыться от дождя, и выбивает у неё из рук корзину с цветами. Ослепительная вспышка молнии, сопровождаемая оглушительным раскатом грома, служит фоном для этого происшествия.

Цветочница. Ты что, очумел, Фредди? Не видишь, куда прёшь!

Фредди. Виноват… *(Убегает.)*

Цветочница *(подбирая рассыпанные цветы и укладывая их в корзинку).* А ещё называется образованный! Все мои фиялочки копытами перемял.

Усаживается у подножия колонны справа от дамы и начинает приводить в по-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Почему именно в этот миг – под раскаты грома и вспышку молнии – судьба сталкивает Фредди с простой цветочницей? Это случайность дождливого вечера или момент, когда природа сама вмешивается, чтобы начать перевоспитание высокомерных людей?

рядок цветы. Привлекательной её не назовёшь. Лет ей восемнадцать-двадцать, не больше. На ней маленькая матросская шапочка из чёрной соломки, с многочисленными следами лондонской пыли и копоти, явно скучающая по щётке. Её давно не мытые волосы приобрели какой-то неестественный мышиный цвет. Поношенное чёрное пальто, узкое в талии, едва доходит до колен. На ней коричневая юбка и грубый фартук. Башмаки тоже знавали лучшие дни. Нельзя сказать, что она не старается быть по-своему опрятной, но по сравнению с окружающими её дамами выглядит настоящей грязнулей. Черты её лица не хуже, чем у них, но кожа оставляет желать лучшего. К тому же девушка явно нуждается в услугах зубного врача.

Мать. Простите, откуда вы знаете, что моего сына зовут Фредди?

Цветочница. Ага, так это ваш сынок? Хороша мамаша! Воспитала бы сына как положено, так он бы побоялся цветы у бедной девушки изгадить, а потом смыться и денег не заплатить. Вот вы теперь и гоните монету!

Прошу извинения, но попытка воспроизвести её отчаянный диалект без фонетической транскрипции неосуществима за пределами Лондона.

Дочь. Только этого ещё не хватало!

Мать. Не вмешивайся, Клара. Есть у тебя мелочь?

Дочь. Шестипенсовик. Мельче нет.

Цветочница *(с надеждой)*. Так я вам его разменяю, леди.

Мать *(Кларе)*. Дай сюда. *(Дочь неохотно подчиняется.)* Так. *(Цветочнице.)* Вот вам за цветы, милая.

Цветочница. Премного благодарна…

Дочь. Пусть она даст сдачи. Такому букетику красная цена – пенни.

Мать. Помолчи, Клара. *(Цветочнице.)* Сдачу оставьте себе.

Цветочница. У… у… у… х, спасибо вам, леди.

Мать. А теперь скажите мне, откуда вам известно имя этого молодого человека?

Цветочница. Да я его и не знаю.

Мать. Но я слышала, как вы назвали его по имени. Не обманывайте меня.

Цветочница *(возражая)*. А чего мне вас обманывать?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Ну, Фредди, Чарли не всё одно? Надо же из вежливости как-то назвать человека. *(Усаживается возле своей корзины.)*

Дочь. Зря только выбросили шесть пенсов. Право, мама, тут уж вы могли бы пощадить Фредди. *(Брезгливо отступает за колонну.)*

Пожилой джентльмен – привлекательный тип старого военного – спешит укрыться от дождя, закрывая на ходу зонтик, с которого льёт вода. У него, как и у Фредди, брюки внизу совершенно мокрые. Он в вечернем костюме и лёгком пальто. Занимает освободившееся место у колонны слева.

Джентльмен. Уфф!

Мать *(джентльмену)*. Ну, как там, сэр? Просвета всё ещё не видно?

Джентльмен. Ни малейшего намёка. Напротив, дождь усиливается. *(Подходит к тому месту, где сидит цветочница, ставит ногу на плинтус колонны и, нагнувшись, подвёртывает мокрые брюки.)*

Мать. О Господи! *(Огорчённо отходит к дочери).*

Цветочница *(пользуется соседством пожилого джентльмена, чтобы завязать с ним дружеские отношения).* Раз опять припустил, значит, конец видать. Не огорчайтесь, кэптен, купите лучше букетик у бедной девушки.

Джентльмен. К сожалению, у меня нет мелочи.

Цветочница. Я вам разменяю, кэптен.

Джентльмен. Соверен? Мельче у меня нет.

Цветочница. Ух ты! Купите цветочек, кэптен, купите! Полкроны я ещё разменяю. Возьмите вот этот – всего два пенса.

Джентльмен. Не приставай ко мне, девочка, – это нехорошо. *(Шарит по карманам.)* У меня в самом деле нет мелочи… Постой-ка! Вот три монетки по полпенса, если тебя устроит… *(Переходит к другой колонне.)*

Цветочница *(разочарованно, но понимая, что полтора пенса лучше, чем ничего)*. Спасибо вам, сэр.

Прохожий *(цветочнице)*. Эй ты, полегче, взяла деньги – так дай ему цветок. Видишь вон того типа за колонной? Он записывает каждое твоё слово.

Все оборачиваются к человеку с записной книжкой.

Цветочница *(испуганно вскакивая)*. Что я худого сделала? Ну, заговорила с джентльменом – так я имею право продавать цветы, если на тротуар не лезу. *(Истерически.)* Я девушка порядочная! Я ничего такого ему не сказала – просто попросила купить цветочек…

Общий шум. Большая часть публики сочувствует цветочнице, но осуждает её чрезмерную чувствительность. Люди пожилые, солидные треплют её по плечу, бросая ободряющие реплики вроде: «Чего расхныкалась? Кто тебя трогает? Кому ты нужна? К чему шум поднимать? Ну-ну, успокойся. Будет, будет!» Менее терпеливые рекомендуют ей заткнуть глотку или сердито спрашивают, чего, собственно, она разоралась? Те, кто стояли далеко и не знают, в чём дело, спешат к месту происшествия и усугубляют суматоху расспросами и объяснениями: «Что за шум? Что она натворила? Где он? Да вот, застукал её легавый. Какой? Да вон

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

тот, за колонной. Деньги у джентльмена выманила». И так далее. Цветочница, оглушённая и растерянная, протискивается сквозь толпу к джентльмену и громко вопит.

Цветочница. Ой, сэр, пожалуйста, не велите ему заявлять на меня. Вы не знаете, что мне за это будет! У меня отберут патент, меня выкинут на улицу за приставанье к мужчинам. Они мне…

Человек с записной книжкой *(выходит вперёд, толпа окружает его)*. Ну, хватит, хватит! Кто вас обижает, глупая вы девчонка! За кого вы меня принимаете?

Прохожий. Всё в порядке. Это джентльмен – поглядите, какие у него ботинки. *(Объясняет человеку с записной книжкой.)* Она думала, сэр, что вы легавый.

Человек с записной книжкой *(с живым интересом)*. А что значит «легавый»?

Прохожий *(не находя определения)*. Легавый – это… это… ну, одним словом, легавый. Как его иначе назовёшь? Ну, вроде сыщика или полицейского агента.

Цветочница *(всё ещё истерически)*. Да я на Библии могу присягнуть, что ничего такого…

Человек с записной книжкой *(повелительно, но добродушно)*. Довольно! Замолчите наконец. Разве я похож на полицейского?

Цветочница *(далеко не успокоенная)*. А зачем тогда записывали каждое слово? Почём я знаю, что вы там накатали? А ну-ка, покажите, что у вас там обо мне накарякано? *(Он раскрывает записную книжку и суёт ей под нос. Толпа, пытаясь прочесть написанное через его плечо, напирает так, что человек послабее не устоял бы на ногах.)* Чего это? Написано-то не по-нашему. Я не разбираю…

Человек с записной книжкой. Зато я разберу. *(Читает, точно воспроизводя её выговор.)* «Ни огарчайтись, кэптин, купитя лучше пукетик у бенной девушки».

Цветочница *(в полном смятении)*. Может, вы за то, что я его назвала «кэптен»? Так я ж ничего плохого не думала. *(Джентльмену.)* Ах, сэр, не велите ему на меня заявлять, за одно только слово. Вы…

Джентльмен. О чём заявлять? Я вас ни в чём не обвиняю. *(К человеку с записной книжкой.)* Право, сэр, хоть вы и сыщик, вам вовсе незачем ограждать меня от приставаний, пока я сам не попрошу. Слепому ясно, что у девушки не было дурных намерений.

Голоса в толпе *(протестующе против полицейского произвола)*. Правильно! Чего он суётся? Пусть лучше занимается своим делом! Не видите, что ли? Он выслужиться захотел! Каждое слово за человеком записывает! Девушка с ним слова не сказала! А хоть бы и сказала! Хорошенькое дело, девушке уж и от дождя нельзя укрыться, чтобы её не оскорбили.

Прохожие, настроенные наиболее сочувственно, отводят цветочницу обратно к колонне, где она снова усаживается, стараясь побороть волнение.

Почему знание правильной речи оказалось для Элизы важнее богатства, образования и происхождения?

РЕПУБЛИКА ТАТАРСТАН MARKAZI

Давайте обсудим

1. Какие социальные различия существовали (и существуют) в обществе?
2. От чего зависит уважение к человеку – от происхождения или от поступков?
3. Что определяет личность – внешние манеры или внутренние качества?
4. Почему одно неверно произнесённое слово превращает Элизу в «подозрительную» в глазах окружающих? Как язык становится мерилом социального положения и власти?

Практическое задание

Составьте таблицу «Социальные различия и реакции персонажей».

Персонаж	Поведение	Реакция общества	Что это говорит о его/её статусе?
Элиза			
Дочь			
Мать			
Фредди			
Авторская позиция			

Исследовательское задание

Исследуйте роль языка и диалекта в пьесе:

- Найдите примеры, когда произношение или слова Элизы воспринимаются окружающими как «неправильные» или «низкие».
- Подготовьте короткое сообщение: как в современном обществе язык влияет на социальное положение человека?

Творческое задание

Обратитесь к древнегреческому мифу о Пигмалионе. Как, на ваш взгляд, этот миф связан с названием пьесы Б. Шоу?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Действие третье

Приёмный день у миссис Хиггинс. Ещё никого нет. Квартира её расположена на набережной Челси, и гостиная всеми тремя окнами выходит на реку; только потолок в ней ниже, чем был бы в таком доме, будь он более старинной постройки. Окна – во всю стену. Они распахнуты, открывая доступ на балкон, уставленный цветами в горшках. Слева, если стоять лицом к окнам, – камин; в правой стене, поближе к углу, – дверь. Миссис Хиггинс воспитана на Моррисе и Берн-Джонсе, и её жилище разительно отличается от квартиры её сына на Уимпол-стрит: ни лишней мебели, ни полочек, ни безделушек. Посреди комнаты – просторная тахта. Подушки и парчовое покрывало на ней, ковёр на полу, моррисовские обои и моррисовские набивные занавеси на окнах – вот и всё убранство гостиной, но оно настолько изысканно, что его грешно было бы прятать за нагромождением никому не нужных вещей. На стенах несколько хороших картин (в манере Берн-Джонса, а не Уистлера), лет за тридцать до этого выставлявшихся в Гросвенор-Геллери. Пейзаж всего один: Сесил Лоусон в масштабах Рубенса. Здесь же портрет миссис Хиггинс в молодости; на ней, наперекор тогдашней моде, один из тех очаровательных россетиевских костюмов, которым так карикатурно подражали невежды, чьими стараниями был насаждён безвкусный эстетизм семидесятых годов.

В углу, наискосок от двери, за простым, но элегантным письменным столиком с пуговкой звонка под рукою, сидит миссис Хиггинс и пишет письмо; ныне ей за шестьдесят, и она давным-давно не даёт себе труда одеваться не так, как требует мода. В глубине, между столиком и окном, чипендейловский стул. На другой стороне комнаты, подальше от окна, елизаветинское кресло с грубой резьбой в духе Иниго Джонса. Там же рояль в чехле со строчкой. Между камином и окнами диванчик с обивкой из моррисовского кретона. Время – пятый час пополудни. Дверь с шумом распахивается, входит Хиггинс в шляпе.

Почему Бернард Шоу уделяет столько внимания деталям интерьера комнаты миссис Хиггинс – от стиля обоев до расположения мебели – и как через описание квартиры раскрывается характер самой хозяйки и её взгляды на эстетику и порядок?

Миссис Хиггинс *(тревожно)*. Генри! *(Укоризненно.)* Зачем ты явился? Ты же обещал не приходить в мои приёмные дни.

В то время как он наклоняется поцеловать её, она снимает с него шляпу и подаёт ему.

Хиггинс. А, чёрт! *(Швыряет шляпу на стол.)*

Миссис Хиггинс. Сейчас же возвращайся домой.

Хиггинс *(целуя её)*. Знаю, знаю, мама. Я пришёл нарочно.

Миссис Хиггинс. И напрасно. Я не шучу, Генри. Ты распугал всех моих друзей. Стоит им встретиться с тобой, как они перестают бывать у меня.

RESPUBLIKA TALIMA MARKAZI

Хиггинс. Вздор! Светских разговоров я вести не умею, что верно, то верно, но это никого не трогает. *(Садится на диван.)*

Миссис Хиггинс. Ты так думаешь? Светские разговоры! А не светские ты умеешь вести? Нет, милый, уходи, я решительно настаиваю на этом.

Хиггинс. Не могу. Вы должны помочь мне в одном деле… связанном с фонетикой.

Миссис Хиггинс. Нет, милый. К сожалению, твои гласные выше моего понимания. Я с удовольствием получаю от тебя хорошенькие открытки, стенографированные по твоей системе, но читать мне приходится написанные обычными буквами подстрочники, которые ты предусмотрительно прикладываешь.

Хиггинс. Тогда считайте, что моё дело не связано с фонетикой.

Миссис Хиггинс. Но ты же сам так сказал.

Хиггинс. То есть оно связано, но вы к ней не будете иметь отношения. Я тут подцепил девушку…

Миссис Хиггинс. А не значит ли это, что девушка подцепила тебя?

Хиггинс. Ничего подобного. О любви здесь и речи нет.

Миссис Хиггинс. Очень жаль!

Хиггинс. Почему?

Миссис Хиггинс. Ты ещё ни разу не влюблялся в женщину моложе сорока пяти. Когда наконец ты поймёшь, что на свете есть немало прелестных девушек?

Хиггинс. Не собираюсь возиться с девушками. Мой идеал – женщина, насколько это возможно, похожая на вас. Ни одна девушка никогда мне всерьёз не понравится: у меня свои привычки, а старые привычки трудно менять. *(Порывисто вскакивает, начинает шагать из угла в угол, побрякивая ключами и мелочью в кармане.)* Кроме того, все они дуры.

Миссис Хиггинс. Знаешь, Генри, что бы ты сделал, если бы по-настоящему любил меня?

Хиггинс. А, чёрт! Ну что ещё? Женился бы, наверное, да?

Миссис Хиггинс. Нет. Вынул бы руки из карманов и перестал носиться по комнате. *(С жестом отчаяния он повинуется и снова усаживается на диван.)* Вот пай-мальчик. А теперь расскажи мне о девушке.

Хиггинс. Она сегодня явится к вам с визитом.

Королевское общество *– Лондонское Королевское общество содействия успехам естествознания было основано в 1662 г.*

RESPUBLIKA TAÝM ARKAÝ

Почему Шоу показывает, что миссис Хиггинс одновременно тревожится и проявляет заботу о порядке в приёмный день, и как это противоречие помогает нам понять её характер и взгляды на воспитание и социальные условности?

Миссис Хиггинс. Не припоминаю, чтобы я её приглашала.

Хиггинс. Вы не приглашали. Пригласил я. Вы бы её ни за что не пригласили, если бы знали, кто она.

Миссис Хиггинс. Интересно! А почему?

Хиггинс. Вот как обстоит дело. Она простая цветочница. Я подобрал её на панели.

Миссис Хиггинс. И пригласил ко мне в мой приёмный день!

Хиггинс *(подходит к матери, стараясь задобрить её)*. Не беспокойтесь, всё будет в порядке. Я научил её правильно говорить и дал точные указания, как вести себя. Ей строго-настрого велено касаться только двух тем: погоды и здоровья. Словом, ничего не значащие фразы: «Как поживаете?» – «Сегодня прекрасный день» – и никаких рассуждений на общие темы. Уверяю вас, это совершенно безопасно!

Миссис Хиггинс. Безопасно! Безопасно говорить о нашем здоровье! О внутренностях! Может быть, даже о внешности! Как мог ты так наглупить, Генри!

Хиггинс *(нетерпеливо)*. Должна же она о чём-то говорить. *(Вовремя берёт себя в руки и снова садится.)* Да не волнуйтесь вы, пожалуйста, из-за пустяков, всё будет хорошо. Пикеринг тоже принимает в ней участие. Я держал с ним пари, что через полгода смогу выдать её за герцогиню. Я работаю с ней всего несколько месяцев, но она уже сделала потрясающие успехи. Пари я непременно выиграю. У неё превосходный слух, и воспринимает она всё куда лучше, чем мои ученики из буржуазных кругов, потому что её приходится учить с самого начала, как учат чужому языку. Сейчас она уже говорит по-английски почти так, как вы по-французски.

Миссис Хиггинс. Во всяком случае, это уже не так страшно.

Хиггинс. И да и нет.

Миссис Хиггинс. Как это понимать?

Хиггинс. Видите ли, произношение она освоила. Но сейчас мне уже надо думать не только о том, как эта девушка произносит, но и о том, что она произносит. И вот тут-то…

Разговор их прерывает горничная, докладывающая о гостях.

Горничная. Миссис и мисс Эйнсфорд Хилл. *(Уходит.)*

Хиггинс. Чтоб их чёрт побрал! *(Вскакивает, хватает со стола свою шляпу и спешит к двери, но прежде чем успевает до неё дойти, мать уже представляет его входящим.)*

Миссис и мисс Эйнсфорд Хилл – те самые мать и дочь, которые укрывались от дождя в Ковент-Гардене. Мать – хорошо воспитанная, спокойная женщина, но чувствуется, что она находится в постоянном напряжении, как все люди с ограниченными средствами. Дочь усвоила светский тон девушки, постоянно бывающей в обществе: бравада прикрашенной бедности.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Миссис Эйнсфорд Хилл *(мистеру Хиггинсу)*. Здравствуйте!

Здороваются.

Мисс Эйнсфорд Хилл. Здравствуйте.

Здороваются.

Миссис Хиггинс *(представляя)*. Мой сын Генри.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Ваш знаменитый сын! Я жаждала познакомиться с вами, профессор Хиггинс.

Хиггинс *(мрачно, не двигаясь с места)*. Очень рад. *(Облокачивается на рояль и небрежно кивает ей.)*

Мисс Эйнсфорд Хилл *(доверительно-фамильярно, приближаясь к нему)*. Здравствуйте.

Хиггинс *(уставившись на неё)*. Я вас уже где-то видел. Где и когда – не имею представления, но голос ваш я тоже слышал. *(Мрачно.)* Впрочем, это совершенно безразлично. Что же вы стоите? Сели бы куда-нибудь.

Миссис Хиггинс. К сожалению, должна признаться, что мой знаменитый сын совершенно не умеет вести себя. Не обижайтесь на него.

Мисс Эйнсфорд Хилл *(весело)*. Ну что вы! *(Садится в елизаветинское кресло.)*

Миссис Эйнсфорд Хилл *(слегка растерянно)*. Конечно, конечно. *(Садится на тахту слева от дочери и справа от миссис Хиггинс, которая повернула к ним своё кресло у письменного стола.)*

Хиггинс. Разве я нахамил? Простите, нечаянно. *(Подходит к окну и, став спиной к гостям, созерцает реку и цветы Бетерси-парка с таким видом, словно перед ним вечные льды.)*

Как вы думаете, почему Шоу делает Хиггинса холодным и почти безразличным при встрече с миссис Эйнсфорд Хилл, в то время как миссис Хиггинс и сама мисс Эйнсфорд Хилл проявляют вежливость и тёплое внимание? Что этим подчёркивается в характере Хиггинса и его отношении к обществу?

Горничная возвращается с Пикерингом.

Горничная. Полковник Пикеринг. *(Уходит.)*

Пикеринг. Здравствуйте, миссис Хиггинс.

Миссис Хиггинс. Очень рада вас видеть. Вы знакомы? Миссис Эйнсфорд Хилл, мисс Эйнсфорд Хилл.

Обмен поклонами. Полковник ставит чипендейловский стул между миссис Хиггинс и миссис Эйнсфорд Хилл и усаживается.

Пикеринг. Генри рассказал вам о цели нашего визита?

Хиггинс *(через плечо)*. Не успел досказать, чёрт побери.

Миссис Хиггинс. Генри, Генри, прошу тебя.

Миссис Эйнсфорд Хилл *(приподнимаясь)*. Может быть, мы помешали?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Миссис Хиггинс *(встаёт и снова усаживает её)*. Что вы, что вы! Напротив, вы пришли как раз вовремя. Мы хотим познакомить вас с одной нашей приятельницей.

Хиггинс *(обрадованный, поворачивается к ним)*. Чёрт побери, а ведь верно! Нам нужно, чтоб было несколько человек. Вы вполне сойдёте.

Горничная возвращается, за ней следует Фредди.

Горничная. Мистер Эйнсфорд Хилл.

Хиггинс *(чуть ли не в полный голос)*. А, чёрт! Ещё одного нелёгкая принесла!

Фредди *(здороваясь с миссис Хиггинс)*. Здрассте.

Миссис Хиггинс. Очень рада вас видеть. *(Знакомит.)* Полковник Пикеринг.

Фредди *(кланяется)*. Здрассте.

Миссис Хиггинс. Вы, вероятно, не знакомы с моим сыном, профессором Хиггинсом?

Фредди *(подходя к Хиггинсу)*. Здрассте.

Хиггинс *(разглядывает его так, будто перед ним вор-карманник)*. Голову даю на отсечение, что и вас я где-то уже видел. Только вот где?

Фредди. Что-то не припомню.

Хиггинс *(покорившись судьбе)*. Впрочем, это не имеет значения. Садитесь. *(Пожимает руку Фредди и чуть ли не силой усаживает его на тахту. Сам переходит на другую сторону.)* Ну вот, мы и уселись. *(Садится рядом с миссис Эйнсфорд Хилл, слева.)* О чём же, чёрт возьми, нам говорить до прихода Элизы?

Миссис Хиггинс. Генри, на вечерах Королевского общества ты, вероятно, неотразим, но в менее торжественных случаях тебя трудно переносить.

Хиггинс. В самом деле? Сожалею. *(Внезапно просияв.)* А знаете, наверно, действительно трудно. *(Хохочет.)* Ха-ха-ха!

Мисс Эйнсфорд Хилл *(которая находит Хиггинса вполне приемлемым с матримониальной точки зрения)*. Я понимаю вас. Я сама не умею вести светские разговоры. Ах, почему люди так редко бывают откровенны и говорят не то, что думают!

Хиггинс *(мрачнея)*. И слава Богу!

Миссис Эйнсфорд Хилл *(перехватывая реплику дочери)*. Но почему?

Хиггинс. То, что, как люди полагают, они обязаны думать, видит Бог, уже достаточно мерзко. А то, что они на самом деле думают, вообще ни в какие ворота не лезет. Вы полагаете, вам будет приятно, если я сейчас возьму и выложу всё, что думаю на самом деле?

Мисс Эйнсфорд Хилл *(весело)*. Неужели это так неприлично?

Хиггинс. Неприлично? Куда к чёрту неприлично! Просто непристойно!

Миссис Эйнсфорд Хилл *(серьёзно)*. Я уверена, что вы шутите, мистер Хиггинс.

Хиггинс. Видите ли, все мы в той или иной мере дикари. Предполагается, что мы цивилизованны и культурны – разбираемся в поэзии, философии, науке, искусстве и прочее, и прочее. Но скажите, многие ли из нас знают, что представляют собой хотя бы одни эти названия? *(К мисс Хилл.)* Ну что вы, например, понимаете в поэзии? *(К миссис Хилл.)* Что вы знаете о науке? *(Указывая на Фредди.)* А вот он, что он смыслит в искусстве, науке и вообще в чём бы то ни было? А что я сам, чёрт побери, знаю о философии?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Миссис Хиггинс *(предостерегающе)*. Или об умении вести себя в обществе.

Горничная *(открыв дверь)*. Мисс Дулиттл. *(Уходит.)*

Хиггинс *(поспешно вскакивает и бежит к матери)*. Мама, это она. *(Становится за креслом матери и, поднявшись на цыпочки, глазами показывает Элизе, кто из дам хозяйка дома.)*

Элиза, изысканно одетая, производит такое впечатление своей красотой и элегантностью, что все невольно встают. Направляемая сигналами Хиггинса, она с заученной грацией подходит к миссис Хиггинс.

Практическое задание

Прочитайте отрывок и заполните таблицу, анализируя, что рассказывают о персонажах интерьер, слова и действия.

Персонаж	Детали внешней среды или интерьера	Слова и действия	Что это говорит о характере/ взглядах
Миссис Хиггинс			
Хиггинс			
Мисс Эйнсфорд Хилл			
Элиза			
Авторская позиция			

1. Посмотрите, как ведёт себя Хиггинс при встрече с гостями. Запишите три реплики, которые показывают его отношение к светским правилам.
2. Сравните поведение миссис Хиггинс и мисс Эйнсфорд Хилл. Чем отличается их подход к общению?

Работа в группах

Каждая группа отвечает за один из пунктов:

- **Герои:** составьте характеристику своего персонажа (цели, особенности, эволюция).
- **Конфликты:** выпишите внешние и внутренние конфликты (например: Элиза ↔ общество; Хиггинс ↔ Элиза; внутренний конфликт Элизы).
- **Темы и идеи:** исследуйте одну из тем (например: язык и классовое различие; идентичность; преображение) с примерами из текста.
- **Форма драмы:** выясните, как драматическая форма (диалоги, сцены, действие) помогает автору раскрыть тему.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Творческое задание

Напишите небольшое сочинение на тему: **«Элиза Дулиттл: жертва эксперимента или самостоятельная личность?»**

Действие пятое

Гостиная миссис Хиггинс. Хозяйка сидит за письменным столом. Входит горничная.

Горничная *(в дверях)*. Мистер Генри, мэм, и с ним полковник Пикеринг.

Миссис Хиггинс. Просите.

Горничная. Они говорят по телефону, мэм. По-моему, вызывают полицию.

Миссис Хиггинс. Что?

Горничная *(подходит ближе и понижает голос)*. Мистер Генри в расстроенных чувствах, мэм. Я сочла нужным вас предупредить.

Миссис Хиггинс. Я удивилась бы гораздо больше, если бы узнала, что мистер Генри не в расстроенных чувствах. Попросите их подняться ко мне, когда они покончат свои дела с полицией. Мистер Генри, наверно, потерял что-нибудь.

Горничная. Слушаю, мэм. *(Направляется к двери.)*

Миссис Хиггинс. Поднимитесь наверх и скажите мисс Дулиттл, что мистер Генри и полковник здесь. Передайте, чтобы она не выходила, пока я не пришлю за ней.

Горничная. Слушаю, мэм.

Врывается Хиггинс. Он, как правильно заметила горничная, пребывает в расстроенных чувствах.

Хиггинс. Послушайте, мама, произошла дьявольская история!

Миссис Хиггинс. Доброе утро, мой милый. *(Он сдерживает своё нетерпение и целует её, в то время как горничная покидает комнату.)* Что же случилось?

Хиггинс. Элиза сбежала.

Миссис Хиггинс *(спокойно продолжая писать)*. Вы, наверно, напугали её.

Хиггинс. Как же! Её напугаешь! Вздор! Вчера вечером она, как обычно, задержалась, чтобы погасить свет и всякое прочее, а потом вместо того, чтобы пойти спать, переоделась и сбежала. Её постель даже не смята. Сегодня рано утром она приехала на такси за своими вещами, и эта дура миссис Пирс, не сказав мне ни слова, отдала их. Что мне теперь делать?

Миссис Хиггинс. Обходиться без неё, Генри. Девушка имела полное право уйти, если ей так хочется.

Хиггинс *(блуждая по комнате)*. Но я не могу найти ни одной своей вещи. Я не знаю, с кем и когда у меня назначены встречи. Я…

Входит Пикеринг. Миссис Хиггинс кладёт перо и отодвигается от письменного стола.

Пикеринг. Доброе утро, миссис Хиггинс. Генри уже рассказал вам? *(Садится на тахту.)*

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Хиггинс. Ну, что сказал этот осёл инспектор? Вы предложили вознаграждение?

Миссис Хиггинс *(встаёт в негодовании)*. Неужели вы серьёзно собираетесь разыскивать Элизу через полицию?

Хиггинс. Конечно! Для чего ещё существует полиция? И что нам оставалось делать? *(Садится в елизаветинское кресло.)*

Пикеринг. Я с трудом договорился с инспектором. Он, кажется, заподозрил нас в не совсем чистых побуждениях.

Миссис Хиггинс. Безусловно. Вообще, какое вы имели право заявлять об этой девушке в полицию, как будто она воровка или потерянный зонтик? Безобразие! *(Снова садится, крайне возмущённая.)*

Хиггинс. Но мы же хотим найти её.

Пикеринг. Мы не допустим, чтобы она вот так ушла от нас. Что же нам оставалось делать, миссис Хиггинс?

Миссис Хиггинс. Здравого смысла у вас столько же, сколько у двух младенцев. Почему…

Входит горничная, прервав начатый разговор.

Горничная. Мистер Генри, к вам какой-то джентльмен по срочному делу. Его направили сюда с Уимпол-стрит.

Хиггинс. А ну его ко всем чертям! Мне сейчас не до дел. А кто он такой?

Горничная. Некий мистер Дулиттл, сэр.

Пикеринг. Дулиттл? Так ведь это мусорщик!

Горничная. Мусорщик? Что вы, сэр! Это джентльмен.

Хиггинс *(возбуждённо вскочив с места)*. Чёрт побери, Пик! Это, наверно, её родственник, у которого она скрывается. Кто-нибудь, кого мы ещё не знаем. *(Горничной.)* Тащите его сюда, да поживее.

Горничная. Слушаю, сэр. *(Уходит.)*

Хиггинс *(подходит к матери, нетерпеливо)*. Ну, сейчас мы кое-что услышим. *(Садится на чипендейлевский стул.)*

Миссис Хиггинс. А вы знаете кого-нибудь из её родных?

Пикеринг. Только отца. Помните, мы вам о нём рассказывали.

Горничная *(объявляет)*. Мистер Дулиттл. *(Уходит.)*

Входит Дулиттл. Он великолепно одет: новый, модный сюртук, белый жилет и серые брюки. Цветок в петлице, сверкающий цилиндр и лакированные ботинки завершают картину. Войдя, он не замечает миссис Хиггинс, так как целиком поглощён целью своего визита. Он направляется прямо к Хиггинсу и обрушивает на него град упрёков.

Дулиттл *(указывая на свой костюм)*. Смотрите! Видите вы это? Всё это вы наделали!

Хиггинс. Простите, что «всё»?

Дулиттл. Вот это всё, говорю я вам. Взгляните на меня! Взгляните на эту шляпу! Взгляните на этот костюм!

Пикеринг. Элиза купила вам эти вещи?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Дулиттл. Как же, Элиза! Держи карман шире! С какой это стати Элиза будет покупать мне тряпки?

Миссис Хиггинс. Доброе утро, мистер Дулиттл. Не угодно ли присесть?

Дулиттл *(смущённый тем, что не заметил хозяйку дома)*. Прошу прощения, мэм. *(Подходит к ней и пожимает протянутую руку.)* Благодарю вас. *(Усаживается на тахту справа от Пикеринга.)* Совсем я убит тем, что со мной приключилось, ни о чём другом думать не могу.

Хиггинс. Что же, чёрт побери, с вами приключилось?

Дулиттл. Да если б это со мной просто случилось, ну, что ж, как говорится, ничего не поделаешь, с каждым может случиться, на то и воля Божья. Так ведь нет, не случилось, а вы это сами со мной сделали. Да, да, вы, лично вы, Генри Хиггинс.

Хиггинс. Вы нашли Элизу? Остальное неважно.

Дулиттл. А вы её потеряли?

Хиггинс. Да.

Дулиттл. Ваше счастье. Я её не нашёл, но теперь, после того, что вы со мной сделали, она меня сама живо найдёт.

Миссис Хиггинс. Но что же такое сделал с вами мой сын, мистер Дулиттл?

Дулиттл. Что он со мной сделал? Сгубил меня. Лишил покоя. Связал меня по рукам и ногам и отдал в лапы буржуазной морали.

Хиггинс *(встаёт и с негодующим видом подступает к Дулиттлу)*. Вы бредите. Вы пьяны. Вы с ума сошли. Я дал вам пять фунтов, после чего имел с вами ещё две беседы по полкроны в час. Больше я вас в глаза не видел.

Дулиттл. Ах, я, значит, пьян? Да? Я с ума, значит, сошёл? Да? А скажите-ка, писали вы письмо одному старому душегубу в Америке, который отвалил пять миллионов на то, чтобы по всему свету основать общества моральных реформ, и просил, чтобы вы придумали для него всемирный язык?

Хиггинс. Что? Эзра Д. Уонафелер? Да ведь он умер. *(Успокоенный, снова усаживается.)*

Дулиттл. Да, он умер, а я пропал. Писали вы ему или не писали? Нет, вы ответьте, писали вы ему, что, насколько вам известно, самый что ни на есть оригинальный моралист во всей Англии – это Элфрид Дулиттл, простой мусорщик?

Хиггинс. А ведь верно, после вашего последнего визита я, кажется, написал что-то в этом духе, ради шутки.

Дулиттл. Ничего себе шутка! Она меня доконала, ваша шутка! Он ведь только и дожидался случая показать, что американцы нам не чета. Они, мол, признают и уважают человека за его достоинства, а из какого он класса, им начхать, пусть хоть из самых подонков. Вот эти самые слова черным по белому и записаны в его завещании. А по этому завещанию он из-за ваших дурацких шуток, Генри Хиггинс, оставил мне пай в своём тресте «Пережёванный сыр» на три тысячи годового дохода при условии, что я буду читать лекции в его уонафелеровской «Всемирной лиге моральных реформ», когда меня пригласят, но не больше шести раз в год.

Хиггинс. Чёрт побери! *(Внезапно развеселившись.)* Ну и потеха!

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Пикеринг. Вам нечего опасаться, Дулиттл: второй раз вас уже не пригласят.

Дулиттл. Да тут не о лекциях речь. Я и глазом не моргну, а буду себе читать им эти лекции, пока они на стенку не полезут. Я ведь против чего возражаю – против того, что из меня порядочного сделали. Кто его просил делать из меня порядочного? Жил я в своё удовольствие, был свободен как ветер, а когда хотел, мог из любого джентльмена деньжат вытянуть, вроде как из вас вытянул, Генри Хиггинс. Теперь я минуты покоя не знаю. Связан по рукам и ногам, и все кому не лень из меня деньги тянут. «Вам повезло», – говорит мой адвокат. «Вот как, – говорю я. – Вы, верно, хотите сказать, что это вам повезло». Помню, когда я был бедняком, довелось мне раз иметь дело с адвокатом – оказалась, понимаете, в моём мусорном фургоне детская коляска. Так адвокат этот только и думал, как бы меня поскорее с рук сбыть. И с докторами та же история – я ещё на ногах не держусь, а меня уже норовят из больницы вышвырнуть. Так это мне хоть денег не стоило. А теперь доктора находят, что здоровье у меня слабое и я помру, если они ко мне по два раза на дню не будут заглядывать. Дома мне пальцем не дают шевельнуть: всё за меня делают другие, а я за это денежки гони. Год назад у меня на всём белом свете было два-три родственника, да и те со мной знаться не хотели. А теперь их объявилось штук пятьдесят, и всем жить не на что. Живи для других, а не для себя – вот она как обернулась, буржуазная-то мораль. Вы говорите, Элиза потерялась? Не беспокойтесь! Бьюсь об заклад, что она уже у моего подъезда торчит. А пока меня почтенным буржуа не сделали, она себе спокойно цветочки продавала и сама кормилась. Подходит день, когда и вы, Генри Хиггинс, начнёте из меня деньги тянуть. Придётся вам меня учить разговаривать по-буржуазному, просто по-человечески мне теперь говорить не положено. Вот тут-то ваш черёд и подойдёт. Я так думаю, что вы всю эту штуку для того и подстроили.

Миссис Хиггинс. Но, милый мистер Дулиттл, если вы говорите серьёзно, то зачем вам теперь это? Никто не заставляет вас принять наследство. Вы можете отказаться от него. Не так ли, полковник Пикеринг?

Пикеринг. Несомненно.

Дулиттл *(смягчая тон из уважения к даме)*. В том-то и трагедия, мэм. Легко сказать – отказаться. А если духа не хватает? Да и у кого хватило бы? Все мы запуганы, мэм, – вот оно что. Ну, допустим, я отказался, а под старость что? Ступай в работный дом? Мне уже сейчас приходится волосы красить, чтобы работу не потерять. А я всего-навсего мусорщик. Будь я достойным бедняком, я бы, конечно, имел кой-какие сбережения и тогда мог бы отказаться. Но опять-таки смысла нету, потому как достойным беднякам живётся не лучше, чем миллионерам. Им даже не понять, что значит жить в своё удовольствие. А как я есть бедняк недостойный, то между мной и нищенской робой только и стоят что эти три тысячи в год. Будь они трижды прокляты – простите за выражение, мэм, но и вы на моём месте не удержались бы – они-то меня в буржуазное общество и спихнули. Вот и выходит – куда ни кинь, всё клин: выбирать приходится между Скилией работного дома и Харбидией буржуазного класса, а выбрать работный дом рука не поднимается. Запуган я, мэм. Сдаться решил. Меня купили. Счастливцы будут вывозить мой мусор и тянуть из меня на чай, а я буду смотреть на них и завидовать. И всё это подстроил мне ваш сынок. *(Смолкает от наплыва чувств.)*

REPUBLIKA MARKAZI

Миссис Хиггинс. Я очень рада, что вы не собираетесь делать глупости. Таким образом, будущее Элизы перестанет быть проблемой. Теперь вы можете обеспечить её.

Дулиттл *(с печальной покорностью)*. Да, мэм. Теперь я должен обеспечивать всех – и всё на жалкие три тысячи в год.

Хиггинс *(вскакивая)*. Вздор! Он не может обеспечить её и не будет её обеспечивать. Она ему не принадлежит: я заплатил за неё пять фунтов. Честный вы человек или мошенник, Дулиттл?

Дулиттл *(кротко)*. И того и другого есть понемногу. Как каждый из нас, Генри.

Хиггинс. Но деньги-то вы за девушку взяли? Значит, не имеете права требовать её обратно.

Миссис Хиггинс. Генри, перестань глупить. Угодно тебе знать, где Элиза? Так вот, она у меня наверху.

Хиггинс *(поражённый)*. Наверху? Ну, так я её живо спущу вниз! *(Решительно направляется к двери.)*

Миссис Хиггинс *(следует за ним)*. Успокойся, Генри. Сядь.

Хиггинс. Я…

Миссис Хиггинс. Сядь, милый, и выслушай меня.

Хиггинс. Ну хорошо, хорошо, пожалуйста! *(С размаху бросается на тахту и отворачивается.)* Но вы могли всё-таки сказать мне об этом ещё полчаса назад.

Миссис Хиггинс. Элиза пришла ко мне сегодня утром. Уйдя от вас, она в ярости металась по улицам, хотела утопиться, но не нашла в себе сил и остаток ночи провела в отеле «Карлтон». Она рассказала мне, как отвратительно вы поступили с ней.

Хиггинс *(снова вскочив)*. Что-о?

Пикеринг *(тоже встаёт)*. Дорогая миссис Хиггинс, поверьте, это сплошные выдумки. Никто с ней дурно не поступал. Мы вообще почти не разговаривали с ней и расстались самыми лучшими друзьями. *(Хиггинсу.)* Хиггинс, может быть, вы её чем-нибудь допекли после моего ухода?

Хиггинс. Как раз наоборот. Это она запустила в меня туфлями и вообще вела себя самым непозволительным образом. Я не дал ей ни малейшего повода, и вдруг бац! – не успел я слова сказать, как она влепила мне в физиономию сначала одну туфлю, потом другую. А сколько гадостей наговорила!

Пикеринг *(удивлённый)*. Но за что? Что мы ей сделали?

Миссис Хиггинс. А я прекрасно понимаю, что вы ей сделали. Девушка, вероятно, от природы очень чувствительна. Не правда ли, мистер Дулиттл?

Дулиттл. Сердце у неё чистый воск, мэм. В меня пошла.

Миссис Хиггинс. Вот видите. Она привязалась к вам обоим. Она так старалась ради тебя, Генри! Ты даже представить себе не можешь, что значит для такой девушки умственная работа. Наконец наступает великий день. Она справляется с труднейшим испытанием без единого промаха, а вы возвращаетесь домой и, даже не замечая её, начинаете рассказывать, как вам надоела вся эта история и как вы рады, что всё наконец кончилось. И ты ещё удивляешься, что она запустила в тебя туфлями? Я бы в тебя кочергой запустила!

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Хиггинс. Мы сказали только, что очень устали и хотим спать, вот и всё. Правда, Пик?

Пикеринг *(пожимая плечами)*. Больше мы ничего не говорили.

Миссис Хиггинс *(с иронией)*. Вы уверены?

Пикеринг. Абсолютно уверен. Ни слова больше.

Миссис Хиггинс. И вы не поблагодарили её, не сказали ей ласкового слова, не похвалили её за то, что она так блистательно справилась со своей задачей?

Хиггинс *(нетерпеливо)*. Всё это ей и без того было известно. Если вы имеете в виду поздравительные речи, то мы их действительно не произносили.

Пикеринг *(испытывая угрызения совести)*. Возможно, мы были недостаточно внимательны. Она очень сердится?

Миссис Хиггинс *(возвращаясь на своё место за письменным столом)*. Боюсь, что она не вернётся больше на Уимпол-стрит, особенно теперь, когда мистер Дулиттл может обеспечить ей то положение, которое вы ей навязали. Однако она говорит, что готова забыть обиды и встретиться с вами по-дружески.

Хиггинс *(взбешённый)*. Вот как! Она готова снизойти до нас!

Миссис Хиггинс. Если ты обещаешь вести себя прилично, Генри, я попрошу её спуститься сюда. Если – нет, отправляйся домой: ты и так уже отнял у меня много времени.

Хиггинс. Прекрасно! Превосходно! Пик, прошу вас, ведите себя прилично. Облачимся в наши лучшие воскресные манеры ради девчонки, которую мы вытащили из грязи. *(Сердито бросается в елизаветинское кресло.)*

Дулиттл *(с укором)*. Ах, Генри Хиггинс, Генри Хиггинс, пощадите мои буржуазные чувства.

Миссис Хиггинс. Не забывай, Генри: ты обещал. *(Нажимает кнопку звонка на письменном столе.)* Мистер Дулиттл, будьте любезны, пройдите пока на балкон. Я хочу, чтобы Элиза помирилась с этими джентльменами до того, как вы сообщите ей о своём новом положении. Вы не возражаете?

Дулиттл. Как вам угодно, мэм. Я готов на всё, лишь бы Генри избавил меня от неё. *(Скрывается за балконной дверью.)*

Давайте обсудим

1. Как через диалоги и поведение Генри Хиггинса автор показывает его отношение к Элизе: как к человеку или как к «результату эксперимента»?
2. Почему уход Элизы становится переломным моментом в пьесе?
3. Как образ Дулиттла помогает автору показать противоречия социальной морали и классового общества?
4. Кого вы считаете более справедливым в этом эпизоде – миссис Хиггинс или Генри Хиггинса?
5. Почему этот конфликт раскрывается именно через диалог, а не через авторское описание?
6. Актуальна ли проблема, поднятая в пьесе, для современного общества?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Практическое задание

1. Прочитайте выбранный вами отрывок из пьесы (например, финальную сцену или диалог Элизы и Хиггинса).
2. Выпишите 3 факта (что произошло, кто сказал, где происходит действие).
3. Найдите 2 подтекста или скрытые идеи (например, что отражает речь Элизы; каков подтекст сцены).

Работа в группах

Выберите одну сцену и проанализируйте:

1. Как язык персонажей отражает их социальное положение?
2. Какие драматические средства (паузы, ремарки, изменение интонации) используются?
3. Напишите краткий вывод (50–70 слов), что автор хотел сказать этой сценой и оцените, насколько успешно.

Письменное задание

1. Создайте ментальную карту по пьесе.

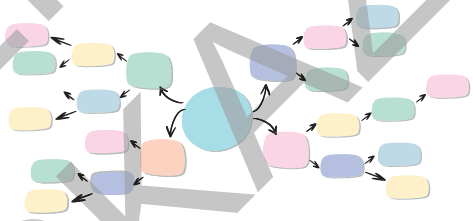
Основные ветви карты:

Герои (Элиза Дулиттл, Генри Хиггинс и др.)

Темы: (язык, социальная мобильность)

Конфликт: Идеи автора: Жанр / форма:

Символы:

Инструкция: Под каждой ветвью запишите 2–3 ключевых пункта (имена персонажей, основные темы, виды конфликтов, авторские идеи и т. д.).

Используйте цвета, стрелки и связи между элементами карты (например: «язык» ↔ «социальная мобильность»).

После создания ментальной карты обменяйтесь работами с соседом по парте и кратко объясните, почему вы выбрали именно такие связи.

2. Напишите эссе (200–250 слов) *«Почему пьесу «Пигмалион» можно считать драмой, а не просто комедией?»*

Используйте аргументы из анализа произведения (особенности драматической формы, роль диалога, развитие конфликта, социальная проблематика) и включите в текст одну цитату-пример из пьесы.

В эссе отразите личную оценку.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

ХАМИД АЛИМДЖАН (1909–1944)

Хамид Алимджан – известный узбекский поэт, драматург, литературный критик и переводчик XX века, один из основоположников современной узбекской литературы. Он автор поэмы «Зайнаб и Аман» и множества других произведений, а также известных сборников стихов, таких как «Весна» и «Огненные волосы». Алимджан также занимал должность ответственного секретаря Союза писателей Узбекистана и был переводчиком русской классики на узбекский язык.

Давайте поговорим

1. Подумайте, что вызывает у человека самые сильные чувства: любовь, дружба, разлука, мечта, Родина.
2. Вспомните стихотворение, которое произвело на вас сильное впечатление. Какие чувства и мысли возникли у вас после его прочтения? Обоснуйте свой ответ.

Подготовка к встрече с текстом

Первый стихотворный сборник Хамида Алимджана «Весна», опубликованный в 1929 г., принёс молодому поэту успех и признание известных поэтов. Постепенно меняется характер его стихотворений, они становятся философски осмысленными, происходит сближение узбекской и русской поэтических традиций. Таковы стихи «Восток», «Узбекистан», «Сиёб», «Долина счастья» из сборников «Утренний ветерок», «Огненные волосы», «Скачки».

Во второй половине 30-х годов XX века Алимджан опубликовал сборники «Вечер у реки», «На берегах Чирчика», «Страна», «Счастье». Вошедшие в эти сборники стихотворения отличаются взволнованностью и вместе с тем сдержанностью тона, красочностью и мягкостью рисунка, осмыслением конкретной человеческой судьбы, попыткой запечатлеть счастливые мгновения молодости.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

В стихотворении «Когда цветёт урюк» Х. Алимджан отказывается от демонстративной сложности, его строчки просты и ясны. Это произведение – пример одушевления пейзажа. Весенний колорит пронизан красками рассвета, дышит ароматами юности.

Но дело не только в образно-живописной конкретике. Содержание стихотворения шире: его герои – человек и природа, красота, жизнь, торжество человеческих начал.

Под окном моим за ночь вдруг
Белый, белый расцвёл урюк.
Каждый цветик, на ветке дрожа,
Славу жизни страстно запел.
Тёплый ветер, зарю сторожа,
Первый запах украсть успел.

Перевод Л. Пеньковского

Весна у Алимджана – символ обновления жизни и души человеческой. Кольцевой тип композиции (стихотворение начинается и заканчивается строчками «Под окном моим за ночь вдруг // Белый, белый расцвёл урюк») позволяет сконцентрироваться на счастье как на великом даре жизни.

КОГДА ЦВЕТЁТ УРЮК

Под окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвёл урюк.
Каждый цветик, на ветке дрожа,
Славу жизни страстно запел.
Тёплый ветер, зарю сторожа,
Первый запах украсть успел.
Что ни год, приходит в цветах,
Обольстит и уходит весна.
Что с бесстыдницей делать?
Ах, ведь опять обманет она!
Но, забыв обиды свои,
На весенний глядя расцвет,
Я твержу: «О пора любви,
Будет счастье мне или нет?»
Нежно гладя щёки мои,
Ветер шепчет: «Счастье с тобой!»
И чирикают все воробьи:
«Пой, счастливец, радуйся, пой!»
Выйду в сад, по дорожкам пройду,
Лунной ночью, солнечным днём, –
Всё мне радо в белом саду,
Всё мне тайно поёт об одном:
«Мир цветов пред тобой возник,
Унеси его в спальню весь,
Но обилен счастья цветник,
Не снесёшь – оставайся здесь.
И за всех, ушедших давно,
Кто в слезах без цветов зачах,
Право счастья тебе дано
В белых-белых урючных садах...»
Под окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвёл урюк.

1937

Перевод Л. Пеньковского

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Давайте поговорим

1. Подумайте, какие моменты в жизни приносят вам ощущение радости и счастья.
2. Какие чувства вызывает у вас природа весной? Приведите примеры из собственного опыта.
3. Какие чувства вызывает у вас образ «ветра, шепчущего о счастье»?

Творческое задание

Заполните таблицу.

Образы	Символы
Белый урюк	
Весна и цветы	
Ветер	
Пение воробьёв	

Подготовка к встрече с текстом

Стихотворение Хамида Алимджана **«Смерть Офелии»** – это глубокая романтическая интерпретация образа трагедии Шекспира «Гамлет», где узбекский поэт акцентирует внимание на трагической красоте, безвинности и чистоте героини. Алимджан, известный мастер лирико-эпических поэм, переосмысливает шекспировскую Офелию, превращая её в символ хрупкой души, сломленной жестокостью окружающего мира, используя возвышенные, элегические интонации.

В стихотворении Х. Алимджана Офелия – это не просто безумная девушка, а воплощение поэзии, чистоты и любви, которая не находит места в мире интриг и насилия. Её смерть описывается не как безумие, а как переход в более спокойный мир природы, которая сопереживает героине, цветы и вода выступают символами её чистоты и невинности.

Стихотворение наполнено светлой печалью, выражающей не столько ужас смерти, сколько скорбь по ушедшей красоте. Через классический европейский образ автор передаёт общечеловеческие ценности – гуманизм, любовь к красоте и сострадание к невинным жертвам, что было характерно для его творчества в целом.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

СМЕРТЬ ОФЕЛИИ

1

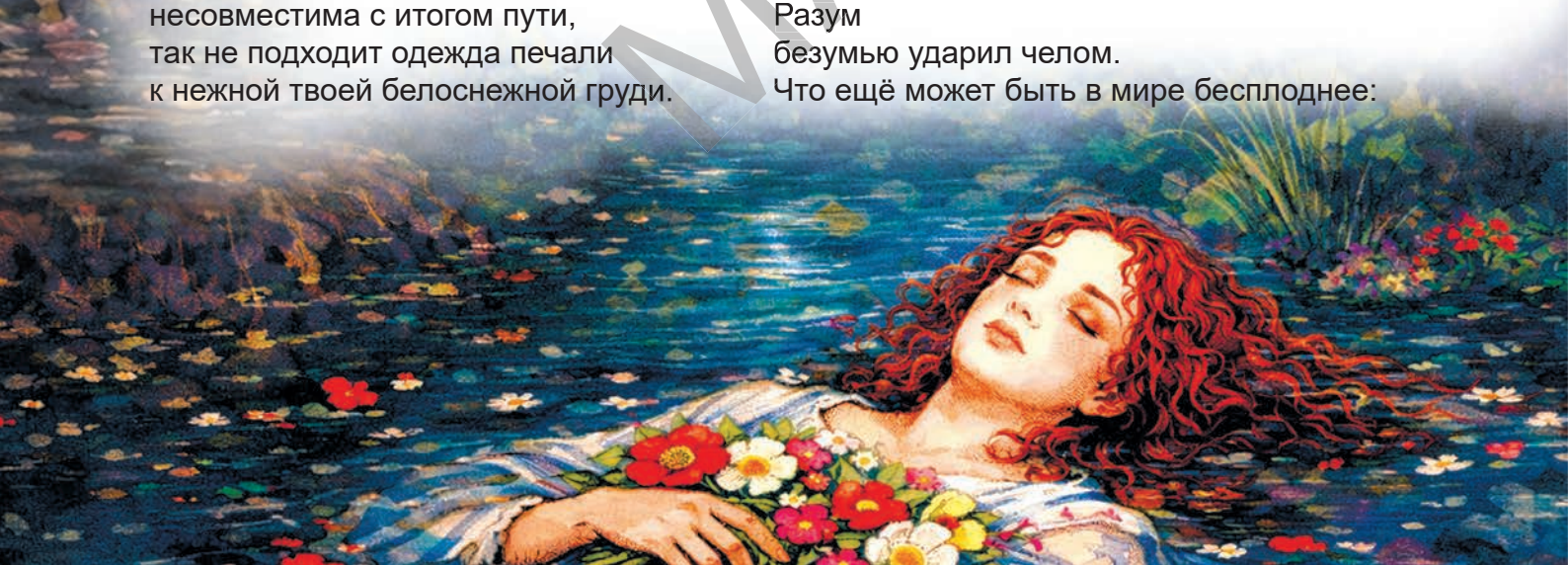
Хочешь запеть, но из глуби сердечной
слабый и горестный вырвется звук.
Ворох цветочный, трауром вечным,
так и не выпустишь больше из рук...

2

Милая, тише... Бессмысленны песни.
Эта обида уйдёт от суда.
Это сердца надорвавшее пенье
и не услышит глухая судьба.
Так для чего же верность святая,
нежность блаженней январских снегов,
если душа не дождётся свиданья,
если любви не постигнет любовь?
Если вовек не коснётся любимый –
так для чего же, скажи, для чего
сладостных уст дорогие рубины,
золото кос, снеговое чело?
И для чего красоту согревали
россыпью звёздной в девичьих очах,
если молитвы обряд погребальный
вечной золою засыплет очаг?..
Нет на земле темноты непроглядней.
Нет ядовитее слёзной росы.
Кто ж наделил тебя горьким проклятьем
неувядающей этой красы?..
Хочешь запеть, но из глуби сердечной
слабый и горестный вырвется звук.
Ворох цветочный, трауром вечным,
так и не выпустишь больше из рук.
Как материнская радость вначале
несовместима с итогом пути,
так не подходит одежда печали
к нежной твоей белоснежной груди.
Что ж ты, природа, творец малодушный,
судьбы творенья замыслила так:
тело украсить, вылепить душу –
и равнодушно кинуть во мрак?
Разве любовь невозможна без боли,
а красота – не отрада для тел?
В этом ли смысл красоты и любови,
что лишь страданье дано им в удел?..

3

Гамлет любил, и два нежные пламени –
очи твои во вращении дня –
душу ему согревали и плавили,
как ни скрывалась она от огня.
Гамлет любил. Ему жизнь приоткрыли
губы твои в драгоценном цвету.
Мысль за плечами чуяла крылья,
шаг твой заслышав в дворцовом саду!
Что же стряслось?..
Отрезвленья не вынести,
вынырнув вновь
в измереньи ином.
Нет! Не спастись этой нежной невинности
под разъедающим адским пятном.
Ложью ль разорвана надвое Дания,
кровью ли кров обесчещен родной?..
Горше сомненья –
не сыщешь страдания,
клетки –
надёжнее клетки грудной.
Немы уста. Ни строки, ни мелодии.
Разум
безумью ударил челом.
Что ещё может быть в мире бесплоднее:

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

в смуте любовной –
неверья челнок!
Душам не дастся, к чему они призваны.
Так что напрасно
и плакать и клясть,
если во власти ревнивого призрака
эта раздвоившаяся страсть.
Дымно горят погребальные факелы.
Верность и нежность уходят во тьму.
Гамлет – в аду!
Поцелуи и ангелы –
всё это только
приснилось ему...

4

Сердца цветник листопадом засыпан.
И синева продаётся на вес.
Рок протрубил ли
в рог свой осипший?..
Сокол высокий низвергнут с небес.
Дней обнажилось жестокое днище,
старого мира пустуют тела.
Пламень недавний бродит, как нищий,
по капле вымаливая тепла.

Перевод А. Наумова

Практическое задание

Проследите, как развивается тема трагической любви в стихотворении Хамида Алимджана «Смерть Офелии». Для этого:

1. Определите, о чём говорится в каждой из четырёх частей стихотворения.
2. Озаглавьте каждую часть одним словом или короткой фразой.
3. Объясните, как меняется настроение лирического героя от начала к финалу произведения.
4. Сделайте вывод: почему автор завершает стихотворение размышлением не только о судьбе Офелии, но и о трагедии всего мира?

Давайте обсудим

1. Какие образы использует поэт, чтобы показать противоречие красоты и страдания?
2. Почему в тексте появляется Гамлет? Как его образ раскрывает смысл стихотворения?
3. Как природа и её явления помогают выразить внутреннее состояние героя?
4. Какие философские вопросы задаёт автор о любви, верности и судьбе человека?

Творческое задание

1. Найдите и выпишите **метафоры и символы**, которые передают грусть.
2. Сравните, как в разных частях стихотворения проявляется тема любви и страдания.
3. Подберите примеры из жизни или литературы, где любовь или красота приносили одновременно радость и страдание.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

АЙБЕК (1905–1968)

Айбек – литературный псевдоним писателя Мусы Ташмухамедова. Его творческое наследие многогранно. Как и многие узбекские литераторы своего времени, Айбек начал путь в искусстве с поэзии. Повесть «Детство», опубликованная в 1963 году, стала ярким образцом мемуарной прозы.

Айбек относится к числу первых узбекских романистов. Перу писателя принадлежат такие значимые произведения, как «Священная кровь», «Навои», «Ветер золотой долины», «Солнце не померкнет», «Великий путь».

Давайте поговорим

1. Роман Айбека – художественное произведение, посвящённое реальной исторической личности. Какие черты характера и особенности деятельности Алишера Навои вы ожидаете увидеть в этом романе?
2. Как вы считаете, что важнее в историческом романе: точность описания событий или глубокое раскрытие личности главного героя?
3. Может ли один человек повлиять на развитие культуры целого народа?

Подготовка к встрече с текстом

Роман «Навои»

С юных лет Айбек был увлечён произведениями великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои. Прежде чем создать художественное произведение о нём, писатель тщательно изучил богатый архивный материал. В 1930-е годы Айбек активно работал над образом великого поэта, мыслителя и государственного деятеля Алишера Навои. Он мечтал о том, чтобы песни Навои, подобно соловью, вновь зазвучали над землёй.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

В 1939 году Айбек написал поэму о великом поэте, а в 1943 году завершил роман, в котором представил Навои прежде всего как общественного и государственного деятеля. В романе «Навои» Айбек мастерски показал борьбу гуманиста с деспотией, его роль в развитии узбекской культуры и языка, а также непростые отношения с султаном Хусейном Байкарой в эпоху междоусобиц. Автор представляет Навои не только как поэта, но и как мудрого визиря, борющегося за справедливость, просвещение и защиту интересов простых людей. Он показан как человек высокой морали, противостоящий жестокости правителей. Роман детально описывает Герат XV века, эпоху Темуридов, характеризующуюся научным и культурным подъёмом, но также бесконечными войнами и предательствами. Его творческий путь затрагивается вскользь, в заключительных главах произведения.

Значение романа «Навои» как одного из лучших образцов реалистической прозы выходит далеко за рамки узбекской литературы. Произведение было переведено на многие языки, в том числе и на русский.

НАВОИ

(в сокращении)

Весеннее солнце ярко сияет над величественным куполом медресе[6] Гаухар-Шад в Герате. Словно живой воздушный цветник сверкают, взблёскивают мириадами красок узоры на высоком портале. Над куполом весело кружатся голуби, то взмывая ввысь, то опускаясь в скользящем полёте. Над широким квадратным двором медресе после прошедшего накануне ливня клубится еле видимый пар.

Двор замкнут с одной стороны обителью для дервишей[7] – ханакой, – с трёх других – комнатами-клетушками для студентов – худжрами. Медресе живёт своей обычной жизнью. Радуясь солнечному дню, студенты вышли во двор, разостлали циновки на дорожках, выложенных плоским кирпичом, и готовятся к занятиям. Кто изучает «Шамсию», кто – «Кафию», а кто – «Хашию».[8] Вот студент положил книгу на колени и зубрит арабскую грамматику, бормоча себе под нос, покачивая головой в огромной чалме и зажмурив глаза. А вон трое молодых людей, усевшись треугольником на циновке, горячо обсуждают какой-то, видимо, сложный и важный для них вопрос. Один из студентов – худощавый, бледный, с густой бородой – изо всех сил старается одолеть других неумолимой логикой и склонить «весы истины» на свою сторону. Но младшие товарищи отнюдь не уступают ему в упорстве. Крича и жестикулируя, они в один миг воздвигают недоступную крепость из новых аргументов и соображений. Нередко спорщики уклоняются от основного предмета; увлёкшись новой мыслью, всплывшей во время прений, они блуждают в чаще слов, усеянной терниями трудных вопросов, и, продираясь сквозь неё, возвращаются к первоначальной проблеме.

Иногда, в пылу спора, противники забываются и осыпают друг друга грубостями;

---

[6] Медресе – мусульманское высшее учебное заведение.

[7] Дервиш – отшельник, аскет.

[8] «Шамсия», «Кафия», «Хашия» – ходовые учебники в медресе.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

порою, нахохлившись, как орлята, они на мгновенье застывают в забавных позах, словно готовые вцепиться один в другого.

В жизни медресе такие споры – самое обычное дело, и окружающие не обращают внимания на возбуждённые крики будущих учёных мужей.

Кажется, что в этот солнечный день полутёмные худжры должны быть совершенно пустыми, однако в одной из них, приткнувшейся к ханаке, сидят и беседуют четыре человека. В худжре тесно и сыро. Хотя дверь распахнута настежь и во дворе от яркого весеннего солнца рябит в глазах, в комнате царит полутьма. Это обычная студенческая келья, как все другие во всех медресе на Востоке. Может быть, люди, когда-то решив подтвердить на ярком примере правильность древней мысли: «Наука – это рытьё иглой колодца», установили для воспитания терпения такие стиснутые, тёмные худжры.

Среди собеседников трое – студенты. По учёности, возрасту, характеру они резко отличаются друг от друга, но все они – самые бедные студенты медресе. Следуя правилу: «Сложи две половины – и выйдет целая», они сходятся, чтобы вместе готовить пищу.

Самый старший – хозяин худжры Ала-ад-дин Мешхеди – маленький человек с худощавым, заросшим жёсткой чёрной бородой лицом, густыми сходящимися бровями и полузакрытыми тусклыми глазами. Вот уже пятнадцать лет, как он живёт в медресе Гаухар-Шад, в этой самой худжре, и даже не представляет себе, что когда-нибудь ему придётся покинуть её. Хотя Ала-ад-дин Мешхеди десять лет учился у самых выдающихся мударрисов[9] своего времени, он не сумел выдвинуться ни в одной области знания. Несколько лет тому назад он охладел к науке и теперь редко посещает лекции.

Однако счастье или, может быть, несчастье быть поэтом, доставшееся на долю многим его современникам, не миновало и Ала-ад-дина. Он упражняет свой калам[10] во всех родах поэзии. Проводя ночи без сна, он даже составил сборник стихов – диван, а в области стихотворных загадок и шарад – муамма[11] – считает себя если не совершенным, то во всяком случае очень искусным мастером. Но его поэтический талант, как и его диван, не получили признания в мире поэтов. Это очень огорчает Ала-ад-дина. Горе терзает его сердце, отчаяние и уныние ни на минуту не покидают его. В поисках славы и покровительства поэт, не отваживаясь обращаться

[9] Мударрис – преподаватель медресе.

[10] Калам – тростниковое перо.

[11] Муамма – буквенная или смысловая загадка, нечто вроде шарады.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

к царям, пишет и подносит хвалебные оды – касыды – бекам, везирам и даже менее высокопоставленным лицам. Безграмотного бека он величает «вместилищем наук», «сокровищницей глубоких мыслей», «покровителем учёных и поэтов», о его отце и деде, служивших простыми нукерами[12] в войсках султанов и беков, он говорит, что «с тех пор как светит солнце, их счастье не знает конца», и награждает их пустыми, но пышными титулами, вроде: «высокородный» или «светило на небе власти».

Ала-ад-дин Мешхеди – человек нервный и вспыльчивый; из-за пустяка он может поссориться с кем угодно. Обидевшись, он берётся за калам, и тут уж худо приходится врагу – ядовитый стих сатиры смешивает врага с грязью.

Другого студента зовут Зейн-ад-дин. Это молодой гератец двадцати-двадцати одного года из семьи среднего достатка. У него стройный стан, изысканные манеры: он остроумен, беззаботен, приятен как собеседник. Зейн-ад-дин начал учиться четыре-пять лет тому назад и значительно преуспел в некоторых науках. Он прекрасно владеет арабским и персидским языками. Однако легкомыслие и любовь к роскоши и развлечениям мешают ему достаточно усердно заниматься науками. Большую часть своего времени он посвящает искусствам. Среди обитателей медресе Зейн-ад-дин славится красивым почерком. К тому же он хорошо поёт и прекрасно играет на гиджаке[13]. В последнее время, с тех пор как у Зейн-ад-дина испортились отношения с отцом, он впал в бедность. Бывая на пирушках у богатых и знатных студентов – сыновей беков и везиров, Зейн-ад-дин развлекает собравшихся пением и музыкой и, пользуясь случаем, наедается досыта.

Третий студент, Султанмурад, – восемнадцатилетний юноша крепкого сложения с широким лбом и большими выразительными глазами. Уже два года как он учится в Герате. Султанмурад – сын знаменитого шахрисябского мастера-каменотеса. Когда его отец разбился, упав с высокой постройки, Султанмураду было всего три года. Его мать, женщина образованная, уделяла много внимания воспитанию сына. Он учился сначала в родном городе, потом в Самарканде. Наконец, благодаря поддержке родственников, Султанмураду удалось переехать в Герат, и он поселился в этом медресе. Выдающиеся способности принесли Султанмураду известность не только среди обитателей медресе – на него обратили внимание гератские учёные. Султанмурад постиг не только вопросы вероучения, но и приобрёл основательные познания в математике, астрономии, логике, литературе. Когда Султанмураду было четырнадцать лет, один из его самаркандских учителей как-то сказал ему: «В древние времена был некий учёный. Он говорил: «Если бы у всех мудрецов обитаемой части земли вдруг исчезли из памяти все науки и знания, то я бы мог восстановить их полностью. Сын мой, в тебе я вижу такой же ум и способности. Будь же всегда усерден и прилежен». Султанмурад мечтал сравняться в знании с этим легендарным учёным.

Постигнув все основные отрасли наук своего времени, он хочет стать «светилом науки», вождём учёных своего времени.

---

[12] Нукер – дружинник, воин.

[13] Гиджак – смычковый четырёхструнный музыкальный инструмент.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Резко отличается от студентов четвёртый собеседник, гость Ала-ад-дина Мешхеди, самаркандец Туганбек. Это толстый, широкоплечий человек с редкими рыжеватыми усами, смуглым скуластым лицом и лукавыми, беспокойно бегающими глазками.

Хотя наступили жаркие дни, на плечах Туганбека тяжёлая, потёртая шуба, на голове – огромная бобровая шапка. Предки Туганбека во времена Темура занимали высокие должности. Среди них были знаменитые военачальники, государственные деятели, тарханы[14]. Но в дальнейшем, когда государство Темура распалось и между его сыновьями разгорелась борьба за власть, слава семьи Туганбека начала меркнуть. Отец его, Фирузбек, пропал без вести во время одного из походов; влиятельные родичи с отцовской и материнской стороны один за другим лишились высокого положения. Некоторые погибли во время междоусобных войн; другие, из страха перед врагами или в поисках счастья, переселились в дальние края. С семнадцатилетнего возраста Туганбек с головой окунулся в политическую борьбу, охватившую Мавераннахр, Хорасан, Ирак, Дешт-и-Кипчак[15] и другие страны, когда-то покорённые мечом Хромого Темура. Добиваясь славы и счастья, Туганбек пресмыкался у порогов кипчакских ханов и туркменских беков и служил то одному, то другому; обманывал – и его обманывали, грабил – и его грабили. Наконец два месяца тому назад, двадцати пяти лет от роду, Туганбек оказался в Герате. Хотя его встреча с Ала-ад-дином Мешхеди была случайной, они крепко подружились, и Туганбек постоянно торчал в комнате своего товарища.

Туганбек был не силён в грамоте, но знал цену науки и просвещению. Прислушиваясь к спорам и диспутам студентов, считал область эту для себя чуждой: «заниматься науками – дело тихих, спокойных, непритязательных людей». А мысли Туганбека постоянно витают в мире битв. Он любит рубиться мечом, носясь, как молния, на быстром коне; изумлять всех силой и искусством в стрельбе из лука; совершать набеги на города; подкрадываться с отрядом храбрых молодцов к возвышающейся, как гора, крепостной стене и, приставив к ней лестницы, врываться в крепость, сея страх и смятение среди её обитателей; делать набеги на зимовья кочевников и угонять тысячи баранов…

В сердце Туганбека всегда живёт мечта: вдруг его назначат беком какого-нибудь округа; он соберёт кучку проворных, сильных удальцов, хитростью, обманом, угрозами и насилием отдалит от трона других беков и правителей, затем прогонит и самого государя и возложит венец на себя. А может быть, он посадит на престол какого-нибудь простачка-царевича и возьмёт поводья власти в свои руки… Ради этого он и боролся. Что же поделать, если до сих пор не удавалось осуществить эту мечту. Но когда-нибудь… Несколько раз его коварство было разгадано. С трудом унеся голову от меча, поднятого, чтобы отсечь её вместе с безумными мечтами, Туганбек был вынужден свить себе гнездо в Герате под сенью этого медресе. Но его вера в своё счастье по-прежнему тверда: внуков и правнуков у Темура много, они плодятся,

[14] Тархан – человек, имущество которого свободно от обложений налогами, крупный землевладелец.
[15] Дешт-и Кипчак – владения Золотой орды.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

как кролики, и грызутся за власть: сын воюет против отца, отец против сына, брат против брата, дядя против племянника. В этой стране междоусобицы стали обычаем. К тому же в больших и маленьких городах и областях сидят беки и правители. Все они стремятся к славе, власти и богатству. Туганбек знает, что кровавые распри и столкновения протянутся ещё долго. В Герате, найдя приют в медресе, он только выжидает удобного случая и подходящей обстановки.

Студентам, живущим на средства вакфа[16], приходится туго. Всю полученную «наличность» давно проглотила зима, теперь нет возможности варить пищу даже раз или два в неделю. Ничего подходящего для продажи тоже нет. Когда студенты ломают голову, как бы раздобыть еду, Туганбек бурчит себе под нос:

– Что-нибудь да придумаем! В таком большом городе, как Герат, это не хитро.

Он уходит, переваливаясь, и вскоре возвращается с припасами для обеда. Товарищи Туганбека знают, что его кошелёк давно пуст, но не спрашивают, откуда и как он достал деньги.

Однако сегодня разговор на эту тему тянется уже добрый час, а Туганбек не подаёт голоса. Он забился в угол комнаты и сидит, уставившись своими узкими глазками в одну точку, как будто чем-то расстроенный.

А в носу щекочет приятный запах мяса, поджариваемого на сале: во многих худжрах два раза в день готовят вкусные кушанья. Обитатели этих худжр не живут на пожертвования. Они – сыновья знатных родителей, кошельки их полны серебра и золота. По вечерам они устраивают пирушки. Собираются друзья-приятели, пьют вино, всю ночь развлекаются музыкой и плясками…

Давайте обсудим

1. Как описания природы и архитектуры противопоставлены бедности и сырости худжры?
2. Почему автор уделяет так много внимания характеру каждого студента?
3. Что говорит об эпохе Темуридов контраст между бедными и богатыми студентами?
4. Почему Султанмурад является наиболее «идеальным» учеником, по мнению автора?

Практическое задание

Составьте таблицу «Сильные и слабые стороны» для четырёх героев худжры.

[16] Вакф, или вакуф – имущество, доход с которого по желанию владельца идёт в пользу мечети, больницы или благотворительного учреждения.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Когда после долгого совещания не было найдено никакого подходящего способа достать чего-нибудь съестного, Ала-ад-дин Мешхеди, сидевший в переднем углу комнаты на гладкой, вытертой, твёрдой, как дерево, овчине, слегка приподнял своё маленькое тело, покачал головой в широкой чалме с длинными свисающими концами. Испустив горестный вздох, он принялся жаловаться на изменчивость судьбы и тонким голосом нараспев произнёс:

Часто в нашем мире всё наоборот:
Умному – презренье, дураку – почёт.

Зейн-ад-дин предложил средство, уже оправдавшее себя не раз – обратиться к кому-нибудь из щедрых вельмож Герата или к одному из царевичей и поднести ему касыду. Хотя все нашли эту мысль удачной, Ала-ад-дину она не понравилась. Он считал, что писать стихи может только он сам, и не желал допустить участия других в этом деле. Как знать, может быть, его Мешхеди, отшлифованные стихи с их цветистым слогом до того пленят сердце благодетеля, что тот пожалует, кроме денег, несколько баранов и пурпурный халат из драгоценной ткани – и тогда всё это пойдёт не ему, а в общую пользу. Правда, ни один богач или вельможа до сей поры не удостаивал Ала-ад-дина таким вниманием, но, предаваясь несбыточным мечтам, наш поэт не хотел ни с кем делиться своим возможным успехом.

Желая смягчить Ала-ад-дина, Зейн-ад-дин многозначительно сдвинул свои тонкие брови и сказал:

– Если бы я был поэтом и писал касыды, то преподнёс бы несравненную поэму его величеству хакан, сыну хакана, султану Хусейну Байкаре[17] и был бы облачён в дорогую одежду с головы до пят. Прошло всего две недели, как на благословенную главу его величества опустилась птица царской власти, и его сердце успокоилось. Я уверен, что он откроет перед поэтами врата щедрости.

– Герат – удивительный город, – заметил Туганбек, покачивая головой. – Кондитер – поэт, шашлычник – тоже поэт. Ну, ступайте! Вас ждут невыразительные газели, но его сласти, несомненно, будут вкусны.

– Кондитер маулана[18] Тураби – превосходный человек! – с сердцем возразил Зейн-ад-дин. – Если хотите, пойдёмте с нами. Вы сами увидите, какой это человек.

Туганбек не заставил себя уговаривать. Ала-ад-дин Мешхеди предпочёл гордое, голодное одиночество чужим стихам, он слегка приоткрыл глаза и отвернулся.

Совершив послеполуденную молитву, товарищи вышли из медресе. Студенты были в старых, но чистых халатах из пестрядевой полосатой ткани. Головы их обвивали белоснежные тюрбаны, лица хранили смиренное и вместе с тем полное достоинства выражение, приличествующее ученикам медресе. Между ними шёл, переваливаясь на кривых ногах наездника, широкоплечий Туганбек в потёртой шубе и огромной шапке.

---

[17] Хусейн Байкара – праправнук Темура, правитель Герата, современник Навои; царствовал с 1469 по 1506 год.

[18] Маулана – по-арабски «господин наш»; обычное в Хорасане в XV веке обращение к образованным людям.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

По дороге Зейн-ад-дин, по своему обыкновению, то и дело заявлял, что ему необходимо зайти то в одно, то в другое место, и тащил за собой товарищей. Туганбек недовольно ворчал, Султанмурад многозначительно улыбался. Если пойдёшь куда-нибудь с Зейн-ад-дином, то, наверное, вернёшься домой без ног! На каждом шагу ему попадались знакомые, приятели и друзья. От одного Зейн-ад-дин узнавал о каком-либо неведомом ему до сих пор событии – чаще всего интересном происшествии или таинственном преступлении, – с другим обменивался шуткой, остротой, с третьим затевал спор по какому-нибудь отвлечённому вопросу. Стоя посреди улицы, он слушал новую газель или касыду какого-нибудь поэта, или только что сочинённую песню музыканта. Попутно он успевал высмеять едким стихом дремлющего толстобрюхого мясника, издевался над скрягой-лавочником с его погнутыми весами, потешался над лекарем, крикливо расхваливающим свой товар. С Зейн-ад-дином можно было незаметно пройти весь город из конца в конец, например, от северных ворот Мульк до южных Фирузабадских ворот.

Легко и весело шагал Султанмурад, держа под руку Туганбека, который всё время упирался и норовил улизнуть. Почти неделю юноша не выходил из медресе и всё время читал в полутёмной, затхлой худжре. Теперь, выйдя на чистый тёплый воздух, он чувствовал себя бодрым и сильным.

Вокруг расстилается весенний Герат. Чистые улицы, дома, старые и новые, красивые и невзрачные, большей частью одноэтажные, изредка двухэтажные, украшенные разноцветной узорной росписью; площади, полные народа; сады, покрытые изумрудной зеленью, – всё залито солнцем…

Зейн-ад-дин смешит своих спутников, рассказывая забавные истории.

Султанмурад с улыбкой слушает болтовню товарища. Он любуется чудесными видами Герата, вновь ожившими с приходом весны. Он влюблён в Герат. В этом огромном городе, со всех сторон обнесённом высокими зубчатыми стенами, много больших медресе, мечетей, возносящих к лазурному небу свои высокие минареты, роскошных дворцов, украшенных всеми чудесами искусства, садов, лёгких воздушных беседок, среди кипарисовых аллей блистают широкие серебристые водоёмы – хаузы.

В Герате немало красивых гробниц и усыпальниц великих людей и почитаемых святых, вокруг которых всегда царит торжественное безмолвие. Султанмурад часто посещает эти места и с наслаждением гуляет в одиночестве, предаваясь размышлениям. Увлёкшись историей Герата, юноша разыскал в старых рукописях, документах и легендах сведения о древних постройках, площадях, базарах, мостах прекрасного города. За год или полтора Султанмураду удалось собрать десятки четверостиший – рубаи[19] – и других стихотворений, воспевающих прекрасные здания Герата, построенного, как гласили летописи и легенды, самим Искандером Двурогим[20].

Зейн-ад-дин задержался, чтобы перекинуться словом со знаменитым гератским живописцем, похожим с виду на дервиша. Его спутники остановились на возвышен-

[19] Рубаи – четверостишие с особой рифмовкой.

[20] Искандер Двурогий – прозвище Александра Македонского.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

ном месте, с которого было хорошо видно величественное строение, диво Герата – крепость Ихтияр-ад-дин.

Окружённая рядом высоких, вздымавшихся, словно горы, зубчатых стен и холмами земляных насыпей, крепость властвовала над Гератом. Туганбек, за свою полную приключений жизнь видевший и бравший приступом много больших крепостей, не отрываясь, с восхищением смотрел на Ихтияр-ад-дин, щуря свои маленькие раскосые глаза. Султанмурад с интересом разглядывал базар.

Базар раскинулся на перекрёстке трёх больших улиц! Там можно было увидеть и надменных беков в расшитых халатах, сдерживавших своих породистых коней, и щеголеватых сыновей баев – байбачей – в шёлковых кафтанах и узорчатых сафьяновых сапожках, и дехканина, едва прикрытого лохмотьями, верхом на осле, и ремесленника, и суровых нукеров, которые водили по улицам «для позора» какого-нибудь преступника, и спокойного, задумчивого дервиша в грубом домотканом халате, словно не замечавшего шума и криков.

Подошедший Зейн-ад-дин толкнул Султанмурада под локоть.

– Смотри-ка, – сказал он, указывая на одного человека, – вон тот великан – борец Хайдар. Муфрид каландар[21] из Ирака победил его на состязании в Хауз-и-Махиане[22], и ноги у него стали, словно мешки с бабками. Шейх Хусейн, костоправ, зарыл ему ноги в землю и в сорок дней вылечил их. А вон, видишь, слоняется франт – это внук поэта, написавшего пятьсот тысяч стихов. Он сам – тоже поэт, но только платит за то, чтобы слушали его газели. Старик с козлиной бородкой и вывихнутым плечом, что стоит возле бакалейщика, – Уста-Ариф из Бухары. Он знает сотню ремёсел и все – бесподобно. Уста-Ариф и живописец, и золотильщик, и алхимик, и переплётчик, и массажист. Несравненный человек! А тот вельможа, что восседает на иноходце с белой отметиной на лбу, – племянник начальника города. Не вздумайте подходить к нему, юноши, остерегайтесь этого сластолюбца.

Султанмурад и Туганбек смеялись, слушая пояснения Зейн-ад-дина. Спустившись вниз, они смешались с толпой и, пройдя немного, оказались у сада Баг-и-За-ган – сада ворон, – близ большого дворца султана. Перед воротами собралось больше, чем обычно, беков, высших сановников и вооружённых нукеров.

– Или султан куда-нибудь выезжает, или ждут прибытия посла, – заметил Зейн-ад-дин.

– Похоже на то… – Туганбек с завистью глядел на дворец.

– Подождём? – предложил Зейн-ад-дин, взглянув на Султанмурада.

– Идём, идём! У меня ноги подкашиваются, – взмолился Султанмурад.

Подойдя к базару, где пестрела толпа, Туганбек вдруг остановился. Не обращая внимания на уговоры своих спутников, он оставил их и исчез в водовороте базара.

– Убежал, чтобы не слушать стихов, степной могол, – со смехом сказал Султанмурад.

---

[21] Каландар – нищенствующий дервиш.

[22] Хауз-и-Махиан – «Рыбий пруд», местность под Гератом.

RESPUBLIKA TALIMI MARKAZI

– Ничего, – махнул рукой Зейн-ад-дин. – Может быть, он найдёт и принесёт бедному Ала-ад-дину что-нибудь поесть.

Тураби, сорокалетний человек с мягкими движениями и весёлыми глазами, сидел в маленькой ветхой лавчонке, заставленной большими круглыми блюдами со всевсевозможными сластями. Радостно поздоровавшись с друзьями, он, словно после долгой разлуки, осведомился об их здоровье и расспросил, как идут дела и занятия приятелей и знакомых. Наконец, исчерпав запас вежливых вопросов, Тураби проводил гостей в верхнее помещение – балахану. Зейн-ад-дин отворил окошко, выходившее на улицу. В комнату ворвался свет и лёгкий весенний ветер. Ветхая балахана[23], украшенная цветистыми кусками материи, служила кондитеру приёмной. Проводя жизнь в труде, за изготовлением сластей, которые он с утра до вечера расхваливал перед покупателями, этот человек, невзирая на скучные повседневные заботы, сумел сохранить в душе любовь к искусству. В его комнатке собирались гератские учёные и поэты. Здесь читали выдающиеся произведения на арабском, персидском и тюркском языках, вели горячие споры; здесь иногда происходили поэтические состязания и научные диспуты.

Книги, теснившиеся на полках, были известны гостям кондитера. Бегло окинув их взглядом, чтобы посмотреть, нет ли чего нового, Зейн-ад-дин и Султанмурад присели возле открытого окна.

Тураби принёс пару лепёшек, только что вынутых из тандыра[24], и кусок халвы на небольшом медном подносе превосходной работы. Разостлав скатерть, он разломил лепёшки и предложил друзьям перекусить.

Заедая горячими лепёшками тающую во рту халву, студенты в один миг покончили с угощением, похвалив халву, так искусно приготовленную хозяином.

– Вы наполнили нам рот сладостью, – сказал Зейн-ад-дин, вытирая жидковатые холёные усы, – теперь усладите наши сердца своими поэтическими творениями.

– Достойная вашего внимания газель ещё не написана, – ответил поэт-кондитер, поглаживая седеющую бороду. – Есть несколько необработанных вещей, но, думаю, они не доставят вам удовольствия. Я пригласил вас потому, что жаждал приятной беседы с вами.

– Раз уж мы здесь, – решительно возразил Султанмурад, – то сделайте милость, прочитайте ваши газели. Живя в Герате, городе поэтов, мы целую неделю ничего не слышали, кроме нескольких вымученных стихов Ала-ад-дина.

Кондитер не спеша поднялся со своего места. Раскрыв толстую книгу, стоявшую на полке, он вынул из неё несколько листов шуршащей бумаги и передал Зейн-ад-дину. Зейн-ад-дин пробежал их глазами и положил на колени Султанмураду.

– Я не ошибусь, если скажу, что во всех семи поясах не найдётся человека, который читал бы газели так же хорошо, как ты. Пожалуйста!

Султанмурад действительно искусно читал стихи. В его устах начинали ярко сверкать даже невыразительные, лишённые поэтического огня строки. Желая зату-

---

[23] Балахана – лёгкая каркасная надстройка над первым этажом дома.

[24] Тандыр – специальная печь для выпечки лепёшек.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

шевать некоторые недостатки в стихах своего друга, сразу бросившиеся ему в глаза, он старался читать как можно задушевнее и выразительнее.

Зейн-ад-дин, ценивший газели прежде всего за музыкальность стиха, медленно, с наслаждением покачивал головой в такт ритму. Когда чтение закончилось, он похвалил поэта за краски и силу воображения, восхитился отдельными сравнениями и метафорами. Одну из газелей, написанную в честь какого-то красавца, Зейн-ад-дин попросил разрешения взять с собой, чтобы спеть её под музыку в весёлой компании. Сложив бумагу вчетверо, он засунул её в складки своей большой чалмы.

Султанмурад похвалил только одну газель, написанную в суфийском духе. Он сопоставил отдельные её строки со стихами Хафиза Шираз и своего современника, всеми почитаемого Джами, давших лучшие образцы лирики подобного рода. В связи с этим он начал говорить на философские темы и прочитал и разъяснил газели и рубаи десятков поэтов, читанные им в разное время и сохранённые его замечательной памятью.

Когда он закончил, хозяин, извинившись перед гостями, спустился в лавку посмотреть, что делает подмастерье. Но разговоры о стихах и поэтах не прекратились. Зейн-ад-дин сыпал как из рога изобилия весёлые истории о жизни, поступках и привычках знаменитых поэтов. Слушая рассказы о забавных шутках и остротах, которыми обменивались почтенный Джами и многоуважаемый Сагари, Султанмурад надрывался от хохота.

– Довольно, дорогой, довольно! – говорил он, стараясь сдержать смех и перевести дыхание.

В это время вошёл Тураби.

– Вы сказали, что только спуститесь в лавку, а сами, кажется, обошли весь город, – сказал Зейн-ад-дин, делая серьёзное лицо.

– Жаль, что вас не было, – проговорил Султанмурад, вытирая влажные глаза. – Вы лишились удовольствия послушать удивительные рассказы Зейн-ад-дина.

– Я принёс известие о человеке, каждое слово которого – бесценная жемчужина, – ответил кондитер.

– Что такое? – разом спросили оба студента.

– Алишер Навои вернулся в Герат.

– Правда?

– Конечно! Весь город не будет лгать.

– Надо пойти его встретить, – поднялся Султанмурад.

– Поздно, он уже проехал домой, – сказал кондитер, движением руки удерживая его. – Зейн-ад-дин, вы бывали на собраниях у господина Алишера?

– Не бывал. Но господин Алишер несколько раз заходил к нам в медресе. Он хорошо знаком с нашим наставником.

– Как бабочка кружится над цветником роз, так и его светлость с детства вращается среди людей науки и искусства, поэтов и мыслителей, – сказал кондитер.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Ваш покорный слуга не видел Алишера Навои, – взволнованно сказал Султанмурад, – но с самого приезда в Герат столько слышал об этом необыкновенном человеке, знатоке драгоценностей нашего родного языка, что жаждет увидеть его. Слава Аллаху, теперь мы его увидим. Пожалуйста, расскажите нам о жизни его светлости; я много слышал о его достоинствах, но почти ничего не знаю о его жизни.

Турабы опустил голову на грудь и некоторое время размышлял, полузакрыв глаза. Потом он медленно заговорил:

– Хотя у меня, ничтожного, нет никаких особых связей и отношений с господином Алишером, но, как всякий гератец, я кое-что знаю о его жизни. Алишер родился в семье одного из вельмож нашего города – человека высокопоставленного, благородного. Его предки оказали бесчисленные услуги сыновьям Темура. Отец Алишера, Гияс-ад-дин, знал цену наукам и искусствам. При Абу-ль-Касиме Бабуре[25] он некоторое время состоял правителем Себзевара[26]. Своему сыну Гияс-ад-дин с детства дал хорошее воспитание и привил прекрасные нравственные качества. Алишер обнаружил большие способности во всех областях знания; ко всем наукам он питал беспредельную любовь. Интересно, что Алишер и султан Хусейн Байкара – теперешний государь – друзья детства и учились в одной школе.

Алишер – мы это хорошо знаем – с отроческих лет сочинял стихи на двух языках и был известен под прозвищем Двуязычный. Когда Алишер служил при дворе ныне покойного Абу-ль-Касима Бабура, ему было, видимо, лет пятнадцать. В это время его стихи на тюркском и персидском языках уже ценились в народе и среди поэтов. Приняв в персидских стихах псевдоним Фани – Тленный, Преходящий, – а в тюркских – Навои – Мелодичный, – этот отрок рассыпал такие дивные жемчужины из моря слов, что самые искусные стихотворцы немели в удивлении. Выдающиеся поэты Герата уже в то время на собраниях разбирали его газели.

– Говорят, – перебил Султанмурад, – почтенный старый поэт Лутфи заявил однажды, что за один стих молодого Навои на тюркском языке он готов отдать все свои газели, написанные за долгую жизнь. Что вы скажете об этом?

– Без сомнения, это истина. Сам почтенный Лутфи при мне много раз восхвалял волшебное перо Алишера.

Давайте обсудим

1. Почему Ала-ад-дин Мешхеди отказался обращаться к щедрым вельможам с касыдами, хотя остальные сочли эту идею удачной?
2. Какой образ Зейн-ад-дина создаётся в эпизодах его пути по городу? Какие черты его характера проявляются?

[25] Абу-ль-Касим Бабур – правитель Хорасана (ум. 1457 г.)

[26] Себзевар – город в Хорасане.

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

3. Что объединяет кондитера Тураби и студентов медресе? Какую роль играет его балахана в культурной жизни Герата?
4. Почему Султанмурад особенно восхищается стихами Навои и жаждет увидеть его?
5. Как вы думаете, зачем автор вводит в сцену множество подробных наблюдений о людях на базаре (борец Хайдар, внук поэта, Уста-Ариф и др.)? Как это помогает раскрыть атмосферу города?

После утренней молитвы Навои позавтракал со своими приближёнными. Отдав распоряжения слугам, поэт отправился в Баг-и-Заган.

Сад окутан облаками. Печальная красота цветников и аллей, освещённых холодными лучами солнца, зеркальная гладь прудов, покрытых тонким тёмно-синим льдом, невольно привлекали взор. Подойдя к сорокаколонному дворцу, Навои заявил величественному Ишик-ага в парчовом халате, что желает пройти к султану. Ишик-ага тотчас же скрылся; заставив довольно долго ждать себя, он вышел и указал на одну из покрытых позолотой дверей, ведших в круглую прихожую. Из прихожей Навои прошёл в небольшую четырёхугольную комнату, стены которой были обтянуты тёмно-красным разрисованным шёлком. Поэт отвесил поклон Хусейну Байкаре, восседавшему на груде шитых золотом подушек, и сел. Он несколько дней не видел султана, поэтому подробно доложил ему о важных – государственных мероприятиях, осуществлённых за это время. Хусейн Байкара заговорил об Ираке. Навои посоветовал послать туда верных людей, чтобы собрать сведения о политических настроениях, царящих в этой провинции. Это предложение понравилось султану. Он также спросил у Навои, кого назначить на место недавно скончавшегося гератского кадия. Поэт подчеркнул значение этой должности в народной жизни и назвал имена нескольких учёных, основательно изучивших шариат и пользовавшихся в народе хорошей славой.

– Человек, занимающий это место, – убеждённо сказал Навои, – не должен за деньги называть белое чёрным. Если даже его собственный сын совершит преступление, пусть он накажет его по всей строгости закона.

Хусейн Байкара не осведомился подробнее ни об одном из названных лиц.

– Мы ещё об этом подумаем, – сказал он. Навои заговорил о визирях. В сущности, это было главной целью его прихода. Чтобы привести государственные дела в порядок, нужны были сведущие, опытные сановники. Двое визирей – Ходжа Ата и Абд-ал Халик, ведавшие делами дивана, не могли справиться со своими обязанностями. Считая, что Ходжа Афзаль подходящий человек для этой должности, Навои уже давно рекомендовал его государю. Теперь он хотел окончательно разрешить этот вопрос.

– А разве Низам-аль-Мульк-Хавафи не подходит для этого высокого поста? – испытующе взглянул на Навои Хусейн Байкара.

– Никто так не подходит для должности визиря, как Ходжа Афзаль.

– В таком случае, мы возведём в звание визиря их обоих, – решительно сказал султан. – Большие достоинства Низам-аль-Мулька для меня совершенно очевидны.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Навои не стал возражать.

В это время вошёл парваначи Маджд-ад-дин в сопровождении трёх писцов, нёсших бумагу, калам и чернильницу. Навои попросил разрешения удалиться.

Маджд-ад-дин и писцы работали у султана часа два – закрепили на бумаге указы и письма. Затем Маджд-ад-дин отпустил их и, глядя на султана глазами верной собаки, сказал:

– О солнце мира, кто тот счастливец, что избран вашим благословенным умом на должность городского казия?[27]

– Пока ещё никто.

– Ваш ничтожный раб желал бы предложить одного мудреца, достойного чести служить престолу, подобному раю.

– Кто это? – с интересом спросил Хусейн Байкара.

– Предводитель учёных Хорасана почтенный Шихаб-ад-дин, – ответил парваначи.

Хусейн Байкара удивлённо поднял брови.

– Я знаю всех знаменитых учёных Хорасана, но не помню ни одного Шихаб-ад-дина.

– Может быть, его имя ускользнуло из вашей благородной памяти, – сказал Маджд-ад-дин. – К тому же Шихаб-ад-дин – человек скромный и незаметный.

Хусейн Байкара промолчал, Маджд-ад-дин принялся восхвалять своего друга. Человека, известного среди учёных своим полным невежеством, он назвал Платоном своего времени, старого мошенника, который некогда, во времена Абу-Саида Мирзы, проел на десять тысяч динаров вакуфного имущества и опозорился на всю страну, он величал «воплощением честности, справедливости и совести». При этом Маджд-ад-дин подчеркнул, что, если государь хоть чуточку сомневается в его словах, можно обратиться за подтверждением к бекам Эмиру Моголу, Музаффару Барласу и Мухаммеду Бурундуку Барласу.

Хусейн Байкара, слушавший с закрытыми глазами, при этих словах оживился. Он спросил, каково происхождение Шихаб-ад-дина. Среди предков будущего казия было много выдающихся людей, и Маджд-ад-дину не пришлось прибегать к преувеличениям. Хусейн Байкара пообещал, если беки присоединятся к мнению Маджд-ад-дина, назначить Шихаб-ад-дина казием.

Алишер Навои пришёл в помещение дивана. В просторных, тянувшихся в ряд комнатах начальники канцелярий и другие должностные лица занимались болтовнёй, явно пренебрегая делами. В каждой комнате сидело по пять, по десять писцов и секретарей, которые писали, низко склонившись над бумагой и дуя на окоченевшие пальцы. Места большинства беков, из которых каждый должен был нести определённые обязанности, были пусты. Навои нахмурился: «Наверное, где-нибудь пируют. Пьяницы!»

Сколько раз он пытался внушить султану, что всякий вельможа, управляющий страной, должен ежедневно бывать в диване и заниматься делами, не откладывая на завтра то, что следует окончить сегодня.

---

[27] Казий – судья.

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

«Государь не проявляет твёрдости в своих решениях и требованиях, никто не чувствует ответственности», – подумал Навои.

Он просмотрел дела, касавшиеся областей и отдельных селений. Направив прошения и жалобы к начальникам соответствующих управлений и напомнив о необходимости быстрого их разрешения, Навои принял простых людей и чиновников, приходивших по всевозможным делам.

В полдень, перед тем как отправиться домой, Навои вспомнил о Султанмураде. Он написал письмо шейхуль-исламу с предложением назначить молодого учёного преподавателем в медресе Шахрух; в случае, если бы возникли затруднения с жалованием, Навои выражал готовность выдавать Султанмураду содержание из своих средств.

Возвратившись домой, Алишер так и не смог отдохнуть. Его ожидали десятки людей из самых разнообразных слоёв населения. У каждого была своя жалоба, просьба или ходатайство.

После ужина поэт сел около свечи и, взяв перо и бумагу, отдался вдохновению. Написал газель, потом туюг. Туюгом он остался очень доволен. В этом стихотворении ему удалось проявить богатство и безграничные возможности родного языка.

Время летело незаметно, шаги и голоса слуг на дворе затихли. За окном в третий раз зазвучали голоса гератских петухов.

Утром пришёл Мирак Наккаш. Навои пригласил его для переговоров относительно росписи своего летнего дома в Саду фиалок.

Мирак Наккаш был одним из самых выдающихся живописцев среди сотен гератских мастеров живописи. Прекраснейшие рисунки на зданиях Герата принадлежали его кисти, в них чувствовалось искание нового, стремление создать нечто оригинальное.

В разговоре Мирак Наккаш упомянул об одном из своих учеников, необычайно одарённом юноше. Когда он с нескрываемой гордостью сказал, что ученик его более склонен к рисованию, чем к стенной живописи, Навои очень этим заинтересовался и принялся расспрашивать о молодом художнике.

– Наш Кемаль-ад-дин Бехзад – сирота, – говорил Мирак. – Я из жалости взял его к себе в ученики. Я думал: «Если этот сирота вместе с другими учениками овладеет моим искусством, для мальчика откроется возможность зарабатывать средства к существованию. Голова у него на редкость светлая. Руки – золотые. Он очень быстро овладел своим ремеслом.

– Пойдёмте, господин, познакомьте меня с вашим учеником, – поднялся Навои. – У нас, можно сказать, совсем нет настоящих мастеров в искусстве рисования.

Мирак Наккаш, широко раскрыв глаза, молча смотрел на поэта. Он знал, что Навои проявляет большую заботу и внимание к людям искусства, но всё же был поражён интересом, проявленным великим поэтом, к молодому, никому не известному ученику. Навои недовольно спросил:

– То, что вы сейчас говорили, – правда?

– Разве господин когда-нибудь слышал, что его покорный слуга лжец?

– Если так, то почему вы колеблетесь?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Мирак Наккаш сдвинул на затылок свою остроконечную ермолку и почесал голову.

– Хорошо, я готов вас познакомить, – сказал он, улыбаясь. – Но вам незачем затрудняться. Я сам приведу Кемаль-ад-дина Бехзада. Быть принятым вами – для него великое счастье.

Навои попросил привести художника сегодня к вечеру.

Отправившись в диван, Навои приступил к исполнению своих каждодневных обязанностей. Он поздравил Ходжу Афзаля с высочайшим указом и услышал от него, что Шихаб-ад-дин назначен городским казием. Неожиданная новость очень рассердила Навои. Он даже не стал расспрашивать о подробностях этого назначения и вышел из дивана. Сев на коня, поэт отправился осмотреть внутреннюю отделку дворцов, которые Хусейн Байкара строил в саду Джехан-Ара. Когда он перед закатом солнца возвратился домой, Мирак Наккаш со своим учеником уже дожидался его. Навои ласково, как старший брат, поздоровался с Кемаль-ад-дином Бехзадом. Юный художник оказался рослым шестнадцатилетним юношей, одетым в домотканый халат. В его изящной фигуре гармонично сочетались красота и сила. Чёрные глаза, застенчивые и чистые, как у всех высоких душой людей, светились вдохновением. Увидя перед собой знаменитого поэта и великого государственного деятеля, юноша смутился.

Навои ввёл обоих в комнату. Мирак Наккаш, раскрыв старенький кожаный футляр, один за другим подавал поэту рисунки своего ученика, исполненные каждый на отдельном листе. Навои взял в руки первый лист и с минуту внимательно разглядывал его. Потом он многозначительно посмотрел на Мирака. Прищурившись, поэт снова взглянул на рисунок и долго не отрывал от него глаз. Какая тонкая гармония красок, как прекрасны переливы лучей, разбегающихся по лазурному небу в час рассвета!

Взволнованный, и восхищённый Навои глубоко вздохнул. Он посмотрел на второй рисунок. Та же сила, но краски ещё богаче, ещё роскошнее. Вот изображение охоты. Газели как будто готовы соскочить с бумаги. Каждая точка на этом рисунке живёт. Навои с бесконечным наслаждением любовался миниатюрой.

Взволнованный Кемаль-ад-дин переводил смущённый взгляд с поэта на своего учителя. Мирак Наккаш рассматривал рисунки с таким удовольствием, словно видел их в первый раз, хотя большинство миниатюр было создано у него на глазах. Ему не терпелось обменяться впечатлениями с Навои. Наконец поэт с искренней радостью поздравил молодого художника.

– В нашем старом мире, – с увлечением заговорил Алишер, – не было ещё такого мастера, как вы. Достоинство вашего калама бесконечно выше всякой похвалы.

Кемаль-ад-дин Бехзад вспыхнул. Дрожащими губами он произнёс:

– Не знаю, какими словами благодарить вас за ваше высокое внимание. Эти рисунки – лишь первые детские опыты ученика. Моё перо очень нуждается в указаниях учителей.

– Никогда не прекращайте учиться, – серьёзно сказал Навои.

После вечерней молитвы поэт предложил Мираку Наккашу и его замечательному ученику угощение. За едой разговаривали о гератских художниках и их произведениях. Когда дастархан был убран, Навои снова принялся рассматривать рисунки Бехза-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

да при свете свечи. Он внимательно вглядывался в каждую чёрточку, в тончайшие оттенки красок. При этом он указал Бехзаду на отдельные недостатки, которые мог заметить лишь человек, имеющий глубокие познания в живописи и одарённый тонким вкусом. Навои объяснял юноше, в чём сила и невиданная доселе красота его рисунка. Бехзад старался запомнить каждое слово поэта.

Стемнело, и живописец с молодым художником собрались уходить. Навои просил Бехзада почаще радовать его посещениями. Когда Мирак Наккаш был уже на пороге, Навои задержал его и шёпотом сказал:

– Завтра непременно приходите ко мне; мы подробно обсудим, что нужно сделать, чтобы поддержать этот необыкновенный талант.

Давайте обсудим

1. В чём проявляется конфликт между личностью Навои и его государственной деятельностью?
2. Как бы изменилась судьба государства, если бы султан не прислушивался к советам Навои?
3. Почему Айбек показывает Навои не только поэтом, но и политиком? Что это придаёт образу героя?

Исследовательское задание

Используя дополнительные источники, подготовьте мини-проект «Три поступка Навои, которые я считаю самыми важными» с примерами, аргументацией и короткими выводами.

Практическое задание

Заполните таблицу «Навои».

Навои как поэт	Навои как государственный деятель	Обоснование
Цели		
Методы		
Идеалы		
Внутренние конфликты		

Опишите, какого Навои вы увидели в романе: мудреца, гуманиста, государственного реформатора?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШОЛОХОВ (1905–1984)

Михаил Александрович Шолохов – русский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1965). Автор произведений о судьбе донского казачества и переломных событиях российской истории XX века. Наиболее известные его книги – «Донские рассказы», «Тихий Дон», «Поднятая целина» и «Судьба человека», в которых он сочетает глубокий психологизм с широким историческим взглядом.

Давайте поговорим

1. Как вы понимаете слово *«судьба»*? Можно ли сказать, что человек сам её формирует?
2. Встречались ли вам в жизни или в рассказах других людей примеры невероятной стойкости и мужества? Поделитесь одним таким случаем.
3. Посмотрите только на название произведения: «Судьба человека». Какие темы, по вашему мнению, в нём будут подниматься?

Подготовка к встрече с текстом

Рассказ «Судьба человека»

Рассказ «Судьба человека» был написан в 1956 году и впервые опубликован в газете «Правда». Читатели были глубоко потрясены историей простого человека, силой его духа и подлинностью повествования. С точки зрения художественной новизны произведение сыграло значительную роль: Шолохов показал, что тема войны может быть раскрыта через судьбу обычного солдата, чья личная драма отражает трагедию целого поколения. Всё, что происходит в рассказе, основано на реальных событиях. Андрей Соколов – это прототип реального человека, с которым автор имел возможность поговорить.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Рассказ занимает важное место в литературе второй половины XX века. Это связано с теми глубокими проблемами, которые Шолохов поднимает в рассказе. Послевоенное время было наполнено болью: раны ещё не успели затянуться, а в памяти людей оставались свежими воспоминания обо всех погибших, раненых и искалеченных войной. Гибли не только солдаты – страшная участь постигала и мирных жителей, женщин и детей.

До войны жизнь Андрея Соколова, простого водителя, не выделялась чем-то особенным. Однако война забрала у него всё: любимая жена и дочери погибли во время бомбёжки, а старший сын – в последний день войны. Андрей остаётся абсолютно один. Даже родные места стали для него невыносимыми – всё напоминало о прошлом, которого уже не вернуть.

В финале рассказа герой принимает решение усыновить маленького мальчика Ваню, столь же одинокого, как и он сам: мать ребёнка погибла, а отец пропал без вести. Ребёнок не должен был страдать – он заслуживал счастливого детства, но война лишила его этого права, сделав ещё одной жертвой своего разрушительного пламени.

Шолохов завершает рассказ проникновенными словами:

«Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы… Что-то ждёт их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит, и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет всё вытерпеть, всё преодолеть на своём пути, если к этому позовёт его Родина».

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Рассказ

Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону на редкость дружная и напористая. В конце марта из Приазовья подули тёплые ветры, и уже через двое суток начисто оголились пески левобережья Дона, в степи вспухли набитые снегом лога и балки, взломав лёд, бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны.

В эту недобрую пору бездорожья мне пришлось ехать в станицу Букановскую. И расстояние небольшое – всего лишь около шестидесяти километров, – но одолеть их оказалось не так-то просто. Мы с товарищем выехали до восхода солнца. Пара сытых лошадей, в струну натягивая постромки, еле тащила тяжёлую бричку. Колёса по самую ступицу проваливались в отсыревший, перемешанный со снегом и льдом песок, и через час на лошадиных боках и стёгнах, под тонкими ремнями шлеек, уже показались белые пышные хлопья мыла, а в утреннем свежем воздухе остро и пьяняще запахло лошадиным потом и согретым деготьком щедро смазанной конской сбруи.

Там, где было особенно трудно лошадям, мы слезали с брички, шли пешком. Под сапогами хлюпал размокший снег, идти было тяжело, но по обочинам дороги все ещё держался хрустально поблёскивавший на солнце ледок, и там пробираться было ещё труднее. Только часов через шесть покрыли расстояние в тридцать километров, подъехали к переправе через речку Еланку.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Небольшая, местами пересыхающая летом речушка против хутора Моховского в заболоченной, поросшей ольхами пойме разлилась на целый километр. Переправляться надо было на утлой плоскодонке, поднимавшей не больше трёх человек. Мы отпустили лошадей. На той стороне в колхозном сарае нас ожидал старенький, видавший виды «виллис», оставленный там ещё зимою. Вдвоём с шофёром мы не без опасения сели в ветхую лодчонку. Товарищ с вещами остался на берегу. Едва отчалили, как из прогнившего днища в разных местах фонтанчиками забила вода. Подручными средствами конопатили ненадёжную посудину и вычерпывали из неё воду, пока не доехали. Через час мы были на той стороне Еланки. Шофёр пригнал из хутора машину, подошёл к лодке и сказал, берясь за весло:

– Если это проклятое корыто не развалится на воде, – часа через два приедем, раньше не ждите.

Вскоре я увидел, как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вёл за руку маленького мальчика, судя по росту – лет пяти-шести, не больше. Они устало брели по направлению к переправе, но, поравнявшись с машиной, повернули ко мне. Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушенным баском:

– Здорово, браток!

– Здравствуй. – Я пожал протянутую мне большую, чёрствую руку.

Мужчина наклонился к мальчику, сказал:

– Поздоровайся с дядей, сынок. Он, видать, такой же шофёр, как и твой папанька. Только мы с тобой на грузовой ездили, а он вот эту маленькую машину гоняет.

Глядя мне прямо в глаза светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. Я легонько потряс её, спросил:

– Что же это у тебя, старик, рука такая холодная? На дворе теплынь, а ты замерзаешь?

С трогательной детской доверчивостью малыш прижался к моим коленям, удивлённо приподнял белёсые бровки.

– Какой же я старик, дядя? Я вовсе мальчик, и я вовсе не замерзаю, а руки холодные – снежки катал потому что.

Сняв со спины тощий вещевой мешок, устало присаживаясь рядом со мною, отец сказал:

– Беда мне с этим пассажиром. Через него и я подбился. Широко шагнёшь – он уже на рысь переходит, вот и изволь к такому пехотинцу приноравливаться. Там, где мне надо раз шагнуть, – я три раза шагаю, так и идём с ним враздробь, как конь с черепахой. А тут ведь за ним глаз да глаз нужен. Чуть отвернёшься, а он уже по лужине бредёт или леденику отломит и сосёт вместо конфеты. Нет, не мужчинское это дело с такими пассажирами путешествовать, да ещё походным порядком. – Он помолчал немного, потом спросил: – А ты что же, браток, своё начальство ждёшь?

Мне было неудобно разуверять его в том, что я не шофёр, и я ответил:

– Приходится ждать.

– С той стороны подъедут?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Да.

– Не знаешь, скоро ли подойдёт лодка?

– Часа через два.

Я хотел было спросить, куда он идёт с ребёнком, какая нужда его гонит в такую распутицу, но он опередил меня вопросом:

– Ты что же, всю войну за баранкой?

– Почти всю.

– На фронте?

– Да.

– Ну, и мне там пришлось, браток, хлебнуть горюшка по ноздри и выше.

Он положил на колени большие тёмные руки, сгорбился. Я сбоку взглянул на него, и мне стало что-то не по себе… Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.

Выломав из плетня сухую искривлённую хворостинку, он с минуту молча водил ею по песку, вычерчивая какие-то замысловатые фигуры, а потом заговорил:

– Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила?» Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке… Нету и не дождусь! – И вдруг спохватился: ласково подталкивая сынишку, сказал: – Пойди, милок, поиграйся возле воды, у большой воды для ребятишек всегда какая-нибудь добыча найдётся. Только, гляди, ноги не промочи!

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Но вот он, проводив глазами сынишку, глухо покашлял, снова заговорил, и я весь превратился в слух.

– Поначалу жизнь моя была обыкновенная. Сам я уроженец Воронежской губернии, с тысяча девятисотого года рождения. В гражданскую войну был в Красной Армии, в дивизии Киквидзе. В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестрёнкой дома померли от голода. Остался один. Родни – хоть шаром покати, – нигде, никого, ни одной души. Ну, через год вернулся с Кубани, хатёнку продал, поехал в Воронеж. Поначалу работал в плотницкой артели, потом пошёл на завод, выучился на слесаря. Вскорости женился. Жена воспитывалась в детском доме. Сиротка. Хорошая попалась мне девка! Смирная, весёлая, угодливая и умница, не мне чета. Она с детства узнала, почём фунт лиха стоит, может, это и сказалось на её характере. Со стороны глядеть – не так уж она была из себя видная, но ведь я-то не со стороны на неё глядел, а в упор. И не было для меня красивее и желанней её, не было на свете и не будет!

Придёшь с работы усталый, а иной раз и злой, как чёрт. Нет, на грубое слово она тебе не нагрубит в ответ. Ласковая, тихая, не знает, где тебя усадить, бьётся, чтобы и при малом достатке сладкий кусок тебе сготовить. Смотришь на неё и отходишь сердцем, а спустя немного обнимешь её, скажешь: «Прости, милая Иринка, нахамил я тебе. Понимаешь, с работой у меня нынче не заладилось». И опять у нас мир, и у меня покой на душе. А ты знаешь, браток, что это означает для работы? Утром я встаю как встрёпанный, иду на завод, и любая работа у меня в руках кипит и спорится! Вот что это означает – иметь умную жену-подругу.

Приходилось кое-когда после получки и выпивать с товарищами. Кое-когда бывало и так, что идёшь домой и такие кренделя ногами выписываешь, что со стороны, небось, глядеть страшно. Тесна тебе улица, да и шабаш, не говоря уже про переулки. Парень я был тогда здоровый и сильный, как дьявол, выпить мог много, а до дому всегда добирался на своих ногах. Но случалось иной раз и так, что последний перегон шёл на первой скорости, то есть на четвереньках, однако же добирался. И опять же ни тебе упрёка, ни крика, ни скандала. Только посмеивается моя Иринка, да и то осторожно, чтобы я спьяну не обиделся. Разует меня и шепчет: «Ложись к стенке, Андрюша, а то сонный упадёшь с кровати». Ну, я, как куль с овсом, упаду, и всё поплывёт перед глазами. Только слышу сквозь сон, что она по голове меня тихонько гладит рукою и шепчет что-то ласковое, жалеет, значит…

Утром она меня часа за два до работы на ноги подымет, чтобы я размялся. Знает, что на похмелье я ничего есть не буду, ну, достанет огурец солёный или ещё что-нибудь по лёгкости, нальёт гранёный стаканчик водки. «Похмелись, Андрюша, только больше не надо, мой милый». Да разве же можно не оправдать такого доверия? Выпью, поблагодарю её без слов, одними глазами, поцелую и пошёл на работу, как миленький. А скажи она мне, хмельному, слово поперёк, крикни или обругайся, и я бы, как Бог свят, и на второй день напился. Так бывает в иных семьях, где жена дура; насмотрелся я на таких, знаю.

Вскорости дети у нас пошли. Сначала сынишка родился, через год ещё две де-

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

вочки… Тут я от товарищей откололся. Всю получку домой несу, семья стала числом порядочная, не до выпивки. В выходной кружку пива выпью и на этом ставлю точку.

В двадцать девятом году завлекли меня машины. Изучил автодело, сел за баранку на грузовой. Потом втянулся и уже не захотел возвращаться на завод. За рулём показалось мне веселее. Так и прожил десять лет и не заметил, как они прошли. Прошли как будто во сне. Да что десять лет! Спроси у любого пожилого человека – приметил он, как жизнь прожил? Ни черта он не приметил! Прошлое – вот как та дальняя степь в дымке. Утром я шёл по ней, всё было ясно кругом, а отшагал двадцать километров, и вот уже затянула степь дымка, и отсюда уже не отличишь лес от бурьяна, пашню от травокоса…

Работал я эти десять лет и день и ночь. Зарабатывал хорошо, и жили мы не хуже людей. И дети радовали: все трое учились на «отлично», а старшенький, Анатолий, оказался таким способным к математике, что про него даже в центральной газете писали. Откуда у него проявился такой огромадный талант к этой науке, я и сам, браток, не знаю. Только очень мне это было лестно, и гордился я им, страсть как гордился!

За десять лет скопили мы немного деньжонок и перед войной поставили себе домишко об двух комнатах, с кладовкой и коридорчиком. Ирина купила двух коз. Чего ещё больше надо? Дети кашу едят с молоком, крыша над головою есть, одеты, обуты, стало быть, всё в порядке. Только построился я неловко. Отвели мне участок в шесть соток неподалёку от авиазавода. Будь моя хибарка в другом месте, может, и жизнь сложилась бы иначе…

Давайте обсудим

1. Какие черты характера Соколова проявляются уже в первых эпизодах?
2. Что хотел подчеркнуть автор, выбирая композицию «рассказ в рассказе»?
3. Что в судьбе героя вам показалось знаменательным?
4. Почему, на ваш взгляд, писатели так часто обращаются к теме войны?
5. Какие человеческие качества позволяли людям выстоять в то страшное время?

А тут вот она, война. На второй день повестка из военкомата, а на третий – пожалуйте в эшелон. Провожали меня все четверо моих: Ирина, Анатолий и дочери – Настенька и Олюшка. Все ребята держались молодцом. Ну, у дочерей – не без того, посверкивали слезинки. Анатолий только плечами передёргивал, как от холода, ему к тому времени уже семнадцатый год шёл, а Ирина моя… Такой я её за все семнадцать лет нашей совместной жизни ни разу не видал. Ночью у меня на плече и на груди рубаха от её слез не просыхала, и утром такая же история… Пришли на вокзал, а я на неё от жалости глядеть не могу: губы от слёз распухли, волосы из-под платка выбились, и глаза мутные, несмысленные, как у тронутого умом человека. Командиры объявляют посадку, а она упала мне на грудь, руки на моей шее сцепила, и вся дрожит, будто подрубленное дерево… И детишки её уговаривают, и я, – ничего не помогает!

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Другие женщины с мужьями, с сыновьями разговаривают, а моя прижалась ко мне, как лист к ветке, и только вся дрожит, а слова вымолвить не может. Я и говорю ей: «Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье». Она и говорит, и за каждым словом всхлипывает: «Родненький мой… Андрюша… не увидимся мы с тобой… больше… на этом… свете»…

Тут у самого от жалости к ней сердце на части разрывается, а тут она с такими словами. Должна бы понимать, что мне тоже нелегко с ними расставаться, не к тёще на блины собрался. Зло меня тут взяло! Силой я разнял её руки и легонько толкнул в плечи. Толкнул вроде легонько, а сила-то у меня была дурачья; она попятилась, шага три ступнула назад и опять ко мне идёт мелкими шажками, руки протягивает, а я кричу ей: «Да разве же так прощаются? Что ты меня раньше времени заживо хоронишь?!» Ну, опять обнял её, вижу, что она не в себе…

Он на полуслове резко оборвал рассказ, и в наступившей тишине я услышал, как у него что-то клокочет и булькает в горле. Чужое волнение передалось и мне. Искоса взглянул я на рассказчика, но ни единой слезинки не увидел в его словно бы мёртвых, потухших глазах. Он сидел, понуро склонив голову, только большие, безвольно опущенные руки мелко дрожали, дрожал подбородок, дрожали твёрдые губы…

– Не надо, друг, не вспоминай! – тихо проговорил я, но он, наверное, не слышал моих слов и, каким-то огромным усилием воли поборов волнение, вдруг сказал охрипшим, странно изменившимся голосом:

– До самой смерти, до последнего моего часа, помирать буду, а не прощу себе, что тогда её оттолкнул!..

Он снова и надолго замолчал. Пытался свернуть папиросу, но газетная бумага рвалась, табак сыпался на колени. Наконец он всё же кое-как сделал кручёнку, несколько раз жадно затянулся и, покашливая, продолжал:

– Оторвался я от Ирины, взял её лицо в ладони, целую, а у неё губы как лёд. С детишками попрощался, бегу к вагону, уже на ходу вскочил на подножку. Поезд взял с места тихо-тихо; проезжать мне – мимо своих. Гляжу, детишки мои осиротелые в кучку сбились, руками мне машут, хотят улыбаться, а оно не выходит. А Ирина прижала руки к груди; губы белые как мел, что-то она ими шепчет, смотрит на меня, не сморгнёт, а сама вся вперёд клонится, будто хочет шагнуть против сильного ветра… Такой она и в памяти мне на всю жизнь осталась: руки, прижатые к груди, белые губы и широко раскрытые глаза, полные слёз… По большей части такой я её и во сне всегда вижу… Зачем я её тогда оттолкнул? Сердце до сих пор, как вспомню, будто тупым ножом режут…

Формировали нас под Белой Церковью, на Украине. Дали мне ЗИС-5. На нём и поехал на фронт. Ну, про войну тебе нечего рассказывать, сам видал и знаешь, как оно было поначалу. От своих письма получал часто, а сам крылатки посылал редко. Бывало, напишешь, что, мол, всё в порядке, помаленьку воюем, и хотя сейчас отступаем, но скоро соберёмся с силами и тогда дадим фрицам прикурить. А что ещё можно было писать? Тошное время было, не до писаний было. Да и признаться, и сам

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

я не охотник был на жалобных струнах играть и терпеть не мог этаких слюнявых, какие каждый день, к делу и не к делу, жёнам и милахам писали. Трудно, дескать, ему, тяжело, того и гляди убьют. И вот он жалуется, сочувствия ищет, слюнявится, а того не хочет понять, что этим разнесчастным бабёнкам и детишкам не слаже нашего в тылу приходилось. Вся держава на них оперлась! Какие же это плечи нашим женщинам и детишкам надо было иметь, чтобы под такой тяжестью не согнуться? А вот не согнулись, выстояли!

Только не пришлось мне и года повоевать… Два раза за это время был ранен, но оба раза по лёгости: один раз – в мякоть руки, другой – в ногу; первый раз – пулей с самолёта, другой – осколком снаряда. Дырявил немец мою машину и сверху и с боков, но мне, браток, везло на первых порах. Везло-везло, да и довезло до самой ручки… Попал я в плен под Лозовеньками в мае сорок второго года при таком неловком случае: немец тогда здорово наступал, и оказалась одна наша стодвадцатидвухмиллиметровая гаубичная батарея почти без снарядов; нагрузили мою машину снарядами по самую завязку, и сам я на погрузке работал так, что гимнастёрка к лопаткам прикипала. Надо было сильно спешить потому, что бой приближался к нам: слева чьи-то танки гремят, справа стрельба идёт, впереди стрельба, и уже начало попахивать жареным…

Командир нашей автороты спрашивает: «Проскочишь, Соколов?» А тут и спрашивать нечего было. Там товарищи мои, может, погибают, а я тут чухаться буду? «Какой разговор! – отвечаю ему. – Я должен проскочить, и баста!» «Ну, – говорит, – дуй! Жми на всю железку!»

Я и подул. В жизни так не ездил, как на этот раз! Знал, что не картошку везу, что с этим грузом осторожность в езде нужна, но какая же тут может быть осторожность, когда там ребята с пустыми руками воюют, когда дорога вся насквозь артогнём простреливается. Пробежал километров шесть, скоро мне уже на просёлок сворачивать, чтобы пробраться к балке, где батарея стояла, а тут гляжу – мать честная – пехотка наша и справа и слева от грейдера по чистому полю сыплет, и уже мины рвутся по их порядкам. Что мне делать? Не поворачивать же назад? Давлю вовсю! И до батареи остался какой-нибудь километр, уже свернул я на просёлок, а добраться до своих мне, браток, не пришлось… Видно, из дальнобойного тяжёлый положил он мне возле машины. Не слыхал я ни разрыва, ничего, только в голове будто что-то лопнуло, и больше ничего не помню. Как остался я живой тогда – не понимаю, и сколько времени пролежал метрах в восьми от кювета – не соображу. Очнулся, а встать на ноги не могу: голова у меня дёргается, всего трясёт, будто в лихорадке, в глазах темень, в левом плече что-то скрипит и похрустывает, и боль во всём теле такая, как, скажи, меня двое суток подряд били чем попадя. Долго я по земле на животе елозил, но кое-как встал. Однако опять же ничего не пойму, где я и что со мной стряслось. Память-то мне начисто отшибло. А обратно лечь боюсь. Боюсь, что лягу и больше не встану, помру. Стою и качаюсь из стороны в сторону, как тополь в бурю.

Когда пришёл в себя, опомнился и огляделся как следует – сердце будто кто-то плоскогубцами сжал: кругом снаряды валяются, какие я вёз, неподалёку моя маши-

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

на, вся в клочья побитая, лежит вверх колёсами, а бой-то, бой-то уже сзади меня идёт… Это как?

Нечего греха таить, вот тут-то у меня ноги сами собою подкосились, и я упал как срезанный, потому что понял, что я – в плену у фашистов. Вот как оно на войне бывает…

Ох, браток, нелёгкое это дело понять, что ты не по своей воле в плену. Кто этого на своей шкуре не испытал, тому не сразу в душу въедешь, чтобы до него по-человечески дошло, что означает эта штука.

Ну, вот, стало быть, лежу я и слышу: танки гремят. Четыре немецких средних танка на полном газу прошли мимо меня туда, откуда я со снарядами выехал… Каково это было переживать? Потом тягачи с пушками потянулись, полевая кухня проехала, потом пехота пошла, не густо, так, не больше одной битой роты. Погляжу, погляжу на них краем глаза и опять прижмусь щекой к земле, глаза закрою: тошно мне на них глядеть, и на сердце тошно…

Думал, все прошли, приподнял голову, а их шесть автоматчиков – вот они, шагают метрах в ста от меня. Гляжу, сворачивают с дороги и прямо ко мне. Идут молчаком. «Вот, – думаю, – и смерть моя на подходе». Я сел, неохота лёжа помирать, потом встал. Один из них, не доходя шагов нескольких, плечом дёрнул, автомат снял. И вот как потешно человек устроен: никакой паники, ни сердечной робости в эту минуту у меня не было. Только гляжу на него и думаю: «Сейчас даст он по мне короткую очередь, а куда будет бить? В голову или поперёк груди?» Как будто мне это не один чёрт, какое место он в моём теле прострочит.

Молодой парень, собою ладный такой, чернявый, а губы тонкие, в нитку, и глаза с прищуром. «Этот убьёт и не задумается», – соображаю про себя. Так оно и есть: вскинул автомат – я ему прямо в глаза гляжу, молчу, а другой, ефрейтор, что ли, постарше его возрастом, можно сказать пожилой, что-то крикнул, отодвинул его в сторону, подошёл ко мне, лопочет по-своему и правую руку мою в локте сгибает, мускул, значит, щупает. Попробовал и говорит: «О-о-о!» – и показывает на дорогу, на заход солнца. Топай, мол, рабочая скотинка, трудиться на наш рейх. Хозяином оказался!

Но чернявый присмотрелся на мои сапоги, а они у меня с виду были добрые, показывает рукой: «Сымай». Сел я на землю, снял сапоги, подаю ему. Он их из рук у меня прямо-таки выхватил. Размотал я портянки, протягиваю ему, а сам гляжу на него снизу вверх. Но он заорал, заругался по-своему и опять за автомат хватается. Остальные ржут. С тем по-мирному и отошли. Только этот чернявый, пока дошёл до дороги, раза три оглянулся на меня, глазами сверкает, как волчонок, злится, а, чего? Будто я с него сапоги снял, а не он с меня.

Что ж, браток, деваться мне было некуда. Вышел я на дорогу, выругался страшным кучерявым, воронежским матом и зашагал на запад, в плен!.. А ходок тогда из меня был никудышный, в час по километру, не больше. Ты хочешь вперёд шагнуть, а тебя из стороны в сторону качает, возит по дороге, как пьяного. Прошёл немного, и догоняет меня колонна наших пленных, из той же дивизии, в какой я был. Гонят их человек десять немецких автоматчиков. Тот, какой впереди колонны шёл, порав-

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

нялся со мною и, не говоря худого слова, наотмашь хлыстнул меня ручкой автомата по голове. Упади я, – и он пришил бы меня к земле очередью, но наши подхватили меня на лету, затолкали в средину и с полчаса вели под руки. А когда я очухался, один из них шепчет: «Боже тебя упаси падать! Иди из последних сил, а не то убьют». И я из последних сил, но пошёл.

Как только солнце село, немцы усилили конвой, на грузовой подкинули ещё человек двадцать автоматчиков, погнали нас ускоренным маршем. Сильно раненные наши не могли поспевать за остальными, и их пристреливали прямо на дороге. Двое попытались бежать, а того не учли, что в лунную ночь тебя в чистом поле чёрт-те насколько видно, ну, конечно, и этих постреляли. В полночь пришли мы в какое-то полусожжённое село. Ночевать загнали нас в церковь с разбитым куполом. На каменном полу – ни клочка соломы, а все мы без шинелей, в одних гимнастёрках и штанах, так что постелить и разу нечего. Кое на ком даже и гимнастёрок не было, одни бязевые исподние рубашки. В большинстве это были младшие командиры. Гимнастёрки они посымали, чтобы их от рядовых нельзя было отличить. И ещё артиллерийская прислуга была без гимнастёрок. Как работали возле орудий растелешённые, так и в плен попали.

Ночью полил такой сильный дождь, что все мы промокли насквозь. Тут купол снесло тяжёлым снарядом или бомбой с самолёта, а тут крыша вся начисто побитая осколками, сухого места даже в алтаре не найдёшь. Так всю ночь и прослонялись мы в этой церкви, как овцы в тёмном котухе. Среди ночи слышу, кто-то трогает меня за руку, спрашивает: «Товарищ, ты не ранен?» Отвечаю ему: «А тебе что надо, браток?» Он и говорит: «Я – военврач, может быть, могу тебе чем-нибудь помочь?» Я пожаловался ему, что у меня левое плечо скрипит и пухнет и ужасно как болит. Он твёрдо так говорит: «Сымай гимнастёрку и нижнюю рубашку». Я снял всё это с себя, он и начал руку в плече прощупывать своими тонкими пальцами, да так, что я света не взвидел. Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?» А он всё щупает и злобно так отвечает: «Твоё дело помалкивать! Тоже мне, разговорчики затеял. Держись, сейчас ещё больнее будет». Да с тем, как дёрнет мою руку, аж красные искры у меня из глаз посыпались.

Опомнился я и спрашиваю: «Ты что же делаешь, фашист несчастный? У меня рука вдребезги разбитая, а ты её так рванул». Слышу, он засмеялся потихоньку и говорит: «Думал, что ты меня ударишь с правой, но ты, оказывается, смирный парень. А рука у тебя не разбита, а выбита была, вот я её на место и поставил. Ну, как теперь, полегче тебе?» И в самом деле, чувствую по себе, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его душевно, и он дальше пошёл в темноте, потихоньку спрашивает: «Раненые есть?» Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену, и в потёмках своё великое дело делал.

Беспокойная это была ночь. До ветру не пускали, об этом старший конвоя предупредил, ещё когда попарно загоняли нас в церковь. И, как на грех, приспичило одному богомольному из наших выйти по нужде. Крепился-крепился он, а потом заплакал.

RESPUBLIKA TATLIM MARKAZI

«Не могу, – говорит, – осквернять святой храм! Я же верующий, я христианин! Что мне делать, братцы?» А наши, знаешь, какой народ? Одни смеются, другие ругаются, третьи всякие шуточные советы ему дают. Развеселил он всех нас, а кончилась эта канитель очень даже плохо: начал он стучать в дверь и просить, чтобы его выпустили. Ну, и допросился: дал фашист через дверь, во всю её ширину, длинную очередь, и богомольца этого убил, и ещё трёх человек, а одного тяжело ранил, к утру он скончался.

Убитых сложили мы в одно место, присели все, притихли и призадумались: начало-то не очень весёлое… А немного погодя заговорили вполголоса, зашептались: кто откуда, какой области, как в плен попал; в темноте товарищи из одного взвода или знакомцы из одной роты порастерялись, начали один одного потихоньку окликать. И слышу я рядом с собой такой тихий разговор. Один говорит: «Если завтра, перед тем как гнать нас дальше, нас выстроят и будут выкликать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, взводный, не прячься! Из этого дела у тебя ничего не выйдет. Ты думаешь, если гимнастёрку снял, так за рядового сойдёшь? Не выйдет! Я за тебя отвечать не намерен. Я первый укажу на тебя! Я же знаю, что ты коммунист и меня агитировал вступать в партию, вот и отвечай за свои дела». Это говорит ближний ко мне, какой рядом со мной сидит, слева, а с другой стороны от него чей-то молодой голос отвечает: «Я всегда подозревал, что ты, Крыжнёв, нехороший человек. Особенно, когда ты отказался вступать в партию, ссылаясь на свою неграмотность. Но никогда я не думал, что ты сможешь стать предателем. Ведь ты же окончил семилетку?» Тот лениво так отвечает своему взводному: «Ну, окончил, и что из этого?» Долго они молчали, потом, по голосу, взводный тихо так говорит: «Не выдавай меня, товарищ Крыжнёв». А тот засмеялся тихонько. «Товарищи, – говорит, – остались за линией фронта, а я тебе не товарищ, и ты меня не проси, всё равно укажу на тебя. Своя рубашка к телу ближе».

Замолчали они, а меня озноб колотит от такой подлючности. «Нет, – думаю, – не дам я тебе, сучьему сыну, выдать своего командира! Ты у меня из этой церкви не выйдешь, а вытянут тебя, как падлу, за ноги!» Чуть-чуть рассвело – вижу: рядом со мной лежит на спине мордатый парень, руки за голову закинул, а около него сидит в одной исподней рубашке, колени обнял, худенький такой, курносенький парнишка, и очень собою бледный. «Ну, – думаю, – не справится этот парнишка с таким толстым мерином. Придётся мне его кончать».

Тронул я его рукою, спрашиваю шёпотом: «Ты – взводный?» Он ничего не ответил, только головою кивнул. «Этот хочет тебя выдать?» – показываю я на лежачего парня. Он обратно головою кивнул. «Ну, – говорю, – держи ему ноги, чтобы не брыкался! Да поживей!» – а сам упал на этого парня, и замерли мои пальцы у него на глотке. Он и крикнуть не успел. Подержал его под собой минут несколько, приподнялся. Готов предатель, и язык набоку!

До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил… Первый раз в жизни убил, и то своего… Да какой же он свой? Он же худее чужого, предатель. Встал и говорю взводному: «Пойдём отсюда, товарищ, церковь велика».

РЕПУБЛИКА ТАТАРСТАН МАРКАЗ

Как и говорил этот Крыжнёв, утром всех нас выстроили возле церкви, оцепили автоматчиками, и трое эсэсовских офицеров начали отбирать вредных им людей. Спросили, кто коммунисты, командиры, комиссары, но таковых не оказалось. Не оказалось и сволочи, какая могла бы выдать, потому что и коммунистов среди нас было чуть не половина, и командиры были, и, само собою, и комиссары были. Только четырёх и взяли из двухсот с лишним человек. Одного еврея и трёх русских рядовых. Русские попали в беду потому, что все трое были чернявые и с кучерявинкой в волосах. Вот подходят к такому, спрашивают: «Юде?» Он говорит, что русский, но его и слушать не хотят. «Выходи» – и всё.

Расстреляли этих бедолаг, а нас погнали дальше. Взводный, с каким мы предателя придушили, до самой Познани возле меня держался и в первый день нет-нет да и пожмёт мне руку. В Познани нас разлучили по одной такой причине.

Видишь, какое дело, браток, ещё с первого дня задумал я уходить к своим. Но уходить хотел наверняка. До самой Познани, где разместили нас в настоящем лагере, ни разу не предоставился мне подходящий случай. А в Познанском лагере вроде такой случай нашёлся: в конце мая послали нас в лесок возле лагеря рыть могилы для наших же умерших военнопленных, много тогда нашего брата мерло от дизентерии; рою я познанскую глину, а сам посматриваю кругом и вот приметил, что двое наших охранников сели закусывать, а третий придремал на солнышке. Бросил я лопату и тихо пошёл за куст… А потом – бегом, держу прямо на восход солнца…

Видать, не скоро они спохватились, мои охранники. А вот откуда у меня, у такого тощалого, силы взялись, чтобы пройти за сутки почти сорок километров, – сам не знаю. Только ничего у меня не вышло из моего мечтания: на четвёртые сутки, когда я был уже далеко от проклятого лагеря, поймали меня. Собаки сыскные шли по моему следу, они меня и нашли в некошеном овсе. На заре побоялся я идти чистым полем, а до леса было не меньше трёх километров, я залёг в овсе на днёвку. Намял в ладонях зёрен, пожевал немного и в карманы насыпал про запас и вот слышу собачий брех, и мотоцикл трещит… Оборвалось у меня сердце, потому что собаки всё ближе голоса подают. Лёг я плашмя и закрылся руками, чтобы они мне хоть лицо не обгрызли. Ну, добежали и в одну минуту спустили с меня всё моё рваньё. Остался в чём мать родила. Катали они меня по овсу, как хотели, и под конец один кобель стал мне на грудь передними лапами и целится в глотку, но пока ещё не трогает.

На двух мотоциклах подъехали немцы. Сначала сами били в полную волю, а потом натравили на меня собак, и с меня только кожа с мясом полетели клочьями. Голого, всего в крови и привезли в лагерь. Месяц отсидел в карцере за побег, но всё-таки живой… живой я остался!..

Тяжело мне, браток, вспоминать, а ещё тяжелее рассказывать о том, что довелось пережить в плену. Как вспомнишь нелюдские муки, какие пришлось вынести там, в Германии, как вспомнишь всех друзей-товарищей, какие погибли, замученные там, в лагерях, – сердце уже не в груди, а в глотке бьётся, и трудно становится дышать…

Куда меня только не гоняли за два года плена! Половину Германии объехал за это время: и в Саксонии был, на силикатном заводе работал, и в Рурской области на шах-

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН МАРКАЗИ

те уголёк откатывал, и в Баварии на земляных работах горб наживал, и в Тюрингии побыл, и чёрт-те где только не пришлось по немецкой земле походить. Природа везде там, браток, разная, но стреляли и били нашего брата везде одинаково. А били Богом проклятые гады и паразиты так, как у нас сроду животину не бьют. И кулаками били, и ногами топтали, и резиновыми палками били, и всяческим железом, какое под руку попадётся, не говоря уже про винтовочные приклады и прочее дерево.

Били за то, что ты – русский, за то, что на белый свет ещё смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнёшь, не так повернёшься. Били запросто, для того, чтобы когда-нибудь да убить до смерти, чтобы захлебнулся своей последней кровью и подох от побоев. Печей-то, наверное, на всех нас не хватало в Германии.

И кормили везде, как есть, одинаково: полтораста грамм эрзац-хлеба пополам с опилками и жидкая баланда из брюквы. Кипяток – где давали, а где нет. Да что там говорить, суди сам: до войны весил я восемьдесят шесть килограмм, а к осени тянул уже не больше пятидесяти. Одна кожа осталась на костях, да и кости-то свои носить было не под силу. А работу давай, и слова не скажи, да такую работу, что ломовой лошади и то не в пору.

В начале сентября из лагеря под городом Кюстрином перебросили нас, сто сорок два человека советских военнопленных, в лагерь Б-14, неподалёку от Дрездена. К тому времени в этом лагере было около двух тысяч наших. Все работали на каменном карьере, вручную долбили, резали, крошили немецкий камень. Норма – четыре кубометра в день на душу, заметь, на такую душу, какая и без этого чуть-чуть, на одной ниточке в теле держалась. Тут и началось: через два месяца от ста сорока двух человек нашего эшелона осталось нас пятьдесят семь. Это как, браток? Лихо? Тут своих не успеваешь хоронить, а тут слух по лагерю идёт, будто немцы уже Сталинград взяли и прут дальше, на Сибирь. Одно горе к другому, да так гнут, что глаз от земли не подымаешь, вроде и ты туда, в чужую, немецкую землю, просишься. А лагерная охрана каждый день пьёт, песни горланят, радуются, ликуют.

И вот как-то вечером вернулись мы в барак с работы. Целый день дождь шёл, лохмотья на нас хоть выжми; все мы на холодном ветру продрогли как собаки, зуб на зуб не попадает. А обсушиться негде, согреться – то же самое, и к тому же голодные не то что до смерти, а даже ещё хуже. Но вечером нам еды не полагалось.

Снял я с себя мокрое рваньё, кинул на нары и говорю: «Им по четыре кубометра выработки надо, а на могилу каждому из нас и одного кубометра через глаза хватит». Только и сказал, но ведь нашёлся же из своих какой-то подлец, донёс коменданту лагеря про эти мои горькие слова.

Комендантом лагеря, или, по-ихнему, лагерфюрером, был у нас немец Мюллер. Невысокого роста, плотный, белобрысый и сам весь какой-то белый: и волосы на голове белые, и брови, и ресницы, даже глаза у него были белёсые, навыкате. По-русски говорил, как мы с тобой, да ещё на «о» налегал, будто коренной волжанин. А матершинничать был мастер ужасный. И где он, проклятый, только и учился этому ремеслу? Бывало, выстроит нас перед блоком – барак они так называли, – идёт

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

перед строем со своей сворой эсэсовцев, правую руку держит на отлёте. Она у него в кожаной перчатке, а в перчатке свинцовая прокладка, чтобы пальцев не повредить. Идёт и бьёт каждого второго в нос, кровь пускает. Это он называл «профилактикой от гриппа». И так каждый день. Всего четыре блока в лагере было, и вот он нынче первому блоку «профилактику» устраивает, завтра второму и так далее. Аккуратный был гад, без выходных работал. Только одного он, дурак, не мог сообразить: перед тем как идти ему руки прикладывать, он, чтобы распалить себя, минут десять перед строем ругается. Он матершинничает почём зря, а нам от этого легче становится: вроде слова-то наши, природные, вроде ветерком с родной стороны подувает… Знал бы он, что его ругань нам одно удовольствие доставляет, уж он по-русски не ругался бы, а только на своём языке. Лишь один мой приятель-москвич злился на него страшно. «Когда он ругается, – говорит, – я глаза закрою и вроде в Москве, на Зацепе, в пивной сижу, и до того мне пива захочется, что даже голова закружится».

Так вот этот самый комендант на другой день после того, как я про кубометры сказал, вызывает меня. Вечером приходят в барак переводчик и с ним два охранника. «Кто Соколов Андрей?» Я отозвался. «Марш за нами, тебя сам герр лагерфюрер требует». Понятно, зачем требует. На распыл. Попрощался я с товарищами, все они знали, что на смерть иду, вздохнул и пошёл. Иду по лагерному двору, на звёзды поглядываю, прощаюсь и с ними, думаю: «Вот и отмучился ты, Андрей Соколов, а по-лагерному – номер триста тридцать первый». Что-то жалко стало Иринку и детишек, а потом жаль эта утихла и стал я собираться с духом, чтобы глянуть в дырку пистолета бесстрашно, как и подобает солдату, чтобы враги не увидали в последнюю мою минуту, что мне с жизнью расставаться всё-таки трудно…

В комендантской – цветы на окнах, чистенько, как у нас в хорошем клубе. За столом – всё лагерное начальство. Пять человек сидят, шнапс глушат и салом закусывают. На столе у них початая здоровенная бутыль со шнапсом, хлеб, сало, мочёные яблоки, открытые банки с разными консервами. Мигом оглядел я всю эту жратву, и – не поверишь – так меня замутило, что за малым не вырвало. Я же голодный, как волк, отвык от человеческой пищи, а тут столько добра перед тобою… Кое-как задавил тошноту, но глаза оторвал от стола через великую силу.

Прямо передо мною сидит полупьяный Мюллер, пистолетом играется, перекидывает его из руки в руку, а сам смотрит на меня и не моргнёт, как змея. Ну, я руки по швам, стоптанными каблуками щёлкнул, громко так докладываю: «Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился». Он и спрашивает меня: «Так что же, русс Иван, четыре кубометра выработки – это много?» – «Так точно, – говорю, – герр комендант, много». – «А одного тебе на могилу хватит?» – «Так точно, герр комендант, вполне хватит и даже останется».

Он встал и говорит: «Я окажу тебе великую честь, сейчас лично расстреляю тебя за эти слова. Здесь неудобно, пойдём во двор, там ты и распишешься». – «Воля ваша», – говорю ему. Он постоял, подумал, а потом кинул пистолет на стол и наливает полный стакан шнапса, кусочек хлеба взял, положил на него ломтик сала и всё это подаёт мне и говорит: «Перед смертью выпей, русс Иван, за победу немецкого оружия».

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

Я было из его рук и стакан взял, и закуску, но как только услыхал эти слова, – меня будто огнём обожгло! Думаю, про себя: «Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?! А кое-чего ты не хочешь, герр комендант? Один чёрт мне умирать, так провались ты пропадом со своей водкой!»

Поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: «Благодарствую за угощение, но я непьющий». Он улыбается: «Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою погибель». А что мне было терять? «За свою погибель и избавление от мук я выпью», – говорю ему. С тем взял стакан и в два глотка вылил его в себя, а закуску не тронул, вежливенько вытер губы ладонью и говорю: «Благодарствую за угощение. Я готов, герр комендант, пойдёмте, распишете меня».

Но он смотрит внимательно так и говорит: «Ты хоть закуси перед смертью». Я ему на это отвечаю: «Я после первого стакана не закусываю». Наливает он второй, подаёт мне. Выпил я и второй и опять же закуску не трогаю, на отвагу бью, думаю: «Хоть напьюсь перед тем, как во двор идти, с жизнью расставаться». Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: «Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!» А я ему своё: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать». Надул он щёки, фыркнул, а потом как захохочет и сквозь смех что-то быстро говорит по-немецки: видно, переводит мои слова друзьям. Те тоже рассмеялись, стульями задвигали, поворачиваются ко мне мордами и уже, замечаю, как-то иначе на меня поглядывают, вроде помягче.

Наливает мне комендант третий стакан, а у самого руки трясутся от смеха. Этот стакан я выпил врастяжку, откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол. Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть своё, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались.

После этого комендант стал серьёзный с виду, поправил у себя на груди два железных креста, вышел из-за стола безоружный и говорит: «Вот что, Соколов, ты – настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я – тоже солдат и уважаю достойных противников. Стрелять я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге и целиком овладели Сталинградом. Это для нас большая радость, а потому я великодушно дарю тебе жизнь. Ступай в свой блок, а это тебе за смелость», – и подаёт мне со стола небольшую буханку хлеба и кусок сала.

Прижал я хлеб к себе изо всей силы, сало в левой руке держу и до того растерялся от такого неожиданного поворота, что и спасибо не сказал, сделал налево кругом, иду к выходу, а сам думаю: «Засветит он мне сейчас промеж лопаток, и не донесу ребятам этих харчей». Нет, обошлось. И на этот раз смерть мимо меня прошла, только холодком от неё потянуло…

Вышел я из комендантской на твёрдых ногах, а во дворе меня развезло. Ввалился в барак и упал на цементованный пол без памяти. Разбудили меня наши ещё в потёмках: «Рассказывай!» Ну, я припомнил, что было в комендантской, рассказал им. «Как будем харчи делить?» – спрашивает мой сосед по нарам, а у самого голос дрожит. «Всем поровну», – говорю ему. Дождались рассвета. Хлеб и сало резали суровой

RESPUBLIKA TALIMY MARKAZI

ниткой. Досталось каждому хлеба по кусочку со спичечную коробку, каждую крошку брали на учёт, ну, а сала, сам понимаешь, только губы помазать. Однако поделили без обиды.

Давайте обсудим

1. Почему Андрей Соколов стал шофёром на фронте?
2. Как герой оказался в плену?
3. Какие испытания ему пришлось перенести в лагере?
4. Почему немецкий офицер Мюллер пощадил Соколова?

Творческое задание

Представьте, что вы встретили человека, который пережил войну. Какие бы три вопроса вы задали ему? Составьте интервью с героем.

Вскорости перебросили нас, человек триста самых крепких, на осушку болот, потом – в Рурскую область на шахты. Там и пробыл я до сорок четвёртого года. К этому времени наши уже своротили Германии скулу набок и фашисты перестали пленными брезговать. Как-то выстроили нас, всю дневную смену, и какой-то приезжий обер-лейтенант говорит через переводчика: «Кто служил в армии или до войны работал шофёром, – шаг вперёд». Шагнуло нас семь человек бывшей шоферни. Дали нам поношенную спецовку, направили под конвоем в город Потсдам. Приехали туда, и растрясли нас всех врозь. Меня определили работать в «Тодте» – была у немцев такая шарашкина контора по строительству дорог и оборонительных сооружений.

Возил я на «оппель-адмирале» немца-инженера в чине майора армии. Ох, и толстый же был фашист! Маленький, пузатый, что в ширину, что в длину одинаковый и в заду плечистый, как справная баба. Спереди у него над воротником мундира три подбородка висят и позади на шее три толстючих складки. На нём, я так определял, не менее трёх пудов чистого жиру было. Ходит, пыхтит, как паровоз, а жрать сядет – только держись! Целый день, бывало, жуёт да коньяк из фляжки потягивает. Кое-когда и мне от него перепадало: в дороге остановится, колбасы нарежет, сыру, закусывает и выпивает; когда в добром духе, – и мне кусок кинет, как собаке. В руки никогда не давал, нет, считал это для себя за низкое. Но как бы то ни было, а с лагерем же не сравнить, и понемногу стал я запохаживаться на человека, помалу, но стал поправляться.

Недели две возил я своего майора из Потсдама в Берлин и обратно, а потом послали его в прифронтовую полосу на строительство оборонительных рубежей про-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

тив наших. И тут я спать окончательно разучился: ночи напролёт думал, как бы мне к своим, на родину сбежать.

Приехали мы в город Полоцк. На заре услыхал я в первый раз за два года, как громыхает наша артиллерия, и знаешь, браток, как сердце забилось? Холостой ещё ходил к Ирине на свиданья, и то оно так не стучало! Бои шли восточнее Полоцка уже километрах в восемнадцати. Немцы в городе злые стали, нервные, а толстяк мой всё чаще стал напиваться. Днём за городом с ним ездим, и он распоряжается, как укрепления строить, а ночью в одиночку пьёт. Опух весь, под глазами мешки повисли…

«Ну, – думаю, – ждать больше нечего, пришёл мой час! И надо не одному мне бежать, а прихватить с собою и моего толстяка, он нашим сгодится!»

Нашёл в развалинах двухкилограммовую гирьку, обмотал её обтирочным тряпьём на случай, если придётся ударить, чтобы крови не было, кусок телефонного провода поднял на дороге, всё, что мне надо, усердно приготовил, схоронил под переднее сиденье. За два дня перед тем, как распрощался с немцами, вечером еду с заправки, вижу, идёт пьяный, как грязь, немецкий унтер, за стенку руками держится. Остановил я машину, завёл его в развалины и вытряхнул из мундира, пилотку с головы снял. Всё это имущество тоже под сиденье сунул и был таков.

Утром двадцать девятого июня приказывает мой майор везти его за город, в направлении Тросницы. Там он руководил постройкой укреплений. Выехали. Майор на заднем сиденье спокойно дремлет, а у меня сердце из груди чуть не выскакивает. Ехал я быстро, но за городом сбавил газ, потом остановил машину, вылез, огляделся: далеко сзади две грузовых тянутся. Достал я гирьку, открыл дверцу пошире. Толстяк откинулся на спинку сиденья, похрапывает, будто у жены под боком. Ну, я его тюкнул гирькой в левый висок. Он и голову уронил. Для верности я его ещё раз стукнул, но убивать до смерти не захотел. Мне его живого надо было доставить, он нашим должен был много кое-чего порассказать. Вынул я у него из кобуры «парабеллум», сунул себе в карман, монтировку вбил за спинку заднего сиденья, телефонный провод накинул на шею майору и завязал глухим узлом на монтировке. Это чтобы он не свалился на бок, не упал при быстрой езде. Скоренько напялил на себя мундир и пилотку, ну, и погнал машину прямиком туда, где земля гудит, где бой идёт.

Немецкий передний край проскакивал меж двух дзотов. Из блиндажа автоматчики выскочили, и я нарочно сбавил ход, чтобы они видели, что майор едет. Но они крик подняли, руками махают, мол, туда ехать нельзя, а я будто не понимаю, подкинул газку и пошёл на все восемьдесят. Пока они опомнились и начали бить из пулемётов по машине, а я уже на ничьей земле между воронками петляю не хуже зайца.

Тут немцы сзади бьют, а тут свои очертели, из автоматов мне навстречу строчат. В четырёх местах ветровое стекло пробили, радиатор пропороли пулями… Но вот уже лесок над озером, наши бегут к машине, а я вскочил в этот лесок, дверцу открыл, упал на землю и целую её, и дышать мне нечем…

Молодой парнишка, на гимнастёрке у него защитные погоны, каких я ещё в глаза не видал, первым подбегает ко мне, зубы скалит: «Ага, чёртов фриц, заблудился?»

РЕПУБЛИКА ТАТАРСТАН МАРКАЗ

Рванул я с себя немецкий мундир, пилотку под ноги кинул и говорю ему: «Милый ты мой губошлёп! Сынок дорогой! Какой же я тебе фриц, когда я природный воронежец? В плену я был, понятно? А сейчас отвяжите этого борова, какой в машине сидит, возьмите его портфель и ведите меня к вашему командиру». Сдал я им пистолет и пошёл из рук в руки, а к вечеру очутился уже у полковника – командира дивизии. К этому времени меня и накормили, и в баньку сводили, и допросили, и обмундирование выдали, так что явился я в блиндаж к полковнику, как и полагается, душой и телом чистый, и в полной форме. Полковник встал из-за стола, пошёл мне навстречу. При всех офицерах обнял и говорит: «Спасибо тебе, солдат, за дорогой гостинец, какой привёз от немцев. Твой майор с его портфелем нам дороже двадцати „языков“. Буду ходатайствовать перед командованием о представлении тебя к правительственной награде». А я от этих слов его, от ласки, сильно волнуюсь, губы дрожат, не повинуются, только и мог из себя выдавить: «Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в стрелковую часть». Но полковник засмеялся, похлопал меня по плечу: «Какой из тебя вояка, если ты на ногах еле держишься? Сегодня же отправлю тебя в госпиталь. Подлечат тебя там, подкормят, после этого домой к семье на месяц в отпуск съездишь, а когда вернёшься к нам, посмотрим, куда тебя определить».

И полковник, и все офицеры, какие у него в блиндаже были, душевно попрощались со мной за руку, и я вышел окончательно разволнованный, потому что за два года отвык от человеческого обращения. И заметь, браток, что ещё долго я, как только с начальством приходилось говорить, по привычке невольно голову в плечи втягивал, вроде боялся, что ли, как бы меня не ударили. Вот как образовали нас в фашистских лагерях…

Из госпиталя сразу же написал Ирине письмо. Описал всё коротко, как был в плену, как бежал вместе с немецким майором. И, скажи на милость, откуда эта детская похвальба у меня взялась? Не утерпел-таки, сообщил, что полковник обещал меня к награде представить…

Две недели спал и ел. Кормили помалу, но часто, иначе, если бы давали еды вволю, я бы мог загнуться, так доктор сказал. Набрался силёнок вполне. А через две недели куска в рот взять не мог. Ответа из дома нет, и я, признаться, затосковал. Еда и на ум не идёт, сон от меня бежит, всякие дурные мыслишки в голову лезут… На третьей неделе получаю письмо из Воронежа. Но пишет не Ирина, а сосед мой, столяр Иван Тимофеевич. Не дай Бог никому таких писем получать!.. Сообщает он, что ещё в июне сорок второго года немцы бомбили авиазавод и одна тяжёлая бомба попала прямо в мою хатёнку. Ирина и дочери как раз были дома… Ну, пишет, что не нашли от них и следа, а на месте хатёнки – глубокая яма… Не дочитал я в этот раз письмо до конца. В глазах потемнело, сердце сжалось в комок и никак не разжимается. Прилёг я на койку, немного отлежался, дочитал. Пишет сосед, что Анатолий во время бомбёжки был в городе. Вечером вернулся в посёлок, посмотрел на яму и в ночь опять ушёл в город. Перед уходом сказал соседу, что будет проситься добровольцем на фронт. Вот и всё.

RESPUBLIKA TATLIM MARKAZI

Когда сердце разлезлось и в ушах зашумела кровь, я вспомнил, как тяжело расставалась со мною моя Ирина на вокзале. Значит, ещё тогда подсказало ей бабье сердце, что больше не увидимся мы с ней на этом свете. А я её тогда оттолкнул… Была семья, свой дом, всё это лепилось годами, и всё рухнуло в единый миг, остался я один. Думаю: «Да уж не приснилась ли мне моя нескладная жизнь?» А ведь в плену я почти каждую ночь, про себя, конечно, и с Ириной, и с детишками разговаривал, подбадривал их, дескать, я вернусь, мои родные, не горюйте обо мне, я крепкий, я выживу, и опять мы будем все вместе… Значит, я два года с мёртвыми разговаривал?!

Рассказчик на минуту умолк, а потом сказал уже иным, прерывистым и тихим голосом:

– Давай, браток, перекурим, а то меня что-то удушье давит.

Мы закурили. В залитом полой водою лесу звонко выстукивал дятел. Всё так же лениво шевелил сухие серёжки на ольхе тёплый ветер; всё так же, словно под тугими белыми парусами, проплывали в вышней синеве облака, но уже иным показался мне в эти минуты скорбного молчания безбрежный мир, готовящийся к великим свершениям весны, к вечному утверждению живого в жизни.

Молчать было тяжело, и я спросил:

– Что же дальше?

– Дальше-то? – нехотя отозвался рассказчик. – Дальше получил я от полковника месячный отпуск, через неделю был в Воронеже. Пешком дотопал до места, где когда-то семейно жил. Глубокая воронка, налитая ржавой водой, кругом бурьян по пояс… Глушь, тишина кладбищенская. Ох, и тяжело же было мне, браток! Постоял, поскорбел душою и опять пошёл на вокзал. И часу оставаться там не мог, в этот же день уехал обратно в дивизию.

Но месяца через три и мне блеснула радость, как солнышко из-за тучи: нашёлся Анатолий. Прислал письмо мне на фронт, видать, с другого фронта. Адрес мой узнал от соседа, Ивана Тимофеевича. Оказывается, попал он поначалу в артиллерийское училище; там-то и пригодились его таланты к математике. Через год с отличием закончил училище, пошёл на фронт и вот уже пишет, что получил звание капитана, командует батареей «сорокапяток», имеет шесть орденов и медали. Словом, обштопал родителя со всех концов. И опять я возгордился им ужасно! Как ни крути, а мой родной сын – капитан и командир батареи, это не шутка! Да ещё при таких орденах. Это ничего, что отец его на «студебеккере» снаряды возит и прочее военное имущество. Отцово дело отжитое, а у него, у капитана, всё впереди.

И начались у меня по ночам стариковские мечтания: как война кончится, как я сына женю и сам при молодых жить буду, плотничать и внучат нянчить. Словом, всякая такая стариковская штука. Но и тут получилась у меня полная осечка. Зимою наступали мы без передышки, и особо часто писать друг другу нам было некогда, а к концу войны, уже возле Берлина, утром послал Анатолию письмишко, а на другой день получил ответ. И тут я понял, что подошли мы с сыном к германской столице разными путями, но находимся один от одного поблизости. Жду не дождусь, прямо-таки не чаю, когда мы с ним свидимся. Ну и свиделись… Аккурат девятого мая, утром, в День Победы, убил моего Анатолия немецкий снайпер…

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН

Во второй половине дня вызывает меня командир роты. Гляжу, сидит у него незнакомый мне артиллерийский подполковник. Я вошёл в комнату, и он встал, как перед старшим по званию. Командир моей роты говорит: «К тебе, Соколов», – а сам к окну отвернулся. Пронизало меня, будто электрическим током, потому что почуял я недоброе. Подполковник подошёл ко мне и тихо говорит: «Мужайся, отец! Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня на батарее. Пойдём со мной!»

Качнулся я, но на ногах устоял. Теперь и то как сквозь сон вспоминаю, как ехал вместе с подполковником на большой машине, как пробирались по заваленным обломками улицам, туманно помню солдатский строй и обитый красным бархатом гроб. А Анатолия вижу вот как тебя, браток. Подошёл я к гробу. Мой сын лежит в нём и не мой. Мой – это всегда улыбчивый, узкоплечий мальчишка, с острым кадыком на худой шее, а тут лежит молодой, плечистый, красивый мужчина, глаза полуприкрыты, будто смотрит он куда-то мимо меня, в неизвестную мне далёкую даль. Только в уголках губ так навеки и осталась смешинка прежнего сынишки, Тольки, какого я когда-то знал… Поцеловал я его и отошёл в сторонку. Подполковник речь сказал. Товарищи-друзья моего Анатолия слёзы вытирают, а мои невыплаканные слёзы, видно, на сердце засохли. Может, поэтому оно так и болит?..

Похоронил я в чужой, немецкой земле последнюю свою радость и надежду, ударила батарея моего сына, провожая своего командира в далёкий путь, и словно что-то во мне оборвалось… Приехал я в свою часть сам не свой. Но тут вскорости меня демобилизовали. Куда идти? Неужто в Воронеж? Ни за что! Вспомнил, что в Урюпинске живёт мой дружок, демобилизованный ещё зимою по ранению, – он когда-то приглашал меня к себе, – вспомнил и поехал в Урюпинск.

Приятель мой и жена его были бездетные, жили в собственном домике на краю города. Он хотя и имел инвалидность, но работал шофёром в автороте, устроился и я туда же. Поселился у приятеля, приютили они меня. Разные грузы перебрасывали мы в районы, осенью переключились на вывозку хлеба. В это время я и познакомился с моим новым сынком, вот с этим, какой в песке играется.

Из рейса, бывало, вернёшься в город – понятно, первым делом в чайную: перехватить чего-нибудь, ну, конечно, и сто грамм выпить с устатка. К этому вредному делу, надо сказать, я уже пристрастился как следует… И вот один раз вижу возле чайной этого парнишку, на другой день – опять вижу. Этакий маленький оборвыш: личико всё в арбузном соку, покрытом пылью, грязный, как прах, нечёсаный, а глазёнки – как звёздочки ночью после дождя! И до того он мне полюбился, что я уже, чудное дело, начал скучать по нём, спешу из рейса поскорее его увидать. Около чайной он и кормился – кто что даст.

На четвёртый день прямо из совхоза, гружённый хлебом, подворачиваю к чайной. Парнишка мой там сидит на крыльце, ножонками болтает и, по всему видать, голодный. Высунулся я в окошко, кричу ему: «Эй, Ванюшка! Садись скорее на машину, прокачу на элеватор, а оттуда вернёмся сюда, пообедаем». Он от моего окрика вздрогнул, соскочил с крыльца, на подножку вскарабкался и тихо так говорит: «А

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?» И глазёнки широко раскрыл, ждёт, что я ему отвечу. Ну, я ему говорю, что я, мол, человек бывалый и всё знаю.

Зашёл он с правой стороны, я дверцу открыл, посадил его рядом с собой, поехали. Шустрый такой парнишка, а вдруг чего-то притих, задумался и нет-нет да и взглянет на меня из-под длинных своих загнутых кверху ресниц, вздохнёт. Такая мелкая птаха, а уже научилась вздыхать. Его ли это дело? Спрашиваю: «Где же твой отец, Ваня?» Шепчет: «Погиб на фронте». – «А мама?» – «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали». – «А откуда вы ехали?» – «Не знаю, не помню…» – «И никого у тебя тут родных нету?» – «Никого». – «Где же ты ночуешь?» – «А где придётся».

Закипела тут во мне горючая слеза, и сразу я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети». И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?» Он и спросил, как выдохнул: «Кто?» Я ему и говорю так же тихо: «Я – твой отец».

Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щёки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько кричит, что даже в кабинке глушно: «Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдёшь! Всё равно найдёшь! Я так долго ждал, когда ты меня найдёшь!» Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром. А у меня в глазах туман, и тоже всего дрожь бьёт, и руки трясутся… Как я тогда руля не упустил, диву можно даться! Но в кювет всё же нечаянно съехал, заглушил мотор. Пока туман в глазах не прошёл, – побоялся ехать, как бы на кого не наскочить. Постоял так минут пять, а сынок мой всё жмётся ко мне изо всех силёнок, молчит, вздрагивает. Обнял я его правой рукою, потихоньку прижал к себе, а левой развернул машину, поехал обратно, на свою квартиру. Какой уж там мне элеватор, тогда мне не до элеватора было.

Бросил машину возле ворот, нового своего сынишку взял на руки, несу в дом. А он как обвил мою шею ручонками, так и не оторвался до самого места. Прижался своей щекой к моей небритой щеке, как прилип. Так я его и внёс. Хозяин и хозяйка в аккурат дома были. Вошёл я, моргаю им обоими глазами, бодро так говорю: «Вот и нашёл я своего Ванюшку! Принимайте нас, добрые люди!» Они, оба мои бездетные, сразу сообразили, в чём дело, засуетились, забегали. А я никак сына от себя не оторву. Но кое-как уговорил. Помыл ему руки с мылом, посадил за стол. Хозяйка щей ему в тарелку налила, да как глянула, с какой он жадностью ест, так и залилась слезами. Стоит у печки, плачет себе в передник. Ванюшка мой увидал, что она плачет, подбежал к ней, дёргает её за подол и говорит: «Тётя, зачем же вы плачете? Папа нашёл меня возле чайной, тут всем радоваться надо, а вы плачете». А той – подай Бог, она ещё пуще разливается, прямо-таки размокла вся!

После обеда повёл я его в парикмахерскую, постриг, а дома сам искупал в корыте, завернул в чистую простыню. Обнял он меня и так на руках моих и уснул. Осторожно положил его на кровать, поехал на элеватор, сгрузил хлеб, машину отогнал на стоянку – и бегом по магазинам. Купил ему штанишки суконные, рубашонку, сандалии и картуз из мочалки. Конечно, всё это оказалось и не по росту, и качеством никуда не годное. За штанишки меня хозяйка даже разругала. «Ты, – говорит, – с ума спятил,

РЕПУБЛИКА МАРКАЗ

в такую жару одевать дитя в суконные штаны!» И моментально – швейную машинку на стол, порылась в сундуке, а через час моему Ванюшке уже сатиновые трусики были готовы и беленькая рубашонка с короткими рукавами. Спать я лёг вместе с ним и в первый раз за долгое время уснул спокойно. Однако ночью раза четыре вставал. Проснусь, а он у меня под мышкой приютится, как воробей под застрехой, тихонько посапывает, и до того мне становится радостно на душе, что и словами не скажешь! Норовишь не ворохнуться, чтобы не разбудить его, но всё-таки не утерпишь, потихоньку встанешь, зажжёшь спичку и любуешься на него…

Перед рассветом проснулся, не пойму, с чего мне так душно стало? А это сынок мой вылез из простыни и поперёк меня улёгся, раскинулся и ножонкой горло мне придавил. И беспокойно с ним спать, а вот привык, скучно мне без него. Ночью то погладишь его сонного, то волосёнки на вихрах понюхаешь, и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя…

Первое время он со мной на машине в рейсы ездил, потом понял я, что так не годится. Одному мне что надо? Краюшку хлеба и луковицу с солью, вот и сыт солдат на целый день. А с ним – дело другое: то молока ему надо добыть, то яичко сварить, опять же без горячего ему никак нельзя. Но дело-то не ждёт. Собрался с духом, оставил его на попечение хозяйки, так он до вечера слёзы точил, а вечером удрал на элеватор встречать меня. До поздней ночи ожидал там. Трудно мне с ним было на первых порах. Один раз легли спать ещё засветло, днём наморился я очень, и он – то всегда щебечет, как воробушек, а то что-то примолчался. Спрашиваю: «Ты о чём думаешь, сынок?» А он меня спрашивает, сам в потолок смотрит: «Папка, ты куда своё кожаное пальто дел?» В жизни у меня никогда не было кожаного пальто! Пришлось изворачиваться: «В Воронеже осталось», – говорю ему. «А почему ты меня так долго искал?» Отвечаю ему: «Я тебя, сынок, и в Германии искал, и в Польше, и всю Белоруссию прошёл и проехал, а ты в Урюпинске оказался». – «А Урюпинск – это ближе Германии? А до Польши далеко от нашего дома?» Так и болтаем с ним перед сном.

А ты думаешь, браток, про кожаное пальто он зря спросил? Нет, всё это неспроста. Значит, когда-то отец его настоящий носил такое пальто, вот ему и запомнилось. Ведь детская память, как летняя зарница: вспыхнет, накоротке осветит всё и потухнет. Так и у него память, вроде зарницы, проблесками работает.

Может, и жили бы мы с ним ещё с годик в Урюпинске, но в ноябре случился со мной грех: ехал по грязи, в одном хуторе машину мою занесло, а тут корова подвернулась, я и сбил её с ног. Ну, известное дело, бабы крик подняли, народ сбежался, и автоинспектор тут как тут. Отобрал у меня шофёрскую книжку, как я ни просил его смилостивиться. Корова поднялась, хвост задрала и пошла скакать по переулкам, а я книжки лишился. Зиму проработал плотником, а потом списался с одним приятелем, тоже сослуживцем, – он в вашей области, в Кашарском районе, работает шофёром, – и тот пригласил меня к себе. Пишет, что, мол, поработаешь полгода по плотницкой части, а там в нашей области выдадут тебе новую книжку. Вот мы с сынком и командируемся в Кашары походным порядком.

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

Да оно, как тебе сказать, и не случись у меня этой аварии с коровой, я всё равно подался бы из Урюпинска. Тоска мне не даёт на одном месте долго засиживаться. Вот уже когда Ванюшка мой подрастёт и придётся определять его в школу, тогда, может, и я угомонюсь, осяду на одном месте. А сейчас пока шагаем с ним по русской земле.

– Тяжело ему идти, – сказал я.

– Так он вовсе мало на своих ногах идёт, всё больше на мне едет. Посажу его на плечи и несу, а захочет промяться, – слезает с меня и бегает сбоку дороги, взбрыкивает, как козлёнок. Всё это, браток, ничего бы, как-нибудь мы с ним прожили бы, да вот сердце у меня раскачалось, поршня надо менять… Иной раз так схватит и прижмёт, что белый свет в глазах меркнет. Боюсь, что когда-нибудь во сне помру и напугаю своего сынишку. А тут ещё одна беда: почти каждую ночь своих покойников дорогих во сне вижу. И всё больше так, что я – за колючей проволокой, а они на воле, по другую сторону… Разговариваю обо всём и с Ириной, и с детишками, но только хочу проволоку руками раздвинуть, – они уходят от меня, будто тают на глазах… И вот удивительное дело: днём я всегда крепко себя держу, из меня ни «оха», ни вздоха не выжмешь, а ночью проснусь, и вся подушка мокрая от слёз…

В лесу послышался голос моего товарища, плеск весла по воде.

Чужой, но ставший мне близким человек поднялся, протянул большую, твёрдую, как дерево, руку:

– Прощай, браток, счастливо тебе!

– И тебе счастливо добраться до Кашар.

– Благодарствую. Эй, сынок, пойдём к лодке.

Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменил рядом с широко шагавшим мужчиной.

Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы… Что-то ждёт их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет всё вытерпеть, всё преодолеть на своём пути, если к этому позовёт его Родина.

С тяжёлой грустью смотрел я им вслед… Может быть, всё и обошлось бы благополучно при нашем расставании, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножками, повернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное – уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное – не ranить сердце ребёнка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза…

1956–1957

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Давайте обсудим

1. Как в эпизодах плена и освобождения раскрывается тема человеческого достоинства героя?
2. Какие жизненные проблемы и нравственные вопросы поднимает М. Шолохов в рассказе?
3. Почему Соколов, пережив тяжёлые утраты, находит в себе силы принять Ванюшу как родного?
4. Какие черты характера позволяют считать Соколова «народным героем»?
5. Можно ли согласиться с тем, что «Судьба человека» – это произведение не только о войне, но прежде всего о человечности? Почему?

Практическое задание

1. Определите место рассказа в творчестве Шолохова и в русской литературе.
2. Проанализируйте образ Андрея Соколова как воплощение человеческого достоинства, стойкости и духовной силы.
3. Составьте характеристику Андрея Соколова, используя текст произведения.
4. Найдите в рассказе эпизоды, которые раскрывают моральный выбор героя.
5. Создайте характеристику героя в виде инфографики или таблицы.
6. Заполните таблицу.

Особенности шолоховского реализма	
Документальность	
Глубокий психологизм	
Лаконизм	
Эмоциональная сила повествования	

Творческое задание

Подберите три музыкальных произведения, которые могли бы стать саундтреком к ключевым эпизодам.

Опишите, почему именно эти треки соответствуют эмоциональному состоянию героя.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

ПИРИМКУЛ КАДЫРОВ (1928–2010)

Пиримкул Кадыров – народный писатель Узбекистана, историк, переводчик, научный деятель. Он отдал много сил и времени для художественного воссоздания исторического прошлого Узбекистана. В течение почти шестидесятилетнего многогранного творчества написал десятки рассказов и повестей, романы «Три корня», «Чёрные глаза», «Звёздные ночи», «Перевал поколений», «Алмазный пояс», «Прощание матери сокола», историко-просветительские книги «Язык и народ», «Образ Амира Тимура» и занял достойное место в узбекской литературе.

Давайте поговорим

1. Влияет ли эпоха на творчество человека? Может ли общественная система ограничивать или, наоборот, вдохновлять?
2. В чём разница между талантом художника и мастерством инженера? Где архитектор – художник, а где – строитель?
3. Почему архитектура считается одной из самых «социальных» профессий?
4. Что важнее архитектору – построить как можно больше зданий или создать что-то по-настоящему ценное?

Подготовка к встрече с текстом

Роман «Алмазный пояс»

Роман народного писателя Узбекистана Пиримкула Кадырова «Алмазный пояс», удостоенный самых высоких литературных премий того периода, – это взволнованное повествование о духовном мире и нравственной красоте идеалов человека середины XX века, глубокие раздумья о чрезвычайно сложных человеческих взаимоотношениях. Современность у П. Кадырова крепко связана с прошлым и будущим. По сути, историзм, как важная грань мировоззрения героев романа, становится чёткой границей между нравственным и безнравственным, истинным и ложным.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

В центре внимания писателя – творческая интеллигенция, архитекторы и строители, созидающие новый Ташкент. Как древний Шаш, освобождаясь от кривых и тёмных переулков, ветхих глиняных мазанок, вырастает в удивительно величественный город, воплотивший в своём облике и неповторимый колорит древнего Востока, и безупречные линии современной архитектуры, так и герои П. Кадырова на протяжении романной жизни вырастают нравственно и поднимаются над суетой повседневности. Через борьбу, через поистине драматические конфликты они не только утверждают свою правоту, но и заново обретают друг друга.

«Алмазный пояс» – роман о жизни конца XX века. Характеры героев, язык и поведение Аброра и Вазиры, Агзам-аты и Ханифы-холы, Шерзода и многих других позволяют видеть в них представителей узбекского народа.

Аброр Агзамов – главный герой, человек рассудительный, даже в самых сложных ситуациях не теряющий самообладания. Для него важно, чтобы жена, которую он очень любит, на самом деле была верна ему. Вечные спутники любви – ревность и необоснованные подозрения, как и само чувство любви. Ревность обуревает и Аброра, вполне современного, интеллигентного человека.

АЛМАЗНЫЙ ПОЯС

Ташкентский городской роман

(в сокращении)

Бозсу – недаром так назвали эту речку. Она издавна орошала целинные земли, потому и назвали «целинная вода». А ещё слово «боз» означает – белая чистая ткань. Вода в речке и впрямь такая. Только когда весной дожди зарядят, мутнеет её вода, а в иные месяцы чистая, прозрачная течёт речка, словно гладкое белёсое полотно стелется.

Аброр вырос на берегу Бозсу, сызмальства плескался в её лёгких нестрашных волнах; на его памяти у речки появилось другое имя – Анхор, канал Анхор. Во многих документах и по сей день река Бозсу, протекающая через центр Ташкента, именуется Анхором. Однако это всё та же речка!..

Стол окружён сотрудниками архитектурной мастерской, которой руководит Аброр. На чертёжном столе Аброра лежит план, выполненный в цвете.

Бозсу голубой ленточкой змеится, петляет, огибает ташкентские холмы свободно и красиво.

Аброр неотрывно смотрит на план, над которым просиживал дни и ночи, и с тревогой думает: поймут ли его коллеги?

– Аброр Агзамович, Бозсу считается старинным каналом. А у вас тут настоящая своенравная река.

Первая реплика обнадёживает. Аброр отвечает:

– Так строили в старину, тысячу лет назад. У ташкентцев не было тогда техники вроде современной, они слушали подсказки ландшафта.

– Неужели у Бозсу тысячелетний возраст? – Недоверчивая Лена пожимает плечами, лицо, в милых веснушках, недоумевает.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Если не больше, Леночка. Ташкенту две тысячи лет. А ведь никакое поселение в наших природных условиях не может существовать без орошения, стало быть, без арыков, без каналов.

Другой сотрудник, Карим Махкамов, лысеющий полный человек лет сорока (в мастерской его звали в глаза и за глаза Эрудитом), добавил:

– Я где-то читал, что самыми древними каналами Ташкента были Салар и Джун. Не Бозсу.

Аброр поддержал Эрудита. Да, древний Ташкент, знаменитый Шаш, зародился на берегу канала Джун. Сейчас это место находится в южной части города, неподалёку от аэропорта, называется Шаш, а в народе говорят Таштепе. Когда Шаш разрушили кочевники, город передвинулся на пять-шесть километров от старого места к северо-востоку, на берег канала Салар. И стал называться Мингурюк, то есть «тысяча урючин». Сейчас это место – вблизи Музея искусств Ташкента, где швейная фабрика «Заря Востока». Однако этому Мингурюку не суждена была долгая жизнь – в седьмом веке он оказал отчаянное сопротивление арабам, но военачальник халифата Кутейба всё-таки сжёг его дотла, после чего центр древнего Ташкента ушёл ещё на несколько километров к северу и возродился под названием Бинакет, – это там, где ныне находятся медресе Кукельдаш, цирк и театр «Ёш гвардия».

Рассказывая, Аброр вёл незачинённым карандашом по голубой ленте реки на плане. Приглашал сотрудников обратить особое внимание на умело проложенное русло Бозсу древними мастерами. О да, они знали особенности своей земли, знали свои холмы и взгорья, они как бы и не препятствовали естественному, природному течению реки, лишь поправляли его, совершенствуя нерукотворное рукотворным – чуть расширив или чуть углубив, или несколько спрямив речное русло. С ювелирной точностью учитывали они и угол наклона, и скорость течения, и характер дна под водным потоком, находя соответствие меж подводными пластами земли, каменистыми, твёрдыми, и неровностями рельефа, создавая умеренное течение, которое сохранялось веками. Если бы канал был прорыт с большим, чем надо, наклоном, течение за сотни лет превратило бы русло в глубокий овраг, в каньон. Бозсу берёт начало от порывистых горных речек Угам и Коксув, а по центру Ташкента и поныне течёт так выверенно спокойно, что можно с берега зачерпнуть воду в пригоршню. Чудесна эта близость Бозсу к человеку, древний канал-река – будто прирученный олень.

– Но за парком Победы или пониже, в Бурджаре, оврагов хватает, – вновь возразил Аброру Карим Махкамов. Он не только эрудит, но к тому же и дальний родственник директора проектного института, в подчинении которого находилась их мастерская.

– Карим-ака, – мягко заметил Аброр, – мы сейчас говорим о той части Бозсу, которая протекает по центру города. Красиво, не так ли?

– Тут в двух местах Анхор слишком уж петляет, не так ли?

– Но в этом естественном изгибе и есть своя красота. Это как раз и делает канал рекой... Мы же ландшафтной архитектурой с вами занимаемся... Такой рисунок богаче, интересней, чем прямая линия.

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

– А сколько лишней площади съедят у нас эти петли? В центре города каждый квадратный метр на особом учёте.

– По-вашему, русло надо спрямить?

– Ну, не мне такие вопросы решать, есть более компетентные люди.

– Но мы ведь с вами творческие люди, наше мнение – мнение специалистов, с нас и спрос особый.

– Не знаю, не знаю... Общую идею этого вашего плана, Аброр Агзамович, не улавливаю.

– Общая идея? Бозсу – это памятник древней культуры, искусства, если хотите. Он создан умом и руками народа, и его нужно беречь, как берегут памятники архитектуры в Самарканде и Бухаре. Когда в Ташкент приезжают туристы и просят показать его исторические места, их везут в старый город, показывают древние усыпальницы, медресе Кукельдаш. Кто спорит, всё это – произведения, достойные памяти потомков. Но почему не вспомнить, что есть ещё один, тысячелетний памятник – канал Бозсу? Может, потому и не вспоминаем, что Бозсу до сих пор живёт и работает? Но вдвойне славно создание народное, раз оно живёт тысячу лет и всё ещё трудится в полную силу... Верно, берега канала во многих местах надо ремонтировать. И русло кое-где подновить, укрепить. Но не спрямлять! Не вольничать по-своему!

Карим Махкамов иронически засмеялся:

– А вы знаете, я где-то читал, что в прошлом веке Бозсу обрамляли такие густые заросли, такое дикое буйство царило здесь, что тигры прижились. Да, да, тигры в Ташкенте, ну, около Ташкента. Об этом писали очевидцы. Вы как, Аброр-ака, не хотели бы восстановить те непроходимые заросли вместе с тиграми?

– Было бы неплохо, Карим-ака! Вы никогда не читали о том, что тигры – гордость леса – благодаря заботе человека вновь стали обживать уссурийскую тайгу? Неподалёку от больших городов, представьте себе!.. Жаль, что в прошлом веке ташкентцы не завели Красную книгу.

Коллеги посмеялись. Правда, Карим Махкамов тут же и нахмурился, отошёл к чертёжному «комбайну», развёрнутому вдоль одной из стен мастерской.

Скептицизм Эрудита настораживал Аброра. Чувствовалось, что какая-то невидимая, но крепкая нить связывала лысеющего толстяка с Шерзодом Бахрамовым. Да и почему невидимая? Аброр знал, что Махкамовы и Бахрамовы дружат семьями. Карим Махкамов женат на старшей сестре директора института Сайфуллы Рахманова и, таким образом, превратился в связующее звено между Рахмановым и Бахрамовым. Когда Шерзод добивался выдвижения своей кандидатуры на премию, Карим, разумеется, способствовал этому. И все они торжествовали, когда добились успеха.

Изо дня в день работать в одной комнате с человеком, который каждое твоё слово мог преподнести директору в превратном свете и каждый творческий замысел, тот, что пока ещё держится тобой в секрете, выдать сопернику, Бахрамову, – это ли не наказанье Аллаха? Вот и сейчас Махкамов недовольным своим видом показывал, что Аброр проводит время за пустыми разговорчиками, а между тем дирекция нас всех обязала... дала срочное задание...

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

И впрямь – в ближайшее время мастерская должна была представить рабочие чертежи нового скверика в центре города.

Осторожно свернув план-проект Бозсу, Аброр подал всем знак – разговор, мол, закончен...

Так... Вот они, чертежи скверика... Просто, ясно. И скучно. Что бы тут придумать всё-таки?

Аброр взял лист белой бумаги, обозначил лёгкими параллельными штрихами шумную городскую магистраль – она шла вдоль предполагаемого сквера. «Ну хорошо, расположим по периметру скверика дубы, чинары, клёны...» Символические знаки Аброр набрасывал быстрыми, чёткими, натренированными движениями, будто обычные буквы при письме. Причём в контурах каждого знака сразу угадывалось, чинара это или плакучая ива, или клён. Пусть будет больше деревьев, пусть они скроют серую скуку асфальта! Но сопоставим высоту чинар и ширину площади в центре сквера... Аброр рассмеялся: м-да, увлёкся любитель живой природы, при этаком замысле площадь могла оказаться со временем полностью затенённой пышными кронами.

Аброр решительно перечеркнул набросок, взял ещё один чистый лист. Но на столе зазвенел-загремел телефон. Внутренний, с трёхзначным номером. Аброр снял трубку, готовый сердито выговорить тому, кто мешал ему сосредоточиться.

– Алло!.. Аброр Агзамович! – раздался в трубке знакомый басовитый голос.

Говорил директор института. Аброр непроизвольно прижал трубку плотней к уху.

– Я слушаю вас, Сайфулла Рахманович.

– Не могли бы вы на минутку зайти ко мне?

– Сейчас?

– Да... Если вы не очень заняты.

Обычно, когда дело не было очень важным и потому срочным, директор вызывал нужного сотрудника через своего секретаря, из приёмной. Сам звонил редко.

– Я и сам думал зайти к вам, Сайфулла Рахманович. Иду.

Сотрудники услышали имя-отчество директора, произнесённое Аброром. Каждый подумал о проекте реставрации Бозсу, тем более что Аброр взял с собой именно этот свёрнутый в трубку план. У Лены все милые веснушки вспыхнули, когда она вдогонку Аброру пожелала совсем по-студенчески:

– Ни пуха ни пера, Аброр Агзамович!..

– Как с проектом сквера? – спросил вдруг директор.

– Дня через три-четыре сдадим.

– И то ладно... Развелось, знаете ли, слишком много работничков, которые всё больше о себе думают, о том, как бы отдохнуть получше, – неожиданно директор дал вырваться своему раздражению. – У вас в мастерской не так, слава Аллаху.

Покосился на свёрнутый в трубку лист ватмана, который Аброр держал обеими руками, будто новорождённого.

– Что-нибудь новое?

Аброр заколебался – показывать или нет? Увидев опасливую нерешительность

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Аброра, директор улыбнулся:

– Ну, не томите. Говорите да показывайте.

И без того узкие глаза Сайфуллы Рахмановича превращались в едва различимые щёлочки, когда он улыбался. Будто человек зажмурился от удовольствия, и лицо его становилось воплощением умиротворенности и благодушия.

Но Аброр только успел развернуть план-проект обновления Бозсу и начал было рассказывать о своей идее, а лицо директора снова приобрело прежнее жёсткое выражение.

– Можете не продолжать, – перебил он Аброра. – Я вас понял... Местность вокруг Бозсу – действительно для архитекторов ташкентских главный магнит. Со временем Союз писателей к берегам Анхора переедет, и парадный фасад его будет смотреть на канал. А на левом берегу мы воздвигнем здание драматического театра имени Горького... Вот поднимутся эти здания, тогда, соответственно, и будем благоустраивать, как вы предлагаете...

– Сайфулла Рахманович, вы сами часто выступаете против архитектурного разнобоя. В самом деле, отдельные здания, площади, улицы получаются у нас сравнительно хорошо. Но что касается целых ансамблей, то порой они складываются стихийно.

– А мы с вами зачем здесь сидим? Мы что, потеряли способность координировать, да, да, координировать?

– Я так понимаю свою задачу, Сайфулла Рахманович: чем многократно переделывать проекты с учётом объективных требований ландшафта, лучше один раз, но комплексно и самостоятельно разработать план благоустройства этой прекрасной местности. Кстати, лучше зоны отдыха в Ташкенте, чем берега Бозсу, нет, – почему-то именно этим закончил свою мысль Аброр.

– Кто этого не знает?.. Я тоже люблю Анхор. Такого канала нет ни в Самарканде, ни в Бухаре. Бозсу питают горные воды, а с ними и горный воздух, и прохлада в Ташкент текут. Повторяю: я люблю и ценю этот дар природы... Да и сейчас по мере возможности мы благоустраиваем берега Бозсу, создаём там места для отдыха. Вот – парк Гагарина. Не хуже и парк Победы. Но – по мере возможности. Мы не легкокрылые птицы, а строители-реалисты и вон сколько выстроили уже прекрасных зданий и тенистых, прохладных парков.

Аброру будто уже заранее послышалось продолжение: «Так что для вашего беспокойства поводов нет. Надо подождать, и всё».

– Сколько можно ждать? И до каких пор мы будем мыслить и хвастаться отдельными достижениями? – Аброр уже не старался смягчить свою речь. – Парк Гагарина хорош. Но берега канала от ВДНХ до Урды запущены, захламлены. И от Укчи до Бурджара дел невпроворот. Одно из красивейших мест канала оккупировал почему-то пивзавод...

– Это всё уйдёт оттуда. Подождите!

– Само не уйдёт, Сайфулла Рахманович! Мы обязаны мыслить комплексно... Я много лет изучал ландшафтную архитектуру... И прошу выслушать меня.

Придав своему лицу выражение внимательной благожелательности, директор сказал:

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Хорошо, давайте просвещайте... по возможности сжато.

– Речь идёт, – с жаром заговорил Аброр, – о народных традициях во взаимоотношении человека и природы... Система орошения на Востоке издавна учила, наставляла человека – сотрудничай с природой, особенно с водой, не насильничай над ними, не упрямствуй! Жаркий климат и скученная жизнь вынуждала древних горожан Ташкента, Самарканда, Бухары ценить, если можно так выразиться, естественную логику воды. Все знаменитые садово-парковые ансамбли во времена Улугбека, Навои, Бабура, все эти Боги Баланд, Боги Шимол, Боги Дилкушо создавались комплексно, это была та самая ландшафтная архитектура, основа которой – не отдельная грядка или клумба, а река, сеть каналов и арыков. В последующие столетия архитектура во многом утеряла эти традиции. Но в народе всегда жили изначальные элементы садового зодчества. Даже в небольшом дворике – городском, заметьте, пожалуйста, – деревья и цветы располагались в определённом порядке, организуемом течением воды. Арык всюду служил естественной осью планировки. «Слушай, зодчий, что говорит, что подсказывает тебе свободно текущая вода!» – вот, я думаю, какой традицией мы, ташкентцы, должны особенно дорожить. Посмотрите, вот Ганчтепе – естественная возвышенность. Прекрасная по своим формам! – Аброр воодушевлённо нарисовал в воздухе плавную, закруглённую линию холма. – Здесь Бозсу петляет как настоящая река. Для городской ландшафтной архитектуры это редчайшая находка... Посмотрите – вот тут можно перекинуть широкий мост, над всей петлёй, прямо на возвышенность. Ганчтепе сейчас пыльный пустырь. Там нет воды. Но что нам стоит установить насос, оросить, озеленить окаймлённый водой холм, посадить шаровидные карагачи, сосны, плакучие ивы, чинары, разбить клумбы цветов. А на вершине холма можно построить красивое здание с мозаикой, с изразцами – в стиле самаркандской классики.

– А что будет в том здании?

– Например, музей истории Ташкента. С древнейших времён до наших дней. Вполне уместно, ведь вся история Ташкента связана с орошением.

– Насчёт этой петли Бозсу существуют и другие предложения.

– Одно из них я знаю, Сайфулла Рахманович. Предлагают разрубить эту петлю и проложить прямое бетонное русло.

Сайфулла Рахманович нахмурился ещё сильнее – уже не сосредоточенно, а мрачновато.

– Нетерпимы вы, однако... Неужели все должны думать по-вашему?

Аброр вспомнил Карима Махкамова, родственника директора.

– Я имею в виду предложение Бахрамова. Этот товарищ носится с идеей сплошной бетонизации всех арыков и каналов Ташкента. И во имя торжества бетонной красоты хочет выпрямить Бозсу.

– Оставим Бахрамова в покое... вы с ним привыкли вести рыцарские турниры. – Сайфулла Рахманович обладал редкой способностью мгновенно становиться суровым и тут же смягчаться; сейчас он вновь смягчился. – У меня тоже была идея насчёт Ганчтепе. Петлю канала здесь, конечно, надо оставить – тут вы правы. Ну, а с западной стороны холма пустим Бозсу так, чтобы превратить Ганчтепе в красивый островок в центре водяного кольца.

RESPUBLIKA MARKAZI

– Интересная мысль...

– Здесь был, как вы знаете, самый эпицентр землетрясения. Потому предполагается – монумент «Мужество». Он будет говорить о подвиге ташкентцев.

– Это просто здорово! Музей истории города и монумент в честь подвига ташкентцев отлично подойдут друг другу... А ещё что?

– Город восстанавливала вся страна. Вот почему тут, около холма, встанут гранитные стелы – на языке зодчества и скульптуры воздадут должное всем народам, пришедшим на помощь Ташкенту в его трудный час... Музей на Ганчтепе мы должны сделать идейно насыщенным. Вполне вероятно, что здесь поднимется музей дружбы народов.

Лицо директора вдруг сделалось строго-сумрачным.

– Вам, Аброр Агзамович, я вообще советую побольше обращать внимания на идейное содержание проектов. Традиции традициями, но наше новое не менее важно.

– А разве новое рождается без воздействия добрых традиций?

– Я призываю вас не отказываться от традиций, а не увлекаться ими односторонне.

– Все мы, Сайфулла Рахманович, против односторонности.

– Вот и давайте-ка прервём дискуссию... Вы – творческий человек. У вас свои идеи. Разрабатывайте их у себя дома. Придёт время, вопрос созреет, и мы подробно, основательно рассмотрим ваши предложения. А сейчас... сейчас нас с вами ждут неотложные задания. По поводу этого я и пригласил вас. – Сайфулла Рахманович открыл несгораемый шкаф, вытащил оттуда многократно свёрнутый большой лист бумаги, осторожно развернул его перед Аброром. – Узнаёте?

Ещё бы ему не узнать план перестройки городского центра!.. Среди авторов проекта её перестройки значились и их имена, Сайфуллы Рахманова и Аброра Агзамова. Шли жаркие споры о принципах перестройки. Предлагалось расширить площадь на северо-восток до проспекта Навои. Но для этого нужно снести очень много домов, целые кварталы. Снести старенькое здание Дома кино. Убрать скверик, площадь Коммунаров и всю Инженерную улицу со зданиями каких-то трестов и даже одного министерства. Аброр сомневался: пойдут ли на всё это? Но вот на новом плане-проекте на этом месте – фонтаны, клумбы цветов, аллеи, предложенные Аброром.

– В вашей мастерской собраны большие специалисты, Аброр Агзамович. Сами вы – единственный наш ландшафтный архитектор. Доверяем вам ответственное дело, готовьте рабочие чертежи!

Директор протянул Аброру толстую папку. Она оказалась тяжёлой, и свёрнутый в трубку проект по Бозсу, с которым он пришёл сюда, вроде бы совсем потерял в весе. Сайфулла Рахманович тоже взглянул на свёрнутый ватман почти откровенно скептически.

– Аброр Агзамович, я поручаю вам самую тонкую художественную часть проекта. Прошу вас не отвлекаться теперь ни на что другое. К проблеме благоустройства Бозсу вернёмся потом, после завершения правительственного объекта. Если по этому заданию у вас возникнут вопросы, обращайтесь ко мне в любое время. И даже звоните домой. А уж сюда входите смело, несмотря ни на какие очереди в приёмной, я так и Тамаре скажу.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Давайте обсудим

1. Как вы думаете, почему автор уделяет столь большое внимание описанию канала Бозсу?
2. Что может символизировать река в художественном произведении: прошлое, память, жизнь, движение, чистоту, культурное наследие?

Практическое задание

«Архитектурный набросок»

По аналогии с тем, как Аброр быстро рисует деревья и улицу, предлагаем вам за 7–10 минут создать **набросок маленького сквера:**

- обозначить деревья, дорожки, скамейки;
- придумать «изюминку» (фонтан, арку, цветник);
- подписать элементы.

Цель задания – почувствовать себя в роли архитектора.

Творческое задание

«Спрямить или сохранить?»

Под руководством учителя разделитесь на две группы:

Группа 1: сторонники идеи сохранить изгибы Бозсу (позиция Аброра).

Группа 2: сторонники спрямления (позиция Карима Махкамова).

Каждая группа должна подготовить:

1) 3 аргумента; 2) визуальный мини-план (можно схематический);
3) минутную устную защиту своего решения.

Практическое задание

Нарисуйте или составьте небольшой план собственной «реки детства» – места, которое вы любите или где выросли (двор, парк, улица, берег канала). Приведите аргументы, как место влияет на человека, какие эмоции вызывает.

Давайте поговорим

1. Что помогает человеку в трудный момент создавать не просто работу, а нечто вечное?
2. В чём сегодня может проявляться конфликт поколений и всегда ли стоит держаться традиций?
3. Важно ли, чтобы новые городские проекты были не только удобными, но и красивыми для будущих поколений?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Одноэтажные, крытые шифером домишки, глинобитные заборы, могучие старые тополя, что спустились чуть ли не к самой воде арыков, – все здесь напоминало кишлак. Впрочем, нет, в кишлаке просторней, а тут дворы лепятся друг к другу, тут теснота, говорящая, что въехали вы в один из кварталов Старого города.

Вскоре он остановил машину у знакомого ряда пирамидальных тополей, перед выкрашенными в голубой цвет двустворчатыми воротами. Они с Зафаром вышли из машины, открыли калитку, ступили во двор, и тут же на дорожке у дома показалась Ханифа-хола, высокая, в белом кисейном платке и чёрной бархатной безрукавке поверх простенького ситцевого платья.

– Вай, это ты, Аброр? Что ж стариков навестить времени не выберешь? Пока отец к тебе сам не заявится, ты и ухом не ведёшь...

Агзам-ата в задумчивости сидел на чорпое[28], положив на хантахту сомкнутые в замок руки. Увидев сына и внука, старик выпрямился, привстал на курпаче. Аброр поспешил к отцу, за руку поздоровался с ним, придержал, показывая, что не надо сходить с помоста. Пусть отдыхает Агзам-ата, за семьдесят ему.

Двор у родителей просторный. По двум его сторонам тянутся крытые навесы, а в глубине дом с верандой и пристройками. С веранды в сад льётся свет, зажигая на яблонях и урючинах жёлтые плоды среди тёмной листвы. Сплошным ковром до самой крыши устилают дом виноградные лозы. Красиво, уютно. И от жизни тут не отстают. Вон под карнизом протянулась газовая коммуникация – труба для плиты. А во дворе – водопроводная колонка.

Аброр взобрался на помост, сел на расстеленные курпачи; ветер донёс до него приятный запах – так пахнет добрый табак, но это не табак, это знакомый с детства запах поздней весны, когда цветёт виноград. В темноте виноград ниспадал с крыши дома тёмно-зелёным водопадом, но Аброр знал, что все лозы сейчас в цвету.

С противоположной от ворот стороны не было забора, лишь проволочная сетка, за которой протекала река. Дом стоял на самом берегу Бозсу, но шума воды во дворе не слышно. В широком русле вода бежала быстро, но бесшумно, только тихо плескалась у берега; и веяло от воды влагой, освежающей прохладой.

И когда Аброр вдохнул этого воздуха, этого ветра, настоянного на свежей, чистой воде и цветущей лозе, бодрость и вместе с ней умиротворённость овладели душой, волнами разлились по телу.

– Ох, мулла Аброр, мулла Аброр, – глухо заговорил наконец отец, чуть в насмешку величая сына почтительным «мулла», как обычно обращаются к высокообразованному человеку. – Нет, не суждено нам дожить свои дни в этом дворе.

Аброр давно уже сказал родителям, что частные домики, расположенные на берегу Бозсу, будут сноситься.

– Не зря, оказывается, ты говорил, сынок, не зря... Приходили сегодня, постановление исполкома нам читали.

---

[28] Чорпоя – невысокая деревянная кровать или топчан на четырёх ножках.

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

Сегодняшний разговор в кабинете Сайфуллы Рахмановича и вот тут разговор – предмет-то один, да две точки зрения.

Подошла к мужчинам Ханифа, принесла и поставила на хантахту чайник со свежезаваренным чаем. Никто на него внимания не обратил.

– Такой большой пост занимаешь! – с укоризной бросила Ханифа старшему сыну. – Неужели ничего не можешь для родителей сделать?

– Поймите, отец, мне этот дом тоже очень дорог. Как подумаю, что его снесут, сердце болью заходится. Но разве нас одних постановление касается? Сколько старых улиц исчезло после землетрясения, сколько людей в новые дома переселили!

– Что ж теперь, из-за этого землетрясения весь город вверх дном надо поставить? – совсем уже разгневалась мать; упёршись руками в край помоста, сверлит Аброра взглядом. – Конец света наступает, что ли? Семь лет прошло, а оно, проклятое, всё ещё людям покоя не даёт!

– Старые дома, старые улицы и без землетрясения снесли бы, мама, – сказал Аброр как можно спокойней. – Ещё за десять лет до него по генеральному плану застройки Ташкента берега Боссу предназначались для зоны отдыха.

Агзам-ата понимал правоту сына. Общую правоту. Но горько было сознавать старику, что его Аброр и его Вазира сами как раз из тех людей, чья работа, оказывается, делает неизбежным разрушение их милого дома, в котором прошла долгая, но ведь не кончающаяся сегодня-завтра жизнь. И потом – не вся правда за Аброром, не вся!

– Благоустраивать район – да, предусмотрено!.. А зачем арыки губить, нашими руками выкопанные? Я тридцать лет поливал и растил в Ташкенте деревья, а такие, как ты, умники взяли да и вырубили их одним махом... Столько арыков уничтожили! А что дали вместо них? Асфальт и бетон? Где ваши новые сады, где обещанные райские кущи?

Аброр понимал, мало того – разделял душевную боль, которая терзала старика. До землетрясения Агзам-ата был известным в Ташкенте мирабом. Под его началом работали больше двадцати человек. Они следили за своевременным орошением деревьев и цветников. Агзам-ата умудрялся проводить воду и туда, где её отродясь не бывало: глядишь, на голом, прожаренном знойным солнцем пустыре деревца начинали шуметь – робко, но внятно. Люди говорили: «Агзам-ата заговор знает... Агзам-ата может заставить воду и в гору течь». Мирабское мастерство отца не раз восхищало и Аброра. «Вот и нынешнее русло Боссу проложили некогда такие же искусные мастера, – думал он. – Прирождённые мирабы».

Мираб Агзам некогда любил ходить пешком по ташкентским улицам. Особенно летом. Шёл бы и шёл по тротуарам – в густой тени высоких деревьев, что выстроились в бесконечные ряды, под весёлое журчание воды в арыках. За определёнными улицами закрепляли определённого рабочего, обязанного следить, чтоб на его участке всегда было достаточно воды. Идёт, бывало, Агзам-ата по пешеходной тропе, слушает говор воды... чуть где он смолк – мираб направляется туда. Обнаружит, что пересох арык или русло илом занесло, что деревья без воды начинают вянуть, – немедленно за поливальщиком, гневный, решительный. А если помощь окажется нужной, сам первый и поможет. Глядишь, и ожил снова арык, весело зажурчал, зазвенел тугой поток.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Видно, прошли времена мирабов! Были поливальщики, теперь силесари!..– Агзам-ата невольно, а скорей даже намеренно исковеркал слово «слесарь». – Нам до силесарей далеко, тянуться да тянуться. Хотя... возьми этот двор... В зелени вроде весь, ухожен неплохо, а?.. Дай его вам, силесарям, в два счёта превратите в пустыню! Железобетона здесь понатыкаете!.. У меня сердце кровью обливается, сынок.

Аброр нервно проглотил слюну: непросто опровергнуть сейчас отца, очень непросто.

– Отец, вы меня не валите в одну кучу с теми торопыгами, кого я и сам терпеть не могу. Я хочу, чтобы берега эти были в десять раз зеленее и краше, чем нынче. Кстати, сегодня я опять столкнулся из-за этого с нашим директором.

– Что толку от твоих споров и схваток! – буркнул Шакир, глядя в землю. – Переселяться надо... не тянуть с этим делом.

– А где вы квартиру получаете, известно?

– В Юнусабаде выделяют, в новом жилмассиве.

Ханифа почувствовала, что наступает самый ответственный миг на семейном совете, и тоже взобралась на чорпою.

– В новых домах всё готовое, – сказал Аброр, посмотрев на мать. – Ни о дровах, ни об угле на зиму думать не надо. Холодная и горячая вода, газ...

– А летом? – перебила Ханифа-хола. – А карабкаться на четвёртый-пятый этаж да спускаться оттуда?

– Дадут и на нижнем, если попросишь, – Шакир гнул своё: скорей бы, скорей получить новую квартиру, не тянуть с переездом.

Агзам-ата молчал, сидел, склонив голову да привычно пощипывая бородку.

– Это что же выходит, – продолжала упорствовать Ханифа-хола,– бросай такой ухоженный прохладный двор и давай-ка жарься в вашем доме – душном и раскалённом?.. А тут свадьба на носу. На троих-то нам всего две комнаты дадут. Сколько туда гостей поместится? И двора нет, где бы можно курпачи да паласы расстелить!

– Зато балкон будет! – сказал, усмехнувшись, Аброр.

– Молчи уж про эти свои балконы! Отдохнёшь там, как же, подышишь свежим воздухом!.. Пыли наглотаешься, оглохнешь от уличного шума – вот и всё удовольствие... А попробуй ночью засни на цементе. Да и духотища.

– Ну, я не знаю... Коль не в новый дом, так куда вы собираетесь переселяться, отец?

Агзам-ата поднял голову:

– Сынок, богу одному известно, сколько нам со старухой жить осталось. Была у меня мечта в этом дворе свой век дожить, а там уж переселили бы меня прямо на кладбище Минор, тоже на берегу Бозсу, рядом... Да, видать, не суждено мечте исполниться... Мы с матерью вашей всё равно что деревья, они ведь только на земле растут. Оторви нас от земли – недолго протянем, завянем... Знаю, трудно получить сейчас новый участок, ещё сложней будет стройку на нём затевать... Но деревья лишь в землю корни пускают. В землю...

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Вот и сходите куда надо, пусть участок земли поближе к нам дадут. Отец сорок лет труда отдал Ташкенту. Ещё живы те, кто видал, как сам Ахунбабаев[29] орден ему на грудь приколол... Подтвердят, если потребуется! – подхватила Ханифа-хола.

– Да не в ордене дело! – проворчал Агзам-ата. – Зачем орденом козырять?

– В черте города свободной земли не осталось, – развёл руками Аброр. – И многоэтажные дома стали теперь плотней, чем раньше, ставить. А участки... их почти прекратили выделять.

– Ну конечно, как до нас черёд дошёл, у вас всё прекратилось! – чуть ли не выкрикнула Ханифа-хола. – А тем, кто деньги предложит, – пожалуйста!

Аброр тоже не сдержался, бросил резко:

– Ну так возьмите и купите!

– Хорошо, купим! – в тон ему ответил отец.

У Шакира от волненья сердце молотком застучало, он соскочил с помоста.

– Страшно дорогое дело затеваете, отец! – воскликнул он. – Участок такой, начатый, ещё найти надо, официально всё оформить, а потом материалы доставать, а строить во что обойдётся?.. Зачем вся эта морока? Жили бы спокойно в нормальной квартире, её-то без хлопот получить можно!..

– Тебе покой нужен, так ты и поди получай свою квартиру! – отрезал Агзам-ата. – А участок моя забота. Сам управлюсь...

Аброр промолчал, хотя ясно было, что слово за ним. Ханифа-хола глянула на него исподлобья, заговорила о старшей дочери:

– К Мукамбар подадимся. Не выгонит, наверное, приютит на время.

Мукамбар? С четырьмя детьми, мужем и свекровью, на шестом этаже в девятиэтажном доме? Правда, была ещё младшая, Рисолат, она в собственном домике жила. Но Рисолат недавно первенца родила, Ханифа-хола не успела бешик-той[30] справить и потому о ней ничего не сказала.

– Но ведь семья у Мукамбар... Семь человек в трёх комнатах! Да нас ещё трое добавится! – изумлённо воскликнул Шакир.

– В тесноте, говорят, да не в обиде, – заметил Агзам-ата. Аброр, конечно, понимал, что родители не хотят стеснять и без того большую семью зятя. И понимал, что стыдно будет ему, Аброру, если родители переселятся к старшей дочери.

– К чему ходить вокруг до около, мама?! – не выдержал он наконец. – Не бойтесь, на улице вы не останетесь! У нас четырёхкомнатная квартира. Любую комнату, какую пожелаете, освободим. Живите на здоровье сколько понадобится!

Именно этих слов ждал от сына и Агзам-ата.

– Да, сынок, ежели у тебя можно пожить, станем ли мы зятя стеснять? – облегчённо вздохнул он.

---

[29] Юлдаш Ахунбабаев – известный государственный и общественный деятель Узбекистана советского периода.

[30] Бешик-той – традиционный узбекский семейный праздник, посвящённый укладыванию младенца в колыбель.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Все здесь знали, сколь нелёгкую заботу взваливает на себя Аброр. Отношения между Ханифой-холой и Вазирой сложились непростые. Аброр справил свадьбу здесь, в доме, на берегу Бозсу, здесь же Малика с Зафаром родились. За годы совместной, в одну семью, жизни между свекровью и невесткой накопилось множество взаимных недовольств, непониманий и обид. Конечно, и доброе было: обоюдная поддержка и уступки (больше со стороны Вазиры, правда), а главное – общие радости. Но когда наконец Аброр с Вазирой получили отдельную квартиру, обе женщины вздохнули с облегчением. А теперь снова вместе жить? В просторном дворе после стычки хоть разойтись можно, на глаза друг дружке какое-то время не попадаться, а в обычной городской квартире?..

Давайте обсудим

1. Как этот эпизод помогает понять внутренний мир Аброра? Дайте развёрнутый ответ, опираясь на:
   - его отношение к дому;
   - к родной среде;
   - к отцу;
   - его эмоциональные реакции.
2. Найдите 1–2 фразы, раскрывающие отношения Аброра с родителями.
3. Почему мать встречает Аброра с укором?
4. Что в поведении отца говорит о его характере?
5. Почему посещение дома родителей так важно для героя?

Практическое задание

Проведите исследование: «Как природа живёт в городе?»

Выберите любой район города (можно использовать карты или фото) и определите:

- есть ли там естественные элементы (ручьи, холмы, старые деревья);
- как городская застройка взаимодействует с ними;
- какие места стоит сохранить, а какие – улучшить.

Ответ оформите в виде мини-отчёта или презентации.

Давайте поговорим

1. Почему даже в самых крепких семьях случаются тяжёлые ссоры?
2. Что обычно мешает людям сделать первый шаг к примирению?
3. Как вы думаете, почему слова, сказанные в гневе, запоминаются надолго?
4. Влияет ли личное состояние человека (волнение, усталость, переживания) на его работу?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Мраморная лестница ведёт в подземную станцию метро... Вазира берёт логарифмическую линейку, ещё раз пытается точно высчитать площадь белой полосы – по проекту должна пройти посредине лестницы и окаймляться с обеих сторон чёрным гранитом. Вазира чувствовала себя разбитой, внимание рассеивалось, по всему телу разлилась какая-то непонятная вялость. Расчёт снова отличался от предыдущих. Или в чертежах ошибка?

Вазира долго смотрела на чертёж. Зазвонил телефон. Аброр?

Сердце вздрогнуло. От боли. От воспоминания о яростно, вдребезги расколотом чайнике и о лице мужа, искажённом, чужом.

Она бросила на телефон болезненный взгляд. Не хотелось снимать трубку... Разъярённый Аброр, бешеные его глаза, его крик: «Ты змея ядовитая!» Аброр вдруг стал тогда похож лицом на мать, когда она гневалась или с кем-нибудь ссорилась. «Что мать, что сын – одинаковы!» – подумалось Вазире, и чувство протеста и почти презрения к обоим захлестнуло её.

А вместе с тем ей казалось, что и скверное настроение, и боль, давящая на сердце, могли бы притупиться и отпустить, если б муж поспешил с раскаянием, искренне извинился, попросил прощения. Нет, она бы не смогла сразу простить его: она права, а правота не должна быть снисходительна. И всё же, сама того не признавая, она ждала звонка Аброра. Любого его звонка.

– Я слушаю...

– Вазира Бадаловна, это Адамян, – заговорил в трубке знакомый бас, – интересуюсь, когда вы сдадите свои чертежи, от них ведь и наша работа зависит...

– Сметчики нам осложняют дело. Говорят, слишком много чёрного гранита – габбро. В смету, мол, не укладываются...

– Может быть, они правы? Габбро дорогой материал. Если мы под ноги прохожим расстелем шёлковый ковёр, это обойдётся дешевле, пожалуй, а?

– Но этот гранит будет служить сотням тысяч людей, Сергей Вартанович. И кроме того, габбро Севасая и голубовато-белый мрамор Нураты очень гармонируют друг с другом.

– Тогда, может быть, сделать гранитные полосы поуже?

– Некрасиво.

– Но, Вазира Бадаловна, раз мы с вами не можем уложиться в смету... значит, надо... уложиться в смету. Хотя бы за счёт экономии в других материалах.

– Я сейчас как раз подыскиваю другие возможности, Сергей Вартанович. К сожалению, Наби Садриевич в отпуске...

– Если через два дня не найдёте, наша работа станет.

– Послезавтра я вам позвоню, хорошо?

Вазира подпёрла ладонями подбородок, пальцами прикрыла глаза. Долго просидела так... Для светильников намечено использовать анодированный алюминий и медь. Сэкономить на светильниках? Что ещё попробовать сделать?.. Палочка-выручалочка не отыскивалась, и она вновь вообразила картину ссоры с Аброром и даже бешик-той, который должен был состояться вчера и на который она, разумеется, не пошла.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Её отсутствие на бешик-тое, наверное, ошеломило всех. «Почему нет Вазиры? Вай, почему она ушла? Куда?» – эти вопросы родственников, конечно, изрядно помучили и Аброра, и его родителей. Выкручивались, наверное. Не стала же Ханифа-хола кричать, что невестка была против бешик-тоя.

Раньше бывало так: уйдёт Вазира в обиде на мужа, на свекровь, уйдёт прогуляться, успокоиться, мать навестить – и через несколько часов Аброр начинал её искать, беспокоиться за неё. Теперь... вот уже второй день её нет дома, и он даже не звонит, не интересуется, что с женой, где жена? Неужто мать остаётся всесильной и для совсем взрослого, самостоятельного мужчины?

Что теперь делать?

Живо вообразила себе Вазира личики детей. Сердце прямо заныло от тоски по ним. Она взяла телефонную трубку, набрала номер пионерлагеря, хотя и знала, что Малика и Зафар возвращаются только через два дня. Решила ещё раз проверить, не изменилось ли что-нибудь в сроках... Нет, никаких изменений не предполагалось. Послезавтра в три часа дня детей привезут на ту самую площадь, с которой уехали в горный лагерь.

А как она встретит детей, куда поведёт? Аброр, наверное, и не знает, когда возвращаются дети. Если Вазира приведёт Малику и Зафара домой, свекровь не утерпит, чтоб не позлорадствовать: «Уходить уходила, и всё равно сама пришла!» Отвести к матери – значит, расстроить и мать, и Насибу. Она ведь скрыла от них, что поссорилась с Аброром. Насиба часто завидовала их слаженной семейной жизни, повторяя: «Ах, если б и наша была такой же, как ваша!»

Ночью, заявившись к Насибе, Вазира не могла сказать правды – заставила себя солгать:

– Аброр с последним рейсом улетел в Самарканд, проводила его, а на обратном пути решила переночевать у вас.

– Как хорошо вы сделали, апа! Наш дом близко к аэропорту...

Конечно, Вазира не спала всю ночь: нервы разгулялись, да и шум с улицы донимал.

На другой день было воскресенье, и утром они с Насибой отправились в глазную больницу.

Отёк на лице Зумрад Садыковны спал, шов от операции затянулся так, что почти совсем незаметным стал. Зумрад Садыковне разрешили выписаться, и бумаги для этого были готовы уже в субботу.

– А почему вчера не пришли, Вазира? – спросила мать. – Где Аброр-джан?

– Уехал в командировку... Вчера не могла выйти из дому... Вы с Насибой собирайте пока вещи, а я сейчас пойду за такси.

Операция и пребывание в больнице так ослабили Зумрад Садыковну, что, доехав до дому, она еле-еле поднялась на свой четвёртый этаж: часто останавливалась на ступеньках, её покачивало из стороны в сторону.

– Вазира-джан, свекровь тебя не обидела? – вдруг спросила из соседней комнаты мать.

– Соскучилась я по детям, мама.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Да, понимаю... И Аброра нет... Пока дети приедут, поживи у нас, ладно?

Когда Вазира уходила на работу, Насиба сказала ей то же самое:

– Вечером обязательно возвращайтесь к нам. Сделаем самсу, научите меня, ладно, ападжан?

...Вазира подняла голову, посмотрела на циферблат настенных часов... Уже четвёртый час. Развёрнутый на столе чертёж всё ещё ждал какой-то новой мысли. Красивая мраморно-гранитная лестница по-прежнему не укладывалась в смету допустимых расходов.

Сосредоточиться, надо сосредоточиться!

Городской телефон зазвонил снова. Вазира насторожилась. После третьей заливистой трели подняла трубку.

– Алло?..– сказала она, чувствуя, как сердце проваливается куда-то.

– Вазира Бадаловна, ассалом алейкум! Вы живы-здоровы? Как дома? Хорманг, хорманг!

Конечно, человек, который сыпал вопросы, не давая возможности ответить на них, – это Шерзод Бахрамов. Его только и недоставало ей сейчас! Но как ни странно, ощутила вдруг вместе с досадой и некое облегчение душевное, прилив сил, что ли.

– Есть дело, о котором мне надо срочно посоветоваться с вами, Вазира Бадаловна. Вообще-то говоря, если я сейчас приеду, не прогоните? Вы не очень заняты?

– Занята, конечно... Но приходите.

Не прошло и пятнадцати минут, а белые «Жигули»-люкс, ярко сверкая на солнце никелированными поясками, уже остановились у дверей главного управления. Шерзод сразу нашёл, куда поставить машину, быстро поднялся в комнату Вазиры.

Лицо Шерзода лучилось и сверкало, как его «Жигули». Загорелое, словно он возвратился с курорта. В левой руке Шерзод держал папку, правой осторожно взял тонкие пальцы Вазиры, воровато оглядел комнату, усмехнулся, наклонился, поцеловал. Сначала пальцы, потом ладошку, потом... Вазира освободила руку. Ею же и на стул показала:

– Садитесь, садитесь, Шерзод-ака. У вас всё хорошо?

– У нас всегда всё хорошо. Спасибо за внимание к нам, Вазира Бадаловна. Вы ещё не были в отпуске? Те, кто знает цену жизни, сейчас в отпусках, кайфуют на курортах. Ноу траблз, ноу проблемз. И нам бы можно было... Так вот, – резко перешёл Шерзод к другой теме, видя, что Вазира нахмурилась, – ирригационные работы всё больше усложняются. Воды мало. Арыки в Ташкенте... сами знаете... какие. Каждый день меня вызывают... в высокие учреждения...

– Шерзод открыл папку, начал показывать Вазире чертежи. – Видите? Наш проект обсуждался – кстати, с участием Аброра – в Союзе архитекторов. Вот, взгляните в конец протокольной записи. Во время обсуждения Аброр и его единомышленники отвергли наши предложения начисто...

Вазира пробежала глазами по протоколу, нашла рядом с подписью «Агзамов» вывод-предложение: «Проект необходимо коренным образом переделать».

– Конечно, наш проект не лишён недостатков, но мы их исправим по ходу дела. Было обсуждение в министерстве. Заместитель министра предложил некоторые из-

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

менения. Мы их приняли. Теперь проект надо утвердить в вашем управлении. Наби Садриевич... кажется, в отъезде? Его заместитель меня совсем не знает.

– А вы не можете подождать, пока приедет Наби Садриевич?

– В том-то и дело, что не могу. Нас вызывают каждый день и спрашивают: «Где проект?» Пока вы не утвердите, строители не могут приступить к работе. Все сроки горят! Всё у меня сгорает, Вазирахон, и сроки, и... ну... не буду, не буду...

Вазира собрала свои чертежи, убрала их в ящик стола.

– Ладно, я попытаюсь помочь вам, пойдёмте вместе.

Заместитель начальника главного управления заявил им сразу же, что он в курсе дела.

– Мне уже звонили по данному поводу из министерства, – сказал он. – Преобразовать Койковус и Карасу – неотложная задача. Однако из-за спешки не следует наносить ущерб нашему замечательному городу. Во время обсуждения в Союзе архитекторов было высказано много замечаний принципиального характера.

– Мы учли все эти замечания. Пожалуйста, посмотрите.

Заместитель всмотрелся в проект и увидел в нём волнообразно-плоское бетонное сооружение на берегу Койковуса.

– Где ж это вы учли? Говорилось, что скаты городских каналов не могут быть плоско срезанными, как в степи. А вы опять проектируете простую бетонизацию деформированного берега.

– Тургун Ибрагимович, на иное решение... не дали согласия товарищи из Управления водного хозяйства. Укрепление естественных отвесных берегов обойдётся очень дорого. Затрудняется использование техники. Затягиваются сроки строительства.

– Вы оставили «инспекторскую дорогу», – тут же бросил упрёк заместитель. – А разве для этого не потребуется ещё одна статья расходов? Мы живём в городе, в большом городе, и должны экономить площадь, не давать Ташкенту разрастаться бесконечно. А по вашему проекту выходит, что придётся дополнительно переселить... сколько семей... вы подсчитали?

Этот довод высказывал ей, Вазире, и Аброр, критикуя идею «инспекторской дороги».

В воображении Вазиры снова возникло страшное лицо Аброра, когда он хотел бросить в неё чайник. Лицо точь-в-точь как у его гневливой матери – злое и непримиримое.

– Тургун Ибрагимович, без техники, без возможности свободного манёвра для нас такие большие дела невозможно сделать в намеченные сроки, – вступилась Вазира, прижимая руки к груди. – Честно скажу, иного выхода, чем тот, что предлагает товарищ Бахрамов, я не вижу.

Заместитель задумался. Если он задержит проект, снова будут звонки из министерства.

– Тургун Ибрагимович, то, что вы говорили здесь, мы, безусловно, учтём. В процессе строительства учтём! – стал горячо заверять Шерзод. – Разрешите нам начать. Сроки ведь...

Заместитель взял ручку.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Я могу разрешить, но с одним условием, что вы в процессе изготовления рабочих чертежей устраните отмеченные серьёзные недостатки... то есть плоское бетонирование.

– Устраним, даём слово, Тургун Ибрагимович! Не будет плоского, Тургун Ибрагимович!

Вазире было неприятно слышать от Шерзода это бесчисленно льстивое «Тургун Ибрагимович».

Своё условие заместитель мелкими буквами вписал там, где надлежало быть подписи, утверждающей проект. Ему хватило места и пространства и для мелко, но разборчиво выведенной подписи «Ибрагимов».

– Если не будет выполнено это условие, будете отвечать вы, товарищ Бахрамов.

– Обещаю, Тургун Ибрагимович, обещаю! Спасибо вам большое.

Наконец Шерзод и Вазира вышли из кабинета в коридор. Лицо Шерзода излучало победное сияние.

– Вы чудо, Вазирахон! Без вас... Вы такая смелая. И тонко понимаете людей... По сравнению со своим мужем, вообще-то говоря, вы человек, который... во сто раз великодушнее!

Иногда и Вазира считала так же. Это когда её рациональность помалкивала. Услышать такую похвалу со стороны – что тут скрывать – ей было приятно. Вазира опустила глаза:

– Спасибо за комплимент, Шерзод. Но... я не люблю жён, которые принижают своих мужей.

Шерзод посмотрел на неё с ясно обозначенным восхищением:

– Вы настоящий человек, Вазирахон!

Прощаясь, Шерзод снова приник губами к руке Вазиры. И на этот раз она не препятствовала.

Настроение Вазиры улучшилось, и рабочее настроение тоже вернулось к ней. Вдруг в глаза бросился приклеенный к какой-то стеклянной двери в коридоре листок ярко-цветной бумаги. И в памяти всплыла станция «Новослободская» в московском метро, украшенная цветным стеклом. Красивые, оригинальные узоры! Цветное стекло дешевле мрамора во много раз. Может быть, это выход?

Она быстро перелистала справочник с описанием свойств и цен различных стройматериалов. Сделала самый первый, предварительный расчёт. Решительно подняла телефонную трубку и набрала номер Адамяна:

– Сергей Вартанович, вы слышите?.. Да, это я. Есть идея... У нас на стенах станции предусмотрена облицовка сплошь из дорогого газганского мрамора. А что, если на некоторых участках, например по боковым стенам лестничного спуска, мы воспользуемся не мрамором, а цветным стеклом? Если изузорить и осветить изнутри, будет очень красиво...

– Дельное предложение! Национальный орнамент...

– Да, это придаст дополнительный эффект и мраморной полосе лестницы. Если сэкономленные таким путём средства пойдут в габбро, то всё... ляжет в смету.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Вы уже рассчитали? Ну, коли так, вы гениальная женщина! Значит, дело теперь за эскизом панно из стекла. Эскиз должен быть в цвете, верно? Иначе не будет смотреться.

– Хорошо, я начну сегодня же.

О, Вазира любила чертить орнаменты ещё в детстве, в школе... Где-то должна быть книга с образцами национальных орнаментов. Вазира поискала её в ящиках стола, поискала в шкафу. Потом вспомнила, что книгу на прошлой неделе унесла домой.

Вот ведь досада! Ссора с мужем, оказывается, ещё и так вот может помешать работе.

А Аброр всё не звонит. Похоже, что он полностью принял сторону своей матери. Ну что ж...

Вазира решительно подняла телефонную трубку.

– Шерзод Исламович, вы уже доехали до своего начальственного кресла? – Вазира пыталась быть ироничной, но голос выдавал её волнение, пока ещё Шерзоду непонятное. – Я звоню вам... из-за одной книги... мне она срочно нужна.

Вазира назвала книгу, хорошо знакомую всем архитекторам республики.

– Для вас, конечно, найдём, Вазира Бадаловна! – радостно откликнулся Шерзод. – А когда именно она вам нужна?

– Чем быстрей, тем лучше.

– Ну, если так, то я сейчас же велю её найти. Есть тут у меня ребята – чего хочешь достанут, хоть из-под земли выкопают. Я сам завезу её к вам.

– Может быть...

– Я сам, я сам. Договорились? Ждите моего звонка.

Она почти целый час ждала телефонного звонка. Теперь от Шерзода. Что за спешка? И день рабочий уже кончается. В конце концов, заказала бы книгу завтра в научной библиотеке. «Что с вами, ханум?» – как спросил её тогда, перед ссорой, Аброр.

– Вазирахон, простите, я заставил вас долго ждать. – Шерзод позвонил-таки, хоть и перед окончанием рабочего дня.– Доставили мне её из дому. Сейчас выезжаю.

– Я подожду вас внизу.

Вазира не думала возвращаться снизу обратно в свой отдел. Немного прогуляется и пойдёт домой... Белые босоножки, белая кофта, коричневая юбка, изящная белая сумка, в которую она и намеревалась положить книгу орнаментов, – всё было в тон, всё шло ей. Выходя из первой комнаты отдела, Вазира посмотрела в зеркало и осталась довольна собой. Чуть-чуть нос припудрить, и всё.

Шерзод уже приехал, ждал её у дверей, в тени здания. Как только показалась Вазира, он быстро вылез из машины, быстро двинулся навстречу с книгой в цветной обложке. Двумя руками протянул её Вазире. Вазира посмотрела ему в глаза, улыбнулась, сердечно поблагодарила за услугу.

– Буду работать дома, в вечерней прохладе, – сказала Вазира.

– Прямо домой? – спросил Шерзод.

– Нет, не прямо... Я должна зайти к матери.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Я отвезу вас.

– Нет, спасибо, и так вы из-за меня потеряли столько времени! Я прогуляюсь...

– Ну, Вазирахон, наградите меня хоть чем-нибудь! Доставьте мне удовольствие похитить вас.

Шерзод знал, что у Аброра есть машина и что муж всегда заезжал за Вазирой, когда кончался рабочий день. Он ждал, что именно об этом скажет ему сейчас Вазира. Однако Вазира ничего такого не говорила, выглядела расстроенной. Может быть, она в ссоре с мужем?

Шерзод открыл переднюю дверцу машины, ещё раз пригласил её сесть:

– Прошу вас, Вазирахон, покатайтесь и на моей машине!

– Обычно... обычно, – сказала Вазира, борясь с собой и не без напряжения улыбаясь, – впереди сидит или жена, или телохранитель.

– Вот как? Я бы многое мог сказать, вообще-то говоря, о моём... ангеле-хранителе, но боюсь вызвать ваш гнев. Садитесь, пожалуйста, Вазирахон, – и Шерзод решительно открыл заднюю дверцу «Жигулей».

Машина блестела не только снаружи, но и изнутри. Чехлы на сиденьях были новенькие и стерильно чистые. Шерзод и сам сегодня был как новенький – блестел и лучился.

Вазира села в машину, он закрыл дверцу мягко, почти беззвучно. Когда проезжали через центр, Вазира нарушила молчание:

– Как поживает ваша жена?

– Э, не спрашивайте, Вазирахон... Дома бывает редко. Сейчас опять на гастролях. В Алма-Ате. Дочка у матери. Сижу дома один как сыч... А вы... вы не видели нашу квартиру?

– Нет.

– Отсюда недалеко... Давайте устроим экскурсию. Обязуюсь быть хорошим гидом.

Шерзод шутил, но Вазира чувствовала, что шутки эти могут завести слишком далеко, если она хоть как-то, хоть намёком на них отзовётся. Ей вдруг стало на миг жалко Аброра и очень жалко себя. «Переступить черту», – вспомнилось ей московское выражение Шерзода. Тогда они тоже ехали в машине...

– Спасибо за приглашение, Шерзод-ака. К сожалению, я спешу к матери.

И вновь она, словно нарочно, не заговаривала об Аброре. «Может быть, от мужа-то она и ушла к матери?» – недоумевающе подумал Шерзод. Тогда, значит, и Вазира, как он сам, Шерзод, на сегодня в одиночестве.

– Вазирахон, дома я как раз и делаю проект тоннеля под Бозсу. Я говорил Наби Садриевичу о том, чтобы вы стали нашим соавтором.

Вазира даже удивилась такому повороту разговора. То про семейную свою жизнь, то вдруг опять о делах. Поинтересовалась:

– И что же Наби Садриевич?

– Он-то не против. Необходимо ваше собственное согласие. Так по рукам, Вазира?

Притормозив на красный свет у светофора, Шерзод обернулся, многозначительно посмотрел на Вазиру.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

После двух бессонных ночей она выглядела старше своих лет. Под глазами – какие-то синие круги, лицо немного осунулось. В глазах нет обычного для неё задора.

Шерзод, честно сказать, вздохнул с облегчением, когда Вазира сказала, что спешит к матери. Согласись она заехать к нему, пришлось бы спешно её выпроводить, галантно поцеловав ручку. Сегодня вечером он ждал другого ангела-хранителя, двадцати трёх лет, кровь с молоком. Шерзод даже как-то некстати рассмеялся от удовольствия, предвкушая встречу с прелестной молодой женщиной...

– Чего вы молчите, Вазира? Или всё ещё боитесь Аброра?

Вазира вздрогнула. Аброр так и не позвонил ей. Всё ещё, видно, перемывает ей косточки со своей матушкой.

– А чего мне его бояться?

– Всё-таки... идти против воли мужа...

– У каждого из нас своя воля, Шерзод. Я опасаюсь другого – что не смогу тянуть воз соавторства наравне с вами.

– Никаких возов вам тянуть не придётся, Вазира. Да и я не допущу этого! Вы будете давать советы... Наш советник по эстетическим вопросам, звучит? Я уже говорил: вам будет достаточно держать с нами связь по телефону, так сказать. Всё остальное сделаем мы сами. Ну так как, Вазира?

Вспыхнул зелёный свет. Сзади начали сигналить нетерпеливые шофёры. Шерзод выдержал паузу, продолжая смотреть на Вазиру настойчиво и уже требовательно.

Но в самом деле, почему это она, дипломированный специалист, должна чувствовать себя связанной отношениями, которые, вообще-то говоря, к делу не относятся? В данном случае – семейными отношениями. Почему её держит в страхе какое-то табу, инстинктивное табу, какая-то боязнь переступить черту даже в вопросе профессиональном, чисто деловом, архитекторском. Какая противная это вещь – остатки психологии рабыни, рабыни семьи, мужа. Будто родилась она с такой наследственностью! И всё же, оказывается, до сих пор не может жить полнокровно свободной жизнью! Разве из нынешнего сложного душевного тупика её может вывести что-то, кроме решительной встряски, решительного самостоятельного поступка?

Машины начали объезжать их белые «Жигули», некоторые шофёры бросали на них вопрошающие взгляды.

Шерзод этого словно не видел. Но и Вазира не видела сейчас никого, кроме Шерзода, ничего кроме его правой руки, протянутой к ней (левая – на баранке руля).

– Ну, Вазира, по рукам?

Вазира слегка ударила рукой по ладони Шерзода:

– Пусть будет так... По рукам!

Шерзод успел схватить кончики её пальцев, вытянулся всем телом, перегнулся через сиденье. Поцеловал, каждый палец поцеловал, всё, что успел схватить, – указательный, средний, мизинчик. Его радость будто передалась машине, она бодро взревела, резко проскочила перекрёсток перед снова вспыхнувшим зелёным, весело помчалась по проспекту.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Вазира откинулась на спинку заднего сиденья. Произошло что-то большое, способное что-то изменить в её дальнейшей семейной жизни. Впрочем, история с бешик-тоем, ссора, разбитый чайник – всё это как-то разом отодвинулось, начало удаляться от неё, уменьшаться в размерах и прежней своей давящей тяжести.

А табу и «запретная черта» если и отзывались в ней теперь, то лишь каким-то неясным и тёмным предчувствием.

Вазира, закончив работу и выйдя к условленному месту, с изумлением обнаружила там вишнёвого цвета «Жигули»: чаще всего Вазира приходила сюда раньше мужа, и ей приходилось ждать.

Довольная столь ранним приездом Аброра, она бойко открыла переднюю дверцу машины и весело воскликнула:

– Ура! Видно, сегодня солнце взошло с вашей стороны.

Аброр холодно бросил:

– А вы, наверное, привыкли думать, что солнце восходит только со стороны Шерзода Бахрамова?

Вазира даже не успела понять иронического смысла услышанного, но обиду и раздражение в голосе мужа сразу уловила:

– Что-что?

– Говорят, вы стали соавтором Бахрамова. И будто благодаря вашим усилиям проект бахрамовской группы утверждён главком... Когда-то влюблённый в вас и не достигший цели Бахрамов... как он сейчас, наверное, торжествует!

Произнеся всё это зло и яростно, Аброр тем не менее ждал, надеялся, что вот-вот Вазира скажет ему, что всё это ложь, наговоры на неё, что если кто и болтает о чём-то, то с низкими целями! Ах, если бы она это сказала, если б сказала... он бы тотчас обнял и поцеловал Вазиру, забыл свою злость, обругал бы себя громогласно.

Вазира не отвела в сторону своего взгляда.

– Вы чем, собственно, недовольны? И в чём подозреваете меня? Да, я стала соавтором Бахрамова... стало быть, по-вашему, я сразу превратилась и в его любовницу? Вы уже об измене подумали?

Нет, он, Аброр, не мог подозревать в эдаком жену, с которой прожил, худо-бедно, шестнадцать лет.

– Надо было проявить терпение, и я бы сама всё рассказала... Эту работу поручили Бахрамову в прошлом году, и поручение шло через мой отдел. Садриев распорядился: курируйте проект, помогайте. Я сделала три-четыре эскиза...

– Всё это лисьи хитрости!.. Нет, я имею в виду не вас, а Шерзода – этого лжельва. Он просто хочет хотя бы вот так одержать надо мной победу. При вашей помощи!

– Что за мнительность! Что за самолюбие! Будто все люди только и думают о том, как бы одержать над вами победу! Этот проект вообще не имеет к вам прямого отношения!

– Почему это не имеет? Другие не знают, но жене-то пристало знать, что её муж не спит по ночам, разрабатывает проекты по благоустройству берегов Бозсу!

– Думать о благоустройстве Бозсу – не ваша монополия. Об этом думают и дру-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

гие... Вот и мы сделали свой проект. Мы тоже хотим, чтобы берега канала стали красивыми! Места для работы там хватит всем!

Аброр на большой скорости повёл машину не домой, а к мосту через Бозсу, потом повернул направо. Подъехав к западной стороне стадиона «Пахтакор», резко затормозил.

– Ну что ж... вот этот участок... вашего с Бахрамовым проекта. Давайте посмотрим, где тут будут ваши красивые берега.

Они вышли на берег. По воде плыли осенние листья. Их становилось всё больше: с веток высоких чинар печально-шорохливо осыпались сухие листья, падали на воду и землю.

Вазира резкими взмахами руки обозначила направление будущего выпрямленного в этом месте русла.

– А по берегам будут сооружены гранитные парапеты, с этой стороны пройдёт вдоль канала широкий тротуар, он будет вымощен красивыми плитами.

– Значит, вы хотите провести русло именно здесь? – будто не слушая её, переспросил Аброр. – И долой эти ветвистые чинары и дубы со стволами в три обхвата, да? – Неподалёку росла большая орешина. Аброр показал и на неё: – Вот тут будете укладывать бетонные плиты? Неужели гибель столетних деревьев для вас ничего не значит?

– А зачем паниковать? Через несколько лет здесь вырастут деревья покрасивей этих.

– Не через несколько лет, а через десятилетия!

Нет, к деревьям Вазира была всегда равнодушна. Влюблённая в геометрические орнаменты, она не чувствовала, видимо, красоты естественной. Когда они ездили в Акташ или Чимган, попадали в лесные чащобы, Вазира, выйдя из машины, несколько минут прохаживалась по лесу, и вскоре ей становилось скучно. Возвращалась в машину послушать радио или садилась в прохладной тени какого-нибудь красавца-чинара, чтобы, не обращая на него никакого внимания, покрутить всё тот же транзистор. «Радио можно слушать и дома, в городе, а такую тишину нигде не сыскать, прислушайтесь к ней, ханум», – говорил Аброр, но Вазира отмахивалась. Природа её словно утомляла, в городе же она могла крутиться без устали много-много часов. Вазира с детства привыкла к асфальту.

Вот и здесь, на берегу канала, красота осенних деревьев её не трогала. И грустное шуршанье сухих листьев под ногами тоже не трогало. И неровности берегов канала, их то плавные, то почти замысловатые повороты, которые для Аброра значили так много, вызывали в его воображении картины естественно прекрасного соединения земли и воды, для Вазиры представляли собою лишь... неровности рельефа, свалки пожухлых листьев и мусора, неприятную тень светлой городской жизни.

– Да вспомните вы Неву в Ленинграде! – крикнула в сердцах Вазира. – Все её берега одеты в гранит. И как это красиво! Повсюду чистота, опрятность!

– Неужели вы не видите разницу между климатическими условиями Ленинграда и Ташкента? Ленинград весь стоит на воде. Его окружают море, реки, озёра. Там самой природе необходим гранит, словно охраняющий жизнь от сырости, топей, зыбкости почв. Здесь у нас, наоборот, воздух сухой, лето жаркое, люди стремятся поближе к воде, к прохладе.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Вот и будут лестницы. Кто захочет, тот спустится по ним к воде.

– При чём тут лестницы? Бозсу – исторический памятник. Переделывать его русло никто не имеет права!

– Мы хотим лишь исправить ошибки, которые допустила история!

– Исправлять историю не дело бахрамовской группы, – с презрением вымолвил Аброр.– Не начать ли с исправления самих себя, а, ханум? Своих собственных недостатков!

– О каких именно моих недостатках ты говоришь, Аброр? – спросила по-русски Вазира.

– Хотя бы о тех, что привели вас к единомышленнику Бахрамову! – Аброр продолжал говорить по-узбекски.

– Не поняла.

– И вы, так же как он, молитесь на железо и бетон. И совсем глухи к трепету живой природы. Внешний порядок, рациональные конструкции!.. Да ведь в течение веков и природа, и люди приспосабливали воды Бозсу к местности, а землю вокруг – к движению воды, и так возникла естественная река со всеми её поворотами и излучинами. Это ведь тоже порядок, гармония, рациональность. Только не прямолинейная, как палка. Вы лишены чувства природы, а это ли не душевная глухота?..

Аброр говорил, не сдерживаясь ни в словах, ни в жестах. Редкие в этот час и в этом месте прохожие уже оглядывались на странную пару.

– Вот я и стала душевно глухой, – грустно произнесла Вазира. – А когда-то здесь, на берегу Анхора, мне объяснялись в любви, и восторгались моей красотой, и превозносили до небес мою душевность. Забыто? Пусть напомнит Бозсу...

– Откуда я мог тогда знать... что моя жена нанесёт мне удар в спину!

Вазира первой заметила, как к ним присматриваются и прислушиваются.

– Любопытно им, видно, глядеть, да ещё бесплатно, на семейную драму...

Аброр только сейчас заметил интерес посторонних людей к их ссоре. Молча повернулся, двинулся к машине. Муж и жена опять пошли рядом, избегая касаться друг друга.

Вазира в глубине души осознавала, что причинила боль мужу. Впрочем, она ведь и хотела причинить ему боль, но в меру. Аброр излишне обострённо воспринимает случившееся. Излишне горячо. И надо бы немного остудить его.

– Я же не стараюсь навязывать тебе свои идеи, – на ходу говорила Вазира. – Но ведь и мне нужна свобода мысли, творческих поисков. По-твоему выходит, что я останусь хорошей, только если буду работать так, как нравится тебе. Но тогда давай признаем: ты архитектор, а я нет! Ты этого хочешь?

Они сели в машину, Вазира – на заднее сиденье.

– Всё это не так. И то, о чём мы говорим, не имеет отношения к вашей профессиональной самостоятельности... Да разве бахрамовский проект – ваша работа?! Вы сели на телегу этого Бахрамова и запели, как и вся его группа, его песню!

Аброр нажал на газ. «Жигули» взревели и помчались нервно, рывками.

– Прошу вас, давайте кончим этот разговор, – снова перейдя на узбекский,

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

попыталась утихомирить Вазира мужа. – Я не пою никаких чужих песен. Чтобы вы были спокойны... я клянусь своими детьми, что предана и верна своей семье! Всё!

Да, Вазира считала себя правой. Аброр это видел. Словами и впрямь не переубедить ни ей его, ни тем более ему её.

Аброр свернул на улицу Усмана Юсупова.

Вазира заметила, что дорога домой опять осталась в стороне.

– Куда мы собрались ехать?

– В светлое будущее вашего проекта, – съязвил Аброр.

Им оказалось высохшее русло Койковуса и забетонированный берег. Аброр остановил «жигулёнок» у самых бетонных плит.

– Видите? – Аброр обернулся через сиденье к Вазире. – И эта... пустыня... возникла по проекту Бахрамова. Во время обсуждения говорилось, что на берегах необходимо высадить деревья, что берега не должны быть плоскими. А что на деле? Посмотрите, опять срезы, выложенные бетоном... А ваша «инспекторская дорога». Срезали неровности, сдёрнули траву, выкорчевали деревья, затрамбовали и забетонировали, видно, для того, чтобы и впредь на этих берегах не было ничего живого. Экономичность, рациональность, индустриальные методы! Сколько громких слов! Ради собственных интересов не пренебрегаете никакими средствами.

– Бетонирование берегов Койковуса тоже личные интересы Бахрамова?

– Да, да! Представьте себе, что да! Бетонирование по шаблону гораздо легче, чем творческая, оригинальная реконструкция берега древнего канала. Бахрамов всегда работает по принципу – лишь бы отчитаться, и побыстрее отчитаться. А что потом – его не интересует. Он сегодня получает премии!

– Вы готовы повесить на человека, которого невзлюбили, все смертные грехи!

RESPUBLIKA TARKAZI

– А за что его можно возлюбить? Неужто вы забыли его безобразный поступок, когда он работал в райисполкоме?

– Какой это?

– Вы уже забыли... А припомните-ка скверик, который надо было превратить в цветник. Нам сказали, что завтра придёт городское начальство и будет принимать работу. Все мы вышли на субботник. На площади – помните? – лежали разбитые бетонные плиты до двух тонн каждая. Решили найти подъёмные краны и вывезти их. Однако техника нашлась не так быстро, как мы рассчитывали... Помните? Что же вы молчите? Помните, как нагрянули самосвалы с землёй для цветника? И как Бахрамов, недолго думая, дал команду выгружать землю прямо на плиты. И разровнять потом площадку. А потом заставил посадить на эту площадку цветущие канны. Ну, вспомнили? Пришли руководители, всё осмотрели. Канны цветут, Бахрамов сияет. С рабочими не поговорили – ушли. Цветы сразу же погибли. Но это потом, а сегодня оперативный Бахрамов получил похвалу, а затем и повышение по службе. Настоящим благоустроителям работы, конечно, добавилось, пока убрали высохшие цветы, вытащили бетонные плиты, заново разрыхлили землю, снова завезли чернозём и цветы... Ну, теперь-то вспомнили? То был маленький скверик, маленькая площадка, а тут предполагается обезобразить берега Боссу.

– Наш проект совершенно другой! Когда его воплотят в жизнь, сами это увидите!

– Поздно будет. Очень боюсь, что будет поздно.

– В самом деле уже поздно. Заводите машину, пожалуйста. Дома нас ждут не дождутся дети. – И уже в машине, на большой проезжей улице, Вазира добавила: – Для меня дискуссия закончилась, разговор о работе пускай и остаётся на работе. Терпеть не могу мужей и жён, которые без конца спорят о работе и дома, и на улице. Дома хватает домашних забот!

– И всё же...

– И всё же я не могу отказаться даже ради вас от своих идей, от проекта, который уже, кстати, утверждён управлением!

И Аброр, и Вазира всю дорогу молчали. Поставили машину в гараж, пошли к дому. Всё молча.

Сегодняшний спор с Вазирой разбередил старую рану. Бездарный, халтурно сооружённый «шедевр» нашёл «посадку» в их дворе благодаря Бахрамову. И это ещё больше раздражало и настраивало Аброра против Шерзода и против Вазиры.

Он не касался теперь её соавторства. Но её согласие войти в бахрамовскую группу громоздилось меж ними невидимой стеной даже тогда, когда они были наедине.

И мужа, и жену мучила бессонница.

– Запомните, Вазира, – сказал как-то ночью Аброр, – мы можем крепко столкнуться с вами на рабочей тропинке нашей жизни! Я ведь не отступлю...

– Не стоит меня пугать. Лучше не вмешивайтесь в это дело, советую.

– Ну что ж, посмотрим.

Перевод Ю. Суровцева

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

Давайте обсудим

1. Может ли профессиональное соперничество влиять на семейные отношения? Что важнее в браке: поддержка или независимость?
2. Как сохранить нравственность и самоценность личности в сложных жизненных обстоятельствах?
3. Что труднее – защитить свои творческие идеи или собственное достоинство?
4. Как вы думаете, должен ли творческий человек идти на компромисс ради карьеры?

Творческое задание

Сделайте рисунок, коллаж или цифровую работу по мотивам романа, выбрав одну из предложенных тем:

- Бозсу (Анхор) – «река памяти»
- Дом родителей Аброра
- Метро, которое проектирует Вазира
- Рабочая мастерская архитектора.

Практическое задание

1. Составьте сравнительную таблицу образов Аброра и Вазиры:
   - профессиональные качества;
   - отношение к семье;
   - моральные принципы;
   - в чём их сила, а в чём слабость;
   - какие испытания каждый проходит в романе.
2. Создайте схему всех основных конфликтов романа:
   - Аброр ↔ Вазира (семейный конфликт)
   - Аброр ↔ Шерзод Бахрамов (соперничество)
   - Аброр ↔ система/руководство
   - Вазира ↔ свекровь
   - внутренние конфликты каждого героя.

Каждый конфликт обозначьте стрелками и подпишите: *причины – развитие – результат.*

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ (1928–2008)

Чингиз Торекулович Айтматов – выдающийся киргизский и русский писатель, чьё творчество соединяет национальные традиции и универсальные человеческие ценности. Он прославился глубокими философскими повестями «Материнское поле», «Прощай, Гульсары!», «Белый пароход», а также романами «И дольше века длится день» и «Плаха». Яркая особенность его стиля – сочетание реализма с элементами мифа и легенды. Айтматов поднимал темы нравственного выбора, ответственности перед родом и природой, духовных корней человека. Его произведения переведены на десятки языков и стали классикой мировой литературы.

Давайте поговорим

1. Как вы думаете, что делает человека человеком – память, верность своему слову или способность к состраданию?
2. Почему традиции и корни так важны для понимания собственного пути?
3. Всегда ли прогресс делает мир лучше, или иногда он разрушает то, что нельзя восстановить?

Подготовка к встрече с текстом

Роман «И дольше века длится день»

Роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» – одно из самых многослойных и философски насыщенных произведений XX века, в котором автор соединяет реальность, миф и научно-фантастическую линию, создавая развёрнутое размышление о судьбе человека перед лицом истории и будущего.

В центре повествования – судьба простого железнодорожника Едигея Буранного, чья личная драма становится отражением судьбы целого народа. Через череду его

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

воспоминаний и событий в Буранном полустанке Айтматов показывает, как прошлое, люди и традиции формируют духовный мир личности, а потеря памяти приводит к разрушению человеческой сущности.

Одним из ключевых символов романа становится легенда о манкуртах – людях, лишённых памяти и воли. Этот образ приобретает глобальный смысл: Айтматов предупреждает, что утрата исторической и духовной памяти может привести к превращению целых обществ в «манкуртов», утративших человечность и способность к нравственному выбору.

Особое место в романе занимает линия космической экспедиции, подчёркивающая ответственность человека перед будущим и расширяющая границы повествования до уровня Вселенной. Противостояние человеческого и бесчеловечного, духовного и технократического выходит за пределы земных рамок, показывая, что судьбы людей тесно связаны с мировыми процессами.

Айтматов объединяет реалистическую хронику жизни в степи, философские размышления о долге и совести и мифологические мотивы, создавая масштабную картину борьбы добра и зла – не внешней, а внутренней, происходящей в душе каждого человека. Роман заставляет задуматься о том, какие ценности могут сохранить человечество и что угрожает миру больше всего: внешние опасности или внутреннее забытьё.

Таким образом, «И дольше века длится день» – это произведение о памяти и времени, о духовных корнях и нравственной ответственности, о том, что человек становится настоящим человеком лишь тогда, когда помнит, кому он обязан своей жизнью и что должен оставить будущим поколениям.

И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ

(в сокращении)

Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток. А по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства – Сары-Озеки, Серединные земли жёлтых степей.

В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана.

А поезда шли с востока на запад и с запада на восток. В полночь кто-то долго и упорно добирался к нему в будку стрелочника, вначале прямо по шпалам, потом с появлением встречного поезда впереди, скатившись вниз с откоса, пробивался, как в пургу, заслоняясь руками от ветра и пыли, выносимых шквалом из-под скоростного товарняка (то следовал зелёной улицей литерный состав – поезд особого назначения, который уходил затем на отдельную ветку в закрытую зону Сары-Озек-1, там у них своя, отдельная путевая служба, уходил на космодром, короче говоря, потому поезд шёл весь укрытый брезентами и с воинской охраной на платформах). Едигей сразу догадался, что это жена спешила к нему, что неспроста спешит и что есть на то какая-то очень серьёзная причина. Так оно потом и оказалось. Но по долгу службы он не имел права отлучиться с места, пока не прокатился мимо последний хвостовой вагон с кондуктором на открытой площадке. Они посигналили друг другу фонарями

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

в знак того, что всё в порядке на пути, и только тогда полуоглохший от сплошного шума Едигей обернулся к подоспевшей жене:

– Ты чего?

Она тревожно глянула на него и шевельнула губами. Едигей не расслышал, но понял – так и думал.

– Пошли сюда от ветра. – Он повёл её в будку. Но прежде чем услышать из её уст то, что он уже сам предполагал, в ту минуту почему-то поразило его совсем другое. Хотя и прежде он примечал, что дело шло к старости, но в этот раз оттого, как задыхалась она после быстрой ходьбы, как надсадно хрипело и сипело в её груди и как при этом неестественно высоко вздымались обхудевшие плечи, ему стало обидно за неё. Сильный электрический свет в железнодорожной будке вдруг резко обнаружил глубокие и никогда не исчезавшие уже морщины на синюшно потемневших щеках Укубалы (а была ведь литой смуглянкой ровного пшеничного оттенка, и глаза всегда сияли чёрным блеском), и ещё эта щербатость рта, лишний раз убеждающая, что даже отжившей свой бабий век женщине никак не следует быть беззубой (давно надо было свозить её на станцию вставить эти самые металлические зубы, теперь все, и стар и млад, ходят с такими), и ко всему тому седые, уже белым-белые пряди волос, разметавшиеся по лицу из-под опавшего платка, больно резануло по сердцу. «Эх, как постарела ты у меня», – пожалел он её в душе с щемящим чувством вины. И оттого ещё больше проникся молчаливой благодарностью, явившейся за всё сразу, за всё то, что было пережито вместе за многие годы, и особенно за то, что прибежала сейчас по путям, среди ночи, в самую дальнюю точку разъезда из уважения и из долга, потому что знала, как это важно для Едигея, прибежала сказать о смерти несчастного старика Казангапа, одинокого старца, умершего в пустой глинобитной мазанке, потому что понимала – только Едигей один на свете близко к сердцу примет кончину всеми покинутого человека, хотя покойник и не доводился мужу ни братом, ни сватом.

– Садись, отдышись, – сказал Едигей, когда они вошли в будку.

– И ты садись, – сказала она мужу.

Они сели.

– Что случилось?

– Казангап умер.

Слушая жену, Буранный Едигей, так прозывался он в округе, прослужив на разъезде Боранлы-Буранный от тех дней ещё, как вернулся с войны, сумрачно сидел на приставной лавке, положив тяжёлые, как коряги, руки на колени. Козырёк железнодорожной фуражки, изрядно замасленной и потрёпанной, затенял его глаза. О чём он думал?

– Что будем делать теперь? – промолвила жена.

Едигей поднял голову, глянул на неё с горькой усмешкой.

– Что будем делать? А что делают в таких случаях! Хоронить будем. – Он привстал с места, как человек, уже принявший решение.

Мудрый был мужик Казангап. Есть о чём вспомнить. И вдруг понял Едигей с совершенной ясностью и острым приступом нахлынувшей горечи, что отныне остаётся только вспоминать...

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток... По сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие пустынные пространства – Сары-Озеки, Серединные земли жёлтых степей.

В этих краях любые расстояния измерялись применительно к железной дороге, как от Гринвичского меридиана.

А поезда шли с востока на запад и с запада на восток. От разъезда Боранлы-Буранный до родового найманского кладбища Ана-Бейит было по меньшей мере километров тридцать в сторону от железной дороги, и то при условии, если путь держать напрямик, наугад по сарозекам. Если же не рисковать, чтобы не заплутаться, случаем, в степи, то лучше ехать обычной колеёй, что всё время сопутствует железной дороге, но тогда расстояние до кладбища ещё больше увеличится. Придётся делать добрый крюк до поворота от Кыйсыксайской пади на Ана-Бейит. Иного выхода нет. Вот и получается в лучшем случае тридцать вёрст в один конец да столько же в другой. Но, кроме самого Едигея, никто из нынешних боранлинцев толком и не знал, как туда добираться, хотя слышать слышали о том старинном Бейите, о котором рассказывали всякие истории, то ли были, то ли небылицы, но самим пока не доводилось туда наезжать. Нужды такой не возникало. За многие годы это был первый случай в Боранлы-Буранном, придорожном посёлочке из восьми домов, когда умер человек и предстояли похороны. Едигей, однако, настоял на своём.

– Хоронить такого человека будем на Ана-Бейите, там, где предки лежат. Там, где завещал сам покойный. Давайте от слов к делу перейдём, готовиться будем. Путь предстоит не близкий. Завтра с утра пораньше двинемся.

Все понимали – Едигей имел право принять решение. На том и согласились. Правда, Сабитжан пробовал было возразить. Подоспел он в тот день попутным товарняком, пассажирские поезда здесь не задерживались. И то, что прибыл на похороны отца, хотя и не знал, жив ещё тот или нет, уже одно это растрогало и даже обрадовало Едигея. И были минуты, когда они обнялись и плакали, объединённые общим горем и печалью. Едигей потом удивлялся себе. Прижимая Сабитжана к груди и плача, он не мог совладать с собою, все говорил, всхлипывая. «Хорошо, что ты приехал, родимый, хорошо, что ты приехал!» – точно бы его приезд мог воскресить Казангапа. И чего Едигей так расплакался, сам не мог понять, никогда с ним такого не случалось. Долго они плакали во дворе, у дверей осиротевшей мазанки казангаповской. Что-то подействовало на Едигея. Вспомнилось, что Сабитжан вырос у него на глазах, мальчонкой был, любимцем отца был, возили его учиться в кумбельскую школу-интернат для детей железнодорожников, как выпадало свободное время, наезжали проведать – то попутным составом, то верхами на верблюдах. Как он там, в общежитии, не обидел ли кто, не натворил ли дел каких недозволенных, да как учится, да что говорят о нем учителя... А на каникулах сколько раз, укутав в шубу, везли верхами по снежным сарозекам, в мороз да вьюгу, чтобы только не опоздал на занятия.

Эх, безвозвратные дни! И всё это ушло, уплыло, как сон. И вот теперь стоит взрослый человек, лишь отдалённо напоминающий того, каким он был в детстве – пучеглазый и улыбчивый, а теперь в очках, в широкополой приплющенной шляпе,

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

при галстуке. Работает теперь в областном городе и очень хочет казаться значительным, большим работником, а жизнь штука коварная, не так-то просто выйти в начальники, как сам он не раз жаловался, если нет поддержки хорошей да знакомства или родства, а кто он – сын какого-то Казангапа с какого-то разъезда Боранлы-Буранного. Вот несчастный-то! Но теперь и такого отца нет, самый никудышный отец, да живой, в тысячу раз лучше прославленного мёртвого, но теперь и такого нет.

А потом слёзы унялись. Перешли к разговорам, к делу. И тут обнаружилось, что сынок-то милый, всезнающий, не хоронить приехал отца, а только отделаться, прикопать как-нибудь и побыстрей уехать. Стал он мысли такие высказывать – к чему, мол, тащиться в эдакую даль на Ана-Бейит, вокруг вон сколько простора – безлюдная степь Сары-Озек от самого порога и до самого края света. Можно же вырыть могилу где-нибудь неподалёку, на пригорочке каком, сбоку железнодорожной линии, пусть лежит себе старый обходчик да слышит, как поезда бегут по перегону, на котором он проработал всю свою жизнь. Припомнил даже к случаю поговорку давнишнюю: избавление от мёртвого в погребении скором. К чему тянуть, зачем мудрить, не всё ли равно, где быть зарытым, в деле таком чем быстрей, тем лучше.

Рассуждал он таким образом, а сам вроде бы оправдывался, что дела у него срочные да важные ждут на работе и времени в обрез, известное дело, начальству какая забота, далеко ли, близко ли здесь кладбище, велено явиться на службу в такой-то день, в такой-то час, и всё тут. Начальство есть начальство, и город есть город.

Едигей выругал себя в душе старым дураком. Стыдно и жаль стало, что плакал навзрыд, растроганный появлением этого типа, пусть и сына покойного Казангапа. Едигей поднялся с места, сидели они человек пять на старых шпалах, приспособленных вместо скамеек у стены, и ему пришлось собрать немало сил своих, чтобы только сдержаться, не наговорить при людях в такой день чего обидного, оскорбительного. Пощадил память Казангапа. Сказал только:

– Места-то вокруг полно, конечно, сколько хочешь. Только почему-то люди не закапывают своих близких где попало. Неспроста, должно быть. А иначе земли, что ли, жалко кому? – И замолчал, и его молча слушали боранлинцы. – Решайте, думайте, а я пойду узнаю, как там дела.

И пошёл с потемневшим, неприязненным лицом подальше от греха. Брови его сошлись на переносице. Крут он был, горяч – Буранным прозвали ещё и за то, что характером был тому под стать. Вот и сейчас, будь они наедине с Сабитжаном, высказал бы в бесстыжие глаза всё, что тот заслуживал. Да так, чтобы запомнил на всю жизнь! Но не хотелось в бабьи разговоры лезть. Женщины вот шушукаются, возмущаются – приехал, мол, сынок хоронить отца как в гости. С пустыми руками в карманах. Хоть бы пачку чая привёз, не говоря уж о другом. Да и жена, сноха-то городская, могла бы уважить, приехать, поплакать и попричитать, как заведено. Ни стыда, ни совести. Когда старик был жив да при достатке – пара дойных верблюдиц, овец с ягнятами полтора десятка, – тогда он был хорош. Тогда она наезжала, пока не добилась, чтобы всё было продано. Увезла старика вроде к себе, а сами понакупили мебели да машину заодно, а потом и старик оказался ненужным. Теперь и носа не кажет.

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

Хотели было женщины шум поднять, да Едигей не позволил. Не смейте, говорит, и рта раскрывать в такой день, и не наше это дело, пусть сами разбираются...

Он зашагал к загону, возле которого стоял на привязи, изредка, но сердито покрикивая, пригнанный им с выпаса Буранный Каранар. Если не считать того, что раза два приходил Каранар с гуртом воды напиться из колодца у водокачки, то почти целую неделю днями и ночами гулял он на полной свободе. От рук отбился, злодей, и вот теперь выражал своё недовольство – свирепо разевая зубатую пасть, вопил время от времени: старая история – снова неволя, а к ней надо привыкать.

Едигей подошёл к нему раздосадованный после разговора с Сабитжаном, хотя заранее знал, что так оно и будет. Получалось – Сабитжан делал им одолжение, присутствуя на похоронах собственного отца. Для него это обуза, от которой надо суметь побыстрей отвязаться. Не стал Едигей тратить лишних слов, не стоило того, поскольку так и так приходилось делать всё самому, да вот и соседи не остались в стороне. Все, кто не был занят на линии, помогали в приготовлениях к завтрашним похоронам и поминкам. Женщины посуду собирали по домам, самовары надраивали, тесто месили и уже начали хлебы печь, мужчины носили воду, распиливали на дрова отслужившие свой срок старые шпалы – топливо в голой степи всегда первейшая надобность, как и вода. И только Сабитжан мельтешился тут, отвлекая от дел, разглагольствовал о том о сём, кто на какой должности в области, кого сняли с работы, кого повысили. А то, что жена его не приехала хоронить свёкра, это его нисколько не смущало.

Чудно, ей-богу! У неё, видите ли, какая-то конференция, а на ней должны присутствовать какие-то зарубежные гости. А о внуках и речи нет. Они там борются за успеваемость и посещаемость, чтобы аттестат получить в лучшем виде для поступления в институт. «Что за люди пошли, что за народ! – негодовал в душе Едигей. – Для них всё важно на свете, кроме смерти!» И это не давало ему покоя: «Если смерть для них ничто, то, выходит, и жизнь цены не имеет. В чём же смысл, для чего и как они живут там?»

Едигей в сердцах накричал на Каранара:

– Ты чего орёшь, крокодил? Ты чего орёшь в небо, как будто там тебя сам бог слышит? – Крокодилом обзывал Едигей своего верблюда в самых крайних случаях, когда уж совсем выходил из себя. Это приезжие путейцы придумали Буранному Каранару такую кличку за зубатую пасть его и злой норов. – Ты у меня докричишься, крокодил, я тебе все зубы пообломаю!

Надо было соорудить седло на верблюде, и, приступая к делу, Едигей понемногу отошёл, смягчился. Залюбовался. Красив и могуч был Буранный Каранар. До головы рукой не дотянешься, хотя Едигей был росту достаточного. Едигей изловчился, пригнул верблюду шею и, постукивая кнутовищем по мозолистым коленям, внушая строгим голосом, осадил его. Громко протестуя, верблюд всё же подчинился воле хозяина, и, когда наконец, сложив под себя ноги, он прилёг грудью на землю и успокоился, Едигей принялся за дело.

Оседлать верблюда по-настоящему – это большая работа, всё равно что дом построить. Седло сооружается каждый раз заново, сноровка должна быть, да и силы немалые, тем более если седлаешь такого громадного верблюда, как Каранар.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Каранаром, то есть Чёрным наром, он прозывался неспроста. Чёрная патлатая голова с чёрной, росшей до загривка мощной бородой, шея понизу вся в чёрных космах, свисающих до коленей густой дикой гривой – главное украшение самца, – пара упругих горбов, возвышающихся, как чёрные башни, на спине. И в завершение всего – чёрный кончик куцего хвоста. А всё остальное – верх шеи, грудь, бока, ноги, живот – было светлое, светло-каштановой масти. Тем и пригож был Буранный Каранар, тем и славен – и статью и мастью. И сам он в ту пору находился в самой атановской зрелости – третий десяток шёл Каранару от роду. Верблюды долго живут.

Едигей знал толк в этом деле – содержал Буранного Каранара всегда в справности. Первый признак здоровья и силы – чёрные горбы на нём торчали как чугунные. Когда-то Казангап подарил ему верблюжонка ещё молочным, махоньким, пушистым, как утёнок, в те годы первоначальные, когда вернулся Едигей с войны да обосновался на разъезде Боранлы-Буранном. А сам Едигей молодой был ещё – куда там! Знать не знал, что пребудет здесь до стариковских седин. Иной раз глянет на те фотографии и сам не верит себе. Здорово изменился – сивым стал. Даже брови и те побелели. В лице, конечно, изменился. А телом не потяжелел, как бывает в таком возрасте. Как-то само по себе получилось – вначале усы отрастил, потом бороду. А теперь вроде никак без бороды, всё равно что голым ходить. Целая история минула, можно сказать, с тех пор.

Вот и сейчас, осёдлывая Каранара, лежащего на земле, приструнивал его то голосом, то намахом руки, когда тот нет-нет да и огрызался, рявкая, как лев, подворачивая чёрную патлатую голову на длиннющей шее, Едигей между делом припоминал сегодня, что было да как было в те годы. И отходил душой.

Долго он возился, всё укладывал, отлаживал сбрую. В этот раз, прежде чем устроить седло, он накрыл Каранара лучшей выездной попоной старинной работы, с разноцветными длинными кистями, с ковровыми узорами. Уж и не помнил, когда в последний раз украшал он Каранара этой редкой сбруей, ревниво сберегаемой Укубалой. Выпал теперь такой случай.

Когда Буранный Каранар был осёдлан, Едигей заставил его подняться на ноги и остался очень доволен. И даже возгордился своей работой. Каранар выглядел внушительно и величественно, украшенный попоной с кистями и мастерски сооружённым седлом между горбами. Нет, пусть полюбуются молодые, особенно Сабитжан, пусть поймут: похороны достойно прожившего человека не обуза, не помеха, а великое, пусть и горестное событие и тому должны быть свои подобающие почести. У одних играют музыку, выносят знамёна, у других палят в воздух, у третьих цветами путь устилают и венки несут. А он, Буранный Едигей, завтра с утра возглавит верхом на Каранаре, убранном попоной с кистями, путь на Ана-Бейит, провожая Казангапа к его последнему и вечному приюту. И всю дорогу Едигей будет думать о нём, пересекая великие и пустынные сарозеки. И с мыслями о нём предаст его земле на родовом кладбище, как и был у них о том уговор. Да, был такой уговор. Далеко ли, близко ли путь держать, но никто не разубедит его в том, что нужно выполнить волю Казангапа, даже родной сын покойного.

Пусть все знают, что быть посему, и для этой цели его Каранар готов – осёдлан и обряжен сбруей. Пусть все видят. Едигей повёл Каранара на поводу от загона вокруг

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

всех домов и поставил на привязь возле казангаповской мазанки. Пусть все видят. Не может он, Буранный Едигей, не сдержать своего слова. Только напрасно он это доказывал. Пока Едигей занимался сбруей, Длинный Эдильбай, улучив момент, отозвал Сабитжана в сторону:

– Пошли-ка в тенёк потолкуем.

Там у них разговор состоялся недолгий. Эдильбай не стал уговаривать, высказался напрямик:

– Ты вот что, Сабитжан, возблагодари бога, что есть такой Буранный Едигей на свете, друг твоего отца. И не мешай нам похоронить человека как положено. А спешишь, мы тебя не держим. Я за тебя брошу лишнюю горсть земли!

– Это мой отец, и я сам знаю...– начал было Сабитжан, но Эдильбай перебил его на полуслове:

– Отец-то твой, да только вот ты сам не свой.

– Ну ты скажешь, – пошёл на попятную Сабитжан. – Ладно, давай не будем в такой день. Пусть будет Ана-Бейит, какая разница, просто я думал – далековато.

На том разговор их закончился. И когда Едигей, поставив Каранара всем напоказ, вернулся и сказал боранлинцам: «Да бросьте вы неджигитские речи. Хоронить такого человека будем на Ана-Бейите...» – то никто не возразил, все молча согласились.

Прислушиваясь к проходящим через разъезд поездам, Едигей по какой-то странной аналогии вспомнил штормы Аральского моря, на берегу которого родился, вырос и жил до войны. Казангап ведь тоже был аральский казах. Оттого и сблизились они, оказавшись на железной дороге, и часто тосковали в сарозеках о своём море, а незадолго до смерти Казангапа весной съездили вдвоём на Арал, оказывается, старик прощаться ездил с морем. Но лучше бы не ездили. Расстройство одно. Море-то ушло, оказывается. Исчезает, высыхает Арал. Километров десять ехали по прежнему дну, по голому суглинку, пока добрались до края воды. И тут Казангап сказал: «Сколько стоит земля – стояло Аральское море. Теперь и оно усыхает, что уж тут говорить о человеческой жизни». И ещё он сказал тогда: «Ты меня схорони на Ана-Бейите, Едигей. А с морем я вижусь последний раз!»

Буранный Едигей вытер рукавом набежавшую слезу, прокашлялся, чтобы в горле не оставалось жалобной хрипоты, и пошёл в казангаповскую мазанку, где сидели, соблюдая траур, Айзада, Укубала и с ними другие женщины. Боранлинские женщины приходили сюда то одна, то другая между делом, чтобы побыть вдвоём да подсобить в чём, если потребуется.

Проходя мимо загона, Едигей приостановился на минуту возле коряги, вкопанной в землю, у которой стоял наготове осёдланный и обряженный в попону с кистями Буранный Каранар. При лунном свете верблюд казался огромным, могучим, невозмутимым, как слон. Едигей не удержался, похлопал его по боку.

– Ну и здоров же ты!

Уже у самого порога вспомнил Едигей почему-то, даже сам не понимая отчего, вчерашнюю ночь. Как прибегала к железной дороге степная лисица, как он не посмел, передумал кинуть в неё камнем и как потом, когда пошёл домой, стартовал с космодрома вдали огненный корабль в чёрную бездну...

RESPUBLIKA TALIMI MARKAZI

Давайте обсудим

1. Почему предание забвению традиций и своей истории может привести к потере человечности?
2. Какой выбор стоит перед каждым поколением: помнить или забывать? Какими могут быть последствия?
3. Как путь Едигея к кладбищу Ана-Бейит превращается в путь памяти и размышлений о жизни?
4. Какие традиции и обычаи показаны в сцене похорон? Каково их значение для сохранения народной памяти?

Практическое задание

Составьте ассоциативную (ментальную) карту к образу Казангапа и понятию «память» (с краткими пояснениями).

Давайте поговорим

1. Что для человека значит память о своём прошлом и предках? Можно ли жить без неё?
2. Как вы понимаете финальную мысль автора о том, что «манкурт не знает, кто он есть»? Какие художественные приемы помогают Айтматову передать ужас этого состояния?

У кладбища Ана-Бейит была своя история. Предание начиналось с того, что жуаньжуаны, захватившие сарозеки в прошлые века, исключительно жестоко обращались с пленными воинами. При случае они продавали их в рабство в соседние края, и это считалось счастливым исходом для пленного, ибо проданный раб рано или поздно мог бежать на родину. Чудовищная участь ждала тех, кого жуаньжуаны оставляли у себя в рабстве. Они уничтожали память раба страшной пыткой – надеванием на голову жертвы шири. Обычно эта участь постигала молодых парней, захваченных в боях. Сначала им начисто обривали головы, тщательно выскабливали каждую волосинку под корень. К тому времени, когда заканчивалось бритье головы, опытные убойщики-жуаньжуаны забивали поблизости матерого верблюда. Освежевывая верблюжью шкуру, первым долгом отделяли её наиболее тяжёлую, плотную выйную часть. Поделив выю на куски, её тут же в парном виде напяливали на обритые головы пленных вмиг прилипающими пластырями – наподобие современных плавательных шапочек. Это и означало надеть шири. Тот, кто подвергался такой процедуре, либо умирал, не выдержав пытки, либо лишался на всю жизнь памяти, превращался в манкурта – раба, не помнящего своего прошлого. Выйной шкуры одного верблюда хватало на пять-шесть шири. После надевания шири каждого

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

обречённого заковывали деревянной шейной колодой, чтобы испытуемый не мог прикоснуться головой к земле. В этом виде их отвозили подальше от людных мест, чтобы не доносились понапрасну их душераздирающие крики, и бросали там в открытом поле, со связанными руками и ногами, на солнцепёке, без воды и без пищи. Пытка длилась несколько суток. Лишь усиленные дозоры стерегли в определённых местах подходы на тот случай, если соплеменники пленённых попытались бы выручить их, пока они живы. Но такие попытки предпринимались крайне редко, ибо в открытой степи всегда заметны любые передвижения. И если впоследствии доходил слух, что такой-то превращён жуаньжуанами в манкурта, то даже самые близкие люди не стремились спасти или выкупить его, ибо это значило вернуть себе чучело прежнего человека. И лишь одна мать найманская, оставшаяся в предании под именем Найман-Ана, не примирилась с подобной участью сына.

Об этом рассказывает сарозекская легенда. И отсюда название кладбища Ана-Бейит – Материнский упокой. Брошенные в поле на мучительную пытку в большинстве своём погибали под сарозекским солнцем. В живых оставались один или два манкурта из пяти-шести. Погибали они не от голода и даже не от жажды, а от невыносимых, нечеловеческих мук, причиняемых усыхающей, сжимающейся на голове сыромятной верблюжьей кожей. Неумолимо сокращаясь под лучами палящего солнца, шири стискивало, сжимало бритую голову раба подобно железному обручу. Уже на вторые сутки начинали прорастать обритые волосы мучеников. Жёсткие и прямые азиатские волосы иной раз врастали в сыромятную кожу, в большинстве случаев, не находя выхода, волосы загибались и снова уходили концами в кожу головы, причиняя ещё большие страдания. Последние испытания сопровождались полным помутнением рассудка. Лишь на пятые сутки жуаньжуаны приходили проверить, выжил ли кто из пленных. Если заставали в живых хотя бы одного из замученных, то считалось, что цель достигнута. Такого поили водой, освобождали от оков и со временем возвращали ему силу, поднимали на ноги. Это и был раб-манкурт, насильно лишённый памяти и потому весьма ценный, стоивший десяти здоровых невольников. Существовало даже правило – в случае убийства раба-манкурта в междоусобных столкновениях выкуп за такой ущерб устанавливался в три раза выше, чем за жизнь свободного соплеменника.

Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери – одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом. Лишённый понимания собственного «я», манкурт с хозяйственной точки зрения обладал целым рядом преимуществ. Он был равнозначен бессловесной твари и потому абсолютно покорен и безопасен. Он никогда не помышлял о бегстве. Для любого рабовладельца самое страшное – восстание раба. Каждый раб потенциально мятежник. Манкурт был единственным в своём роде исключением – ему в корне чужды были побуждения к бунту, неповиновению. Он не ведал таких страстей. И поэтому не было необходимости стеречь его, держать охрану и тем более подозревать в тайных замыслах. Манкурт, как собака, признавал только своих хозяев. С другими он не вступал в общение. Все его помыслы сводились к утолению чрева. Других забот он не знал. Зато порученное дело исполнял слепо, усердно, неуклонно.

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

Манкуртов обычно заставляли делать наиболее грязную, тяжкую работу или же приставляли их к самым нудным, тягостным занятиям, требующим тупого терпения. Только манкурт мог выдерживать в одиночестве бесконечную глушь и безлюдье сарозеков, находясь неотлучно при отгонном верблюжьем стаде. Он один на таком удалении заменял множество работников. Надо было всего-то снабжать его пищей – и тогда он бессменно пребывал при деле зимой и летом, не тяготясь одичанием и не сетуя на лишения. Повеление хозяина для манкурта было превыше всего. Для себя же, кроме еды и обносков, чтобы только не замёрзнуть в степи, он ничего не требовал...

Куда легче снять пленному голову или причинить любой другой вред для устрашения духа, нежели отбить человеку память, разрушить в нём разум, вырвать корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других. Но кочевые жуаньжуаны, вынесшие из своей кромешной истории самый жестокий вид варварства, посягнули и на эту сокровенную суть человека. Они нашли способ отнимать у рабов их живую память, нанося тем самым человеческой натуре самое тяжкое из всех мыслимых и немыслимых злодеяний. Не случайно ведь, причитая по сыну, превращённому в манкурта, Найман-Ана сказала в исступлённом горе и отчаянии:

«Когда память твою отторгли, когда голову твою, дитя моё, ужимали, как орех клещами, стягивая череп медленным воротом усыхающей кожи верблюжьей, когда обруч невидимый на голову насадили так, что глаза твои из глазниц выпирали, налитые сукровицей страха, когда на бездымном костре сарозеков предсмертная жажда тебя истязала и не было капли, чтобы с неба на губы упала, – стало ли солнце, всем дарующее жизнь, для тебя ненавистным, ослепшим светилом, самым чёрным среди всех светил в мире? Когда, раздираемый болью, твой вопль истошно стоял средь пустыни, когда ты орал и метался, взывая к богу днями, ночами, когда ты помощи ждал от напрасного неба, когда, задыхаясь в блевотине, исторгаемой муками плоти, и корчась в мерзком дерьме, истекавшем из тела, перекрученного в судорогах, когда угасал ты в зловонии том, теряя рассудок, съедаемый тучей мушиной, проклял ли ты из последних сил бога, что сотворил всех нас в покинутом им самим мире?

Когда сумрак затмения застилал навсегда изувеченный пытками разум, когда память твоя, разъятая силой, неотвратимо теряла сцепления прошлого, когда забывал ты в диких метаниях взгляд матери, шум речки подле горы, где играл ты летними днями, когда имя своё и имя отца ты утратил в сокрушённом сознании, когда лики людей, среди которых ты вырос, померкли и имя девицы померкло, что тебе улыбалась стыдливо, – разве не проклял ты, падая в бездну беспамятства, мать свою страшным проклятьем за то, что посмела зачать тебя в чреве и родить на свет божий для этого дня?..»

История эта относилась к тем временам, когда, вытесненные из южных пределов кочевой Азии, жуаньжуаны хлынули на север и, надолго завладев сарозеками, вели непрерывные войны с целью расширения владений и захвата рабов. На первых порах, пользуясь внезапностью нашествия, в прилегающих к сарозекам землях они взяли много пленных, в том числе женщин и детей. Всех их погнали в рабство.

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН МАРКАЗ

Но сопротивление чужеземному нашествию возросло. Начались ожесточённые столкновения. Жуаньжуаны не собирались уходить из сарозеков, а, напротив, стремились прочно утвердиться в этих обширных для степного скотоводства краях. Местные же племена не примирялись с такой утратой и считали своим правом и долгом рано или поздно изгнать захватчиков. Как бы то ни было, большие и малые сражения шли с переменным успехом. Но и в этих изнурительных войнах были моменты затишья.

В одно из таких затиший купцы, пришедшие с караваном товаров в найманские земли, рассказывали, сидя за чаем, как минули они сарозекские степи без особых помех у колодцев со стороны жуаньжуанов, и упомянули о том, что встретили в сарозеках одного молодого пастуха при большом верблюжьем стаде. Купцы стали с ним разговор вести, а он оказался манкуртом. С виду здоровый, и не подумаешь никак, что такое с ним сотворено. Наверно, не хуже других был когда-то и речист и понятлив, и сам совсем молодой ещё, только-только усы пробиваются, и обличьем недурён, а обмолвишься словом – вроде как вчера народился на свет, не помнит, бедняга, не знает имени своего, ни отца, ни матери, ни того, что с ним сделали жуаньжуаны, откуда сам родом, тоже не знает. О чём ни спросишь, молчит, ответит только «да», «нет», и всё время за шапку держится, плотно надетую на голову. Хотя и грешно, но и над увечьем люди смеются. При этих словах посмеялись над тем, что, оказывается, бывают такие манкурты, у которых верблюжья кожа местами навсегда прирастает к голове. Для такого манкурта хуже любой казни, если припугнуть: давай, мол, отпарим твою голову. Будет биться, как дикая лошадь, но к голове не даст притронуться. Такие шапку не снимают ни днём, ни ночью, в шапке спят... И, однако, продолжали гости, дурак дураком, но дело своё манкурт соблюдал – зорко следил, пока караванщики не удалились достаточно от того места, где бродило его стадо верблюдов. А один погонщик решил разыграть на прощание того манкурта:

– Путь далёкий у нас впереди. Кому привет передать, какой красавице, в какой стороне? Говори, не скрывай. Слышишь? Может, платок передать от тебя?

Манкурт долго молчал, глядя на погонщика, а потом проронил:

– Я каждый день смотрю на луну, а она на меня. Но мы не слышим друг друга. Там кто-то сидит.

При том разговоре присутствовала в юрте женщина, разливавшая чай купцам. То была Найман-Ана. Под этим именем осталась она в сарозекской легенде. Найман-Ана виду не подала при заезжих гостях. Никто не заметил, как странно поразила её вдруг эта весть, как изменилась она в лице. Ей хотелось поподробней порасспросить купцов о том молодом манкурте, но именно этого она испугалась – узнать больше, чем было сказано. И сумела промолчать, задавила в себе возникшую тревогу, как вскрикнувшую раненую птицу. Тем временем разговор в кругу зашёл о чём-то другом, никому уже дела не было до несчастного манкурта, мало ли какие случаи бывают в жизни, а Найман-Ана всё пыталась сладить со страхом, охватившим её, унять дрожь в руках, словно бы она действительно придушила ту вскрикнувшую птицу в себе, и только пониже опустила на лицо чёрный траурный платок, давно уже ставший привычным на её поседевшей голове.

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

Караван торговцев вскоре ушёл своей дорогой. И в ту бессонную ночь Найман-Ана поняла, что не будет ей покоя, пока не разыщет в сарозеках того пастуха-манкурта и не убедится, что то не её сын. Тягостная, страшная мысль эта вновь оживила в материнском сердце давно уже затаившееся в смутном предчувствии сомнение, что сын лёг на поле брани. И лучше, конечно, было дважды похоронить его, чем так терзаться, испытывая неотступный страх, неотступную боль, неотступное сомнение.

Её сын был убит в одном из сражений с жуаньжуанами в сарозекской стороне. Муж погиб годом раньше. Известный, прославленный был человек среди найманов. Потом сын отправился с первым походом, чтобы отомстить за отца.

Убитых не полагалось оставлять на поле боя. Сородичи обязаны были привезти его тело. Но сделать это оказалось невозможно. Многие в той большой схватке видели, когда сошлись с врагом вплотную, как он упал, сын её, на гриву коня и конь, горячий и напуганный шумом битвы, понёс его прочь. И тогда он свалился с седла, но нога застряла в стремени, и он повис замертво сбоку коня, а конь, обезумевший от этого ещё больше, поволок на всём скаку его бездыханное тело в степь. Как назло, лошадь пустилась бежать во вражескую сторону. Несмотря на жаркий, кровопролитный бой, где каждый должен был быть в сражении, двое соплеменников кинулись вдогонку, чтобы вовремя перехватить понёсшего коня и подобрать тело погибшего. Однако из отряда жуаньжуанов, находившегося в засаде в овраге, несколько верховых косоплётов с криками кинулись наперерез. Один из найманов был убит с ходу стрелой, а другой, тяжело раненный, повернул назад и, едва успел прискакать в свои ряды, здесь рухнул наземь. Случай этот помог найманам вовремя обнаружить в засаде отряд жуаньжуанов, который готовился нанести удар с фланга в самый решающий момент. Найманы спешно отступили, чтобы перегруппироваться и снова ринуться в бой. И, конечно, никому уже не было дела до того, что сталось с их молодым ратником, с сыном Найман-Аны... Раненый найман, тот, что успел прискакать к своим, рассказывал потом, что, когда они ринулись за ним вослед, конь, поволочивший её сына, быстро скрылся из виду в неизвестном направлении.

Несколько дней подряд выезжали найманы на поиски тела. Но ни самого погибшего, ни его лошади, ни его оружия, никаких иных следов обнаружить не смогли. В том, что он погиб, ни у кого не оставалось сомнений. Даже будучи раненным, за эти дни он умер бы в степи от жажды или истёк бы кровью.

Погоревали, попричитали, что их молодой сородич остался непогребённым в безлюдных сарозеках. То был позор для всех. Женщины, голосившие в юрте Найман-Аны, упрекали своих мужей и братьев, причитая:

– Расклевали его стервятники, растащили его шакалы. Как же смеете вы после этого ходить в мужских шапках на головах!..

И потянулись для Найман-Аны пустые дни на опустевшей земле. Она понимала, на войне люди гибнут, но мысли о том, что сын остался брошенным на поле брани, что тело его не предано земле, не давали ей мира и покоя. Терзалась мать горькими, неиссякающими думами. И некому было их высказать, чтобы облегчить горе, и не к кому было обратиться, кроме как к самому Богу.

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

Чтобы запретить себе думать об этом, она должна была убедиться собственными глазами в том, что сын был мёртв. Кто тогда стал бы оспаривать волю судьбы? Больше всего смущало её, что пропал бесследно конь сына. Конь не был сражён, конь в испуге бежал. Как всякая табунная лошадь, рано или поздно конь должен был вернуться к родным местам и притащить за собой труп всадника на стремени. И тогда, как ни страшно то было бы, искричалась, исплакалась, навылась бы она над останками и, раздирая лицо ногтями, всё сказала бы о себе, горемычной и распроклятой, так, чтобы тошно стало богу на небе, если только понятлив он к иносказаниям. Но зато никаких сомнений не держала бы в душе и к смерти готовилась бы с холодным рассудком, ожидая её в любой час, не цепляясь, не задерживаясь даже мысленно, чтобы продлить свою жизнь. Но тело сына так и не нашли, а лошадь не вернулась. Сомнения мучили мать, хотя соплеменники начали постепенно забывать об этом, ибо все утраты со временем притупляются и подлежат забвению. И только она, мать, не могла успокоиться и забыть. Мысли её кружились всё по тому же кругу. Что приключилось с лошадью, где остались сбруя, оружие – по ним хотя бы косвенно можно было бы установить, что сталось с сыном. Ведь могло случиться и так, что коня перехватили жуаньжуаны где-нибудь в сарозеках, когда он уже выбился из сил и дал себя поймать. Лишняя лошадь с доброй сбруей тоже добыча. Как же они поступили тогда с её сыном, волочившимся на стремени, – зарыли в землю или бросили на растерзание степному зверью? А что, если вдруг он был жив, ещё жив каким-то чудом? Добили ли они его и тем оборвали его муки, или бросили издыхать в чистом поле, или же?.. А вдруг?..

Конца не было сомнениям. И когда заезжие купцы обмолвились за чаепитием о молодом манкурте, повстречавшемся им в сарозеках, не подозревали они, что тем самым бросили искорку в изболевшую душу Найман-Аны. Сердце её захолонуло в тревожном предчувствии. И мысль, что то мог оказаться её пропавший сын, всё больше, всё настойчивей, все сильней завладевала её умом и сердцем. Мать поняла, что не успокоится, пока, разыскав и увидев того манкурта, не убедится, что то не сын её.

В тех полустепных предгорьях на летних стоянках найманов протекали небольшие каменистые речки. Всю ночь прислушивалась Найман-Ана к журчанию проточной воды. О чём говорила ей вода, так мало созвучная её смятенному духу? Успокоения хотелось. Наслушаться, насытиться звуками бегущей влаги, перед тем как двинуться в глухое безмолвие сарозеков. Мать знала, как опасно и рискованно отправляться в сарозеки в одиночку, но не желала посвящать кого бы то ни было в задуманное дело. Никто бы этого не понял. Даже самые близкие не одобрили бы её намерений. Как можно пуститься на поиски давно убитого сына? И если по какой-то случайности он остался жив и обращён в манкурта, то тем более бессмысленно разыскивать его, понапрасну надрывать сердце, ибо манкурт всего лишь внешняя оболочка, чучело прежнего человека...

Той ночью накануне выезда несколько раз выходила она из юрты. Долго всматривалась, вслушивалась, старалась сосредоточиться, собраться с мыслями. Полуночная луна стояла высоко над головой в безоблачном небе, обливая землю ровным молочно-бледным светом. Множество белых юрт, раскиданных в разных

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН МАНКУРТ

местах по подножиям увалов, были похожи на стаи крупных птиц, заночевавших здесь, у берегов шумливых речушек. Рядом с аулом, там, где располагались овечьи загоны, и дальше, в логах, где паслись табуны лошадей, слышались собачий лай и невнятные голоса людей. Но больше всего трогали Найман-Ану переклички поющих девушек, бодрствующих у загонов с ближнего края аула. Сама когда-то пела эти ночные песни. В этих местах стояли они каждое лето, сколько помнит, как привезли её сюда невестой. Вся жизнь протекла в этих местах: и когда людно было в семье, когда ставили они здесь сразу четыре юрты – одну кухонную, одну гостиную и две жилых, – и потом, после нашествия жуаньжуанов, когда осталась одна.

Теперь и она покидала свою одинокую юрту. Ещё с вечера снарядилась в путь. Запаслась едой и водой. Воды брала побольше. В двух бурдюках везла воду на случай, если не сразу удастся отыскать колодцы в сарозекских местах. Ещё с вечера стояла на приколе поблизости от юрт верблюдица Акмая. Надежда и спутница её. Могла ли она отважиться двинуться в сарозекскую глухомань, если бы не полагалась на силу и быстроту Акмаи! В том году Акмая оставалась яловой, отдыхала после двух родов и была в отличной верховой форме. Сухопарая, с крепкими длинными ногами, с упругими подошвами, ещё не расшлёпанными от непомерных тяжестей и старости, с прочной парой горбов и красиво посаженной на мускулистой шее сухой, ладной головой, с подвижными, как крылья бабочки, лёгкими ноздрями, ухватисто забирающими воздух на ходу, белая верблюдица Акмая стоила целого стада. За такую скороходку в цвете сил давали десятки голов гулевого молодняка, чтобы потомство от неё получилось. То было последнее сокровище, золотая матка в руках Найман-Аны, последняя память её прежнего богатства. Остальное разошлось, как пыль, смытая с рук. Долги, сорокадневные и годовые аши – поминки по погибшим... По сыну, на поиски которого собралась она из предчувствия, от непомерной тоски и горя, тоже уже были справлены недавно последние поминовения при большом стечении народа, всех найманов ближайшей округи. На рассвете Найман-Ана вышла из юрты, уже готовая в путь. Выйдя, остановилась, перешагнув порог, прислонилась к двери, задумалась, окидывая взглядом спящий аул, перед тем как покинуть его. Ещё стройная, ещё сохранившая былую красоту Найман-Ана была подпоясана, как и полагалось в дальнюю дорогу. На ней были сапоги, шаровары, камзол без рукавов поверх платья, на плечах свободно свисающий плащ. Голову она повязала белым платком, стянув концы на затылке. Так решила в своих ночных раздумьях – уж коли надеется увидеть сына в живых, то к чему траур. А если не сбудется надежда, то и потом успеет обернуть голову вечным чёрным платком. Сумеречное утро скрадывало в тот час поседевшие волосы и печать глубоких горестей на лице матери – морщины, глубоко избороздившие печальное чело. Её глаза повлажнели в тот миг, и она тяжело вздохнула. Думала ли, гадала ли, что и такое придётся пережить. Но затем собралась с духом. «Ашвадан ля илла хиль алла», – прошептала она первую строку молитвы («Нет Бога кроме Бога») и с тем решительно направилась к верблюдице, осадила её на подогнутые колени. Огрызаясь привычно для острастки, негромко покрикивая, Акмая неторопливо опустилась грудью на землю. Быстро перекинув перемётные

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

сумки через седло, Найман-Ана взобралась верхом на верблюдицу, понукнула её, и та встала, выпрямляя ноги и вознося сразу хозяйку высоко над землёй. Теперь Акмая поняла – ей предстоит дорога.

Никто в ауле не знал о выезде Найман-Аны и, кроме заспанной свояченицы-прислуги, то и дело широко зевавшей, никто не провожал её в тот час. Ей она ещё с вечера сказала, что поедет к своим торкунам – родственникам по девичеству – погостить и что оттуда, если будут паломники, отправится вместе с ними в кипчакские земли, поклониться храму святого Яссави...

Она выехала пораньше, чтобы никто не докучал расспросами. Удалившись от аула, Найман-Ана повернула в сторону сарозеков, смутная даль которых едва угадывалась в неподвижной пустоте впереди.

Давайте обсудим

1. Почему манкуртов делали именно из пленных? Какую цель преследовали мучители?
2. Каковы главные признаки манкурта? Что именно он теряет?
3. Почему мать Жоламана идёт искать сына, несмотря на опасность?
4. Может ли современный человек быть «манкуртом»? В каком смысле?
5. Какие силы в обществе сегодня «делают людей манкуртами»? Согласны ли вы с этим утверждением?

Творческое задание

Напишите эссе «Легенда о манкурте – предупреждение для современного мира».

Давайте поговорим

1. Может ли человек, забывший своё имя и род, нести ответственность за свои поступки?
2. Как вы думаете, почему Чингиз Айтматов включает древнюю легенду в современный роман?

Уже не первый день, монотонно подвывая на ходу и едва слышно пришаркивая, трусила рысцой белая верблюдица Акмая по логам и равнинам великой сарозекской степи, а хозяйка всё погоняла и понукала её по горячим пустынным землям. Лишь на ночь останавливались они у редкого колодца. А с утра снова поднимались на поиски большого верблюжьего стада, затерявшегося в бесчисленных складках сарозеков. Именно в этой части Серединных земель, неподалёку от протянувшегося

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

на многие километры краснопесчаного обрыва Малакумдычап, повстречали недавно проезжие купцы того пастуха-манкурта, которого теперь разыскивала Найман-Ана. Вот уже второй день кружила она вокруг да около Малакумдычапа, боясь наткнуться на жуаньжуанов, но сколько она ни вглядывалась, сколько ни рыскала, всюду была степь да степь, обманчивые миражи. Однажды уже поддавшись такому видению, проделала большой извилистый путь к воздушному городу с мечетями и крепостными стенами. Может быть, там её сын, на невольничьем рынке? И тогда она могла бы усадить его на Акмаю позади себя, и пусть попробовали бы их догнать. Тягостно было в пустыне, оттого и примерещилось такое.

Конечно, найти человека в сарозеках дело трудное, человек здесь песчинка, но если при нём большое стадо, занимающее на выпасе обширное пространство, то рано или поздно заметишь с краю животное, а потом найдёшь других, а при стаде пастуха. На то и рассчитывала Найман-Ана.

Однако пока нигде ничего не обнаружила. И уже начала опасаться, а не перегнали ли то стадо в другое место или более того – не отправили ли жуаньжуаны этих верблюдов всем гуртом на продажу в Хиву или Бухару. Вернётся ли тогда тот пастух из столь далёких краёв?..

Когда мать выезжала из аула, томимая тоской и сомнениями, об одном только и мечтала – лишь бы увидеть в живых сына, пусть будет он манкурт, кто угодно, пусть не помнит ничего и не соображает, но пусть будет то её сын, живой, просто живой. Разве этого мало! Но, углубляясь в сарозеки, приближаясь к месту, где мог оказаться тот пастух, которого встретили недавно проходившие здесь караваном торговцы, все больше боялась увидеть в сыне умственно изувеченное существо, страх тяготил и угнетал её. И тогда она молила бога, чтобы то был не он, не её сын, а другой несчастный, и готова была беспрекословно примириться с тем, что сына нет и не может быть в живых. А едет она лишь для того, чтобы взглянуть на манкурта и убедиться, что сомнения её напрасны, и, убедившись, вернётся, и перестанет терзаться, и будет доживать свой век, как угодно будет судьбе. Но потом снова поддавалась тоске и желанию отыскать в сарозеках не кого-нибудь, а именно своего сына, что бы то ни значило.

В этом противоборстве чувств она вдруг увидела, перевалив через пологую гряду, многочисленное стадо верблюдов, вольно выпасавшихся по широкому долу. Бурые нагульные верблюды бродили по мелкому кустарнику и зарослям колючек, обгрызая их верхушки. Найман-Ана приударила свою Акмаю, пустилась со всех ног и вначале прямо-таки захлебнулась от радости, что наконец-то отыскала стадо, потом испугалась, озноб прошиб, до того страшно

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

стало, что увидит сейчас сына, превращённого в манкурта. Потом снова обрадовалась и уже не понимала толком, что с ней происходит.

Вот оно пасётся, стадо, но где же пастух? Должен быть где-то здесь. И увидела на другом краю дола человека. Издали не различить было, кто он. Пастух стоял с длинным посохом, держа на поводу позади себя верхового верблюда с поклажей, и спокойно смотрел из-под нахлобученной шапки на её приближение.

И когда приблизилась, когда узнала сына, не помнила Найман-Ана, как скатилась со спины верблюдицы. Показалось ей, что она упала, но до того ли было!

– Сын мой, родной! А я ищу тебя кругом! – Она бросилась к нему как через чащобу, разделявшую их. – Я твоя мать!

И сразу всё поняла и зарыдала, топча землю ногами, горько и страшно, кривя судорожно прыгающие губы, пытаясь остановиться и не в силах справиться с собой. Чтобы устоять на ногах, цепко схватилась за плечо безучастного сына и всё плакала и плакала, оглушённая горем, которое давно нависло и теперь обрушилось, подминая и погребая её. И, плача, всматривалась сквозь слёзы, сквозь налипшие пряди седых мокрых волос, сквозь трясущиеся пальцы, которыми размазывала дорожную грязь по лицу, в знакомые черты сына и всё пыталась поймать его взгляд, всё ещё ожидая, надеясь, что он узнает её, ведь это же так просто – узнать собственную мать!

Но её появление не произвело на него никакого действия, точно бы она пребывала здесь постоянно и каждый день навещала его в степи. Он даже не спросил, кто она и почему плачет. В какой-то момент пастух снял с плеча её руку и пошёл, таща за собой неразлучного верхового верблюда с поклажей, на другой край стада, чтобы взглянуть, не слишком ли далеко убежали затеявшие игру молодые животные.

Найман-Ана осталась на месте, присела на корточки, всхлипывая, зажимая лицо руками, и так сидела, не поднимая головы. Потом собралась с силами, пошла к сыну, стараясь сохранить спокойствие. Сын-манкурт как ни в чём не бывало бессмысленно и равнодушно посмотрел на неё из-под плотно нахлобученной шапки, и что-то вроде слабой улыбки скользнуло по его изможднному, начерно обветренному, огрубевшему лицу. Но глаза, выражая дремучее отсутствие интереса к чему бы то ни было на свете, остались по-прежнему отрешёнными.

– Садись, поговорим, – с тяжёлым вздохом сказала Найман-Ана.

И они сели на землю.

– Ты узнаёшь меня? – спросила мать.

Манкурт отрицательно покачал головой.

– А как тебя звать?

– Манкурт, – ответил он.

– Это тебя теперь так зовут. А прежнее имя своё помнишь? Вспомни своё настоящее имя.

Манкурт молчал. Мать видела, что он пытался вспомнить, на переносице от напряжения выступили крупные капли пота и глаза заволоклись дрожащим туманом. Но перед ним возникла, должно, глухая непроницаемая стена, и он не мог её преодолеть.

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

– А как звали твоего отца? А сам ты кто, откуда родом? Где ты родился, хоть знаешь?

Нет, он ничего не помнил и ничего не знал.

– Что они сделали с тобой! – прошептала мать, и опять губы её запрыгали помимо воли, и, задыхаясь от обиды, гнева и горя, она снова стала всхлипывать, тщетно пытаясь унять себя. Горести матери никак не трогали манкурта.

– Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, – проговорила она вслух, – но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека?! О господи, если ты есть, как внушил ты такое людям? Разве мало зла на земле и без этого?

И тогда сказала она, глядя на сына-манкурта, своё знаменитое прискорбное слово о солнце, о боге, о себе, которое пересказывают знающие люди и поныне, когда речь заходит о сарозекской истории... И тогда она начала свой плач, который и поныне вспоминают знающие люди: «Мен ботасы олген боз мая, тулыбын келип искег». («Я сирая верблюдица, пришедшая вдохнуть запах шкуры верблюжонка, набитого соломой»).

И тогда вырвались из души её причитания, долгие безутешные вопли среди безмолвных бескрайних сарозеков...

Но ничто не трогало сына её, манкурта.

И тогда решила Найман-Ана не расспросами, а внушением попытаться дать ему узнать, кто он есть.

– Твоё имя Жоламан. Ты слышишь? Ты – Жоламан. А отца твоего звали Доненбай. Разве ты не помнишь отца? Ведь он тебя с детства учил стрелять из лука. А я твоя мать. А ты мой сын. Ты из племени найманов, понял? Ты найман...

Всё, что она говорила ему, он выслушал с полным отсутствием интереса к её словам, как будто бы речь шла ни о чём. Так же он слушал, наверно, стрёкот кузнечика в траве. И тогда Найман-Ана спросила сына-манкурта:

– А что было до того, как ты пришёл сюда?

– Ничего не было, – сказал он.

– Ночь была или день?

– Ничего не было, – сказал он.

– С кем ты хотел бы разговаривать?

– С луной. Но мы не слышим друг друга. Там кто-то сидит.

– А что ты ещё хотел бы?

– Косу на голове, как у хозяина.

– Дай я посмотрю, что они сделали с твоей головой, – потянулась Найман-Ана.

Манкурт резко отпрянул, отодвинулся, схватился рукой за шапку и больше не смотрел на мать. Она поняла, что поминать о его голове никогда не следует.

В это время вдали завиднелся человек, едущий на верблюде. Он направлялся к ним.

– Кто это? – спросила Найман-Ана.

– Он везёт мне еду, – ответил сын.

Найман-Ана забеспокоилась. Надо было поскорее скрыться, пока объявившийся

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

некстати жуаньжуан не увидел её. Она осадила свою верблюдицу на землю и взобралась в седло.

– Ты ничего не говори. Я скоро приеду, – сказала Найман-Ана.

Сын не ответил. Ему было всё равно.

Найман-Ана поняла, что совершила ошибку, удаляясь верхом через пасущееся стадо. Но было уже поздно. Жуаньжуан, едущий к стаду, конечно, мог заметить её, восседающую на белой верблюдице. Надо было уходить пешком, прячась между пасущимися животными.

Удалившись изрядно от выпаса, Найман-Ана заехала в глубокий овраг, поросший по краям полынью. Здесь она спешилась, уложив Акмаю на дно оврага. И отсюда стала наблюдать. Да, так оно и оказалось. Углядел-таки. Через некоторое время, погоняя верблюда рысью, показался тот жуаньжуан. Он был вооружён пикой и стрелами. Жуаньжуан был явно озадачен, недоумевал, оглядываясь по сторонам, – куда же девался верховой на белом верблюде, замеченный им издали? Он не знал толком, в каком направлении двинуться. Проскочил в одну сторону, потом в другую. И в последний раз проехал совсем близко от оврага. Хорошо, что Найман-Ана догадалась затянуть платком пасть Акмаи. Не ровен час верблюдица подаст голос. Скрываясь за полынью на краю обрыва, Найман-Ана разглядела жуаньжуана довольно ясно. Он сидел на мохнатом верблюде, озираясь по сторонам, лицо было одутловатое, напряжённое, на голове чёрная шляпа, как лодка, с концами, загнутыми вверх, а сзади болталась, поблёскивая, чёрная, сухая коса, плетённая в два зуба. Жуаньжуан привстал на стременах, держа наготове пику, оглядывался, крутил головой, и глаза его поблёскивали. Это был один из врагов, захвативших сарозеки, угнавших немало народа в рабство и причинивших столько несчастий её семье. Но что могла она, невооружённая женщина, против свирепого воина-жуаньжуана? Но думалось ей о том, какая жизнь, какие события привели этих людей к такой жестокости, дикости – вытравить память раба...

Порыскав взад-вперёд, жуаньжуан вскоре удалился назад к стаду.

Был уже вечер. Солнце закатилось, но зарево ещё долго держалось над степью. Потом разом смерклось. И наступила глухая ночь.

В полном одиночестве Найман-Ана провела ту ночь в степи где-то недалеко от своего горемычного сына-манкурта. Вернуться к нему побоялась. Давешний жуаньжуан мог остаться на ночь при стаде.

И к ней пришло решение не оставлять сына в рабстве, попытаться увезти его с собой. Пусть он манкурт, пусть не понимает что к чему, но лучше пусть он будет у себя дома, среди своих, чем в пастухах у жуаньжуаней в безлюдных сарозеках. Так подсказывала ей материнская душа. Примириться с тем, с чем примирялись другие, она не могла. Не могла она оставить кровь свою в рабстве. А вдруг в родных местах вернётся к нему рассудок, вспомнит вдруг детство.

Наутро Найман-Ана снова села верхом на Акмаю. Дальними, кружными путями долго подбиралась она к стаду, продвинувшемуся за ночь довольно далеко. Обнаружив стадо, долго всматривалась, нет ли кого из жуаньжуаней. И лишь убедившись, что никого нет, они окликнула сына по имени:

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

– Жоламан! Жоламан! Здравствуй!

Сын оглянулся, мать вскрикнула от радости, но тут же поняла, что он отозвался просто на голос.

Снова пыталась Найман-Ана пробудить в сыне отнятую память.

– Вспомни, как тебя зовут, вспомни своё имя! – умоляла и убеждала она. – Твой отец Доненбай, ты разве не знаешь? А твоё имя не Манкурт, а Жоламан. Мы назвали тебя так потому, что ты родился в пути при большом кочевье найманов. И когда ты родился, мы сделали там стоянку на три дня. Три дня был пир.

И хотя всё это на сына-манкурта не произвело никакого впечатления, мать продолжала рассказывать, тщетно надеясь – вдруг что-то мелькнёт в его померкшем сознании. Но она билась в наглухо закрытую дверь. И всё-таки продолжала твердить своё:

– Вспомни, как твоё имя? Твой отец Доненбай!

Потом она накормила, напоила его из своих припасов и стала напевать ему колыбельные песни. Песенки ему очень понравились. Ему приятно было слушать их, и нечто живое, какое-то потепление появилось на его застывшем, задубелом до черноты лице. И тогда мать стала убеждать его покинуть это место, покинуть жуаньжуаней и уехать с ней к своим родным местам. Манкурт не представлял себе, как можно встать и уехать куда-то, – а как же стадо? Нет, хозяин велел всё время быть при стаде. Так сказал хозяин. И он никуда не отлучится от стада... И снова в который раз пыталась Найман-Ана пробиться в глухую дверь сокрушённой памяти и всё твердила:

– Вспомни, ты чей? Как твоё имя? Твой отец Доненбай!

Не заметила мать в напрасном тщании, сколько времени прошло, только спохватилась, когда на краю стада опять появился жуаньжуан на верблюде. В этот раз он оказался гораздо ближе и ехал спешно, погоняя всё быстрее. Найман-Ана не мешкая села на Акмаю. И пустилась прочь. Но с другого края наперерез показался ещё один жуаньжуан на верблюде. Тогда Найман-Ана, разгоняя Акмаю, пошла между ними. Быстроногая белая Акмая вовремя вынесла её вперёд, а жуаньжуаны преследовали сзади, крича и потрясая пиками. Куда им было до Акмаи. Они всё больше отставали, трюхая на своих мохнатых верблюдах, а Акмая, набирая дыхание, неслась по сарозекам с недосягаемой быстротой, унося Найман-Ану от смертельной погони.

Не знала она, однако, что, вернувшись, озлобленные жуаньжуаны стали избивать манкурта. Но какой с него спрос. Только и отвечал:

– Она говорила, что она моя мать.

– Никакая она тебе не мать! У тебя нет матери! Ты знаешь, зачем она приезжала? Ты знаешь? Она хочет содрать твою шапку и отпарить твою голову! – запугивали они несчастного манкурта.

При этих словах манкурт побледнел, серым-серым стало его чёрное лицо. Он втянул шею в плечи и, схватившись за шапку, стал озираться вокруг, как зверь.

– Да ты не бойся! На-ка, держи! – Старший жуаньжуан вложил ему в руки лук со стрелами.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– А ну цельсь! – Младший жуаньжуан подкинул свою шляпу высоко в воздух. Стрела пробила шляпу. – Смотри! – удивился владелец шляпы. – В руке память осталась!

Как птица, вспугнутая с гнезда, кружила Найман-Ана по саровзекским окрестностям. И не знала, как быть, чего ожидать. Угонят ли теперь жуаньжуаны весь гурт и с ним её сына-манкурта в другое место, недоступное для неё, поближе к своей большой орде, или будут подстерегать её, чтобы схватить? Теряясь в догадках, она продвигалась объездами по скрытным местам и высмотрела, очень обрадовалась, когда увидела, что те двое жуаньжуаней покинули стадо. Поехали прочь рядком, не оглядываясь. Найман-Ана долго не спускала с них глаз и, когда они скрылись вдали, решила вернуться к сыну. Теперь она во что бы то ни стало хотела увезти его с собой. Какой он ни есть – не его вина, что судьба так обернулась, что изглумились над ним враги, но в рабстве мать его не оставит. И пусть найманы, увидев, как увечат нашественники пленённых джигитов, как унижают и лишают их разума, пусть возмегодуют и возьмутся за оружие. Не в земле дело. Земли всем хватило бы. Однако жуаньжуанское зло нетерпимо даже для отчуждённого соседства.

С этими мыслями возвращалась Найман-Ана к сыну и всё обдумывала, как его убедить, уговорить бежать этой же ночью.

Уже смеркалось. Над великими саровзеками опускалась, незримо вкрадываясь по логам и долам красноватыми сумерками, ещё одна ночь из бесчисленной череды прошлых и предстоящих ночей. Белая верблюдица Акмая легко и свободно несла свою хозяйку к большому табуну. Лучи угасающего солнца чётко высветляли её фигуру на верблюжьем межгорбье. Настороженная и озабоченная Найман-Ана была бледна и строга. Седина, морщины, думы на челе и в глазах, как те сумерки саровзекские, неизбывная боль... Вот она достигла стада, поехала между пасущимися животными, стала оглядываться, но сына не видно было. Его верховой верблюд с поклажей почему-то свободно пасся, таща за собой повод по земле.

– Жоламан! Сын мой, Жоламан, где ты? – стала звать Найман-Ана.

Никто не появился и не откликнулся.

– Жоламан! Где ты? Это я, твоя мать! Где ты?

И, озираясь по сторонам в беспокойстве, не заметила она, что сын её, манкурт, прячась в тени верблюда, уже изготовился с колена, целясь натянутой на тетиве стрелой. Отсвет солнца мешал ему, и он ждал удобного момента для выстрела.

– Жоламан! Сын мой! – звала Найман-Ана, боясь, что с ним что-то случилось. Повернулась в седле. – Не стреляй! – успела вскрикнуть она и только было понукнула белую верблюдицу Акмаю, чтобы развернуться лицом, но стрела коротко свистнула, вонзаясь в левый бок под руку.

То был смертельный удар. Найман-Ана наклонилась и стала медленно падать, цепляясь за шею верблюдицы. Но прежде упал с головы её белый платок, который превратился в воздухе в птицу и полетел с криком: «Вспомни, чей ты? Как твоё имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай!»

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН МАРКАЗ

С тех пор, говорят, стала летать в сарозеках по ночам птица Доненбай. Встретив путника, птица Доненбай летит поблизости с возгласом: «Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твоё имя? Имя? Твой отец Доненбай! Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай!..»

То место, где была похоронена Найман-Ана, стало называться в сарозеках кладбищем Ана-Бейит – Материнским упокоем.

От белой верблюдицы Акмаи осталось много потомства. Самки в её роду рождались в неё, белоголовые верблюдицы были известны кругом, а самцы, напротив, рождались чёрными и могучими, как нынешний Буранный Каранар.

Покойный Казангап, которого теперь везли хоронить на Ана-Бейит, всегда доказывал, что Буранный Каранар не из простых, а началом от самой Акмаи, знаменитой белой верблюдицы, оставшейся в сарозеках после гибели Найман-Аны.

Давайте обсудим

1. Что означает потеря памяти в контексте легенды – просто биологическое состояние или что-то большее?
2. Почему Айтматов делает этот эпизод одним из центральных в романе?
3. Как вы думаете, что страшнее: физическая смерть или духовная?
4. В чём трагедия Жоламана как персонажа? И в чём трагедия его матери?
5. Какие художественные детали усиливают ощущение ужаса превращения человека в манкурта?

Практическое задание

Заполните таблицу.

Утверждение	Верно	Неверно
Манкуртом можно стать только по собственной воле.		
Потеря памяти лишает человека связи с родом и историей.		
Человек без прошлого всегда осознаёт свои поступки.		
Любовь матери способна противостоять жестокости.		
Легенда о манкурте – предупреждение человечеству.		

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

УЛЬМАС УМАРБЕКОВ (1934–1994)

Ульмас Рахимбекович Умарбеков – народный писатель Узбекистана, заслуженный деятель искусств, драматург, киносценарист и переводчик. Автор сборников рассказов «Жизнь вечна», «Болгарские песни», «Мост»; повестей «Любимая», «Летний дождь», «Две весны Дамира Усманова»; романа «Человеком быть – это трудно» (в переводе – «Зелёная звезда»). С 1974 года был директором киностудии «Узбекфильм».

Давайте поговорим

1. Можно ли человеку говорить правду, если она неприятна или опасна? Стоит ли?
2. Как вы думаете, почему люди часто не хотят слушать предсказания или предупреждения, даже если они исходят от мудрых людей?
3. Верите ли вы, что судьбу можно предсказать? Если да – может ли её изменить человек?
4. Почему многие сказки и притчи начинаются с испытаний правителя и его ребёнка? Что это символизирует?

Подготовка к встрече с текстом

Роман «Зелёная звезда»

Роман Ульмаса Умарбекова «Зелёная звезда» посвящён проблеме человеческой ответственности за собственный выбор. В центре повествования – судьбы молодых людей, делающих первые самостоятельные шаги во взрослую жизнь. Автор показывает, как личные амбиции, карьерные устремления и социальное неравенство могут вступить в трагическое противоречие с искренними чувствами, любовью и совестью.

Одной из ключевых сюжетных линий становится трагическая история Гюльчехры – сельской девушки, чья чистая и самоотверженная любовь оказывается растоптанной

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

и преданной молодым человеком по имени Абдулла. Стремление к богатству и честолюбивые планы героя приводят к разрыву отношений молодых людей, а затем всё это послужит хоть и довольно косвенной, но очень значимой причиной гибели героини. Эта линия придаёт роману острый нравственный и психологический характер, заставляя читателя задуматься о цене равнодушия и эгоизма.

Произведение отличается глубоким психологизмом, вниманием к внутреннему миру героев, соединением личной драмы с социальными и нравственными проблемами эпохи. Роман написан в традициях узбекской прозы второй половины XX века, но он остаётся актуальным и сегодня. Автор убеждён: человечность проявляется не в словах, а в поступках, особенно в моменты нравственного выбора.

Роман «Зелёная звезда» – это предупреждение, обращённое прежде всего к молодому поколению, которому только предстоит определить жизненные ценности. Название русского перевода «Зелёная звезда» носит символический характер и не повторяет буквально узбекский оригинал «Человеком быть – трудно», но по смыслу с ним перекликается. Звезда в литературной традиции часто символизирует идеал, надежду, нравственный ориентир, а зелёный цвет чаще всего связан с обновлением и т.д.

Словосочетание «зелёная звезда» может пониматься как образ идеала, к которому человек стремится, но которого трудно достичь. Этот образ подчёркивает главную мысль романа: быть человеком – значит постоянно ориентироваться на высокий моральный уровень, даже когда путь к нему сложен и трагичен.

Таким образом, название «Зелёная звезда» можно рассматривать как метафору совести, нравственного света и утраченной надежды, что особенно остро проявляется в судьбах героев романа.

ЗЕЛЁНАЯ ЗВЕЗДА

(в сокращении)

Пролог

Как не заплакать в небе
Жаворонку степному?
Как не поведать об участи
Бедной Гюльчехры?

Из песни

Давным-давно, в незапамятные времена, люди называли падишаха Муслима человеком мудрым и справедливым. Земли его были обширны и плодородны, города богаты, народ при нём жил мирно и зажиточно. Но не было у падишаха наследника. Это волновало и тревожило не только властелина, но и всех его подданных.

Проходили годы. И вот на склоне лет, когда владыка совсем уже отчаялся иметь детей, родился у него сын. Падишах, будучи вне себя от радости, повелел устроить невиданный пир. Сорок дней и сорок ночей пировал его народ. На сорок первый день он собрал всех своих учёных и мудрецов, предоставил им возможность полюбоваться наследником, которого он держал на коленях, и, по обычаю, попросил умных людей предсказать судьбу своего сына.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Мудрецы потупили головы, молчали… Падишах был немало удивлён.

– Что же вы молчите? – нетерпеливо спросил властелин.

Долго ждал он ответа, долго стояли молча мудрецы. И вдруг поднял голову и заговорил самый старый и самый мудрый из них, Сукрот Хондамир:

– Мой падишах, эти люди, которые, потупившись, стоят перед тобой, моложе меня. Я глубокий старик, никто не помнит времени, когда я явился на свет, и мне кажется, я испытал всё в жизни, кроме смерти. Но я не хочу умирать. Если помилуешь, я попробую предсказать судьбу твоего сына.

– Говори.

И промолвил старый мудрец:

– Твоему сыну в этом мире не будет равных. Он превзойдёт всех. Когда ему исполнится два месяца, он сможет делать то, что делает двухлетний ребёнок, в два года его сила и разум будут подобны силе и разуму двадцатилетнего юноши. А в пятнадцать лет он объявит себя владыкой всех людей. Очень много бед он натворит, очень много горя причинит людям. И поэтому вторую половину жизни он будет только страдать…

– Палача! – крикнул падишах и прижал к груди своего маленького сына. Ребёнок вдруг запустил ручонки в седую бороду отца и вырвал большой клок волос.

– Вот первое подтверждение моих слов! – печально сказал старый мудрец.

Но падишах не внял ему. Мудреца увели палачи.

Прошло время. Наследник рос не по дням, а по часам. Падишах не мог на него налюбоваться, радовался каждому его слову, каждому движению. В своей слепой любви он словно бы и не замечал, что наследник, заворожённый своей красотой, силой и разумом, презирает всех людей, в том числе и своего отца…

Однажды ясным солнечным утром внезапно заколебалась, задрожала земля, и в один миг цветущее царство превратилось в развалины. Потом всё небо над головой закрыла огромная чёрная туча. И столько воды пролилось из этой тучи, что начался потоп. Сильный ветер носил на гребнях волн людей и громадные деревья. Под толстым слоем бурлящей воды остались города, поля и горы. Когда стих ветер, падишах и его сын обнаружили, что они изо всех сил цепляются за доску, едва выступающую из воды. Слишком мала была доска. И сын сказал падишаху:

– Отец, ты должен умереть. Ты жаждал моего появления на свет. И теперь сделай так, чтобы я жил.

С этими словами он своей сильной рукой оттолкнул падишаха от доски. И падишах Муслим погрузился в пучину…

А сын его благополучно добрался до неведомого берега. Собрались люди, подивились на человека, вышедшего из моря. И тогда он объявил себя их владыкой. Однако недолго он правил этим народом. От жестокостей, творимых им, половина людей умерла, а другая половина разбежалась. И остался сын падишаха Муслима в одиночестве.

Жил он долго, но уже никакой радости не испытывал ни во сне, ни наяву. Он только мучился, страдал и раскаивался до конца своих дней, как предсказал ему старый, мудрый Сукрот.

По преданию, такие люди рождаются раз в сто лет…

РЕПУБЛИКА ТАТЛЫМ МАРКАЗ

Давайте обсудим

1. Что, на ваш взгляд, важнее для правителя: сила или мудрость? Почему?
2. Какие качества важны для наследника престола или человека, которому суждено иметь власть?

В предрассветной мгле сторож Сулейман-ата обходил строительную площадку новой гостиницы. Внезапно он заметил неподалёку от себя женщину в белом платье, лежащую на широкой бетонной плите. Женщина лежала ничком, раскинув руки.

Старик рассердился.

– Уж коли ты женщина, – проворчал он, – зачем тебе надо было так напиваться?

Он подошёл к ней поближе и обмер. То, что он увидел, было ужасно. У женщины, можно сказать, не было головы. Только чёрные волосы и кровь, много крови… Глаза Сулеймана-ата расширились, он попятился. А потом повернулся и со всей скоростью, на какую был способен, побежал к своей будке, к телефону.

Вскоре подоспела милиция – один в штатском, двое в милицейской форме. Сулейман-ата повёл людей к тому месту, где лежала женщина, и всё повторял:

– Она там… мёртвая… мёртвая!..

Кроме этих слов, он ничего не мог произнести.

И по телефону старик не сумел сказать больше. Он шёл спотыкаясь, крупные слёзы катились по его щекам, незаряженная винтовка, которую он держал за дуло, то и дело ударялась прикладом о камни.

– Она там… мёртвая, мёртвая, – показал он рукой на тело.

Милиционеры подошли к бетонной плите и остановились. А старик чуть не наступил на туфельку, лежащую в пыли. Он поднял её, сдул с неё пыль. Туфелька была белая, с золотым ремешком, на высоком каблуке. Сулейман-ата осторожно приблизился к плите и наклонился, чтобы надеть туфельку на ногу женщины. В это время его строго окликнули:

– Откуда вы это взяли? Отнесите на место!

Сулейман-ата отскочил, словно мальчик, опустил туфельку в пыль и выпрямился. Человек в штатском вынул фотоаппарат и стал снимать. Однако Сулейман-ата не смотрел на него. Глаза старика были прикованы к маленьким часикам на левой руке женщины. Часики показались ему знакомыми. И вдруг Сулейман-ата задрожал всем телом и крикнул:

– Гюльчехра! Это Гюльчехра!

Ноги у старика подкосились, и он упал на землю. Когда старик пришёл в себя и открыл глаза, то увидел над собой тех же милиционеров и ещё человека в белом халате.

– Я… я её… знаю, – проговорил Сулейман-ата, пытаясь встать. – Я знаю её…

– Отец, успокойтесь, вы можете говорить яснее? – спросил кто-то. – Когда вы в последний раз видели эту женщину?

Сулейман-ата приподнялся и сел на край плиты.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Я видел её вчера. Она сюда приходила…

– В какое время?

– Вечером. Она приходила вечером, уже поздно было. Я спросил у неё, сколько времени. Она ответила, что сейчас без пятнадцати двенадцать. Да, так она и сказала – без пятнадцати двенадцать… О Аллах, как такое могло случиться?..

– Отец, возьмите себя в руки, расскажите все по порядку, вы понимаете, как это важно, – сказал человек в штатском.

Сулейман-ата покачал головой, как бы выражая своё согласие. И рассказал всё, что знал. Вчера вечером он, как всегда, обошёл строительную площадку почти готового здания. Днём внутри гостиницы шли отделочные работы. Сулейман-ата даже посидел немного на этой бетонной плите, которая оказалась лишней. Какая-то компания с транзистором остановилась у забора. Сулейман-ата поморщился. Днём он не отдыхал дома от шума, который подымали его резвые внуки. Старик с досадой встал с места. Зашёл к себе в будку и поставил чай. Сколько с того момента прошло времени, он не знает. Помнит только, что выпил два чайника фамильчая[31].

А потом чей-то силуэт промелькнул в окне.

«Кого это носит в такой поздний час?» – старик помянул шайтана и, приоткрыв дверь, выглянул наружу.

– Здравствуй, отец! – послышался в темноте женский голос.

– Ты кто?

– Это я, Гюльчехра…

[31] Фамильчай – чёрный чай.

RESPUBLIKA A'LIM MARKAZI

Сулейман-ата узнал молодую женщину и вышел ей навстречу. Она была архитектором, автором проекта этой гостиницы. Сулейман-ата уже месяц как карауллил строительную площадку и за это время видел её раз пять-шесть, говорил с ней. Однако архитектор Гюльчехра Саидова никогда не приходила в такой поздний час.

– Что, дочь моя, не спится? – спросил старик.

– Скучно мне стало. Вышла погулять, прошлась немного по улицам. Сулейман-ата! Как вы думаете, понравится здание людям?

Гюльчехра явно волновалась, нервничала.

Сулейман-ата попробовал её успокоить:

– Дочь моя, ещё как понравится! Гостиница будет самым красивым зданием в городе. О Аллах, сделай так, чтобы век твой, доченька, был долгим!

– Спасибо, ата.

– Да, уж можешь мне поверить. Сулейман-ата не врёт. Люди будут хорошо о тебе думать. Это уж точно. Гостиница будет местом радости.

– Да сбудутся ваши слова, ата.

Молодая женщина призадумалась. А Сулейман-ата посмотрел какими-то новыми глазами на здание, и показалось ему, что оно похоже на громадную птицу, распростёршую широкие крылья. Старик даже удивился вслух:

– Ты погляди только, гостиница-то словно полететь собирается!

Молодая женщина не ответила. Она ещё постояла в раздумье, а потом исчезла в темноте. Сулейман-ата немного подумал, окликнул её раза два. Гюльчехра не отозвалась. «Наверно, ушла», – решил он и пошёл к себе в будку. Старик снова захотел чаю.

После этого он до самого рассвета никого не видел, ничего не слышал.

– Она упала сверху, с балкона пятого этажа, – сказал ему милиционер в штатском.

Сулейман-ата закрыл лицо руками, заплакал.

– И почему я не поднялся тогда наверх?.. Почему не поискал её? Эх, Сулейман-ата, Сулейман-ата, глупый ты старик…

Ни в здании гостиницы, ни на строительной площадке не нашли никаких данных, подтверждающих версию об убийстве.

Гюльчехра упала с неогороженного балкона пятого этажа, перила там установить не успели. И было неясно только одно: случайно она упала, может, она оступилась – темно ведь было, – или же бросилась вниз сама. Следователь как раз над этим и раздумывал.

К часу дня в милиции уже знали, что Гюльчехра родилась в Коканде. Среднее образование получила в родном кишлаке Мингбулаке. Потом стала заочно учиться в политехническом институте. По её проекту строится здание кафе «Ёшлик» («Молодёжное»).

Ректор института сказал только, что она была очень талантливая и скромная девушка.

– Может, её кто-то обидел? – спросили у него.

– Нет, – ответил ректор. – Во всяком случае, в институте никто её не обижал.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Давайте обсудим

1. Почему мудрец всё-таки сказал правду о судьбе принца?
2. Что мог чувствовать падишах, когда сын оттолкнул его от доски?
3. О чём, по-вашему, думала Гюльчехра, приходя ночью на стройку?
4. Почему Сулейман-ата так сильно винил себя после её смерти?

Исследовательское задание

Проанализируйте два эпизода из текста:
1. История падишаха, его сына и предсказания мудреца;
2. История Гюльчехры и Сулейман-ата.

Практическое задание

Персонаж	Сильные стороны	Слабые стороны
Падишах Муслим		
Сукрот Хондамир		
Сын падишаха		
Сулейман-ата		
Гюльчехра		
Следователь / человек в штатском		

Несколько лет назад, в знойный летний день, молодой человек стучался в ворота дома под белой железной крышей, стоявшего на окраине кишлака Мингбулак. Было очень жарко. Белая поплиновая рубашка молодого человека прилипла к лопаткам, платок, подложенный под воротник, был мокрый насквозь, хоть отжимай. Он то и дело стряхивал кончиками пальцев капли пота со лба.

Открывать ему не спешили, и молодой человек, переложив тяжёлый чемодан из руки в руку, поднажал на дверь плечом. Новая, с резным узором дверь отворилась со скрипом. Он зашёл в маленький квадратный дворик. Сури – деревянный помост возле дома – был пуст. Справа по канальцу, сложенному из кирпича, струилась вода и выливалась в цветник. Молодой человек подошёл вплотную к винограднику и только

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

теперь заметил на веранде старуху, сидящую за маленьким столиком – хантахтой. Глаза старухи были закрыты, тонкие губы, испещрённые чёрточками морщин, шевелились, коричневые пальцы перебирали четки.

– Бабушка, – тихонько, чтобы не напугать её, произнес парень.

Старуха открыла глаза и уставилась на молодого человека:

– О Аллах! Никак, это ты, Абдулла?

– Это я…

Абдулла опустил чемодан на землю и поднялся на террасу.

– Ах ты, славный мой, смотри как вытянулся! Ах ты, милый мой, да буду я твоей жертвой! Вот и дождалась я тебя, дождалась! – Старуха с ловкостью, несвойственной её возрасту, выскочила из-за хантахты. – Абдулла! Как же это я тебя не признала! Сижу себе, дремлю… Всё ли в порядке? Как дела, сынок? Ты один приехал или ещё с кем? Как отец, мать, живы, здоровы?

Абдулла очень любил свою старую, добрую бабушку, часами, не скучая, слушал её рассказы.

Старуха постелила новый ковёр на веранде и, усадив Абдуллу, всё спрашивала, спрашивала… Абдулла не успевал отвечать и только улыбался. На этот раз он пришёл в Мингбулак один. Теперь он вольная птица, потому что закончил школу с золотой медалью. Вот мать и нагрузила полный чемодан гостинцев и отправила его к бабушке одного. Абдулла почти каждое лето две-три недели гостил в этом кишлаке вместе со своей матерью – Шаходат-холой. Однако вот уже два года, как отец его лежит больной, два года не было здесь и Абдуллы.

Бабушка Ходжар-буви души не чаяла в своём внуке. Когда он приходил с улицы после возни с кишлачной детворой и она замечала на нём царапину, то поднимала на ноги весь кишлак, устраивала шумный скандал. У неё самой было двое детей. Дочь Шаходат и сын Абид – дядя Абдуллы. Бабушка жила вместе с этим сыном. Иногда приезжала она к дочери в город, но больше двух дней прожить там не могла: ей досаждали городской шум и хлопоты, она чувствовала себя не в своей тарелке.

Бабушка Ходжар-буви, несмотря на свою старость, всё ещё держалась независимо, самостоятельно. Сама ведала хозяйством, частенько покрикивала на сына, исправляла его недоделки. Молясь, говорила: «Чтобы один человек нуждался в другом человеке, о аллах, не допусти этого!»

В кишлаке её называли «Атын-биби» или же «Завод-ая». Абдулла знал, почему бабушку зовут Атын-биби. Она была начитанной женщиной, знала на память много дастанов – поэм. В молодости в подражание Анбаратын она написала даже несколько газелей. А вот почему бабушку зовут Завод-ая, об этом Абдулла узнал сравнительно недавно.

После того как в Коканде установилась Советская власть, Ходжар-буви снова стала работать на заводе. Вскоре её избрали директором. Та самая злополучная комната бая стала теперь её рабочим кабинетом. В этом кабинете она несколько раз встречалась с Юлдашем Ахунбабаевым – первым президентом Узбекистана. Двадцать лет проработала директором Ходжар-буви, а потом уступила этот пост одной молодой об-

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

разованной девушке. С чьей-то лёгкой руки, давно ещё, с тех пор как Ходжар занялась государственными делами, стали называть её Завод-ая. Ходжар-буви это нравилось, но историю с Дусимбаем она хотела бы выбросить из своей памяти. Абдулла раньше часто приставал к бабушке: «Расскажи да расскажи», но она каждый раз говорила: «Лучше не вспоминать про этот страшный сон». Другие люди удовлетворили любопытство Абдуллы, рассказали ему о Ходжар-буви, боевой женщине, государственном деятеле.

И вот теперь он прислушивается к её словам, внимательно смотрит на неё, замечает, что на её лице за эти два года появились новые морщины. Абдулла удивлялся, что его бабушка до сих пор все ещё крепка и подвижна.

После короткой молитвы Ходжар-буви расстелила дастархан, заварила чай и присела рядом с внуком:

– Ах ты, внучек мой, Абдулла, дитя моё! Так вот, значит, тебя одного ко мне отпустили! Взрослый стал, совсем взрослый! Скажи-ка мне теперь, как здоровье отца?

– Спасибо, ему лучше, – ответил Абдулла. – Уже не так мучится. Он вам привет передаёт.

– Пусть будет он здоровым. Откуда только эта хворь к нему пристала? Бог даст, совсем поправится… А ты расскажи, как у тебя со школой-то. Закончил?

– Закончил. С золотой медалью.

– Ах ты, дорогой, я ведь от тебя другого и не ждала! Всё же, наверно, трудно было, а?..

Абдулла передал ей гостинцы. Ходжар-буви прослезилась и ещё раз прочитала молитву, благодаря бога за внука.

– А где же дядя? Где Абид-ака?

– Твой дядя в больнице: жена у него рожает, – Ходжар-буви тяжело вздохнула. – Не знаю, как будет на этот раз, – у каждого смертного свои печали, сынок. Четверо детей у них было, и все померли в родильном доме. О Аллах, не дай свершиться новому несчастью! Сделай так, чтобы всё было благополучно.

Ходжар-буви опустила голову, на минуту забыла про своего внука. Абдулла сидел тихо, опасаясь помешать её мыслям. Но вот она встрепенулась, поднялась с места:

– Что же это я только чаем тебя угощаю? Ты ведь с дороги и поесть хочешь. Я сейчас приготовлю.

– Не беспокойтесь, бабушка, я сыт, – сказал Абдулла.

– Какое же может быть беспокойство? Сейчас подойдёт твой дядюшка, а ты пока немного отдохни, полежи. Ступай в мою комнату.

Однако Абдулла ещё долго сидел на террасе. Он был счастлив, что приехал в кишлак.

Во дворе, на ветке груши, ворковал голубь, у очага суетилась бабушка. Абдулла ощутил знакомый с детства едкий дым гузапаи[32] улыбнулся и направился в комнату Ходжар-буви. Комната была большая, квадратная, с четырьмя нишами. В нишах стояли разноцветные большие и маленькие шкатулки, множество кас, чайников, пиал,

[32] Гузапоя – стебли хлопчатника.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

надо всем этим висели на катушках выглаженные и надушенные полотенца. Окнами комната выходила на север, лучи солнца сюда не заглядывали, поэтому летом здесь всегда можно было насладиться приятной прохладой.

Абдулла вытянулся на холодном бекасамовом одеяле – курпаче. И сразу же ощутил запах мяты от мягкой пуховой подушки. Он раскинул в стороны руки и закрыл глаза. Во дворе всё ещё ворковал голубь, по временам слышался треск горящей гузапаи. «Как хорошо, что я сюда приехал», – успел подумать Абдулла и задремал со счастливой улыбкой на лице. Всё у него было впереди. Он окончил школу, сдал экзамены, жизнь широко открывалась перед ним…

Его разбудил какой-то шум во дворе. Абдулла сладко потянулся, поднялся с курпачи и подошёл к окну. Возле очага его дядя Абид-ака обнимал бабушку и говорил густым басом:

– Сын, мама! Сын! Живой! Живой!..

Абдулла метнулся во двор:

– Здравствуйте, дядя!

Абид-ака отпустил мать, обернулся на голос.

– Да это Абдулла! Вот молодец, приехал! Слушай, племянник, у тебя двоюродный братец появился!

– Поздравляю! – сказал Абдулла и пожал дяде руку.

– Эй, Абид, да видел ли ты своего ребёнка? – спросила Ходжар-буви. Она в это время закладывала в котёл морковь.

– Видел. Тёмненький комочек. Похож на щеночка, – ответил, улыбаясь, Абид-ака.

– Ты не огорчайся! Уж коли тёмненький, значит, нашего рода. Ведь недаром говорят: девочка родится похожей на мать, а сын – на отца.

– Мне всё равно, на кого похож, только бы рос здоровый, матушка!

– Да сбудутся твои слова, Абид. Поставь-ка самовар, у меня вот-вот плов будет готов.

Абид-ака возился с самоваром, что-то напевая вполголоса. Внезапно он выпрямился:

– Послушай, матушка! А как мы его назовём?

– Откуда мне знать, вы уж сами придумайте, – сказала Ходжар-буви, не глядя на сына. В этом доме всё подчинялось ей: то, что она говорила, было законом.

Всем своим будущим внукам, сыновьям Абида, она заранее выбирала имена, и домашние беспрекословно соглашались с ней. Однако малюткам это не помогало. На этот раз Ходжар-буви решила про себя: если родится сын, назвать его Тохтасин, а если дочь – Умриниса. Но у неё язык не повернулся сказать об этом своём решении Абиду.

– Откуда мне знать? Вам виднее, – повторила она.

– Тогда… – Абид подмигнул племяннику, – назовём его Абдуллой.

Ходжар-буви подошла к ним со стороны очага.

– Пусть будет, как ты сказал, – произнесла она со слезами в голосе. – Аминь! Пусть век моего внука будет долгим. Не роняйте чести дома. Будьте чуткими, заботливыми, цените и уважайте друг друга!..

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Ходжар-буви провела маслеными руками по лицу, кончиками пальцев вытерла влажные глаза. Абдулла был растроган…

Вскоре весь двор заполнили соседи и знакомые. Люди поздравляли с новорождённым, шутили, давали всякие советы, наставления:

– Завод-ая! Теперь тебе придётся раскрыть свой железный сундук, раскошелиться. Одним только бешик-тоем[33] не отделаешься.

– Да что говорить! У Завод-ая в сундуке столько добра, что хватит на десять бешик-тоев!

– Вот и нам по этому случаю достанется по платью в подарок, не так ли, Атынай?

– Вам бы только болтать! – отвечала Ходжар-буви. – Кому какое дело до моего сундука?

– Это намёк, чтобы вы его с собой не забрали, – сказала одна молодая женщина.

– Чтоб у тебя язык отсох, Бувиниса! – Ходжар-буви как будто даже всерьёз рассердилась. – А я-то для тебя приготовила свой парчовый халат. Теперь жди! Ведь я ещё собираюсь женить своего внука!

– Да сбудутся ваши слова, Завод-ая! Пусть ваш внук растёт здоровым и крепким.

Женщины ещё потараторили, посмеялись, а потом разошлись. Ходжар-буви, занятая разговором, и не заметила, как подгорел плов в казане.

– Да уж ладно, завтра вы сварите другой плов, – сказал Абид-ака. – А мы с племянником перепёлок настреляем. Что скажешь на это, Абдулла?

– Вот было бы здорово! – обрадовался парень. – Я ведь ещё ни разу не был на перепелиной охоте.

– Ну и хорошо, значит, в новинку будет. Только встать придётся пораньше. Да, вот ещё какое дело. Ведь у нас одно ружьё на двоих. Ничего?

– Ничего…

Абдулла поднялся на веранду бабушкиного дома. И мысли его, как свежий воздух Мингбулака, были чисты.

Давайте обсудим

1. Почему Абдулла так тепло относится к своей бабушке? Какие качества он особенно ценит в ней?
2. Как вы думаете, почему Ходжар-буви скрывает свою тяжёлую историю от Абдуллы?
3. Что помогло Ходжар-буви выжить, несмотря на трагедии, бедность и попытку насилия?
4. Какую роль играет семья и поддержка близких в жизни каждого героя?

[33] Бешик-той – торжество в честь рождения ребёнка.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Практическое задание

Персонаж	Характерные черты	Отношение к жизни / жизненная позиция	Что формировало его характер?	Цитата или факт из текста
Абдулла				
Ходжар-буви (Завод-ая)				
Мирхалик				
Абид-ака				

Исследовательское задание

Представьте, что вы журналист, которому удалось встретиться с одним из героев рассказа. Выберите персонаж (Абдулла, Ходжар-буви или Абид-ака) и подготовьте **5–6 вопросов**, которые помогли бы раскрыть его характер, жизнь, переживания и тайны прошлого.

Творческое задание

Составьте и запишите краткие ответы от лица героя, сохраняя его стиль речи и характер.

Письмо, которое он послал ей из Ленинграда, было в таком же духе. «Дорогая моя Гюльчехра, – писал он, – Ты, наверное, удивишься, получив это письмо. Это вполне естественно. В последнюю нашу встречу я многое хотел тебе сказать. К сожалению, не было возможности это сделать. Ты была в таком состоянии, горе так придавило тебя, что ты могла меня не понять, неправильно понять. Так и остались мои слова невысказанными. А я хотел посоветоваться с тобой. И вот теперь, через два месяца, я пишу тебе это письмо в надежде, что горе твоё немного улеглось, что ты теперь сможешь меня выслушать.

Ты помнишь, Гюльчехра, как в нашем яблоневом саду ты сказала мне, что через год сможешь приехать в Ташкент. Я тогда очень обрадовался. Я был просто вне себя от радости оттого, что через год мы будем вместе, что будем учиться вместе. Однако, возвратившись домой, я получил странное и неожиданное предложение. Один хороший знакомый моего отца – профессор Курбанов – приходил к нам и сказал, что в Ленинграде открыт новый институт и что если я согласен, то смогу там учиться. Я, конечно, не согласился. Ты будешь в Ташкенте, а я в Ленинграде – это

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

меня никак не устраивало. Потом мне пришла в голову мысль: если тебя отпустят в Ташкент, то почему не могут отпустить и в Ленинград? Эта мысль показалась мне очень удачной. Несмотря на это, я всё равно хотел с тобой посоветоваться, специально для этого приехать в Мингбулак. Вот тут-то и получили мы от дяди нерадостную весть. Я очень переживал. В тот же день мы с матерью отправились в путь. А когда увидел тебя в Мингбулаке, не мог ничего сказать, язык не повернулся. Гюльчехра, родная, на тебя больно было смотреть. Я боялся, горе тебя убьёт… Я-то хотел бы, чтобы ты всегда радовалась. Увы, это невозможно. Не знаю, как ты сейчас себя чувствуешь. Успокоилась ли хоть немного? Неужели никогда не заживёт твоя рана? Знаешь, смерть у каждого стоит за плечами. Ты уже давно слышала от врачей о тяжёлой болезни матери. Не плачь, Гюльчехра, теперь горю не поможешь. Слезами своими, муками ты не сможешь вернуть мать. Эти слова я хотел произнести тогда на плотине. Но никакие утешения в тот вечер тебе бы не помогли.

Гюльчехра, ты тогда сказала:

– Вот теперь я осталась одна.

Нет, это не так. Ты не одна. Если ты хоть немного любишь меня, верь моим словам. Я всегда буду вместе с тобой, никогда не оставлю тебя одну.

Вот уже полтора месяца я живу в Ленинграде. Институт наш, оказывается, один из самых больших институтов в стране. И я не сделал ошибки, приехав сюда учиться. Занимаюсь я много. Времени не хватает. Наше общежитие стоит на набережной Невы. Живём мы вчетвером в одной комнате. Но мне кажется, я всё время думаю о тебе. Пройдёт зима, весна, наступит лето, и мы встретимся. Мысли мои только об этом. Гюльчехра, всё же как ты думаешь, ведь нет никакой разницы от того, в Ленинграде я или в Ташкенте? Не правда ли? Только письма идут немного дольше. А на каникулы я непременно буду приезжать в Мингбулак. Буду приезжать каждый год. Вот увидишь. Если бы я остался в Ташкенте, было бы то же самое. И всё-таки я считаю себя виноватым, что не сказал тебе об этом перед отъездом. Поэтому прошу: прости меня, Гюльчехра. Где бы я ни был, всегда я буду думать о тебе, мечтать о том, как я тебя увижу. А ты, Гюльчехра? Часто ли вспоминаешь обо мне? Если б так было! Я бы тогда чувствовал себя счастливым.

Гюльчехра, на этом заканчиваю письмо. С нетерпением жду ответа. Абдулла».

Не прошло и двух недель, как он получил ответ. Письмо было очень короткое. «Здравствуй, Абдулла, – писала ему девушка. – Получила твоё письмо и очень обрадовалась. Спасибо. Я не огорчаюсь из-за твоей поездки в Ленинград. Зачем мне огорчаться? Конечно, было бы хорошо, если бы и я поехала. Но это, ты сам понимаешь, Абдулла, невозможно. Заботы по дому теперь целиком легли на меня. Всё же я поступила учиться. Сдала документы на заочное отделение политехнического института. Так будет лучше. До свидания. Пиши почаще. С горячим приветом, Гюльчехра».

Прочитав это письмо, Абдулла понял, что Гюльчехра любит его по-прежнему, и совершенно успокоился. Отношения его с Саярой не пошли дальше того, что было в Ташкенте. Ему нравилось смотреть на неё, но это ведь ничего не доказывало.

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

Саяра была неизменно по-дружески приветлива с ним, но так же относилась она и ко многим своим знакомым. Большую часть своего свободного времени Саяра посвящала музыке – ходила на концерты в консерваторию.

Абдулла же как будто и не знал, что такое свободное время. Он с удивлением обнаружил, что по своим способностям он, к сожалению, не превосходит некоторых других студентов на своём курсе, например того же Пулата. Абдулла же хотел быть первым. Он был первым в школе, будет первым и здесь, в институте. И вот, просиживая целыми вечерами в институтской библиотеке, он, как говорили его соседи по общежитию, «повышал свой уровень», «вгрызался в науку». Прилежания Абдулле было не занимать. Скоро он стал одним из лучших студентов на курсе. Турсунали-ака радовался его успехам.

Сдав на «отлично» весеннюю сессию, Абдулла приехал в Мингбулак.

Гюльчехра всё ещё носила траур по матери. Но жизнь брала своё: девушка ещё больше похорошела, расцвела.

Они до полуночи прогуливались по своим старым местам. Абдулла говорил о Ленинграде, Гюльчехра рассказывала о своей работе в библиотеке, о том, как, приехав в Ташкент, благополучно сдала экзамены. Видно было, что она бесконечно рада приезду Абдуллы. Девушка этого не скрывала. Когда они сидели на полянке в яблоневом саду, она тихо промолвила:

– Я устала тебя ждать. Вчера вечером, перед твоим приездом, везде побывала: и у плотины, и в ивовой роще, и у родника…

– Ну а обо мне что говорить, – махнул рукой Абдулла, – Я долго не был дома. А пробыл там всего один день.

Потом объявил, что соскучился по бабушке, – и на вокзал!

Они рассмеялись.

– Прошёл год, – сказала Гюльчехра. – Была бы жива моя мама, мы бы сейчас сидели в каком-нибудь театре в Ташкенте.

– Конечно, я бы тогда не поехал в Ленинград.

Абдулла произнёс это, но сам не поверил своим словам.

– Ты и вправду бы не поехал?

– Да. Не веришь?

Абдулла посмотрел на неё и тут же отвёл глаза в сторону.

– Нет. Верю. Ты очень хороший.

Абдулла смутился ещё больше. Однако тут же попытался взять себя в руки.

– А если бы я уехал, это было бы очень плохо? – тихо спросил он.

– Наверно, нет, – после паузы ответила девушка, а потом добавила: – Человек делает как ему надо. Ведь ты же не обиделся на меня, когда я сказала, что не поеду в Ташкент? Ведь верно? Не обиделся?!

– Верно, – обрадовался Абдулла. – Почему я должен был обидеться? Я… я нисколько на тебя не обижаюсь.

– И я тоже…

Потом Абдулла проводил её домой.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

* * *

И ещё через год приехал Абдулла на каникулы в Мингбулак, а потом снова надо было ждать год, и снова он приехал. Обычно он проводил день или два дома, в Ташкенте, а затем отправлялся в Коканд. Шаходат-хола не знала, что и думать о такой привязанности внука к бабушке. В душе она не очень верила этому: не могла забыть, как вёл себя на вокзале Абдулла, когда в первый раз уезжал в Ленинград. Проводить сына собрался и отец. Шаходат-хола говорила ему: лежи дома, зачем тебе мучиться, но муж не согласился с ней. Абдулла же молчал. А на вокзале он раньше всех уезжавших забрался в вагон. Когда поезд тронулся, он выглянул из окна, махнул рукой пару раз и исчез из виду. Матери стало не по себе. Она кляла себя за то, что согласилась отпустить Абдуллу. «Теперь он совсем от рук отобьётся, – подумала она. – Нет, не мягкое у него сердце. Похоже, мы с мужем не так уж хорошо знаем своего ребёнка».

– Твой сын стал совсем взрослым, – сказал тогда Гафурджан-ака по дороге домой.

– А что?

– Я хотел было обнять его, а он отстранился.

– Он едет так далеко, один, вот и старается быть похожим на взрослого! – объяснила мужу Шаходат-хола, но легче ей от этого объяснения не стало.

Письма, которые Абдулла присылал родителям, были короткими, и писал он в основном о себе. Домом он почти не интересовался. «Похож на меня, – говорил Гафурджан-ака, читая письма сына. – Я тоже недолюбливал писать письма». Шаходат-хола только грустно улыбалась ему. Ей приходилось успокаивать себя словами: «Сын ещё молод, ещё не поздно» – и с нетерпением ждать следующего письма. Каждый приезд Абдуллы из Ленинграда был для неё и для Гафурджана-ака большим праздником. За день до этого Шаходат-хола покупала на базаре всё самое лучшее и вкусное, полночи возилась у очага, а потом ставила всё на стол. Абдулла принимал это как должное, аппетит у него был хороший, но уже за столом он начинал придумывать повод для поездки в Мингбулак.

Абдулла предвкушал радость новой встречи с Гюльчехрой, как бросится она к нему, как засияют её чёрные глаза. Да, разумеется, так и будет, но с каждым разом всё сильнее Абдулла ощущал, что чего-то не хватает в их отношениях. Особенно в последний год. Он, конечно, знал, чего не хватает, вспоминая тот свой давнишний сон, и смущался, и надеялся, что это может произойти. Однако Гюльчехра как будто не понимала этого или же делала вид, что не понимает. Когда Абдулла увлекался и начинал переходить границу, она тут же переводила всё в шутку или отвлекала его чем-нибудь. Захлёбываясь, рассказывала она ему о своих делах. Есть у неё одна большая тайна, о которой знают только два человека: Абдулла и Самад. Тайна эта появилась у Гюльчехры, когда она перешла на третий курс. Девушка задумала сделать макет Мингбулака, рассказала об этом Самаду и, не откладывая, принялась за работу. Когда Абдулла спросил, для чего ей макет, она, рассмеявшись, ответила:

– Покажу раису.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Создание уменьшенной копии старого кишлака потребовало много времени и труда. Комната Гюльчехры постепенно превращалась в мастерскую.

Ганишер-ака не мог понять, зачем дочь натащила в комнату столько всякого хлама. Да ещё засиживается до полуночи, что-то мастерит. В игрушки, что ли, играет, как Алишер? Однажды он прямо спросил у неё, что всё это значит.

– Это нужно для моей работы, – услышал он ответ.

Порой Ганишер-ака подолгу рассматривал маленькие игрушечные домики на большом листе фанеры.

– Зачем это? – спрашивал он у дочери. – Что ты делаешь-то? Я ничего не понимаю.

Как-то раз Гюльчехра и Самад принесли откуда-то проволоки и наделали из неё целую рощицу маленьких деревьев. Неслышно вошёл в комнату Ганишер-ака и уставился на почти уже готовый макет.

– Да ведь это же наша плотина! – вдруг угадал он.

Молодые люди рассмеялись.

– Правильно! – воскликнула девушка. – А теперь отыщи и наш дом, ну-ка, отец?

Ганишер-ака перевёл взгляд с дочери на макет:

– Вот чудеса-то! Что ты собираешься с этим делать? Ведь это же наш Мингбулак?

– Он самый, – промолвил Самад. – Ну как, хорош?

Ганишер-ака снова стал смотреть на кривые узкие улочки, на осыпавшиеся стены, на камышовые крыши…

– Очень похоже, – сказал он под конец. – Да, неказистый у нас кишлак. Нельзя, что ли, было покрасивее его сделать?

– Ну уж нет! – Гюльчехра улыбнулась. – Вот потому, что он некрасивый, мы и создаём его макет. Мы поставим этот макет в правлении. Пусть все смотрят. Разве можно жить в таком кишлаке? Ведь это стыдно!

– Колхоз у нас богатый, разве не правда? – подхватил Самад. – Нужно строить новый кишлак, новые красивые дома, новые широкие асфальтированные улицы. А то сейчас пройдёт машина – весь кишлак в клубах пыли. И потом обязательно нужно построить клуб, а то вечером молодёжи деваться некуда. Разве не так?

– Так вот вы что хотите… – протянул растерянно Ганишер-ака.

– Да, – подтвердил Самад. – Ваша дочь сделает и макет нового кишлака. Потом выставим его на обсуждение. Если будет одобрен, постепенно приступим к строительству.

– Вот что, – решительно проговорил Ганишер-ака. – Я сейчас пойду расскажу обо всём раису…

– Нет, не надо спешить, – удержал его Самад. – Всему своё время. Макет нового Мингбулака пока только в голове у вашей дочери.

В Ташкенте Гюльчехра решила остановиться у своей однокурсницы Санобар. Девушка надеялась, что Санобар, эта немногословная, серьёзная женщина, хоть и поругает её, но зато и поможет больше, чем кто-либо, подскажет, как найти врача, принимающего на дому. Санобар вместе с мужем работала в горсовете, жили они в Чиланзаре. Гюльчехра была у них однажды, помнила, что напротив их дома находится большой гастроном, однако точного адреса не знала.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Долго кружила она в такси по Чиланзару, прежде чем обнаружила знакомое здание. Поднялась с чемоданчиком на третий этаж, нажала на кнопку звонка. Вот сейчас выйдет Санобар. Однако никто не открывал. Девушка ещё раз позвонила – с тем же результатом.

Вдруг открылась соседняя дверь, и на лестничную клетку вышла девушка в синей форме стюардессы, с сумкой Аэрофлота через плечо. В маленьких ушах её поблёскивали клипсы в виде листочков.

– Вам кого? – спросила она, улыбаясь и показывая свои ровные белые зубки.

– Санобар-апа. Санобар Кадырову, – ответила Гюльчехра.

– А кем вы ей приходитесь? – неожиданно прозвучал вопрос.

– Я её знакомая, мы вместе учимся. Я приехала из Коканда. Так дома ли Санобар?

– Ах вот как, так вы и есть тот самый архитектор из Коканда? Ведь вы победили на конкурсе? – продолжала спрашивать девушка, не переставая улыбаться.

– Да.

– Санобар-апа много о вас рассказывала. Значит, вы раньше бывали здесь, как же я до этого ни разу вас не видела… Я тоже хочу поступить в ваш институт, стать архитектором. Мне так нравятся красивые дома… Скажите, а вы знакомы с академиком Сагдулаевым?

Гюльчехра отрицательно покачала головой.

– Я однажды была у него, – продолжала девушка. – Двухэтажный дом. На первом этаже зал, кухня, столовая. На втором этаже спальня, тут же рядом большая ванная… И все внутри – это, кажется, называется интерьером – до чего чудесно!.. Зайдёшь – и не хочется уходить. Давайте знакомиться. Тамара. Я пока работаю в Аэрофлоте. На всесоюзной линии.

Гюльчехра пожала ей руку и тихонько напомнила:

– Так вы не сказали, где Санобар…

– А они уехали, – спокойно ответила стюардесса. – На Иссык-Куль. Всей семьёй.

Значит, остаётся только к бабушке Абсутай. Но это не так уж и плохо. Она весёлая, гостеприимная. Только вряд ли она сможет помочь в таком деле… Ещё в первый приезд в Ташкент Касымджан предложил ей устроиться у этой старухи. Гюльчехра согласилась с благодарностью, она не считала для себя удобным жить одной в гостинице.

Дом Абсутай был на Лабзаке. Большой двор. Несколько комнат. Раньше она жила с сыном. Потом он вместе с женой уехал на строительство газопровода Бухара – Урал, и старуха осталась со своим внуком Зубайдой, который учился вместе с Касымджаном.

Гюльчехра остановила свободное такси и поехала на Лабзак. Уже стемнело, когда она зашла в ворота Абсутай. Старуха сидела посреди двора на супе и стегала ватное одеяло.

– Как поживаете, бабушка Абсутай? Как ваше здоровье? – спросила девушка.

– Да что может со мной случиться, дочка, слава аллаху, пока здорова. Вот скучно только. Не привыкла я одна. Ты садись посиди, сейчас я чай заварю.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Они долго разговаривали о том, о сём после ужина. И вот в какой-то момент Гюльчехра не выдержала: она посмотрела с болью на ласковую, предупредительную бабушку Абсутай и расплакалась. А потом раскрылась, поведала ей всё, что лежало на сердце. Как могла старалась Абсутай успокоить девушку, хоть немного приободрить её. А под конец сказала:

– У меня есть одна дальняя родственница, хороший человек, врач. Я завтра к ней схожу, посоветуемся. Только ты не плачь, не плачь, милая, мы что-нибудь придумаем.

Гюльчехра уснула в слезах.

Утром после завтрака Абсутай проводила девушку до ворот.

– Ты теперь не думай об этом негодном парне, – сказала старуха. – Он не человек. Если бы был человеком, разве бросил бы тебя? Не думай о нём.

Гюльчехра пообещала. Но как она могла о нём не думать?..

Возле трамвайной остановки кто-то взял её под локоть:

– Что случилось, дочь моя, почему плачете?

Гюльчехра подняла голову. Слова участия произнёс высокий седобородый аксакал. Он всматривался в неё добрыми близорукими глазами.

– Или кто обидел вас?

– Нет, – промолвила девушка. Она не знала, куда деваться от стыда, от смущения.

– Возьмите себя в руки, – произнёс аксакал. – Я потому так говорю, что вижу: вы девушка волевая. Да, не спорьте…

Подошёл, погромыхивая, трамвай. Гюльчехра поспешила подняться в вагон.

В институте её принял сам ректор.

– Проходите, проходите, товарищ Саидова, – проговорил он, выходя навстречу Гюльчехре. – А мы ожидаем от вас телеграммы. Где вы остановились?

– У своих знакомых, – ответила девушка и, подчиняясь знаку ректора, опустилась в кресло.

– Это недалеко?

– Нет, прямо здесь, на Лабзаке.

– Ну что же… Если желаете, мы предоставим вам место в гостинице.

– Нет, спасибо. Мне там хорошо… Я всегда там останавливаюсь, когда приезжаю в Ташкент.

– Прекрасно. Гюльчехрахон, прежде всего я поздравляю вас с наградой. Ваша работа всем нам по душе. Конечно, есть в проекте отдельные, частные недостатки. Но это и в самом деле частности, мы потом об этом поговорим. Замечания в основном по интерьеру. Что же касается внешнего вида, то ваше кафе очень удачно компонуется с новой гостиницей. Строители предлагают возводить оба здания одновременно. Но ведь гостиница-то почти уже готова. Хотите посмотреть?

– Было бы неплохо.

– Хорошо. Я сам вас отвезу.

Ректор нажал на кнопку в углу стола, и в комнату вошла секретарша.

– Послезавтра в двенадцать собрание. Будут вручаться премии победителям конкурса…

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

Гюльчехра никак не ожидала, что всё будет именно так. Она ехала в машине с ректором и как будто даже отвлеклась от своих волнений и тревог.

Через полчаса они подъехали к будущему студенческому городку. Строительство здесь велось ускоренными темпами. Куда ни глянь, везде подъёмные краны, самосвалы…

– А вот это гостиница «Ёшлик». Мы приехали.

Машина остановилась. Ректор вышел и протянул руку Гюльчехре.

– Но ведь здание уже готово, – с удивлением сказала девушка.

– Ещё много работы. Однако к концу года обещают сдать.

Они вышли на широкую строительную площадку. Старик сторож двинулся навстречу гостям.

– Здравствуйте, Сулейман-ата! – любезно поздоровался с ним ректор. – Как ваши дела? Вот познакомьтесь с нашим молодым архитектором. Гюльчехра Саидова.

– Очень хорошо, очень хорошо! – старик оглядел девушку с головы до ног. – Говорите, архитектор?

– Ну да! – рассмеялся ректор.

Гюльчехра смутилась, опустила голову.

– Глядите-ка, оказывается, и из девушек выходят архитекторы.

– Да ещё какие! А ну-ка, отец, показывайте своё хозяйство! Пойдёмте!

* * *

Вечером бабушка Абсутай встретила уставшую Гюльчехру словами:

– Была я у своей родственницы. Она обещала помочь. Только она сначала хотела с тобой поговорить. Пойдём к ней в начале будущей недели. Она сказала, чтобы ты не волновалась, всё будет в порядке…

И Абсутай обняла девушку, погладила её вздрагивающие плечи.

В тот день, когда вручались премии и награды, институтский зал был переполнен. Гюльчехру усадили в президиум. Было много всяких речей. Председатель жюри Захидов поздравил её и вручил премию. Потом выступил ректор.

– Я очень рад, – сказал он, – что победительницей оказалась наша студентка. Вижу, что эту радость разделяет весь наш коллектив. Я от души желаю Гюльчехре новых успехов.

Гюльчехра вышла из института ошеломлённая, у неё кружилась голова. «Я недостойна таких похвал, – думала девушка. – Надо будет обязательно посоветоваться с преподавателями насчёт типовых построек в Мингбулаке. Как всё-таки избежать однообразия?»

Следующие два дня Гюльчехра почти целиком посвятила хождению по магазинам, покупкам. Позаботилась она и о бабушке Абсутай: преподнесла ей голубой шерстяной отрез на платье. Старуха растрогалась, даже молитву прочитала. Конечно, Гюльчехра и себе купила кое-что из одежды. Ещё в прошлый свой приезд в Ташкент она мечтала приобрести белые индийские туфельки. Не нашла она их и теперь. Однако продавщица отдела обуви в ЦУМе посоветовала ей зайти послезавтра, туфельки привезут чешские, но они ничуть не хуже индийских.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

В тот же день Гюльчехра решила поехать в строящийся студенческий городок. Девушку тянуло туда, ведь там будет стоять её здание!

Старик сторож обрадовался Гюльчехре, угостил её большим ломтем дыни хандалаки. Девушка походила немного по строительной площадке, а потом поднялась на пятый этаж гостиницы.

– Будь осторожна, дочка! – крикнул ей снизу Сулейман-ата. – Далеко ли до греха, здание ещё не закончено!

Гюльчехра не послушалась его, вышла на балкон, ещё не ограждённый перилами, и прислонилась к дверному косяку.

Город был перед нею, рядом с нею.

Сквозь изумрудную листву громадных чинар и тополей просвечивали белые и красные крыши домов. Вдалеке вырисовывались контуры гор. Вершины их отливали серебром на солнце. Лёгкий ветерок шевелил пряди волос, овевал лицо, шею.

«А что, если крышу кафе превратить в веранду? – вдруг подумала Гюльчехра. – Нет, к сожалению, придётся во многом изменить проект… Стоит всё-таки попробовать – вчерне». Девушка спустилась вниз.

– Ну как, нравится? – спросил Сулейман-ата.

– Что и говорить… И воздух такой хороший, так легко дышится.

– Э, дочка, здесь будет рай, да и только. Ну да тебе лучше знать, как здесь будет, – сказал старик.

Гюльчехре было пора домой, на Лабзак. Когда она добралась до Хадры, вдруг вспомнила о чешских туфельках в ЦУМе. Трамвай довёз её до театра Навои.

Народу в магазине было много, однако продавщица, увидев Гюльчехру, поманила её к себе:

– Вот, можете примерить.

Гюльчехра села на стул рядом с прилавком. Туфельки и в самом деле оказались очень красивые: аккуратно скроенные, белые, по началу подъёма – тоненькая золотая цепочка, и каблук не слишком высокий, удобный.

Девушка примерила их – подошли на диво!

– Большое вам спасибо, – сказала она продавщице.

Та в один миг вложила туфельки в коробку и выписала чек.

– Поздравляю с удачной покупкой, – произнёс кто-то сзади.

Девушка обернулась и увидела Шаходат-холу. И сразу словно туман поплыл перед глазами Гюльчехры.

– А я давно за тобой наблюдаю, думаю: Гюльчехра это или нет? Ну, как поживаешь, как домашние? Все ли в порядке? Когда приехала?

– Я здесь уже четыре дня, – девушка сама не узнала своего голоса. – Меня вызвали в институт.

– Ну разве так можно, милая? Уж сколько прошло времени, а ты даже к нам не заглянула!

– Загляну. Как ваше здоровье? – спросила девушка. А глаза помимо её воли

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

отметили поразительное сходство в выражении лица Шаходат-холы и Абдуллы. – Как поживает Гафурджан-ака?

– Слава аллаху. Сейчас ему немного лучше. Мы, старики, сейчас живём предстоящей свадьбой…

– Свадьбой?!

– Решили поженить нашего Абдуллу.

Гюльчехра была вынуждена облокотиться о прилавок.

– Он учится вместе с ней, – продолжала Шаходат-хола. – Она славная девушка. Знаешь, кто у неё отец? Академик Курбанов. Ты, наверно, о нём слышала. Так вот. Наверно, в июне и соберёмся. Всё уже слажено…

– Поздрав… Поздравляю, – у Гюльчехры было впечатление, будто кто-то другой говорит за неё. – Пусть будут счастливы… – Она собрала все свои силы и выпрямилась. – Пусть будут счастливы…

У неё совершенно выпало из памяти, как она простилась с Шаходат-холой, как вышла из магазина, как пришла на Лабзак. Она что-то проговорила Абсутай, которая суетилась во дворе, поднялась в дом, в свою комнату, и легла на кровать.

Через некоторое время бабушка Абсутай заглянула к девушке. Гюльчехра посмотрела на неё ничего не выражающими, безразличными сухими глазами.

– Что случилось, дочь моя?! – спросила старуха.

Гюльчехра не ответила. Так она пролежала до самого вечера. А потом вдруг поднялась с постели, вынула из коробки белые туфельки, надела их и вышла во двор.

– Куда ты в такую пору, доченька? – забеспокоилась бабушка Абсутай.

– Я прогуляюсь немного, у меня голова болит, – сказала Гюльчехра и направилась к воротам.

Она прямиком направилась к гостинице «Ёшлик» и вскоре очутилась на строительной площадке. Как раз в это время сторож Сулейман-ата выглянул из своей будки.

– Кто там? – крикнул старик.

– Это я, Гюльчехра, – ответила девушка.

– Что, дочь моя, не спится? – сразу узнал её старик.

– Скучно мне стало… Вышла погулять, прошлась немного по улицам. Сулейман-ата, как вы думаете, понравится моё здание людям?

Гюльчехра теперь явно волновалась, нервничала. Голос у неё был такой… Сулейман-ата попробовал её успокоить: – Дочь моя, ещё как понравится! Гостиница будет самым красивым зданием в городе! О Аллах, сделай так, чтобы век твой, доченька, был долгим!

– Спасибо, ата.

– Да, ты уж можешь мне поверить. Сулейман-ата не врёт. Люди будут хорошо о тебе думать. Это уж точно. Твоё кафе будет местом радости, отрады.

– Да сбудутся ваши слова, ата.

Девушка призадумалась. А Сулейман-ата какими-то новыми глазами посмотрел на здание гостиницы, и показалось ему, что оно похоже на громадную птицу, распростёршую широкие крылья. Старик даже удивился вслух:

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Ты погляди только, гостиница-то словно полететь собирается!..

Молодая женщина не ответила. Она постояла ещё в раздумье, а потом исчезла в темноте. Сулейман-ата немного подумал, окликнул её раза два и пошёл к себе в будку. Старик снова захотел чаю.

А Гюльчехра, чуть слышно постукивая каблучками по ступенькам, осторожно поднялась на пятый этаж тёмного здания. Как и утром, вышла она на балкон, ещё не ограждённый перилами, прислонилась плечом к стене.

Лунный был вечер над Ташкентом, светлый. Лёгкий, прохладный ветерок поправил прядку волос на виске девушки. В отдалении листья громадных чинар и тополей блестели, словно великое множество серебряных монет.

Вдруг луна поплыла, замелькала в заблудившемся дырявом облаке, подгоняемом ветерком. Гюльчехра пристально смотрела на луну, всем своим существом ощущая её плавное стремительное движение. Она даже подалась немного вперёд, и какое-то мгновение она и луна словно бы плыли вместе. Но тут Гюльчехра вспомнила, что находится на балконе, и резко отпрянула назад. Она отвела назад обе руки, чтобы опереться о спасительную стену. Но её не было. Гюльчехра забыла, что она стояла боком к стене!

«Мама!» – хотела крикнуть она, но крик застрял в её горле. Она уже падала.

Перевод А. Орлова

Практическое задание

Персонаж	Что он/она хочет	Как ведёт себя (поступки)	Внутренний конфликт	К чему приводят его решения
Абдулла				
Гюльчехра				
Шаходат-хола				
Гафурджан-ака				
Самад и Касымджан				

Творческое задание

Напишите эссе на одну из предложенных тем:

1. Можно ли оправдать Абдуллу?
2. В чём трагедия Гюльчехры?
3. «Учёным стать можно, человеком стать трудно» (по эпизодам из жизни Абдуллы).

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

БОРИС ПАСТЕРНАК (1890–1960)

Борис Леонидович Пастернак – русский поэт XX века, прозаик и переводчик. В детстве он мечтал стать композитором, сочинял и импровизировал на фортепиано. В юности хотел быть философом, но судьба распорядилась иначе: Борис Пастернак стал писателем, и именно литература принесла ему в 1958 году Нобелевскую премию за роман «Доктор Живаго».

Подготовка к встрече с текстом

«Февраль. Достать чернил и плакать!»

Лирика Б. Л. Пастернака пронизана особым видением мира, тонкой философичностью, музыкальностью слога, многообразием тем и мотивов, индивидуальными чертами, характерными для его поэзии.

Пастернак начинает творческую деятельность в эпоху Серебряного века и исследует модернистские формы поэтики в своей лирике. Его имя некоторое время относилось к числу футуристов, но поэзия автора была близка и символистам. Его стихи необычайно метафоричны и скрывают смыслы предназначения творческой силы, любви, природы и человеческого существования.

Стихотворение «Февраль. Достать чернил и плакать!», относящееся к ранней лирике Б. Пастернака, было написано им в 1912 году и опубликовано спустя год в числе пяти стихотворений поэта в коллективном сборнике «Лирика». На протяжении всей жизни Пастернак не раз возвращался к одному из самых любимых своих стихотворений, дорабатывал его, стремясь передать ощущение сиюминутности. В 1945 году поэт включил в сборник «Избранное» новый вариант произведения, однако спустя десятилетие вернулся к прежней его редакции. В итоге стихотворение, словно слепок текучей и изменчивой жизни, отражает внутреннюю и внешнюю реальность через впечатления, схваченные «на лету».

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Основной темой стихотворения является изображение природы, описание приближающейся весны, и сквозь призму картины природы даётся картина порывов человеческой души и рождения поэзии. Основная идея «Февраля» заключается в обновлении природы и человеческой души в преддверии весны. В произведении нашло отражение увлечение поэта эстетикой символизма.

***

Февраль. Достать чернил и плакать!
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною чёрною горит.
Достать пролётку. За шесть гривен,
Чрез благовест, чрез клик колёс,
Перенестись туда, где ливень
Ещё шумней чернил и слёз.

Где, как обугленные груши,
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.
Под ней проталины чернеют,
И ветер криками изрыт,
И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.

1912

Давайте обсудим

1. Как вы понимаете выражение «достать чернил и плакать»? Что хотел передать Пастернак через образ зимнего февраля и настроения лирического героя?
2. Какие чувства преобладают в стихотворении? Подберите 2–3 строки, которые наиболее ярко это показывают.
3. Какие темы поднимает Пастернак: личная тоска, осознание времени, природа, творчество? Обоснуйте свой ответ.

Практическое задание

Найдите в стихотворении примеры метафор, олицетворений, эпитетов. Выпишите их. Как они помогают передать атмосферу и внутреннее состояние героя?

Творческое задание

Подготовьте презентацию о жизни и творчестве Б.Л. Пастернака.

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

Подготовка к встрече с текстом

«Во всём мне хочется дойти…»

Стихотворение Пастернака «Во всём мне хочется дойти до самой сути» – это манифест поэта, утверждающий стремление постичь глубинный смысл бытия через все грани жизни – от «сердечной смуты» и «страсти» до «свойств», «проявлений» и «движений» мира, – где всё связано и всё подлежит поэтическому осмыслению, а финал сравнивает поэзию с возделываемым садом, требующим самоотверженного труда ради единства и совершенства мироздания.

Борис Пастернак всегда много размышлял о творчестве, пытаясь вывести его формулу. И вот в этом произведении он рассматривает составляющие своего творчества, говорит о том, что он стремится к совершенству. И всё же поэт пока не видит себя как по-настоящему талантливого литератора, считает, что ему есть к чему стремиться. И продолжает работать над собой.

Стихотворение «Во всём мне хочется дойти» написано в сложный для Пастернака период, когда все литераторы ополчились на него, стали оппонентами. И вот в 1956 году поэт создал это произведение именно из раздумий о своей судьбе и сути своего творчества.

Во всём мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протёкших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.
Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.
О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.
О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

***

Я вывел бы её закон,
Её начало,
И повторял её имён
Инициалы.
Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.
В стихи б я внёс дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.
Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.
Достигнутого торжества
Игра и мука –
Натянутая тетива
Тугого лука.

1956

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Давайте обсудим

1. Как вы понимаете стремление лирического героя «дойти до самой сути»? О чём идёт речь: о познании мира, себя или творчества?
2. Каким предстаёт лирический герой стихотворения? Подберите 2–3 определения, подтвердив их строками из текста.
3. Найдите в стихотворении примеры метафор или обобщённых образов. Какую роль они играют в раскрытии авторской позиции?

Подготовка к встрече с текстом

«Быть знаменитым некрасиво…»

Стихотворение Пастернака «Быть знаменитым некрасиво» (1956) – это философское размышление о назначении истинного поэта и служении искусству, где автор утверждает, что слава и стремление к ней – низменны, а главное для творца – самоотдача, погружение в суть бытия и правдивое отражение жизни, что со временем само принесёт признание, минуя суету и ложные цели. Пастернак критикует «архивных» поэтов, гоняющихся за громкой славой, и призывает отказаться от практического использования чувств, доверяя суду времени.

Оно было написано после целой череды событий в жизни поэта и страны. Пастернак много занимался переводами и размышлял о сути творчества, результатом этих размышлений и стала выстраданная истина, облечённая в поэтическую форму в 1956 году.

В этом стихотворении автор высказывает свои мысли о том, каким должен быть творческий человек, описывает свои взгляды на литературное творчество.

Лирическое стихотворение Бориса Пастернака «Быть знаменитым некрасиво…», по иронии судьбы, знаменито, как и сам её автор. Давно ставшая афоризмом первая строчка является примером, доказывающим, как важно, чтобы начало литературного произведения мгновенно захватывало читателя и заставляло с жадностью читать текст дальше до самого конца. По сути, уже в первой строке своего стихотворения автор формулирует художественную и личностную позицию, весьма небанальную для поэта. Ведь известно, что люди творчества во все времена остро нуждались в понимании и успехе. Часто во всём сомневающиеся, именно благодаря восторженному отношению к себе они понимают, что творят не напрасно. Однако Пастернак чётко разграничивает понятия «шумиха» и «любовь пространства» («будущего зов»).

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

***

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.
Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.
Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.
И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчёркивая на полях.
И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.
Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.
И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

1956

Давайте обсудим

1. Как Пастернак понимает истинное предназначение поэта и человека? Почему, по мнению автора, «быть знаменитым некрасиво»?
2. Какими качествами должен обладать человек, живущий «не напоказ»? Подтвердите ответ строками из стихотворения.
3. Найдите в тексте примеры противопоставления внешнего успеха и внутренней честности. Какую роль они играют в раскрытии идеи произведения?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

УЛУГБЕК ХАМДАМ (1968)

Улугбек Хамдам – современный узбекский писатель, поэт, публицист, переводчик. Полное имя – Улугбек Абдувахобович Хамдамов. Он переводит на узбекский язык произведения, написанные на любом языке тюркской языковой группы. В поэтических образах своих произведений Улугбек Хамдам описывает судьбы разных людей. Автор сборника рассказов и повестей «Одиночество», романов «Равновесие», «Бунт и смирение».

Давайте поговорим

1. Что вы знаете о современной узбекской литературе? Какие темы, по-вашему, волнуют писателей XXI века?
2. Какие ассоциации вызывает у вас слово «шиповник»?
3. Почему, на ваш взгляд, растение с красивыми цветами имеет шипы?

Подготовка к встрече с текстом

Мини-роман «Шиповник»

В центре литературного произведения современной узбекской прозы находятся философские взгляды автора на человека и вселенную, то есть расширяется содержание, автора интересует не сам человек, а его суть, сущность.

Углубление философского содержания произведений естественным образом ведёт к обновлению средств выражения, поиску новых поэтических форм, аллегоричности и ясности в художественных произведениях. В частности, усиливается акцент на имена героев, определённые события и явления, и на этой основе выражение философской аллегоричной мысли.

Всё перечисленное имеет непосредственное отношение к мини-роману «Шиповник»

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

талантливого узбекского писателя Улугбека Хамдама. Прежде всего, жанр мини-романа – явление новое для узбекской литературы. Данный жанр имеет место в мировой литературе в качестве воссоздания романов в сжатой форме или сжатых их копий.

Несмотря на то, что роман состоит из четырёх страниц, в нём изображается судьба трёх поколений. Представители первого поколения делились плодами кустарника, который рос посреди дачного двора двух соседей, их дети около шиповника клянутся создать семью. После их смерти дети и наследники, т.е. следующее поколение, дошли до убийства друг друга из-за этого шиповника. А юноша и девушка, представители третьего поколения, около этого таинственного кустарника влюбились друг в друга. Литературовед Ш. Турдимов, написавший краткое предисловие к первому в узбекской литературе мини-роману «Шиповник», говорит: «Тайна, скрытая в названии романа, данном писателем, раскрывается при изложении событий. Здесь выясняется, что шиповник – это не кустарник, к которому мы привыкли, а имя, которое открыто писателем. На самом деле, в именах скрываются все тайны сущего, мироздания». Читатель, осознавший его значение, понимает весь секрет произведения, обращает внимание на мудрость, выраженную в произведении, на последовательное изменение способа её выражения для каждого поколения.

Шиповник в данном произведении не только кустарник, но и символ гордости, чести и достоинства. Через отношение к нему автор раскрывает отношение поколений к человеческим ценностям. Знаменательно, что жизнь новых поколений протекала вокруг шиповника.

В романе небольшое количество событий, однако идея автора скрыта в названии произведения. Шиповник – это лечебный кустарник, который растёт среди диких скал, но протягивает свои нежные цветы к солнцу. В названии романа У. Хамдама скрыто другое значение. Цветы этого растения означают человеческие ценности, чистоту, достоинство и другие понятия.

Каков взгляд человека на мир, так же отвечает мир ему. Этот повторяющийся в мини-романе мотив, являясь его рамочной действительностью, редактируется, меняется при интерпретации каждого поколения в соответствии с его судьбой. Глава о первом поколении заканчивается словами «говорили мудрецы», что указывает на неопределённую информацию о судьбе предков, в судьбе же поколений, описанных в следующей главе, заключение приводится в несколько более реалистичной форме – «говорили». В заключительной, третьей главе мини-романа мудрость интерпретируется в качестве реальности, превратившейся в истину.

«Шиповник вырос на земле, покрытой травой, между двух дач». В том, что шиповник появился таким образом из небытия, имеется особая мудрость. Ничто в мире не появляется из небытия, и имеющееся не может уйти в небытие. Если мыслить философски, появление шиповника имеет свою определённую идейно-эстетическую основу. Будь это биологический процесс, будь случайность, всё же в произведении указывается на божественный дар. Любовь, появившаяся благодаря этому кустарнику, явилась причиной сближения двух дачников и их сватовства. В чём же проявляется отношение к шиповнику первого поколения? Они, положительно отнесясь к кустарнику,

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

не стали присваивать его целебные плоды, а делились ими, оберегали, заботились о кустарнике и на этой основе жили благополучно. Мудрость, приведённая писателем в лейтмотиве произведения, находит своё подтверждение в отношении первого поколения к шиповнику, являющемуся аллегоричным символом. Шиповник – не только поэтический образ, выражающий сюжет и композиционную идею романа, но и ключ к раскрытию концепции и эстетической позиции писателя.

Данная мудрость, пройдя испытание веками, находит своё подтверждение в отражении судеб людей. Об этом мы узнаём по описаниям судеб поколений в произведении. Сюжет произведения развивается на основе отношений трёх поколений к поэтическому образу шиповника. Шиповник, таинственным образом появившись в жизни первого поколения, является важным фактором в соприкосновении их жизненного пути (судеб).

В литературе каждого языка есть только ему присущие образы и понимание того, какой целью руководствуется автор этих образов. В художественном переводе воссоздание образных значений является сложнейшей задачей, поскольку при переводе трудно сохранить экспрессивность оригинала.

ШИПОВНИК

Мини-роман

Какими глазами посмотрит на мир человек,
Тем же и мир ответит ему
(как говорят мудрецы...)

На сухой земле межи, разделявшей две соседние дачи, вырос когда-то куст шиповника. Куст этот никто не сажал, он появился сам по себе, хотя, как оказалось, он, словно таинственный перст судьбы, возник вдруг на жизненном пути двух соседей… А может быть, это люди повстречались на его пути, кто знает…

Появившись, он с годами тянулся всё выше, к небу, разрастаясь и в ширину во все четыре стороны так, что издали куст этот можно было принять за дерево. Соседи практически не обращали на него внимания, никто из них не считал его своим: ни родители девушки, ни семья юноши. Всякий раз осенью, когда собирали урожай с деревьев на обеих дачах, только плоды шиповника сиротливо оставались на ветках. Если кто-то из семьи юноши упрекал соседей: «Почему же не собираете шиповник? Ведь снег скоро пойдёт. Грех такому добру пропадать!», то из семьи девушки игриво отвечали: «Да что вы говорите, уважаемые? Ведь большая часть веток шиповника свисает на вашу сторону, а потому и плоды, несомненно, принадлежат вам. Ну-ка, быстренько соберите, пока они не пропали»…

Так, в пустых спорах двух сторон ягоды шиповника оставались несобранными… Между тем, шли годы, сменяя друг друга…

Как-то весной юноша приехал на дачу. Взяв в руки кетмень, вышел в сад и вдруг увидел стоявшую рядом с буйно цветущим шиповником соседскую девушку. Он резко остановился как конь, у которого натянули узду. Поначалу он кашлянул, дабы не спугнуть застывшую в задумчивости деву, и, сам того не осознавая, невольно сделал

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

два-три шага в её сторону. Собравшись с мыслями, девушка, несколько отступив назад, поздоровалась и, желая разрядить обстановку, восторженно сказала: «Только взгляните, как красиво цветёт!» И неожиданно запнулась: юноша все приближался к ней, не отрывая взгляда от бело-розовых цветов шиповника, чудесным облаком накрывших куст. Действительно, это цветущее чудо наполняло ароматом округу, маня к себе пчёл, перелетавших с цветка на цветок. Склонившись к кусту, юноша бережно вдохнул аромат светло-розового чуда. На него пахнуло розой и ещё чем-то неуловимо нежным и, возможно, это было благоухание нектара. Запах этот был нежным, чарующим, дурманящим!..

Выпрямившись во весь рост, он снова глубоко вдохнул аромат цветущего шиповника и отчётливо ощутил благоухание другого цветка, стоявшего перед ним, самого лучшего цветка в мире – то был аромат амбры, исходивший от волос девушки-соседки. В одно мгновенье голова его сладко закружилась… И с того мгновения дальнейшая судьба его была предопределена…

– Гляньте, прошлогодние ягоды до сих пор висят на ветках, они будто спрятались за этими новыми цветами и листьями! – проговорила девушка, тщетно пытаясь высвободиться из пьянящих уз. – Знаете, о чём это говорит?..

– Как же не знать: о лени наших соседей! О чём же ещё? Не смогли собрать ягодки вовремя? Девушке не пристало быть такой лентяйкой! – шутливо ответил ей юноша.

– Сами вы лентяй! – кокетливо парировала девушка. – Но согласна, осенью я соберу урожай сразу за два года и обеими руками преподнесу его вам!...

– Ха-ха-ха! – удовлетворённо засмеялся юноша, смех девушки слился с его смехом…

Колесо времени между тем сделало очередной круг, и наступила та осень, о которой говорила девушка. Осень!.. Долгожданная пора сбора даров природы!..

…Юноша в будний день, когда на дачах никого не бывает, перед закатом появился на даче. Держа в руке ведёрко, он собрал созревшие ягоды шиповника с тех веток, которые свисали на его сторону, и, оставив под кустом наполненное ведро, возвратился в город…

Как обычно, в выходные дни члены обеих семей собрались на своих загородных участках. С торжествующей улыбкой парень взял оставленное накануне под шиповником ведро ягод и отправился по тропинке к соседям с целью проучить языкастую девушку. Но вдруг оказался лицом к лицу с ней, стремительно шагавшей ему навстречу и державшей в руке такое же пластмассовое ведро.

– Ассалому алайкум! – склонился в приветствии юноша.

– Ваалайкум ассалом! Добро пожаловать, сосед! Мир вам! А вот и обещание той лентяйки! – девушка протянула своё ведро ошарашенному парню: в ведре были ягоды шиповника! А в следующее мгновение взгляд её неожиданно упал на ведро в руке парня, и она несказанно удивилась. Оставив вёдра, оба кинулись к кусту шиповника… и обнаружили, что на нём практически нет ягоды: девушка собрала для юноши плоды шиповника со своей стороны, а он для неё – со своей. Только девушка сделала это утром, а юноша вечером, не заметив, что ягоды шиповника с другой стороны уже собраны…

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

…А обе мамы, узнавшие о событиях вокруг благоухающего шиповника и затаённо вознамерившиеся стать родственницами, приукрашенно поведали обо всём отцам семейств… Какой же смысл было тянуть теперь с исполнением задуманного, ведь довольство отца – довольство Господа!..

Свадьбу сыграли весной, в пору цветения шиповника…

Какими глазами посмотрит на мир человек,
Тем же и мир ответит ему.
(как говорят...)

Давайте обсудим

1. Прочитайте первое предложение текста. Почему автор сразу подчёркивает, что куст *никто не сажал*?
2. Какие ассоциации вызывает выражение «таинственный перст судьбы»?
3. Как вы думаете, может ли обычное растение стать «участником» человеческой судьбы? Приведите примеры из жизни или литературы.
4. Почему, по вашему мнению, произведение называется именно **«Шиповник»**, а не «Соседи», «Дача», «Любовь»?

Практическое задание

1. Заполните таблицу (устно или письменно):

Шиповник как растение (внешние признаки)	**Шиповник как символ** (возможные значения)

2. Чем может закончиться история куста, который:
   - красиво цветёт,
   - никому не принадлежит,
   - растёт между двумя соседними дачами.

   Запишите 1–2 предположения.

Давайте поговорим

Бывали ли в вашей жизни ситуации, когда из-за мелких споров или условностей люди упускали что-то ценное?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

II

И после этого шиповник вновь и вновь цвёл и десятки раз сбрасывал свою листву, возрождаясь весной. Юноша и девушка, ставшие семьёй, жили, подобно шиповнику, ветвясь и укореняясь на ниве жизни и подобно ему плодонося. Но пришло время и, в отличие от могучего куста, они состарились, произведя на свет двух сыновей и двух дочерей, от которых, в свою очередь, родились одиннадцать внуков. Родители, давшие благословение своим детям, давно уже покинули этот мир, а счастливая супружеская чета на склоне лет вот уже долгое время жила на своей даче, вообще не выезжая в город. Попросту говоря, они полюбили эту землю, обрели здесь смысл своего существования. И, доживая свои земные дни, завещали старики похоронить их рядом друг с другом на этой, ставшей родной, земле…

А шиповник между тем сильно разросся. Старик со старухой ухаживали за ним до конца своих дней: обрезали сухие ветки, лелеяли новые побеги, оберегали кустарник, словно младенца, проявляя родительскую доброту и милосердие. И результатом того внимания было то, что шиповник и по сей день величественно произрастает между двумя дачами, напоминая новым поколениям о старых добрых временах: будто время остановилось, и словно вот-вот через минуту прибегут сюда тот юноша и та девушка, чтобы насладиться ароматом цветущего куста, и станут собирать прошлогодние ягоды, а потом, потом… сыграют весёлую свадьбу…

…Но нет. Время неумолимо, и все мы в его воле – парень и девушка достойно прошли свой жизненный путь и, превратившись в старика и старуху, покинули этот мир. А их место под солнцем успели занять следующие поколения. И опять как много лет назад с одной стороны от шиповника появился на свет сын младшего сына старика и старухи, а на соседней даче родственница старухи тоже произвела на свет такого же возраста молодого наследника!

Знаменательно, что жизнь новых поколений тоже протекала вокруг нашего шиповника. Интересно, весьма интересно, как же будут складываться отношения с ним представителей этого поколения: на «ты» или на «вы»?..

– Шиповник принадлежит мне. Скажи своим детям, чтобы они не смели приближаться к нему. Все ягоды соберём сами! – угрожающе заявляет одна сторона.

– Держи карман шире! Большая часть веток шиповника свисает в мой двор, следовательно, это моя собственность. Если я узнаю, что ты взял хоть одну ягодку, сосед, обещаю: разнесу твой сад со всеми потрохами! – парируют с другой стороны…

Так и возник конфликт между соседями. Ни одна, ни другая стороны ни в чём не желали уступать друг другу. Конфликт разрастался и со временем вылился в жестокую неприязнь, а неприязнь, в свою очередь, переросла в холодную войну. В результате соседи и родственники стали ярыми врагами. Дело дошло до того, что в один несчастный день противоборствующие стороны решили воздвигнуть стену на меже между двумя домами. Однако и здесь не было достигнуто согласия в определении границ. Каждая сторона хотела, чтобы куст шиповника остался у неё! Цыплят, как известно, по осени считают: стену, мысленно воздвигнутую одной стороной, во что бы то ни стало хотела разрушить другая, которую не устраивало, что шиповник оказывался вне её владений…

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

И вот как-то один из соседей в явно неблагоприятный день заметил, что листья на его деревьях стали вдруг сохнуть. Дачнику было непонятно: коли растения регулярно поливаются и удобряются, почему они сохнут, будучи совершенно здоровыми? Он окинул взглядом деревья своего соседа – все они благополучно росли и плодоносили. Тогда он, внимательно осмотрев почву под своими деревьями, увидел на ней следы известкового раствора. И ему стало все ясно, наступил Судный день!

Намереваясь наказать соседа за его подлость, он, призвав двух своих сыновей и вооружив их топорами, ворвался в его сад и яростно стал рубить ветви того шиповника, который когда-то неведомым образом вырос между их дачами и был естественной границей между участками. Теперь, после расправы с кустом, он способен был на любую месть. Изувечив, изрубив ветви шиповника, обиженный дачник почувствовал вседозволенность и готов был совершить любое кровопролитие. По крайней мере, такое чувство охватило душу этого соседа…

Прибежавший на стук топоров хозяин увидел, что трое мужчин успели искалечить добрую половину деревьев его сада. В отчаяньи он, желая остановить вандалов, вцепился в руку вооружённого топором злодея. Тот же, изо всех сил напрягся, желая оторвать от себя соседа. Когда взгляды их встретились и тела слились в смертельной схватке, кровь, враждебно пульсировавшая в их жилах вот уже несколько лет, забушевала подобно вулкану. В результате остриё топора, только что рушившее твёрдые стволы деревьев, пало на мягкую шею человека…

Спустя несколько лет, осужденный и заключённый за решётку убийца-сосед, тоже покинул этот мир, скончавшись от туберкулёза лёгких…

Какими глазами посмотрит на мир человек,
Тем же и мир ответит ему
(говорят…)

Давайте обсудим

1. Чем отношения первых соседей отличаются от отношений их потомков?
2. Почему потомки не сумели сохранить то, что было создано их предками?
3. Как меняется отношение людей к земле, собственности, соседству?

Письменное задание

Заполните таблицу:

Первое поколение	Новое поколение
отношение к шиповнику	
отношение к соседям	
итог жизненного пути	

RESPUBLIKA MARKAZI

Давайте поговорим

1. В чём, по-вашему, главная мысль произведения?
2. Почему автор повторяет фразу:
«Какими глазами посмотрит на мир человек, тем же и мир ответит ему»?
3. Можно ли было предотвратить трагический финал? На каком этапе?
4. Кто в этой истории несёт наибольшую ответственность за произошедшее?

Работа в группах

1. Выделите этапы развития конфликта:
   - спор → неприязнь →
   - вражда → трагедия
2. Какие человеческие качества привели к такому развитию событий?
3. Какие качества, напротив, могли бы сохранить мир?

Давайте обсудим

1. Почему шиповник пережил людей, но не пережили люди свою вражду?
2. Можно ли считать гибель куста нравственным приговором героям?
3. Как соотносится круговорот жизни природы и итог человеческой жизни?

Творческое задание

1. Напишите мини-эссе «Шиповник как зеркало человеческой души».
2. Продолжите фразу: «*Если бы шиповник мог говорить, он бы сказал людям…*»
3. Подберите пословицу или афоризм, которые соответствуют смыслу финала.

Давайте поговорим

Что страшнее в этом произведении: гибель человека или утрата человечности?

III

Когда обоих соседей, участвовавших в кровопролитии, не стало, шиповник той же весной дал новые ростки от корней. С годами он разрастался… Пришла очередная весна, пора пробуждения! Птицы весело чирикали, пчёлы жужжали, ветерок шёпотом пересказывал человеческие истории на своём языке. От чудной гармонии и умиротворения у всякого очищалась и раскрывалась душа… Однако где же тот, кто понимает язык ветерка? Родится ли тот, кто узнает секреты земли по шелесту листьев?! И веление Господне, заложенное в недрах земных?

Первый день

Вот сын Адама покинул свою обитель, чтобы воспеть красоту мира: девочка-подросток выскочила из дома и, побежав в сторону сада, поскользнулась, пробегая мимо

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

куста шиповника. Да так и осталась там, с интересом глядя на цветущие молодые побеги. А с другой стороны сада появился мальчик примерно того же возраста, что и она, ну, может быть, старше её на год или два. Приблизившись к девочке, он спросил её: «Что ты разглядываешь?»

– Не знаю, как это называется. Но посмотри, как оно красиво цветёт! А ты знаешь его название?

Подросток отрицательно покачал головой: «Действительно, очень красиво», – подумал он и, нагнувшись, вдохнул аромат цветов…

– Красиво-то красиво, но из-за него… из-за него! – девочка не смогла продолжить. Слова комом застряли в её горле. Она постояла ещё некоторое время, затем резко повернулась и, громко зарыдав, побежала к дому…

Второй день

Подросток проснулся ранним утром. Да и спал он совсем немного. Не вставая, он долго думал, но так и не додумал свои мрачные думы. Наконец, тяжело поднявшись, мальчик вышел во двор, умылся ледяной водой, но легче не стало: мрачные мысли продолжали тяготить его душу. А ноги почему-то настойчиво тянули и тянули его к ожившему кустарнику. Не в силах сопротивляться он невольно двинулся к шиповнику. Подошёл и встал у куста на колени…

Колесо времени неустанно вертелось...

Мать позвала его обедать, но парнишка не двинулся с места: обхватив колени, он ждал вчерашнюю девочку. Будто кто-то шептал ему: «Жди, она непременно придёт». И, прислушиваясь к этому внутреннему голосу, он неподвижно ждал. И вдруг, в лучах заката среди деревьев мелькнуло знакомое платьице девочки. «Наконец-то!» – мальчишка глубоко и сладко вздохнул.

– Ты плакала?

Девочка молчала.

– Плакала, долго плакала, – утвердительно продолжал подросток, по-взрослому чеканя каждое слово. – …Слышал, мать вчера все рассказала. Я не знал этого раньше. Однако же до наших отцов жили ведь и наши деды, которые поженились по любви… А ты об этом знала?

Девочка ничего не ответила.

– И всё это произошло благодаря этому шиповнику… – продолжил парнишка.

Девочка слушала молча. Казалось, она тоже знала историю деда и бабушки. Немного постояв, так и не произнеся ни слова, она скрылась за деревьями…

Третий день

Они снова встретились возле того же шиповника.

– Ты узнала у матери название кустарника?

– Нет. А ты?

– Забыл...

Они помолчали с минуту, сосредоточенно думая...

– А вообще, это важно? – нарушил молчание мальчик.

– Как знать… Важно, кажется... – задумчиво ответила девочка.

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

Они ещё долго стояли у куста, названия которого не знали. Со стороны могло показаться, что эти два подростка – взрослеющая девочка и юноша – не могут решить, как относиться к шиповнику, но им очень-очень хотелось этого: они жестикулировали, кружили вокруг куста, горячо объясняя друг другу что-то… И кто знает, быть может, они вспоминали своих дедов, а может быть, своих отцов, или же у них на уме было совсем другое …

Какими глазами посмотрит на мир человек,
Тем же и мир ответит ему.
Перевод Р. Назарьяна

Давайте обсудим

1. Почему автор подчёркивает, что шиповник дал новые ростки после смерти соседей?
2. Как меняется настроение текста в описании новой весны?
3. Почему подростки не знают названия растения, но всё равно тянутся к нему?
4. Что заставляет девочку заплакать при виде цветущего куста?
5. Почему встречи подростков разделены на «первый», «второй», «третий день»?
6. Подумайте, кто в этой истории на самом деле «хозяин» шиповника.
7. Как меняется судьба шиповника на протяжении жизни нескольких поколений?
8. Что становится причиной конфликта между представителями нового поколения?
9. Почему спор из-за шиповника перерастает в вражду и трагедию?
10. Какую роль играет стена, которую хотят воздвигнуть соседи?

Творческое задание

1. Напишите продолжение финала: Что может произойти на четвёртый день?
2. Нарисуйте символическую схему: «Человек – природа – память – выбор».

Давайте обсудим

1. Чем может отличаться «мини-роман» от рассказа и романа?
2. Как вы думаете, почему мини-роман называется «Шиповник»? Какое идейное содержание несёт в себе название произведения?
3. Как появился шиповник?
4. Можем ли мы определить главный, повторяющийся мотив в произведении? Обратите внимание на эпиграф.
5. Почему автор в качестве поэтического образа в романе выбрал шиповник, возложив на него аллегоричное значение?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН (1937–2015)

Валентин Григорьевич Распутин – русский писатель и публицист, общественный деятель, один из наиболее значительных представителей «деревенской прозы». Распутин ни разу не изменил главным для себя темам – нравственности и человеческих взаимоотношений. Будь то воспоминания детства в «Уроках французского», испытания войной в «Живи и помни», горечь расставания с родной деревней и своими корнями в «Прощании с Матёрой». Своей главной книгой Валентин Григорьевич называл «Последний срок». Повесть как своеобразный жизненный итог, черта, у которой окажется каждый человек.

Давайте поговорим

1. Как вы понимаете выражение «последний срок»? С чем оно может быть связано в жизни человека?
2. Почему тема отношений между родителями и детьми часто становится центральной в литературе?

Подготовка к встрече с текстом

Повесть «Последний срок»

Главная героиня повести – восьмидесятилетняя старуха Анна, которая живёт у своего сына. Её внутренний мир наполнен переживаниями о детях, которые уже давно разъехались и ведут жизнь отдельно друг от друга. Анна думает лишь о том, что ей хотелось бы увидеть их счастливыми до того, как она умрёт. А если и не счастливыми, то просто увидеть их всех в последний раз.

Но её выросшие дети – это дети современной цивилизации, занятые и дело-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

вые, у них уже свои семьи, и они могут думать о многих вещах – и на всё им хватает времени и сил, кроме матери. Почему-то о ней они почти не вспоминают, не желая понимать, что для неё ощущение жизни осталось только в них, мыслями о них она только и живёт.

Когда Анна чувствует приближение смерти, она готова потерпеть до конца ещё несколько дней, ведь ей очень хочется увидеть свою семью. До своей последней минуты она любит их всей душой и жизненной силой, что ещё осталась в ней, но дети находят время и внимание для неё только ради приличия.

Они нелепы и неискренни в своём последнем желании уделить внимание умирающей матери. Ведь в последние дни жизни матери они могли бы хоть что-то подправить, могли просто искренне поговорить с ней и уделить ей внимание, но и на это их не хватило.

В. Распутин в повести «Последний срок» создал замечательный образ женщины-матери. Анна наделена добрым сердцем, умением прощать обиды, окружать людей теплотой и заботой. Анна – носительница традиционных ценностей: терпения, смирения, любви к детям, верности родной земле. Даже находясь на пороге смерти, она думает не о себе, а о судьбе своих детей. Её образ символизирует уходящий мир деревни, в котором главными были семья, труд и взаимная поддержка. Смерть Анны становится символом конца целой эпохи.

Название повести имеет глубокий смысл. Это не только последние дни жизни Анны, но и последний шанс для её детей проявить любовь, сострадание и раскаяние. Однако этот шанс во многом оказывается упущенным, что делает произведение особенно трагичным.

Язык повести сдержанный, простой, но эмоционально насыщенный. Распутин использует детали быта, внутренние монологи, паузы, чтобы подчеркнуть напряжённость происходящего. Автор не осуждает героев напрямую, но заставляет читателя задуматься о собственном отношении к родителям и близким.

Таким образом, повесть «Последний срок» – это предупреждение о том, как легко можно потерять самое важное, откладывая любовь и заботу «на потом». Произведение учит ответственности, уважению к старшим и осмыслению своей жизни через отношение к другим людям.

ПОСЛЕДНИЙ СРОК

1

Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти, время для которой вроде приспело: старухе было под восемьдесят. Она долго пересиливала себя и держалась на ногах, но три года назад, оставшись совсем без силёнок, сдалась и слегла. Летом ей будто легчало, и она выползала во двор, грелась на солнышке, а то и переходила с роздыхом через улицу к старухе Миронихе, но к осени, перед снегом, последняя мочь оставляла её, и она по утрам не в состоянии была даже вынести за собой горшок, доставшийся ей от внучки Нинки. А после того как старуха два или три раза подряд завалилась у крыльца, ей и вовсе

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

приказали не подниматься, и вся её жизнь осталась в том, чтобы сесть, посидеть, опустив на пол ноги, а потом опять лечь и лежать.

За свою жизнь старуха рожала много и любила рожать, но теперь в живых у неё осталось только пятеро. Получилось так оттого, что сначала к ним в семью, как хорёк в курятник, повадилась ходить смерть, потом началась война. Но пятеро сохранились: три дочери и два сына. Одна дочь жила в районе, другая в городе, а третья и совсем далеко – в Киеве. Старший сын с севера, где он оставался после армии, тоже перебрался в город, а у младшего, у Михаила, который один из всех не уехал из деревни, старуха и доживала свой век, стараясь не досаждать его семье своей старостью.

В этот раз всё шло к тому, что старухе не перезимовать. Уже с лета, как только оно пошло на убыль, старуха стала обмирать, и только уколы фельдшерицы, за которой бегала Нинка, доставали её с того света. Приходя в себя, она тоненько, не своим голосом, стонала, из глаз её выдавливались слезы, и она причитала:

– Сколь раз я вам говорила: не трогайте меня, дайте мне самой на спокой уйти. Я бы тепери где-е была, если бы не ваша фельдшерица. – И учила Нинку: – Ты не бегай боле за ей, не бегай. Скажет тебе мамка бежать, а ты спрячься в баню, подожди, а потом скажи: нету её дома. Я тебе за это конфетку дам – сладкую такую.

В начале сентября на старуху навалилась другая напасть: её стал одолевать сон. Она уже не пила, не ела, а только спала. Тронут её – откроет глаза, глянет мутно, ничего не видя перед собой, и опять заснёт. А трогали её часто – чтобы знать: жива, не жива. Высохла и ближе к концу вся пожелтела – покойник покойником, только что дыхание не вышло.

Когда окончательно стало ясно, что старуха не сегодня-завтра отойдёт, Михаил пошёл на почту и отбил брату и сёстрам телеграммы – чтобы приезжали.

– Подожди, мать, скоро наши приедут. Повидаться надо.

Первой, уже на другое утро, приехала старшая старухина дочь Варвара.

Ей добираться из района было недалеко, всего-то пятьдесят километров, и для этого ей хватило попутной машины.

Варвара открыла ворота, никого не увидела во дворе и сразу, как включила себя, заголосила:

– Матушка ты моя-а-а!

Михаил выскочил на крыльцо:

– Погоди ты! Живая она, спит. Не кричи хоть на улице, а то соберёшь сейчас всю деревню.

Варвара, не глядя на него, прошла в избу, у старухиной кровати тяжело стукнулась на колени и, мотая головой, снова взвыла:

– Матушка ты моя-а-а!

Старуха не пробудилась, ни одна кровинка не выступила на её лице. Михаил пошлёпал старуху по провалившимся щекам, и только тогда её глаза изнутри задвигались, зашевелились, пытаясь открыться, и не смогли.

– Мать, – тормошил Михаил, – Варвара приехала, погляди.

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

– Матушка, – старалась Варвара. – Это я, твоя старшая. Я к тебе повидаться приехала, а ты на меня и не смотришь. Матушка-а-а!

Глаза у старухи ещё покачались-покачались, словно чашечки весов, и остановились, сомкнулись. Варвара поднялась и отошла плакать к столу – где удобнее. Она рыдала долго, пристукивая головой о стол, зашлась в слезах и уже никак не могла остановиться. Возле неё ходила пятилетняя Нинка, пригибалась, чтобы заглянуть, почему Варварины слезы не бегут на пол; Нинку прогоняли, но она, хитря, снова прокрадывалась и лезла к столу.

Вечером, на счастливо подгадавшей «Ракете», которая ходит только два раза в неделю, приехали городские – Илья и Люся. Михаил встретил их на пристани и повёл в дом, где все они родились и выросли. Шли молча: Люся и Илья по узкому и шаткому деревянному тротуарчику, Михаил рядом, по комкам засохшей грязи. Деревенские здоровались с Люсей и Ильёй, но не задерживали разговорами, проходили и с интересом оглядывались. Из окон на приехавших таращились старухи и ребятишки, старухи крестились. Варвара при виде брата и сестры не утерпела:

– Матушка-то наша… Матушка-а-а!

– Погоди ты, – опять остановил её Михаил. – Успеешь.

Сошлись все у старухиной кровати – и Надя, Михайлова жена, тут же, и Нинка. Старуха лежала недвижимо и стыло – то ли в самом конце жизни, то ли в самом начале смерти. Варвара ахнула:

– Не жива.

На неё никто не цыкнул, все испуганно зашевелились. Люся торопливо поднесла ладонь к открытому рту старухи и не почувствовала дыхания.

– Зеркало, – вспомнила она. – Дайте зеркало.

Надя кинулась к столу, на ходу вытирая о подол осколок зеркала, подала его Люсе; та торопливо опустила осколок к бескровным старухиным губам и с минуту подержала. Зеркальце чуть запотело.

– Жива, – с облегчением выдохнула она. – Жива наша мама.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Варвара опять спохватилась плакать, будто услышала всё не так, Люся тоже опустила слезу и отошла. Зеркальце попало к Нинке. Она принялась на него дуть, заглядывая, что с ним после этого будет, но ничего интересного для себя не дождалась и, улучив момент, сунула зеркальце ко старухиному рту, как только что делала Люся. Михаил увидел, при всех отшлёпал Нинку и вытолкал из комнаты.

Варвара вздохнула:

– Ах, матушка ты наша, матушка.

Надя спросила, куда подавать на стол – сюда, в комнату, или в кухню. Решили, что лучше в кухню – чтобы не тревожить мать. Михаил принёс бутылку водки и бутылку портвейна, водку разлил себе и Илье, портвейн сёстрам и жене.

– Татьяна наша сегодня уж не приедет, – сказал он. – Ждать не будем.

– Сегодня не на чем больше, ага, – согласился Илья. – Если вчера получила телеграмму, сегодня на самолёт, в городе пересадка. Может, сейчас в районе сидит, а машины на ночь не идут – ага.

– Или в городе.

– Завтра будет.

– Завтра обязательно.

– Если завтра, то успеет.

Михаил на правах хозяина первый поднял рюмку:

– Давайте. За встречу надо.

– А чокаться-то можно ли? – испугалась Варвара.

– Можно, можно, мы не на поминках.

– Не говорите так.

– А, теперь говори, не говори…

– Давно мы вот так все вместе не сидели, – с грустью сказала вдруг Люся. – Татьяны только нет. Приедет Татьяна, и будто никто никуда не уезжал. Мы ведь раньше всегда за этим столом и собирались, в комнате только для гостей накрывали. Я даже на своём месте сижу. А Варвара не на своём. И ты, Илья, тоже.

– Где уж там – не уезжали! – стал обижаться Михаил. – Уехали – и совсем. Одна Варвара заглянет, когда картошки или ещё чего надо. А вас будто и на свете нету.

– Варваре тут рядом.

– А вам прямо из Москвы ехать, – поддела Варвара. – День на пароходе – и тут. Уж хоть бы не говорили, раз за родню нас не признаёте. Городские стали, была охота вам с деревенскими знаться!

– Ты, Варвара, не имеешь никакого права так говорить, – разволновалась Люся. – При чём здесь городские, деревенские? Ты думай, о чём говоришь.

– Ага, у Варвары, конечно, нету права говорить. Варвара не человек. Чё с ней разговаривать? Так, пустое место. Не сестра своим сёстрам, братовьям. А если спросить тебя: сколько ты дома до сегодняшней поры не была? Варвара не человек, а Варвара матушку нашу проведывала, в год по скольку раз проведывала, хоть у Варвары – не твоя семья, побольше. А теперь Варвара и виноватая сделалась.

– Давно не была – чего там! – поддержал Варвару Михаил. – У нас ещё Нинка

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

не родилась, приезжала. А Илья в последний раз был – когда с севера переехал.

Илья помнил, кивнул.

– Не могла, вот и не приезжала, – обиженно сказала Люся.

– Захотела, смогла бы, – не поверила Варвара.

– Что значит смогла бы, если я говорю, не могла? У меня такое здоровье, что если в отпуск не подлечиться, потом весь год будешь по больницам бегать.

– У Егорки всегда отговорки.

– При чём здесь какие-то Егорки и отговорки?

– А так, ни при чём. Вам уж и слова сказать нельзя. Важные стали.

– Ладно вам, – сказал Михаил. – Поехали ещё по одной. Чего она будет киснуть?

– Поди, хватит, – предупредила Варвара. – Вам, мужикам, только бы напиться. Матушка при смерти лежит, а они тут разгулялись. Не вздумайте ещё песни петь.

– Песни никто и не собирался петь. А выпить можно. Мы сами знаем, когда можно, когда нельзя – не маленькие.

– Ой, да с вами только свяжись.

Вот так они сидели и разговаривали за длинным деревянным столом, сколоченным их покойником-отцом лет пятьдесят назад. Все они, пожив отдельно, теперь мало походили друг на друга. Посмотреть на Варвару, она по виду годилась им в матери, и хотя только в прошлом году ей пошёл шестой десяток, смотрелась она много хуже этого и уже сама походила на старуху, да ещё, как никто в родове, была толстой и необоротистой. Одно она переняла от матери: рожала тоже много, одного за другим, но к той поре, когда она стала рожать, ребятишек научились оберегать от смерти, а войны на них ещё не было – поэтому все они находились в целости и сохранности, только один парень сидел в тюрьме. Радости в своих ребятах Варвара видела мало: она мучилась и скандалила с ними, пока они росли, мучится и скандалит сейчас, когда выросли. Из-за них раньше своих годов и состарилась.

За Варварой у старухи шёл Илья, потом Люся, Михаил и последней была Татьяна, которую ждали из Киева.

Илью из-за малого роста до армии звали Ильёй-коротким, и хоть длинного Ильи в деревне не было, прозвище это так и пристало к нему. Оттого что больше десяти лет он прожил на севере, волосы у него сильно повылезли, голова, как яйцо, оголилась и в хорошую погоду блестела, будто надраенная. Там, на севере, он и женился, да не совсем удачно, без поправки; брал за себя бабу нормальную, по росту, а пожили, она раздалась в полтора Ильи и от этого осмелела – даже до деревни доходили слухи, что Илья от неё терпит немало.

Люсе тоже уже больше сорока, но ей ни за что столько не дашь: она не по-здешнему моложавая, с чистым и гладким, как на фотокарточке, лицом и одета не как попало. Люся уехала из деревни сразу после войны и за столько лет научилась, конечно, у городских за собой доглядывать. Да и то сказать: какие у неё ещё заботы без ребятишек? А ребятишек Люсе бог не дал.

У Михаила не то что у Ильи – волосы густые и кудрявые, борода и та курчавится, завивается в колечки. Лицом он тоже чёрный, но чернота эта не столько от родовы,

RESPUBLIKA TAÝLYM MARKAZI

сколько от солнца да от мороза – летом у реки на погрузке, зимой в лесу на валке – круглый год он на открытом воздухе.

Вот так они сидели и разговаривали за длинным кухонным столом, чтобы не мешать умирающей матери, ради которой впервые за много лет собрались в родном доме. Не хватало только Татьяны, самой младшей. У Михаила с Ильёй ещё было что выпить, женщины отставили от себя рюмки, но не вставали – сидели, размякнув от встречи и разговоров, от всего, что выпало им в этот день, боясь того, что выпадет завтра.

– Надо было мне сразу и Володьке телеграмму отправить, – говорил Михаил. – Теперь бы уж здесь сидел, возле нас. Охота на него посмотреть, какой стал.

– Он где? – спросил Илья.

– В армии. Второй год уже доходит. Летом обещался приехать в отпуск, да, видать, проштрафился – не пустили. Пишет, что кто-то там из его отделения с поста ушёл, а его, как командира, наказали. Может, и сам что натворил, там это недолго. Как думаешь, отпустят его, нет, если к бабке?

– Должны отпустить.

– Надо было вчера сразу и отбить. Дурака свалял. Думаю, как написать, чтоб не прискреблись? Внук всё же, не сын.

– Так бы и написал: бабка плохая, срочно приезжай, – посоветовала Варвара.

Надя вся натянулась от потерянного счастья уже сейчас видеть перед собой сына.

– Я ему это же говорила, так он разве будет слушать?

– Подождите уж немножко, – сказала Люся.

– Лучше подождать, ага. А то можно только все испортить. Потом уж сразу: так и так.

– Ой-ёй-ёшеньки, – вздохнула Варвара. – Не думали, не гадали. Одна матушка на всех, и вот.

– Сколько тебе их надо? – хмыкнул Илья. Варвара обиделась:

– Ты прямо как не родной! Всё с подковыркой. Всё хочешь из меня дуру делать. А я не дурней тебя, можешь не подковыривать.

– Я и не думаю, что дурней. Чего это ты взъелась?

– Ага, не думаешь.

Люся тихонько спросила у Нади:

– У вас швейная машинка есть?

– Есть, только не знаю, шьёт ли она. Давно уж не открывала.

– Сегодня стала смотреть, а у меня, как назло, ни одного чёрного платья, – объяснила Люся. – Побежала в магазин, материал купила, а шить, конечно, некогда было, только скроила. Придётся здесь.

– Не успеете сегодня.

– Успею, я быстро шью. Потом, когда лягут, тут, в кухне, и устроюсь.

– Ладно, я достану, посмотрите.

Перед тем как укладываться, сошлись опять возле матери, чтобы знать, с чем ложиться. Люся попробовала найти пульс и кое-как нащупала его – чуть живой.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Михаил не утерпел и подёргал мать за плечо, и тогда вдруг услыхали, как откуда-то изнутри донёсся стон не стон, храп не храп, будто и не материн вовсе, чужой, будто, занятая своим делом, огрызнулась смерть. На Михаила зашикали, но от этого звука сделалось всем не по себе, даже Нинка полезла к Наде, присмирела.

– Хоть бы до белого дня дожила, – всхлипнула Варвара и умолкла.

Стали укладываться. Изба была большая, но по-деревенски перегорожена всего на две половины: в одной лежала старуха, в другой спала Михайлова семья. Надя себе и Михаилу постелила на полу, а свою кровать отдала Люсе. Для Варвары нашлась раскладушка, которую поставили на старухиной половине, чтобы Варвара присматривала за матерью. Там же собирались положить на пол Илью, но он захотел спать в бане, баня у Михаила была чистая, без сажи и прелого духа и стояла в ограде. Илье дали доху и фуфайки под низ, а наверх ватное одеяло, и он ушёл, наказав, чтобы в случае чего будили.

Электричество у старухи выключили, зажгли лампу. Решили держать свет всю ночь, только убавили фитиль.

Надя достала машинку, поставила её на тот же стол, за которым сидели, и Люся сначала испробовала её ход на тряпке. Машинка шила хорошо.

– Ложись, – сказала Люся Наде. – Усни, пока можно. Неизвестно ещё, какая сегодня будет ночь.

Надя ушла. Её о чем-то спросил Михаил, она что-то ответила – все шёпотом.

Застрекотала машинка, и Люся сама испугалась, выпустила ручку – до того громким, как стрельба, показался её стук. На него тут же пришлёпала напуганная Варвара. Увидев Люсю, чуть остыла:

– Слава тебе, господи! Думаю, кто тут такой. Прямо всю затрясло. Чё это тебе приспичило?

Люся не ответила, шила.

– На похороны, чё ли, чёрное-то приготовляешь?

– Не понимаю: неужели об этом обязательно надо спрашивать?

– А чё я такого сказала?

– Ничего.

– Шей, я тебе ничё не говорю. Я вот посижу возле тебя маленько и уйду. Мешать не буду.

Варвара придвинула табуретку, пристроилась сбоку. Она так и не разделась, только отцепила чулки, и они стянутой кожей болтались ниже колен.

Где-то на реке отдалённо и сдавленно гуднул пароход, потом ещё и ещё. Варвара подняла голову, прислушиваясь, от напряжения сморщилась.

– Чё это он кричит?

– Не знаю. Сигналы кому-то подаёт.

– Другого места не нашёл, где подавать. Прямо всю перевернуло.

Она ещё посидела и нехотя поднялась:

– Пойду. Ты долго здесь будешь?

– Пока не сошью.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– Не надо было нам сегодня ложиться, ох, не надо было, – покачала головой Варвара. – Сидели бы, разговаривали – всё веселей. Чует моё сердце – не к добру это.

Она ушла, но скоро воротилась, пугая Люсю, прислонилась к стенке.

– Что? – спросила Люся.

– Или уж мне кажется, или правда. Иди, посмотри. Иди.

Люся не поверила, но сказать, что не верит, не смогла, пошла к матери. Она держала её руку, но слышала за своей спиной только тяжёлое, со свистом, дыхание Варвары: и-а, и-а, и-а… Пришлось отогнать её, и лишь тогда, и то не сразу, до Люси донеслись, угадываясь, будто за много-много километров, совсем тихие, теряющиеся толчки. Ей показалось, что с прошлого раза они стали ещё слабей и шли не подряд, а через один.

– Ты ложись, – жалея сестру, сказала Люся. – Я пока шью, буду смотреть, а потом разбужу тебя.

– Да разве я усну? – по-ребячьи захныкала Варвара. – Илья хитрый какой, ушёл из избы, а тут как хошь. Разве мне теперь до сна? Всё буду думать, как да что. Лучше я возле тебя посижу.

– Сиди, если хочешь.

– Я тихонько буду.

Она опять пристроилась рядом, вздыхая, трогала материал, смотрела, как Люся шьёт.

– Ты это платье после с собой обратно повезёшь, нет? – спросила она.

– А что?

– Я к тому, что, если не повезёшь, я могла бы взять.

– Зачем оно тебе? Оно же на тебя не полезет.

– Я не себе. У меня девка уж с тебя вымахала. На неё как раз будет.

– А что, твоей девке носить нечего?

– Оно, можно сказать, и нечего. Есть у неё платьишки, да уж все поизносились. А девке, известно, пофорсить охота.

– В чёрном-то какой же форс?

– Она у меня не привередливая. В дождь когда выйти. В цветастом не пойдёшь.

Люся пообещала:

– Уезжать буду, отдам.

– Я так и скажу: от тётки, – обрадовалась Варвара.

– Говори, как хочешь.

Когда замолчали и Люся остановила машинку, стало слышно, как кто-то храпит на Михайловой половине. Варвара насторожилась:

– Кто бы это? – Потом, когда храп окреп, рассердилась: – Бессовестный какой. Нашёл время. Прямо ни стыда, ни совести у людей. Сын родной называется. – Она умолкла и вдруг жалостно попросила: – Пойдём, ещё раз посмотрим. Я одна боюсь.

Старуха была всё так же: жива и не жива. Всё умерло в ней, и только сердце, разогнавшись за долгую жизнь, продолжало шевелиться. Но видно было: совсем-совсем мало осталось ему держаться. Может, только до утра.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Пока Люся шила, Варвара так и не легла. И то потом Люсе пришлось положить её на свою кровать, а самой идти на старухину половину – иначе Варвара всё равно не дала бы ей уснуть.

Давайте обсудим

1. Как противопоставлены образы старухи Анны и её детей?
2. В чём проявляется показная и искренняя скорбь героев? Приведите примеры из текста.
3. Какую роль играют бытовые детали (печь, стол, зеркало, лампа, швейная машинка) в создании атмосферы эпизода?
4. Почему разговоры за столом нередко перерастают в споры и взаимные упрёки? О чём это говорит в семейных отношениях?

Практическое задание

1. Найдите в тексте фразы, которые подчёркивают пограничное состояние Анны («жива и не жива»).
2. Сравните поведение Варвары и Люси. В чём различие их отношения к матери?
3. Объясните смысл названия повести «Последний срок» на основе данного фрагмента.

Творческое задание

Ответьте письменно (5–7 предложений) на вопрос: «Что мешает детям по-настоящему быть рядом с матерью в её последние часы?»

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

2

В свой черёд засветилось утро, стало проясняться, но ещё до солнца с реки нанесло такого густого и непроглядного тумана, что всё в нём утонуло, потерялось. Утробно кричали по деревне коровы, горланили петухи, коротко и приглушённо, будто рыба плещет в воде, доносились людские звуки – всё в белой, моросящей зге, в которой только себя и видать. Светало теперь и без того поздно, а тут ещё этот туман украл утро, заставил тыкаться наугад.

Первой в старухиной избе поднялась Надя. До недавней поры её постоянно будила, услыхав корову, свекровь, и Надя, если она даже не спала, всё равно начинала утро только после того, как её позовёт из своей кровати старуха. Вот и сейчас она встала не сразу, а по привычке подождала старухиного голоса, хоть и знала, что его не будет.

Его и не было, зато, надсаживаясь, кричала недоёная корова, и Наде пришлось подняться. Всё время помня о старухе и боясь узнать, умерла она или не умерла, Надя неслышно оделась и крадучись вышла из избы, в сенях сняла с гвоздя подойник.

Следом за ней тут же поднялась привыкшая рано вставать Варвара. Она увидела, что Нади нет, а все остальные спят, и кряду раз пять громко и тяжело вздохнула, оканчивая вздохи протяжным стоном, чтобы разбудить Михаила, который спал на полу. Но он даже не пошевелился. Тогда Варвара вздохнула для себя и сама не заметила, что вздохнула; ей стало страшновато в доме, где всех живых будто заговорили сном. Стараясь кому-то не выдать себя, она тихонько, с опаской, прошла ко второй половине, где лежала старуха, и в дверях остановилась. Дверей, которые можно открывать и закрывать, в избе, кроме входных, не было, а был только дверной проём – в нём Варвара и встала, боязливо заглядывая в полутёмную комнату. Старухиного лица она не увидела, оно было загорожено спинкой кровати, но что-то – живое или уж мёртвое – находилось под одеялом, а пройти вперёд, поглядеть Варвара не осмелилась и подалась обратно, думая, что сначала надо сходить на двор, чтобы не бегать после, когда будет не до того.

С улицы Варвара и Надя воротились вместе; Надя принялась в кухне процеживать через марлю молоко, Варвара топталась тут же. На столе по-прежнему стояла машинка, оставшаяся после Люси, и Надя шёпотом спросила:

– Сшила она вчера, нет?

– Сшила, – также шёпотом ответила Варвара. – По мелочи только кой-чего не успела. – И не выдержала больше, взмолилась: – Пойдём, разбудим её. Прямо не могу.

– Сейчас. Молоко вынесу.

Как привязанная, Варвара пошла за Надей в сени, потом ещё раз, потому что одна банка осталась, а Варваре прихватить её было не в ум, так и моталась туда-обратно ни с чем. Наконец, Надя освободилась, вытерла о тряпку руки и первая зашла на старухину половину.

Люся спала, и было видно, что она спит, про старуху сказать это никто бы не взялся. Надя взглянула на свекровь и скорей отвела глаза, а Варвара и посмотреть испугалась, стала теребить Люсю. Люся проснулась сразу и сразу вскочила, раскладушка от её толчка отъехала в сторону.

– Что? – спрашивала Люся. – Что?

Варвара приготовилась плакать:

– Не знаю. Сама не знаю. Ты погляди.

Приходя в себя, Люся пригладила руками волосы, надела халат, лежавший рядом на табуретке, и подошла к матери. Уже научившись распознавать жизнь, она подняла старухину руку и тут же уронила её, отшатнулась: старуха вдруг тонко и жалобно простонала и опять застыла. Варвара запричитала:

– Матушка ты моя, матушка-а! Да открой же ты свои глазыньки-и!

Прибежал в кальсонах Михаил, спросонья не понял.

– Отмаялась? Ох, мать, мать… Надо телеграмму Володьке отбить.

– Ты что?! – остановила его Надя. – Ты почему такой-то?

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Люся, нащупав у матери пульс, облегчённо сказала:

– Жива.

– Живая?! – Михаил повернулся к Варваре, вскипел: – Какую холеру ты тогда здесь воешь, как при покойнике? Иди на улицу – Нинку ещё разбудишь! Завела свою гармонь.

– Тише! – потребовала Люся. – Идите отсюда все.

Сама она ещё до еды, пока Надя жарила картошку, села замётывать на новом платье петли и пришивать пуговицы, которые тоже привезла с собой из города.

Варвара со слезами пошла в баню, растолкала Илью:

– Живая наша матушка, живая.

Он заворчал:

– Живая – так зачем будишь?

– Сказать тебе хотела, обрадовать.

– Выспался, тогда и сказала бы. А то в рань такую.

– Да уж не рано. Это туман.

Туман держался долго, до одиннадцатого часа, пока не нашлась какая-то сила, которая подняла его вверх. Сразу ударило солнце, ещё ядрёное, яркое с лета, и вся местность повеселела, радостно натянулась. Пошёл сентябрь, но осенью ещё и не пахло, даже картофельная ботва в огородах была зелёной, а в лесу только кое-где виднелись коричневые подпалины, будто прихватило солнцем в жаркий день.

В последние годы лето и осень как бы поменялись местами: в июне, в июле льют дожди, а потом до самого Покрова стоит красное вёдро, которое и хорошо, что вёдро, да плохо, что не в своё время. Вот и гадай теперь бабы, когда копать картошку: по старым срокам оно вроде бы и пора, и охота, пока стоит погода, дать картошке как следует налиться – какой там летом был налив, когда она, как рыба, плавала в воде. Если подождать, вдруг опять зарядит ненастье – попробуй её потом из грязи выколупывать. И хочется, и колется, никто не знает, где найдёшь, где потеряешь. Так же и с сенокосом: один свалил траву по старинке и сгноил её всю под дождём, другой пропьянствовал, не вышел, как собирался, и выгадал. Погода и та стала путаться, как выжившая из ума старуха, забывать, что за чем идёт. Люди говорят, что это от морей, которых понаделали чуть не на каждой реке.

Надя изжарила свежую, только что подкопанную картошку и к ней в глубокой чашке поставила солёные рыжики, при виде которых Люся ахнула:

– Рыжики! Самые настоящие рыжики! Я уж забыла, что они ещё на свете есть – сто лет не ела. Даже не верится.

– Рыжики – это ага, – причмокнул Илья. – Это вам не что-нибудь. Вот если бы к рыжикам да ещё что-нибудь – это ага!

– Чего ж ты их вчера-то не поставила? – упрекнул Михаил Надю.

Надя, покрасневшая, обрадованная тем, что угодила гостям, объясняла:

– Я вчера и хотела достать, да думаю, не усолели, я ведь их недавно совсем и поставила. А утром полезла, стала пробовать – вроде ничего. Думаю, дай достану, может, кому в охотку придутся. Кушайте, если нравятся.

RESPUBLIKA TATLIM MARKAZI

– Там ещё-то у тебя остались?

– Немножко есть. Собирать-то никак и некому. Люди таскают, каждый день вижу, а у меня всё руки не доходят, то одно, то другое. В это лето всего два раза и сбегала и то, где поближе.

– У нас Татьяна раньше любила рыжики собирать, – вспомнила Люся. – Все места знала. Я с ней как-то пошла, она ещё совсем девчонкой была, а не успела я оглянуться, у неё уже полное ведро. Спрашиваю: «Ты где их взяла?» – «Здесь». – «Почему они тебе попадаются, а мне нет?» – «Не знаю». Я говорю: «Ты их, наверное, заранее нарвала и где-нибудь спрятала, чтобы мне доказать». Она обиделась, ушла от меня, Так, поодиночке, и домой вернулись, она с полным ведром, а у меня только-только дно прикрыло.

– А она до конца никогда не выбирала, – объяснил Михаил. – Если маленький – оставит, а на другой день придёт, он уже подрос. Всё помнила. Она и меня с собой таскала. Мне что: скорей бы нарвать, что попадёт, да домой. А она увидит, если я маленький сорвал, – ну на меня! Один раз разодрались в лесу. Я сам-то больше любил подосиновики собирать – быстрей, они всё больше гнёздами растут.

– Лучше всех у нас Илья грибы собирал, – засмеялась Люся. – Набьёт в ведро травы, а сверху положит несколько грибов, будто ведро полное.

– Было, ага, – с удовольствием признался Илья.

– А помните, как мама всех нас отправляла рвать дикий лук за Верхнюю речку? Там какое-то болото было, а лук рос на кочках. Все вымокнем, вымажемся, пока нарвём, – даже смотреть смешно. Мешки сложим на сухом месте и прыгаем с кочки на кочку. И ещё соревновались, кто больше нарвёт, даже воровали друг у друга. А за чесноком плавали на остров, там же, напротив Верхней речки…

– На Еловик, – подсказал Михаил.

– На Еловик, да. Там ещё косили для колхоза, вся деревня туда переезжала во время сенокоса. Помню, как я гребла: жарко, пауки жалят, сено лезет в волосы, под одежду…

– Пауты, поди, а не пауки, – буркнула Варвара. – Пауки паутину по углам плетут, а не жалят.

– Может, и пауты. Всё равно у них какое-то другое название, это здесь так зовут. А для себя мы косили на другом острове… сейчас вспомню, как он называется. Тоже деревянное такое название.

– Лиственничник.

– Да, Лиственничник. А сколько смородины было на нём! – кусты лежат на земле от ягоды. Ешь, ешь, потом даже язык болит, все зубы отобьёшь. Крупная такая смородина, вкусная. Час – и полное ведро. Там и теперь её, наверное, много.

– Не-е-ет, что вы! – махнула рукой Надя. – Нету. Кустов и тех, считай, не осталось. Как леспромхоз стал, всё унесли. Так только, поесть когда, и то ходишь, ходишь…

– Ой, как жалко!

– А сколько было синей ягоды на вышке! – тоже нету. Скот вытоптал, и люди совсем не жалеют.

– Что ж вы это так?

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

– Кто их знает! Хватают, будто в последний раз. С кустами попалось – с кустами, с листьями – с листьями унесут.

– Ну, рыжики-то, говорите, есть? – допытывалась Люся.

– Рыжики в этом году есть. Люди таскают.

– Надо хоть за рыжиками сходить.

– По рыжики-то сходить – можно было, поди, без телеграммы сюда приехать, – сказала Варвара.

Люсю это разозлило:

– С тобой, Варвара, совершенно невозможно стало разговаривать. Что ни скажи, всё не так, всё не по тебе, нельзя же только потому, что ты старше, так относиться к каждому нашему слову. Что это такое в конце концов?

– Да никто ничё и не говорит, я не знаю, чё ты на меня взбеленилась.

– Я же ещё и взбеленилась!

– Я ли чё ли?

– Да вы кушайте, – стала просить Надя. – А то картошка совсем остынет. Холодная, она не вкусная. И рыжики хвалили, хвалили, а сами не берёте. Кушайте всё, а то теперь до обеда.

– Татьяна должна подъехать. Соберёмся.

– К обеду должна, ага.

– Если из района, может, и раньше.

– Поди, в заезжей или у чужих людей ночевала, а к нам не пошла, побрезговала, – заранее пожаловалась Варвара.

– А у неё адрес-то ваш есть?

– Я откуда знаю, есть или нет? Она нам не пишет.

– Как же она тогда вас найдёт?

– Поди, раньше-то бывала, помнит.

– Нет, Татьяна, если она в районе ночевала, обязательно зайдёт, – сказал Михаил. – Татьяна у нас простая.

– Была простая, а теперь ещё надо поглядеть, какая, – стояла на своём Варвара. – Столько дома не была.

– Ей дальше всех ехать, оттуда сильно-то не набываешься.

– А кто велел ей туда забираться? Уж если ей обязательно военный был нужон, они везде теперь есть, могла бы поближе где подыскать. А то, как сирота казанская, без огляду улетела и забыла, где родилась, кто родня.

Люся бессильно покачала головой:

– С нашей Варварой лучше не спорить. Она всегда права.

– Не любите, когда правду-то говорят.

– Вот видите. – Люся поднялась из-за стола, поблагодарила: – Спасибо, Надя. С таким удовольствием поела рыжиков.

– Да вы их мало совсем и брали. Не за что и спасибо говорить.

– Нет, для меня не мало. Мой желудок уже отвык от такой пищи, поэтому я боюсь его сразу перегружать.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

– От рыжиков поносу не будет, – примирительно сказала Варвара. – Они для брюха не вредные. Я по себе это знаю, и ребятишки у меня никогда от рыжиков не бегали. – Она не поняла, почему Люся, охнув, ушла, и спросила у братьев: – Чё это она?

– Кто её знает.

– Прямо ничё и сказать нельзя.

– А ты с ней по-городскому разговаривай, по-интеллигентному, а не так, – посмеиваясь, посоветовал Илья.

– Я-то по-городскому не умею, во всю жисть только раз там и была, а она-то, поди, из деревни вышла, могла бы со мной и по-деревенски поразговаривать.

– Она, может, разучилась.

– Она разучилась, я не научилась – чё ж нам теперь и слова не сказать?

После завтрака Михаил и Илья сели на крыльцо курить. День разгуливался, небо вместе с туманом отодвигалось всё выше и выше, в синих, обрывающихся вдаль разводьях для него уже не хватало человеческого взгляда, который пугался этой красивой бездонности и искал, что поближе, на чём можно остановиться и передохнуть. Лес, приласканный солнцем, засветился зеленью, раздвинулся шире – на три стороны от деревни, оставив четвёртую для реки. Во дворе, перед глазами мужиков, без всякой надобности, просто так, по своей охоте кудахтали и били крыльями курицы, чирикали молодки, от тепла и удовольствия повизгивал привалившийся к огородному пряслу боров.

Вышла Нинка, со сна её ослепило солнцем; она прикрыла глаза ладошками, сморщилась, потом, когда глаза привыкли, шмыгнула за поленницу и села. К ней пристала курица, норовя зайти сзади, Нинка закышкала на курицу, завертелась и нечаянно выехала голой попой из-за поленницы. Михаил крикнул:

– Нинка, я тебя, как кошку, носом буду тыкать, так и знай. Сколько раз говорить тебе, чтоб подальше ходила!

Нинка спряталась, обиженно отговорилась:

– Курицы склюют.

– Я тебе покажу – курицы.

Деревня после утренней уборки унялась: кому надо было на работу, ушёл, хозяйки, управившись со скотиной, справляли теперь по дому дела негромкие и неслышные, а ребятишки ещё не успели высыпать на улицу – было спокойно, ровно, с редкими привычными звуками: животина ли прокричит, или скрипнет калитка, или где-то сорвётся как бы ненароком человеческий голос – всё не для слыху и не для отклика, а для того лишь, чтобы кругом при живых не казалось пусто и мертво. Этот покой смирял и шумы, и движения, ладил с ясным, светящимся теплом, падающим с открытого неба, тихо и невидно возносил деревню, отогревая её после ночи.

– Видать, не вредная у нас всё же мать была, – сказал Михаил, тронутый ласковой, манящей тишиной. – И день для неё вон какой выдался. Не каждому такой дают.

– Погода установилась, ага, – отозвался Илья.

В избе вдруг заголосила Нинка, и Михаил открыл дверь, хотел прикрикнуть на дочь, но увидел, что её уже взяли в оборот все три женщины, и прислушался.

– Она сама-а, – тянула Нинка.

RESPUBLIKA TATLIM MARKAZI

– Что сама? Что? – тормошила девчонку Люся.

– Это не я-а. Она сама-а…

– Да что она сама? Ты скажи. Ты говорить умеешь?

– Она сама глазы открыла и сама меня увидала…

– Ну и что?

– «Сама её увидала», – передразнила Нинку Надя. – А почему я тебя увидала, что ты к ней в чемодан лезешь? Тебя кто туда просил? Чего ты там забыла?

– Она сама мне показала! – выкрикнула Нинка. – Ты не видала и не говори.

– Я вот тебе поразговариваю так с матерью. Ишь, за моду взяла. У кого только и научилась.

– Подожди, Надя, – остановила её Люся и опять наклонилась к Нинке. – Куда она тебе показала?

– Куда… куда… Под кровать. Надя объяснила:

– Она там в своём чемодане конфеты для неё держит.

– А как она тебе показала? – продолжала допытываться Люся. – Расскажи нам подробнее. Как это было? Ну?

– Я на неё смотрела, а она на меня не смотрела, а потом глазы открыла и тоже начала смотреть. И показала.

– Она тебе ничего не говорила?

– Не говорила.

– Ой-ёшеньки, – тяжело вздохнула Варвара. – Чё ж это будет-то?

– Она у нас вообще-то не пакостливая, – вступился за Нинку Михаил. – Никогда не замечали. Может, на мать правда озаренье какое нашло. А Нинка тут подвернулась.

День всё же выдался с умыслом, не просто так, и умысел этот вполне мог касаться старухи – день был мягкий и лёгкий и ровно сошёлся над самой деревней, а то и над самой старухиной избой. Время уже придвигалось к обеду, а он так и не расшумелся, тёк тихо и близко, оберегая кого-то от вредного беспокойства. Небо с утра приспустилось ниже и вроде бы задумалось, но и не сильно, в ожидании. В сентябре дни тоже стоят не молоденькие, много чего с весны повидали, а этот, похоже, и вовсе всё под собой знал и в чём-то, может, хотел помочь старухе, чтобы не находиться ей больше на суровом, судном месте – только и надо было: незаметно передвинуть её вперёд или назад, чуть подтолкнуть оттуда, где она застряла.

– Скажи всё же, а, – начал опять разговор Михаил. – Ведь знали, что вечно жить не будет, что близко уж. Вроде привыкнуть должны, а не по себе.

– А как иначе, – подтвердил Илья. – Мать.

– Мать… это правильно. Отца у нас нет, а теперь мать переедет, и всё, и одни. Не маленькие, а одни. Скажем, от нашей матери давно уж никакого толку, а считалось, первая её очередь, потом наша. Вроде загораживала нас, можно было не бояться. А теперь живи и думай.

– А зачем об этом думать? Думай, не думай…

– Оно и незачем, а всё равно. Вроде как на голое место вышел, и тебя отовсюду видать. – Михаил крутнул кудрявой головой, помолчал. – Опять же о своих ребятах

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

если сказать. При живой бабке они все будто маленькие, и сам ты молодой, а теперь вот умри она, ребята сразу начнут тебя вперёд подталкивать. Они же, холеры, растут, их не остановишь.

Михаил не успел закончить – выскочила Надя, быстро, не своим голосом позвала:

– Мужики, идите скорей. Скорее.

– Что там такое?

– Мать…

Пока они подоспели, старуха уже опять впала в беспамятство, но перед тем она вдруг выговорила какое-то слово, какое – не расслышали, а когда Люся и Варвара подбежали, она ещё смотрела перед собой, но глаза уже смыкались. Что-то происходило в ней, хоть она больше и не двигалась, что-то внутри заработало – видно было, что старуха вот-вот стронется с остановившего её места, даже в лице наметились изменения: оно стало глубже, смелей и оттуда, из глубины, вздрагивало оставшимися в нём силами, как бы подмигивая закрытыми глазами.

Они стояли вокруг матери, со страхом смотрели, не зная, что думать, на что надеяться, и этот страх совсем не походил на все прежние страхи, которые выпадали им в городской и деревенской жизни, потому что он был всего страшнее и шёл от смерти – казалось, теперь она заметила всех их в лицо и больше уже не забудет. Страшно было ещё и видеть, как это происходит: когда-нибудь это должно было произойти и с ними, а они считали, что это то самое, и не хотели смотреть, чтобы не помнить о нём постоянно, и всё-таки не могли отойти или отвернуться. Ещё и потому нельзя было отойти, что она, занятая их матерью, могла остаться этим недовольной, а обращать лишний раз на себя её внимание никому не хотелось. И они стояли, не двигались.

Что-то стало биться в старухины глаза, шевелить их, и глаза не сразу, не легко, но открылись, попробовали пойматься за свет и не смогли, сорвались. Несколько минут они лежали спокойно, затем опять пришли в движение и разомкнулись, на этот раз силы в них было больше, и они в своём ненадёжном свете что-то увидали, что-то такое, что тоже было ненадёжным и туманным, как видение; на лице старухи появилось выражение отчаяния и боли, и она, поморгав, стараясь отогнать видение, не смогла отогнать его и укрыла глаза, быть может, сама. Но то, что привиделось старухе, уже не отпускало её, звало проверить – казалось, к ней пришли воспоминания о том, что она жила, и ей захотелось узнать, где она теперь и в уме ли она; старуха тихонько раздвинула глаза, над которыми у неё нашлась власть, и выглянула – нет, они не пропали, она увидела их ближе и признала – этого она уже не вынесла в молчании, из её груди посыпались слабые сухие звуки, похожие на клохтанье.

Варвара ахнула, пришлёпнула ладонями и прижала их к горлу, останавливая себя, чтобы не закричать.

Старуха умолкла, словно истратила в себе остатки живого, глаза её нехотя сморились, но дыхание было сильным, и старуха от него вздрагивала, потом и дыхание направилось, но не пропало, по нему было ясно видно, как шевелится на старухе одеяло.

Они ждали, особенно близко чувствуя, что они сыновья и дочери этой старухи,

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

и жалея её, а ещё больше жалея себя, потому что после её кончины им останется горе, навязанное смертью, которое кончится нескоро. И ещё каждый из них по-своему чувствовал новое, не бывавшее прежде в нём горькое удовлетворение собой оттого, что он здесь, при матери в её последний час, как и положено сыну или дочери, и тем самым заслужил прощение – какое-то другое, не человеческое прощение, мало имеющее отношения к матери, но всё же необходимое в жизни. Это были страх и боль вместе, больше всего их пугало, что они, глядя на долго отходящую мать, видели, казалось, то, что людям смотреть нельзя, и, сами не веря себе, они хотели, чтобы это кончилось скорей.

Старуха всё дышала.

Илья, не вытерпев, шепнул что-то Михаилу, и старуха, как отзываясь на этот шёпот, вдруг опять открыла глаза и не убрала их, всмотрелась. Она хотела заплакать, но не смогла, плакать было нечем. Ей кинулась помогать Варвара, заголосила легко и громко, и старуха, поддержанная нужным ей голосом, осталась, не провалилась; слова уже ушли от неё, и всё-таки те, самые родные, которые всегда были на языке, она вспомнила.

– Лю-ся, – с усилием выговорила она. – Илька. Вар-ва-ра.

– Мы здесь, мама, здесь, – удержала её Люся. – Лежи. Мы здесь.

– Матушка-а! – зашлась Варвара.

Старуха поверила и голосам, и себе, в последней радости и страдании затихла. Она смотрела на них, а сама, казалось, погружалась куда-то всё глубже и глубже.

И вдруг её что-то остановило, она вернулась, лицо её сморщилось, глаза кого-то искали. Варварин плач мешал ей, и Варвару догадались остановить.

– Таньчора, – с мольбой выговорила старуха.

Они переглянулись, вспоминая, что мать звала так Татьяну, и враз ответили:

– Ещё не приехала.

– Вот-вот будет.

– Теперь уж скоро.

Старуха поняла, чуть кивнула. На лицо её нашло спокойствие, глаза закрылись. Она опять была далеко.

Они отошли – надо было отдохнуть. Возле старухи осталась одна Варвара, она тихо плакала, и плач её никому не мешал. Умолкни она, и им стало бы не по себе.

Чудом это получилось или не чудом, никто не скажет, но только, увидав своих ребят, старуха стала оживать. Ещё два или три раза она теряла память, будто незаметно проваливалась куда-то в тёмную глубь под собой, и всё же всякий раз приходила в себя и с боязливым стоном приоткрывала глаза: тут они или они ей пригрезились? Кто-нибудь из них обязательно был рядом и звал остальных – она узнавала их и, успокаиваясь, силилась заплакать. В последний раз ей это удалось, и она сама услыхала свой слабый, издержавшийся голос, который, видать, не собирался больше выходить наружу и оттого вышел с таким мучением.

Мало-помалу старуха выправилась, и всё, что в ней было и что должно было ей подчиняться, одно за другим находилось и как будто даже годилось для жизни.

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

Перед вечером она отошла уже настолько, что позвала Надю и попросила:

– Ты бы сварила мне кашу, которую маленькой Нинке варила. Из крупы. Жиденькую.

Давайте обсудим

1. Почему дети Анны, собравшись у постели матери, ведут себя так, словно обычная жизнь продолжается?
2. Какие детали в главе показывают, что смерть Анны близка и неизбежна?
3. Какую роль играет ожидание Татьяны в развитии событий главы?
4. Почему ночь становится важным моментом для всех героев?
5. Как раскрывается характер Варвары? Какие черты в ней особенно заметны?
6. В чём проявляется различие между внешним выражением чувств и внутренним состоянием героев?
7. Почему Люся шьёт чёрное платье именно в эту ночь? Каков символический смысл этого действия?

Творческое задание

Письменно ответьте на вопросы:

1. Почему приезд детей на время «возвращает» Анну к жизни?
2. Как просьба Анны о каше помогает понять её характер?
3. В чём проявляется различие между Варварой и Люсей в этой главе?

Практическое задание

Заполните таблицу «Дети Анны».

Герой	Краткая характеристика	Отношение к матери	Символическое значение
Михаил			
Илья			
Варвара			
Люся			
Таньчора			

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

ФРАНЦ КАФКА (1883–1924)

Франц Кафка – австрийский писатель чешско-еврейского происхождения, широко признаваемый как одна из ключевых фигур литературы XX века. Бóльшая часть работ писателя была опубликована посмертно. Его произведения, пронизанные абсурдом и страхом перед внешним миром и высшим авторитетом, способные пробуждать в читателе соответствующие тревожные чувства, – уникальное явление в мировой литературе.

Давайте поговорим

1. Как вы понимаете слово «превращение»? Бывает ли оно только внешним или может быть внутренним?
2. Что, по-вашему, важнее для человека: его внешний облик или то, какую роль он играет в семье и обществе?
3. Как общество обычно относится к тем, кто «не такой, как все»?
4. Какое настроение вы ожидаете от произведения с таким названием – тревожное, трагическое, философское? Почему?

Подготовка к встрече с текстом

Повесть «Превращение»

Главный герой новеллы – Грегор Замза является кормильцем своей семьи, состоящей из отца – полностью разорившегося пражского обывателя, матери, страдающей астмой, и сестры Греты. Дабы спасти семью от нищенства, Грегор работает у одного из кредиторов отца на должности коммивояжёра, торговца сукном. Он находится в постоянных разъездах, но вот однажды в перерыве между такими поездками он но-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

чевал дома, а утром, когда проснулся, случилось выходящее за рамки человеческого понимания происшествие. Грегор превратился в жука.

На превращение Грегора каждый член семьи отреагировал по-своему. Отца это разозлило, он не мог понять, каким образом в теле жука может находиться его сын. Мать очень испугалась и расстроилась, но всё же не утратила материнских чувств и понимала, что в этом теле находится её сын. Сестра Грета считала жука омерзительным, но, несмотря на это, взяла на себя груз ухаживать за ним. Невозможно сказать, из родственных ли чувств, или из желания показать родителям свою самостоятельность, а может из благодарности, Грета ухаживала за жуком, но скорее всё же второй вариант ближе всего к истине.

Выход Грегора в гостиную, когда там находились все члены семьи и начальник с его работы, ни в коем случае нельзя расценивать как вызов обществу. По словам и мыслям Грегора можно понять, что он является человеком с повышенным чувством ответственности. Герой вышел из комнаты к людям в своём нынешнем состоянии только потому, что из-за чувства долга и понимания важности своих обязанностей перед семьёй и работодателем напрочь забыл о своём плохом самочувствии и необычном превращении.

На решение Грегора уйти из жизни повлияло множество факторов его существования в виде жука.

Франц Кафка в своей новелле «Превращение» затронул проблемы самоотверженности, семейных отношений, показал, что из-за материальных трудностей человек может и вовсе потерять гуманность.

Лишившись возможности быть «полезным», Грегор оказывается изолированным и одиноким. Его смерть воспринимается семьёй как освобождение.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

1

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое. Лёжа на панцирно-твёрдой спине, он видел, стоило ему приподнять голову, свой коричневый, выпуклый, разделённый дугообразными чешуйками живот, на верхушке которого еле держалось готовое вот-вот окончательно сползти одеяло. Его многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки беспомощно копошились у него перед глазами.

«Что со мной случилось?» – подумал он. Это не было сном. Его комната, настоящая, разве что слишком маленькая, но обычная комната, мирно покоилась в своих четырёх хорошо знакомых стенах. Над столом, где были разложены распакованные образцы сукон – Замза был коммивояжёром, – висел портрет, который он недавно вырезал из иллюстрированного журнала и вставил в красивую золочёную рамку. На портрете была изображена дама в меховой шляпе и боа, она сидела очень прямо и протягивала зрителю тяжёлую меховую муфту, в которой целиком исчезала её рука.

Затем взгляд Грегора устремился в окно, и пасмурная погода – слышно было, как по жести подоконника стучат капли дождя – привела его и вовсе в грустное на-

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

строение. «Хорошо бы ещё немного поспать и забыть всю эту чепуху», – подумал он, но это было совершенно неосуществимо, он привык спать на правом боку, а в теперешнем своём состоянии он никак не мог принять этого положения. С какой бы силой ни поворачивался он на правый бок, он неизменно сваливался опять на спину. Закрыв глаза, чтобы не видеть своих барахтающихся ног, он проделал это добрую сотню раз и отказался от этих попыток только тогда, когда почувствовал какую-то неведомую дотоле, тупую и слабую боль в боку.

«Ах ты, господи, – подумал он, – какую я выбрал хлопотную профессию! Изо дня в день в разъездах. Деловых волнений куда больше, чем на месте, в торговом доме, а кроме того, изволь терпеть тяготы дороги, думай о расписании поездов, мирись с плохим, нерегулярным питанием, завязывай со всё новыми и новыми людьми недолгие, никогда не бывающие сердечными отношения. Чёрт бы побрал всё это!» Он почувствовал вверху живота лёгкий зуд; медленно подвинулся на спине к прутьям кровати, чтобы удобнее было поднять голову; нашёл зудевшее место, сплошь покрытое, как оказалось, белыми непонятными точечками; хотел было ощупать это место одной из ножек, но сразу отдёрнул её, ибо даже простое прикосновение вызвало у него, Грегора, озноб.

Он соскользнул в прежнее своё положение. «От этого раннего вставания, – подумал он, – можно совсем обезуметь. Человек должен высыпаться. Другие коммивояжёры живут как одалиски. Когда я, например, среди дня возвращаюсь в гостиницу, чтобы переписать полученные заказы, эти господа только завтракают. А осмелься я вести себя так, мой хозяин выгнал бы меня сразу. Кто знает, впрочем, может быть, это было бы даже очень хорошо для меня. Если бы я не сдерживался ради родителей, я бы давно заявил об уходе, я бы подошёл к своему хозяину и выложил ему всё, что о нём думаю. Он бы так и свалился с конторки! Странная у него манера – садиться на конторку и с её высоты разговаривать со служащим, который вдобавок вынужден подойти вплотную к конторке из-за того, что хозяин туг на ухо. Однако надежда ещё не совсем потеряна: как только я накоплю денег, чтобы выплатить долг моих родителей – на это уйдёт ещё лет пять-шесть, – я так и поступлю. Тут-то мы и распрощаемся раз и навсегда. А пока что надо подниматься, мой поезд отходит в пять».

Покуда он всё это торопливо обдумывал, никак не решаясь покинуть постель, – будильник как раз пробил без четверти семь, – в дверь у его изголовья осторожно постучали.

– Грегор, – услыхал он (это была его мать), – уже без четверти семь. Разве ты не собирался уехать?

Этот ласковый голос! Грегор испугался, услыхав ответные звуки собственного голоса, к которому, хоть это и был, несомненно, прежний его голос, примешивался какой-то подспудный, но упрямый болезненный писк, отчего слова только в первое мгновение звучали отчётливо, а потом искажались отголоском настолько, что нельзя было с уверенностью сказать, не ослышался ли ты. Грегор хотел подробно ответить и всё объяснить, но ввиду этих обстоятельств сказал только:

RESPUBLIKA TAHYM MARKAZI

– Да, да, спасибо, мама, я уже встаю.

Снаружи, благодаря деревянной двери, по-видимому, не заметили, как изменился его голос, потому что после этих слов мать успокоилась и зашаркала прочь. Но короткий этот разговор обратил внимание остальных членов семьи на то, что Грегор вопреки ожиданию всё ещё дома, и вот уже в одну из боковых дверей стучал отец – слабо, но кулаком.

– Грегор! Грегор! – кричал он. – В чём дело?

И через несколько мгновений позвал ещё раз, понизив голос:

– Грегор! Грегор!

А за другой боковой дверью тихо и жалостно говорила сестра:

– Грегор! Тебе нездоровится? Помочь тебе чем-нибудь?

Отвечая всем вместе: «Я уже готов», – Грегор старался тщательным выговором и длинными паузами между словами лишить свой голос какой бы то ни было необычности. Отец и в самом деле вернулся к своему завтраку, но сестра продолжала шептать:

– Грегор, открой, умоляю тебя.

Однако Грегор и не думал открывать, он благословлял приобретённую в поездках привычку и дома предусмотрительно запирать на ночь все двери.

Сбросить одеяло оказалось просто; достаточно было немного надуть живот, и оно упало само. Но дальше дело шло хуже, главным образом потому, что он был так широк.

Ему нужны были руки, чтобы подняться; а вместо этого у него было множество ножек, которые не переставали беспорядочно двигаться и с которыми он к тому же никак не мог совладать. Если он хотел какую-либо ножку согнуть, она первым делом вытягивалась; а если ему наконец удавалось выполнить этой ногой то, что он задумал, то другие тем временем, словно вырвавшись на волю, приходили в самое мучительное волнение. «Только не задерживаться понапрасну в постели», – сказал себе Грегор.

Сперва он хотел выбраться из постели нижней частью своего туловища, но эта нижняя часть, которой он, кстати, ещё не видел, да и не мог представить себе, оказалась малоподвижной; дело шло медленно; а когда Грегор наконец в бешенстве напропалую рванулся вперёд, он, взяв неверное направление, сильно ударился о прутья кровати, и обжигающая боль убедила его, что нижняя часть туловища у него сейчас, вероятно, самая чувствительная.

Поэтому он попытался выбраться сначала верхней частью туловища и стал осторожно поворачивать голову к краю кровати. Это ему легко удалось, и, несмотря на свою ширину и тяжесть, туловище его в конце концов медленно последовало за головой. Но когда голова, перевалившись наконец за край кровати, повисла, ему стало страшно продвигаться и дальше подобным образом. Ведь если бы он в конце концов упал, то разве что чудом не повредил бы себе голову. А терять сознание именно сейчас он ни в коем случае не должен был; лучше уж было остаться в постели.

Но потом он сказал себе: «Прежде чем пробьёт четверть восьмого, я должен во что бы то ни стало окончательно покинуть кровать. Впрочем, к тому времени

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

из конторы уже придут справиться обо мне, ведь контора открывается раньше семи». И он принялся выталкиваться из кровати, раскачивая туловище по всей его длине равномерно. Если бы он упал так с кровати, то, видимо, не повредил бы голову, резко приподняв её во время падения. Спина же казалась достаточно твёрдой; при падении на ковёр с ней, наверно, ничего не случилось бы. Больше всего беспокоила его мысль о том, что тело его упадёт с грохотом и это вызовет за всеми дверями если не ужас, то уж, во всяком случае, тревогу. И всё же на это нужно было решиться.

Когда Грегор уже наполовину повис над краем кровати – новый способ походил скорей на игру, чем на утомительную работу, нужно было только рывками раскачиваться, – он подумал, как было бы всё просто, если бы ему помогли. Двух сильных людей – он подумал об отце и о прислуге – было бы совершенно достаточно; им пришлось бы только, засунув руки под выпуклую его спину, снять его с кровати, а затем, нагнувшись со своей ношей, подождать, пока он осторожно перевернётся на полу, где его ножки получили бы, надо полагать, какой-то смысл. Но даже если бы двери не были заперты, неужели он действительно позвал бы кого-нибудь на помощь? Несмотря на свою беду, он не удержался от улыбки при этой мысли.

Он уже с трудом сохранял равновесие при сильных рывках и уже вот-вот должен был окончательно решиться, когда с парадного донёсся звонок. «Это кто-то из фирмы», – сказал он себе и почти застыл, но зато его ножки заходили ещё стремительней. Несколько мгновений всё было тихо. «Они не отворяют», – сказал себе Грегор, отдаваясь какой-то безумной надежде. Но потом, конечно, прислуга, как всегда, твёрдо прошагала к парадному и открыла. Грегору достаточно было услыхать только первое приветственное слово гостя, чтобы тотчас узнать, кто он: это был сам управляющий. Грегор изо всех сил рванулся с кровати. Удар был громкий, но не то чтобы оглушительный. Падение несколько смягчил ковёр, да и спина оказалась эластичнее, чем предполагал Грегор,

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН

поэтому звук получился глухой, не такой уж разительный. Вот только голову он держал недостаточно осторожно и ударил её; он потёрся ею о ковёр, досадуя на боль.

– Там что-то упало, – сказал управляющий в соседней комнате слева.

Грегор попытался представить себе, не может ли и с управляющим произойти нечто подобное тому, что случилось сегодня с ним, Грегором; ведь вообще-то такой возможности нельзя было отрицать. Но как бы отметая этот вопрос, управляющий сделал в соседней комнате несколько решительных шагов, сопровождавшихся скрипом его лакированных сапог. Из комнаты справа, стремясь предупредить Грегора, шептала сестра:

– Грегор, пришёл управляющий.

– Я знаю, – сказал Грегор тихо; повысить голос настолько, чтобы его услыхала сестра, он не отважился.

– Грегор, – заговорил отец в комнате слева, – к нам пришёл господин управляющий. Он спрашивает, почему ты не уехал с утренним поездом. Мы не знаем, что ответить ему. Впрочем, он хочет поговорить и с тобой лично. Поэтому, пожалуйста, открой дверь. Он уж великодушно извинит нас за беспорядок в комнате.

– Доброе утро, господин Замза, – приветливо вставил сам управляющий.

– Ему нездоровится, – сказала мать управляющему, покуда отец продолжал говорить у двери. – Поверьте мне, господин управляющий, ему нездоровится. Разве иначе Грегор опоздал бы на поезд! Ведь мальчик только и думает, что о фирме. Я даже немного сержусь, что он никуда не ходит по вечерам; он пробыл восемь дней в городе, но все вечера провёл дома. Сидит себе за столом и молча читает газету или изучает расписание поездов. Единственное развлечение, которое он позволяет себе, – это выпиливание. За каких-нибудь два-три вечера он сделал, например, рамочку; такая красивая рамочка, просто загляденье; она висит там в комнате, вы сейчас её увидите, когда Грегор откроет. Право, я счастлива, что вы пришли, господин управляющий; без вас мы бы не заставили Грегора открыть дверь; он такой упрямый; и наверняка ему нездоровится, хоть он и отрицал это утром.

– Сейчас я выйду, – медленно и размеренно сказал Грегор, но не шевельнулся, чтобы не пропустить ни одного слова из их разговоров.

– Другого объяснения, сударыня, у меня и нет, – сказал управляющий. – Будем надеяться, что болезнь его не опасна. Хотя, с другой стороны, должен заметить, что нам, коммерсантам, – то ли к счастью, то ли к несчастью, приходится часто в интересах дела просто превозмогать лёгкий недуг.

– Значит, господин управляющий может уже войти к тебе? – спросил нетерпеливый отец и снова постучал в дверь.

– Нет, – сказал Грегор. В комнате слева наступила мучительная тишина, в комнате справа зарыдала сестра.

– Господин Замза, – воскликнул управляющий, теперь уж повысив голос, – в чём дело? Вы заперлись в своей комнате, отвечаете только «да» и «нет», доставляете своим родителям тяжёлые, ненужные волнения и уклоняетесь – упомяну об этом лишь вскользь – от исполнения своих служебных обязанностей поистине неслыханным

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

образом. Я говорю сейчас от имени ваших родителей и вашего хозяина и убедительно прошу вас немедленно объясниться. Я удивлён, я поражён! Я считал вас спокойным, рассудительным человеком, а вы, кажется, вздумали выкидывать странные номера. Хозяин, правда, намекнул мне сегодня утром на возможное объяснение вашего прогула – оно касалось недавно доверенного вам инкассо, – но я, право, готов был дать честное слово, что это объяснение не соответствует действительности. Однако сейчас, при виде вашего непонятного упрямства, у меня пропадает всякая охота в какой бы то ни было мере за вас заступаться. А положение ваше отнюдь не прочно. Сначала я намеревался сказать вам это с глазу на глаз, но поскольку вы заставляете меня напрасно тратить здесь время, я не вижу причин утаивать это от ваших уважаемых родителей. Ваши успехи в последнее время были, скажу я вам, весьма неудовлетворительны; правда, сейчас не то время года, чтобы заключать большие сделки, это мы признаём; но такого времени года, когда не заключают никаких сделок, вообще не существует, господин Замза, не может существовать.

– Но, господин управляющий, – теряя самообладание, воскликнул Грегор и от волнения забыл обо всём другом, – я же немедленно, сию минуту открою. Лёгкое недомогание, приступ головокружения не давали мне возможности встать. Я и сейчас ещё лежу в кровати. Но я уже совсем пришёл в себя. И уже встаю. Минутку терпения! Мне ещё не так хорошо, как я думал. Но уже лучше. Подумать только, что за напасть! Ещё вчера вечером я чувствовал себя превосходно, мои родители это подтвердят, нет, вернее, уже вчера вечером у меня появилось какое-то предчувствие. Очень возможно, что это было заметно. И почему я не уведомил об этом фирму! Но ведь всегда думаешь, что переможешь болезнь на ногах. Господин управляющий! Пощадите моих родителей! Ведь для упрёков, которые вы сейчас мне делаете, нет никаких оснований; мне же и не говорили об этом ни слова. Вы, наверно, не видели последних заказов, которые я прислал. Да я ещё и уеду с восьмичасовым поездом, несколько лишних часов сна подкрепили мои силы. Не задерживайтесь, господин управляющий, я сейчас сам приду в фирму, будьте добры, так и скажите и засвидетельствуйте моё почтение хозяину!

И покуда Грегор всё это поспешно выпаливал, сам не зная, что он говорит, он легко – видимо, наловчившись в кровати – приблизился к сундуку и попытался, опираясь на него, выпрямиться во весь рост. Он действительно хотел открыть дверь, действительно хотел выйти и поговорить с управляющим; ему очень хотелось узнать, что скажут, увидев его, люди, которые сейчас так его ждут. Если они испугаются, значит, с Грегора уже снята ответственность и он может быть спокоен. Если же они примут всё это спокойно, то, значит, и у него нет причин волноваться и, поторопившись, он действительно будет на вокзале в восемь часов. Сначала он несколько раз соскальзывал с полированного сундука, но наконец, сделав последний рывок, выпрямился во весь рост; на боль в нижней части туловища он уже не обращал внимания, хотя она была очень мучительна. Затем, навалившись на спинку стоявшего поблизости стула, он зацепился за её края ножками. Теперь он обрёл власть над своим телом и умолк, чтобы выслушать ответ управляющего.

RESPUBLIKA TALIMI MARKAZI

– Поняли ли вы хоть одно слово? – спросил тот родителей. – Уж не издевается ли он над нами?

– Господь с вами, – воскликнула мать, вся в слезах, – может быть, он тяжело болен, а мы его мучим. Грета! Грета! – крикнула она затем.

– Мама? – отозвалась сестра с другой стороны.

– Сейчас же ступай к врачу. Грегор болен. Скорей за врачом. Ты слышала, как говорил Грегор?

– Это был голос животного, – сказал управляющий, сказал поразительно тихо по сравнению с криками матери.

– Анна! Анна! – закричал отец через переднюю в кухню и хлопнул в ладоши. – Сейчас же приведите слесаря!

И вот уже обе девушки, шурша юбками, пробежали через переднюю – как же это сестра так быстро оделась? – и распахнули входную дверь. Не слышно было, чтобы дверь захлопнулась – наверно, они так и оставили её открытой, как то бывает в квартирах, где произошло большое несчастье.

А Грегору стало гораздо спокойнее. Речи его, правда, уже не понимали, хотя ему она казалась достаточно ясной, даже более ясной, чем прежде, вероятно потому, что его слух к ней привык. Но зато теперь поверили, что с ним творится что-то неладное, и были готовы ему помочь. Уверенность и твёрдость, с какими отдавались первые распоряжения, подействовали на него благотворно. Он чувствовал себя вновь приобщённым к людям и ждал от врача и от слесаря, не отделяя по существу одного от другого, удивительных свершений. Чтобы перед приближавшимся решающим разговором придать своей речи как можно большую ясность, он немного откашлялся, стараясь, однако, сделать это поглуше, потому что, возможно, и эти звуки больше не походили на человеческий кашель, а судить об этом он уже не решался. В соседней комнате стало между тем совсем тихо. Может быть, родители сидели с управляющим за столом и шушукались, а может быть, все они приникли к двери, прислушиваясь.

Грегор медленно продвинулся со стулом к двери, отпустил его, навалился на дверь, припал к ней стоймя – на подушечках его лапок было какое-то клейкое вещество и немного передохнул, натрудившись. А затем принялся поворачивать ртом ключ в замке. Увы, у него, кажется, не было настоящих зубов – чем же схватить теперь ключ? – но зато челюсти оказались очень сильными; с их помощью он и в самом деле задвигал ключом, не обращая внимания на то, что, несомненно, причинил себе вред, ибо какая-то бурая жидкость выступила у него изо рта, потекла по ключу и закапала на пол.

– Послушайте-ка, – сказал управляющий в соседней комнате, – он поворачивает ключ.

Это очень ободрило Грегора; но лучше бы все они, и отец, и мать, кричали ему, лучше бы они все кричали ему:

«Сильней, Грегор! Ну-ка, поднатужься, ну-ка, нажми на замок!» И вообразив, что все напряженно следят за его усилиями, он самозабвенно, изо всех сил вцепился в ключ. По мере того как ключ поворачивался, Грегор переваливался около

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

замка с ножки на ножку; держась теперь стоймя только с помощью рта, он по мере надобности то повисал на ключе, то наваливался на него всей тяжестью своего тела. Звонкий щелчок поддавшегося наконец замка как бы разбудил Грегора. Переведя дух, он сказал себе:

«Значит, я всё-таки обошёлся без слесаря», – и положил голову на дверную ручку, чтобы отворить дверь.

Поскольку отворил он её таким способом, его самого ещё не было видно, когда дверь уже довольно широко отворилась. Сначала он должен был медленно обойти одну створку, а обойти её нужно было с большой осторожностью, чтобы не шлёпнуться на спину у самого входа в комнату. Он был ещё занят этим трудным передвижением и, торопясь, ни на что больше не обращал внимания, как вдруг услышал громкое «О!» управляющего – оно прозвучало, как свист ветра,– и увидел затем его самого: находясь ближе всех к двери, тот прижал ладонь к открытому рту и медленно пятился, словно его гнала какая-то невидимая, неодолимая сила. Мать – несмотря на присутствие управляющего, она стояла здесь с распущенными ещё с ночи, взъерошенными волосами сначала, стиснув руки, взглянула на отца, а потом сделала два шага к Грегору и рухнула, разметав вокруг себя юбки, опустив к груди лицо, так что его совсем не стало видно. Отец угрожающе сжал кулак, словно желая вытолкнуть Грегора в его комнату, потом нерешительно оглядел гостиную, закрыл руками глаза и заплакал, и могучая его грудь сотрясалась.

Грегор вовсе и не вошёл в гостиную, а прислонился изнутри к закреплённой створке, отчего видны были только половина его туловища и заглядывавшая в комнату голова, склонённая набок.

– Ну вот, – сказал Грегор, отлично сознавая, что спокойствие сохранил он один, – сейчас я оденусь, соберу образцы и поеду. А вам хочется, вам хочется, чтобы я поехал? Ну вот, господин управляющий, вы видите, я не упрямец, я работаю с удовольствием; разъезды утомительны, но я не мог бы жить без разъездов. Куда же вы, господин управляющий? В контору? Да? Вы доложите обо всём? Иногда человек не в состоянии работать, но тогда как раз самое время вспомнить о прежних своих успехах в надежде, что тем внимательней и прилежнее будешь работать в дальнейшем, по устранении помехи. Ведь я так обязан хозяину, вы же отлично это знаете. С другой стороны, на мне лежит забота о родителях и о сестре. Я попал в беду, но я выкарабкаюсь. Только не ухудшайте моего и без того трудного положения. Будьте в фирме на моей стороне! Коммивояжёров не любят, я знаю. Думают, они зарабатывают бешеные деньги и при этом живут в своё удовольствие. Никто просто не задумывается над таким предрассудком. Но вы, господин управляющий, вы знаете, как обстоит дело, знаете лучше, чем остальной персонал, и даже, говоря между нами, лучше, чем сам хозяин, который, как предприниматель, легко может ошибиться в своей оценке в невыгодную для того или иного служащего сторону. Вы отлично знаете также, что, находясь почти весь год вне фирмы, коммивояжёр легко может стать жертвой сплетни, случайностей и беспочвенных обвинений, защититься от которых он совершенно не в силах, так как по большей части он о них ничего не знает и только потом, когда, измотанный,

RESPUBLIKA MARKAZI

возвращается из поездки, испытывает их скверные, уже далёкие от причин последствия на собственной шкуре. Не уходите, господин управляющий, не дав мне ни одним словом понять, что вы хотя бы отчасти признаете мою правоту!

Но управляющий отвернулся, едва Грегор заговорил, и, надувшись, глядел на него только поверх плеча, которое непрестанно дёргалось. И во время речи Грегора он ни секунды не стоял на месте, а удалялся, не спуская с Грегора глаз, к двери – удалялся, однако очень медленно, словно какой-то тайный запрет не позволял ему покидать комнату.

Грегор понимал, что он ни в коем случае не должен отпускать управляющего в таком настроении, если не хочет поставить под удар своё положение в фирме. Родители не сознавали всего этого так ясно; с годами они привыкли думать, что в этой фирме Грегор устроился на всю жизнь, а свалившиеся на них сейчас заботы и вовсе лишили их проницательности. Но Грегор этой проницательностью обладал. Управляющего нужно было задержать, успокоить, убедить и в конце концов расположить в свою пользу; ведь от этого зависела будущность Грегора и его семьи!

Но у Грегора не было сейчас времени заниматься родителями; управляющий был уже на лестнице; положив подбородок на перила, он бросил последний, прощальный взгляд назад. Грегор пустился было бегом, чтобы вернее его догнать; но управляющий, видимо, догадался о его намерении, ибо, перепрыгнув через несколько ступенек, исчез. Он только воскликнул:

«Фу!» – и звук этот разнёсся по лестничной клетке.

Давайте обсудим

1. Почему Кафка сразу начинает повесть с превращения, не объясняя его причин?
2. Что важнее для Грегора: его физическое состояние или социальные обязанности?
3. Можно ли сказать, что Грегор чувствует себя «чужим» ещё до превращения? Почему?
4. Что символизирует образ насекомого (предположительно)?
5. Как вы оцениваете поведение семьи: страх, растерянность, эгоизм или необходимость?

Практическое задание

1. Найдите в тексте эпизоды, где Грегор думает не о себе, а о семье или работе. Что это говорит о его характере?
2. Подберите 3–5 слов, которыми можно охарактеризовать Грегора в первой главе.
3. Сравните реакцию Грегора и реакцию его семьи на превращение (в виде таблицы или устно).

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

4. Дайте письменный ответ (5–7 предложений):
   Почему Грегор, превратившись в насекомое, продолжает чувствовать себя обязанным?
5. Творческое задание: опишите происходящее в первой главе глазами одного из членов семьи.

2

Лишь в сумерках очнулся Грегор от тяжёлого, похожего на обморок сна. Если бы его и не побеспокоили, он все равно проснулся бы ненамного позднее, так как чувствовал себя достаточно отдохнувшим и выспавшимся, но ему показалось, что разбудили его чьи-то лёгкие шаги и звук осторожно запираемой двери, выходившей в переднюю. На потолке и на верхних частях мебели лежал проникавший с улицы свет электрических фонарей, но внизу, у Грегора, было темно. Медленно, ещё неуклюже шаря своими щупальцами, которые он только теперь начинал ценить, Грегор подполз к двери, чтобы досмотреть, что там произошло. Левый его бок казался сплошным длинным, неприятно саднящим рубцом, и он по-настоящему хромал на оба ряда своих ног. В ходе утренних приключений одна ножка – чудом только одна – была тяжело ранена и безжизненно волочилась по полу.

Лишь у двери он понял, что, собственно, его туда повлекло; это был запах чего-то съедобного. Там стояла миска со сладким молоком, в котором плавали ломтики белого хлеба. Он едва не засмеялся от радости, ибо есть ему хотелось ещё сильнее, чем утром, и чуть ли не с глазами окунул голову в молоко. Но вскоре он разочарованно вытащил её оттуда; мало того, что из-за раненого левого бока есть ему было трудно, – а есть он мог, только широко разевая рот и работая всем своим туловищем, – молоко, которое всегда было его любимым напитком и которое сестра, конечно, потому и принесла, показалось ему теперь совсем невкусным; он почти с отвращением отвернулся от миски и пополз назад, к середине комнаты.

В гостиной, как увидел Грегор сквозь щель в двери, зажгли свет, но если обычно отец в это время громко читал матери, а иногда и сестре вечернюю газету, то сейчас не было слышно ни звука. Возможно, впрочем, что это чтение, о котором ему всегда рассказывала и писала сестра, в последнее время вообще вышло из обихода. Но и кругом было очень тихо, хотя в квартире, конечно, были люди. «До чего же, однако, тихую жизнь ведёт моя семья», – сказал себе Грегор и, уставившись в темноту, почувствовал великую гордость от сознания, что он сумел добиться для своих родителей и сестры такой жизни в такой прекрасной квартире. А что, если этому покою, благополучию, довольству пришёл теперь ужасный конец? Чтобы не предаваться подобным мыслям, Грегор решил размяться и принялся ползать по комнате.

Один раз в течение долгого вечера чуть приоткрылась, но тут же захлопнулась одна боковая дверь и ещё раз – другая; кому-то, видно, хотелось войти, но опасения взяли верх. Грегор остановился непосредственно у двери в гостиную, чтобы каким-нибудь образом залучить нерешительного посетителя или хотя бы узнать,

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

кто это, но дверь больше не отворялась, и ожидание Грегора оказалось напрасным. Утром, когда двери были заперты, все хотели войти к нему, теперь же, когда одну дверь он открыл сам, а остальные были, несомненно, отпёрты в течение дня, никто не входил, а ключи между тем торчали снаружи.

Лишь поздно ночью погасили в гостиной свет, и тут сразу выяснилось, что родители и сестра до сих пор бодрствовали, потому что сейчас, как это было отчётливо слышно, они все удалились на цыпочках. Теперь, конечно, до утра к Грегору никто не войдёт, значит, у него было достаточно времени, чтобы без помех поразмыслить, как ему перестроить свою жизнь. Но высокая пустая комната, в которой он вынужден был плашмя лежать на полу, пугала его, хотя причины своего страха он не понимал, ведь он жил в этой комнате вот уже пять лет, и, повернувшись почти безотчётно, он не без стыда поспешил уползти под диван, где, несмотря на то, что спину ему немного прижало, а голову уже нельзя было поднять, он сразу же почувствовал себя очень уютно и пожалел только, что туловище его слишком широко, чтобы поместиться целиком под диваном.

Там пробыл он всю ночь, проведя её отчасти в дремоте, которую то и дело вспугивал голод, отчасти же в заботах и смутных надеждах, неизменно приводивших его к заключению, что покамест он должен вести себя спокойно и обязан своим терпением и тактом облегчить семье неприятности, которые он причинил ей теперешним своим состоянием.

Уже рано утром – была ещё почти ночь – Грегору представился случай испытать твёрдость только что принятого решения, когда сестра, почти совсем одетая, открыла дверь из передней и настороженно заглянула к нему в комнату. Она не сразу заметила Грегора, но, увидев его под диваном – ведь где-то, о господи, он должен был находиться, не мог же он улететь! – испугалась так, что, не совладав с собой, захлопнула дверь снаружи. Но словно раскаявшись в своём поведении, она тотчас же открыла дверь снова и на цыпочках, как к тяжелобольному или даже как к постороннему, вошла в комнату. Грегор высунул голову к самому краю дивана и стал следить за сестрой. Заметит ли она, что он оставил молоко, причём вовсе не потому, что не был голоден, и принесёт ли какую-нибудь другую еду, которая подойдёт ему больше? Если бы она не сделала этого сама, он скорее бы умер с голоду, чем обратил на это её внимание, хотя его так и подмывало выскочить из-под дивана, броситься к ногам сестры и попросить у неё какой-нибудь хорошей еды. Но сразу же с удивлением заметив полную ещё миску, из которой только чуть-чуть расплескалось молоко, сестра немедленно подняла её, правда, не просто руками, а при помощи тряпки, и вынесла прочь. Грегору было очень любопытно, что она принесёт взамен, и он стал строить всяческие догадки на этот счёт. Но он никак не додумался бы до того, что сестра, по своей доброте, действительно сделала. Чтобы узнать его вкус, она принесла ему целый выбор кушаний, разложив всю эту снедь на старой газете. Тут были лежалые, с гнильцой овощи; оставшиеся от ужина кости, покрытые белым застывшим соусом; немного изюму и миндаля; кусок сыру, который Грегор два дня назад объявил несъедобным; ломоть сухого хлеба, ломоть хлеба, намазанный маслом, и ломоть

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

хлеба, намазанный маслом и посыпанный солью. Вдобавок ко всему этому она поставила ему ту же самую, раз и навсегда, вероятно, выделенную для Грегора миску, налив в неё воды. Затем она из деликатности, зная, что при ней Грегор не станет есть, поспешила удалиться и даже повернула ключ в двери, чтобы показать Грегору, что он может устраиваться, как ему будет удобнее. Лапки Грегора, когда он теперь направился к еде, замелькали одна быстрее другой. Да и раны его, как видно, совсем зажили, он не чувствовал уже никаких помех и, удивившись этому, вспомнил, как месяц с лишним назад он слегка обрезал палец ножом и как не далее чем позавчера эта рана ещё причиняла ему довольно сильную боль. «Неужели я стал теперь менее чувствителен?» – подумал он и уже жадно влился в сыр, к которому его сразу потянуло настойчивее, чем к какой-либо другой еде. Со слезящимися от наслаждения глазами он быстро уничтожил подряд сыр, овощи, соус; свежая пища, напротив, ему не нравилась

Уже в течение первого дня отец разъяснил матери и сестре имущественное положение семьи и виды на будущее. Он часто вставал из-за стола и извлекал из своей маленькой домашней кассы, которая сохранилась от его погоревшей пять лет назад фирмы, то какую-нибудь квитанцию, то записную книжку. Слышно было, как он отпирал сложный замок и, достав то, что искал, опять поворачивал ключ. Эти объяснения отца были отчасти первой утешительной новостью, услышанной Грегором с начала его заточения. Он считал, что от того предприятия у отца решительно ничего не осталось, во всяком случае, отец не утверждал противного, а Грегор его об этом не спрашивал. Единственной в ту пору заботой Грегора было сделать все, чтобы семья как можно скорей забыла банкротство, приведшее всех в состояние полной безнадёжности. Поэтому он начал тогда трудиться с особым пылом и чуть ли не сразу сделался из маленького приказчика вояжером, у которого были, конечно, совсем другие заработки и чьи деловые успехи тотчас же, в виде комиссионных, превращались в наличные деньги, каковые и можно было положить дома на стол перед удивлённой и счастливой семьёй. То были хорошие времена, и потом они уже никогда, по крайней мере в прежнем великолепии, не повторялись, хотя Грегор и позже зарабатывал столько, что мог содержать и действительно содержал семью. К этому все привыкли – и семья, и сам Грегор; деньги у него с благодарностью принимали, а он охотно их давал, но особой теплоты больше не возникало. Только сестра осталась всё-таки близка Грегору; и так как она в отличие от него очень любила музыку и трогательно играла на скрипке, у Грегора была тайная мысль определить её на будущий год в консерваторию, несмотря на большие расходы, которые это вызовет и которые придётся покрыть за счёт чего-то другого. Во время коротких задержек Грегора в городе в разговорах с сестрой часто упоминалась консерватория, но упоминалась всегда как прекрасная, несбыточная мечта, и даже эти невинные упоминания вызывали у родителей неудовольствие; однако Грегор думал о консерватории очень определённо и собирался торжественно заявить о своём намерении в канун рождества.

Такие, совсем бесполезные в нынешнем его состоянии мысли вертелись в голове Грегора, когда он, прислушиваясь, стоймя прилипал к двери. Утомившись, он нет-нет

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

да переставал слушать и, нечаянно склонив голову, ударялся о дверь, но тотчас же опять выпрямлялся, так как малейший учинённый им шум был слышен за дверью и заставлял всех умолкать. «Что он там опять вытворяет?» – говорил после небольшой паузы отец, явно глядя на дверь, и лишь после этого постепенно возобновлялся прерванный разговор.

Так вот, постепенно (ибо отец повторялся в своих объяснениях– отчасти потому, что давно уже отошёл от этих дел, отчасти же потому, что мать не все понимала с первого раза) Грегор с достаточными подробностями узнал, что, несмотря на все беды, от старых времён сохранилось ещё маленькое состояние и что оно, так как процентов не трогали, за эти годы даже немного выросло. Кроме того, оказалось, что деньги, которые ежемесячно приносил домой Грегор – он оставлял себе всего несколько гульденов, – уходили не целиком и образовали небольшой капитал. Стоя за дверью, Грегор усиленно кивал головой, обрадованный такой неожиданной предусмотрительностью и бережливостью. Вообще-то он мог бы этими лишними деньгами погасить часть отцовского долга и приблизить тот день, когда он, Грегор, волен был бы отказаться от своей службы, но теперь оказалось несомненно лучше, что отец распорядился деньгами именно так.

Однажды – со дня случившегося с Грегором превращения минуло уже около месяца, и у сестры, следовательно, не было особых причин удивляться его виду – она пришла немного раньше обычного и застала Грегора глядящим в окно, у которого он неподвижно стоял, являя собой довольно страшное зрелище. Если бы она просто не вошла в комнату, для Грегора не было бы в этом ничего неожиданного, так как, находясь у окна, он не позволял ей открыть его, но она не просто не вошла, а отпрянула назад и заперла дверь; постороннему могло бы показаться даже, что Грегор подстерегал её и хотел укусить, Грегор, конечно, сразу же спрятался под диван, но её возвращения ему пришлось ждать до полудня, и была в ней какая-то необычная встревоженность. Из этого он понял, что она все ещё не выносит и никогда не сможет выносить его облика и что ей стоит больших усилий не убегать прочь при виде даже той небольшой части его тела, которая высовывается из-под дивана. Чтобы избавить сестру и от этого зрелища, он однажды перенёс на спине – на эту работу ему потребовалось четыре часа – простыню на диван и положил её таким образом, чтобы она скрывала его целиком и сестра, даже нагнувшись, не могла увидеть его. Если бы, по её мнению, в этой простыне не было надобности, сестра могла бы ведь и убрать её, ведь Грегор укрылся так не для удовольствия, это было достаточно ясно, но сестра оставила простыню на месте, и Грегору показалось даже, что он поймал благодарный взгляд, когда осторожно приподнял головой простыню, чтобы посмотреть, как приняла это нововведение сестра.

Первые две недели родители не могли заставить себя войти к нему, и он часто слышал, как они с похвалой отзывались о теперешней работе сестры, тогда как прежде они то и дело сердились на сестру, потому что она казалась им довольно пустой девицей. Теперь и отец и мать часто стояли в ожидании перед комнатой Грегора, покуда сестра там убирала, и, едва только она выходила оттуда, заставляли её

РЕПУБЛИКА ТАЛЫМ МАРКАЗ

подробно рассказывать, в каком виде была комната, что ел Грегор, как он на этот раз вёл себя и заметно ли хоть маленькое улучшение. Впрочем, мать относительно скоро пожелала навестить Грегора, но отец и сестра удерживали её от этого – сначала разумными доводами, которые Грегор, очень внимательно их выслушивая, целиком одобрял. Позднее удерживать её приходилось уже силой, и когда она кричала: «Пустите меня к Грегору, это же мой несчастный сын! Неужели вы не понимаете, что я должна пойти к нему?» – Грегор думал, что, наверно, и в самом деле было бы хорошо, если бы мать приходила к нему. Конечно, не каждый день, но, может быть, раз в неделю; ведь она понимала всё куда лучше, чем сестра, которая при всём своём мужестве была только ребёнком и в конечном счёте, наверно, только по детскому легкомыслию взяла на себя такую обузу.

Желание Грегора увидеть мать вскоре исполнилось. Заботясь о родителях, Грегор в дневное время уже не показывался у окна, ползать же по нескольким квадратным метрам пола долго не удавалось, лежать неподвижно было ему уже и ночами трудно, еда вскоре перестала доставлять ему какое бы то ни было удовольствие, и он приобрёл привычку ползать для развлечения по стенам и по потолку. Особенно любил он висеть на потолке; это было совсем не то, что лежать на полу; дышалось свободнее, тело легко покачивалось; в том почти блаженном состоянии и рассеянности, в котором он там наверху пребывал, он подчас, к собственному своему удивлению, срывался и шлёпался на пол. Но теперь он, конечно, владел своим телом совсем не так, как прежде, и с какой бы высоты он ни падал, он не причинял себе при этом никакого вреда. Сестра сразу заметила, что Грегор нашёл новое развлечение – ведь ползая, он повсюду оставлял следы клейкого вещества, – и решила предоставить ему как можно больше места для этого занятия, выставив из комнаты мешавшую ему ползать мебель, то есть прежде всего сундук и письменный стол. Но она была не в состоянии сделать это одна; позвать на помощь отца она не осмеливалась, прислуга же ей, безусловно, не помогла бы, ибо, хотя эта шестнадцатилетняя девушка, нанятая после ухода прежней кухарки, не отказывалась от места, она испросила разрешение держать кухню на запоре и открывать дверь лишь по особому оклику; поэтому сестре ничего не оставалось, как однажды, в отсутствие отца, привести мать. Та направилась к Грегору с возгласами взволнованной радости, но перед дверью его комнаты умолкла. Сестра, конечно, сначала проверила, всё ли в порядке в комнате; лишь после этого она впустила мать. Грегор с величайшей поспешностью скомкал и ещё дальше потянул простыню; казалось, что простыня брошена на диван и в самом деле случайно. На этот раз Грегор не стал выглядывать из-под простыни; он отказался от возможности увидеть мать уже на этот раз, но был рад, что она наконец пришла.

– Входи, его не видно, – сказала сестра и явно повела мать за руку.

Грегор слышал, как слабые женщины старались сдвинуть с места тяжёлый старый сундук и как сестра всё время брала на себя большую часть работы, не слушая предостережений матери, которая боялась, что та надорвётся. Это длилось очень долго. Когда они провозились уже с четверть часа, мать сказала, что лучше оставить сундук там, где он стоит: во-первых, он слишком тяжёл и они не управятся с ним

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

до прихода отца, а стоя посреди комнаты, сундук и вовсе преградит Грегору путь, а во-вторых, ещё неизвестно, приятно ли Грегору, что мебель выносят. Ей, сказала она, кажется, что ему это скорей неприятно; её, например, вид голой стены прямо-таки удручает; почему же не должен он удручать и Грегора, коль скоро тот привык к этой мебели и потому почувствует себя в пустой комнате совсем заброшенным.

– И разве, – заключила мать совсем тихо, хотя она и так говорила почти шёпотом, словно не желая, чтобы Грегор, местонахождения которого она не знала, услыхал хотя бы звук её голоса, а в том, что слов он не понимает, она не сомневалась, – разве, убирая мебель, мы не показываем, что перестали надеяться на какое-либо улучшение и безжалостно предоставляем его самому себе? По-моему, лучше всего постараться оставить комнату такой же, какой она была прежде, чтобы Грегор, когда он к нам возвратится, не нашёл в ней никаких перемен и поскорее забыл это время.

Услыхав слова матери, Грегор подумал, что отсутствие непосредственного общения с людьми при однообразной жизни внутри семьи помутило, видимо, за эти два месяца его разум, ибо иначе он никак не мог объяснить себе появившейся у него вдруг потребности оказаться в пустой комнате. Неужели ему и в самом деле хотелось превратить свою тёплую, уютно обставленную наследственной мебелью комнату в пещеру, где он, правда, мог бы беспрепятственно ползать во все стороны, но зато быстро и полностью забыл бы своё человеческое прошлое? Ведь он и теперь уже был близок к этому, и только голос матери, которого он давно не слышал, его встормошил. Ничего не следовало удалять; все должно было оставаться на месте; благотворное воздействие мебели на его состояние было необходимо; а если мебель мешала ему бессмысленно ползать, то это шло ему не во вред, а на великую пользу.

Хотя Грегор все время твердил себе, что ничего особенного не происходит и что в квартире просто переставляют какую-то мебель, непрестанное хождение женщин, их негромкие возгласы, звуки скребущей пол мебели – всё это, как он вскоре признался себе, показалось ему огромным, всеохватывающим переполохом; и, втянув голову. прижав ноги к туловищу, а туловищем плотно прильнув к полу, он вынужден был сказать себе, что не выдержит этого долго. Они опустошали его комнату, отнимали у него все, что было ему дорого; сундук, где лежали его лобзик и другие инструменты, они уже вынесли; теперь они двигали успевший уже продавить паркет письменный стол, за которым он готовил уроки, учась в торговом, в реальном и даже ещё в народном училище, – и ему было уже некогда вникать в добрые намерения этих женщин, о существовании которых он, кстати, почти забыл, ибо от усталости они работали уже молча и был слышен только тяжёлый топот их ног.

3

Тяжёлое ранение, от которого Грегор страдал более месяца (яблоко никто не отважился удалить, и оно так и осталось в теле наглядной памяткой), тяжёлое это ранение напомнило, кажется, даже отцу, что, несмотря на свой нынешний плачевный и омерзительный облик, Грегор всё-таки член семьи, что с ним нельзя обращаться как с врагом, а нужно во имя семейного долга подавить отвращение и терпеть, только терпеть.

РЕПУБЛИКА ТАЛИМ МАРКАЗИ

И если из-за своей раны Грегор навсегда, вероятно, утратил прежнюю подвижность и теперь, чтобы пересечь комнату, ему, как старому инвалиду, требовалось несколько долгих-предолгих минут – о том, чтобы ползать вверху, нечего было и думать, – то за это ухудшение своего состояния он был, по его мнению, вполне вознаграждён тем, что под вечер всегда отворялась дверь гостиной, дверь, за которой он начинал следить часа за два до этого, и, лёжа в темноте своей комнаты, не видимый из гостиной, он мог видеть сидевших за освещённым столом родных и слушать их речи, так сказать, с общего разрешения, то есть совершенно иначе, чем раньше.

Ночи и дни Грегор проводил почти совершенно без сна. Иногда он думал, что вот откроется дверь и он снова, совсем как прежде, возьмёт в свои руки дела семьи; в мыслях его после долгого перерыва вновь появлялись хозяин и управляющий, коммивояжеры и ученики-мальчики, болван-дворник, два-три приятеля из других фирм, горничная из одной провинциальной гостиницы – милое мимолётное воспоминание, кассирша из одного шляпного магазина, за которой он всерьёз, но слишком долго ухаживал, – все они появлялись вперемежку с незнакомыми или уже забытыми людьми, но вместо того, чтобы помочь ему и его семье, оказывались, все как один, неприступны, и он бывал рад, когда они исчезали. А потом он опять терял всякую охоту заботиться о семье, его охватывало возмущение плохим уходом, и, не представляя себе, чего бы ему хотелось съесть, он замышлял забраться в кладовку, чтобы взять всё, что ему, хотя бы он и не был голоден, причиталось. Уже не раздумывая, чем бы доставить Грегору особое удовольствие, сестра теперь утром и днём, прежде чем бежать в свой магазин, ногою запихивала в комнату Грегора какую-нибудь еду, чтобы вечером, независимо от того, притронется он к ней или – как бывало чаще всего – оставит её нетронутой, одним взмахом веника вымести эту снедь. Уборка комнаты, которой сестра занималась теперь всегда по вечерам, проходила как нельзя более быстро. По стенам тянулись грязные полосы, повсюду лежали кучи пыли и мусора. Первое время при появлении сестры Грегор забивался в особенно запущенные углы, как бы упрекая её таким выбором места. Но если бы он даже стоял там неделями, сестра все равно не исправилась бы; она же видела грязь ничуть не хуже, чем он, она просто решила оставить её. При этом она с совершенно не свойственной ей в прежние времена обидчивостью, овладевшей теперь вообще всей семьёй, следила за тем, чтобы уборка комнаты Грегора оставалась только её, сестры, делом. Однажды мать затеяла в комнате Грегора большую уборку, для чего извела несколько ведёр воды – такое обилие влаги было, кстати, неприятно Грегору, и, обидевшись, он неподвижно распластался на диване, – но мать была за это наказана. Как только сестра заметила вечером перемену в комнате Грегора, она, до глубины души оскорбившись, вбежала в гостиную и, несмотря на заклинания заламывавшей руки матери, разразилась рыданиями, на которые родители – отец, конечно, испуганно вскочил со своего кресла – глядели сначала беспомощно и удивлённо; потом засуетились и они: отец, справа, стал упрекать мать за то, что она не предоставила эту уборку сестре; сестра же, слева, наоборот, кричала, что ей никогда больше не дадут убирать комнату Грегора; тем временем мать пыталась утащить в спальню отца, который от волнения

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZ

совсем потерял власть над собой; сотрясаясь от рыданий, сестра колотила по столу своими маленькими кулачками; а Грегор громко шипел от злости, потому что никому не приходило в голову закрыть дверь и избавить его от этого зрелища и от этого шума.

Грегор теперь почти ничего не ел. Только когда он случайно проходил мимо приготовленной ему снеди, он для забавы брал кусок в рот, а потом, продержав его там несколько часов, большей частью выплёвывал. Сперва он думал, что аппетит у него отбивает вид его комнаты, но как раз с переменами в своей комнате он очень быстро примирился. Сложилась уже привычка выставлять в эту комнату вещи, для которых не находилось другого места, а таких вещей было теперь много, потому что одну комнату сдали троим жильцам. Эти строгие люди – у всех троих, как углядел через щель Грегор, были окладистые бороды – педантично добивались порядка, причём порядка не только в своей комнате, но, коль скоро уж они здесь поселились, во всей квартире и, значит, особенно в кухне. Хлама, тем более грязного, они терпеть не могли. Кроме того, большую часть мебели они привезли с собой. По этой причине в доме оказалось много лишних вещей, которые нельзя было продать, но и жаль было выбросить.

Все они перекочевали в комнату Грегора. Равным образом – ящик для золы и мусорный ящик из кухни. Всё хотя бы лишь временно ненужное служанка, которая всегда торопилась, просто швыряла в комнату Грегора; к счастью, Грегор обычно видел только выбрасываемый предмет и державшую его руку. Возможно, служанка и собиралась при случае водворить эти вещи на место или наоборот, выбросить всё разом, но пока они так и оставались лежать там, куда их однажды бросили, если только Грегор, пробираясь сквозь эту рухлядь, не сдвигал её с места – сначала поневоле, так как ему негде было ползать, а потом со всё возрастающим удовольствием, хотя после таких путешествий он часами не мог двигаться от смертельной усталости и тоски.

Так как жильцы порою ужинали дома, в общей гостиной, дверь гостиной в иные вечера оставалась запертой, но Грегор легко мирился с этим, тем более что даже и теми вечерами, когда она бывала отворена, часто не пользовался, а лежал, чего не замечала семья, в самом тёмном углу своей комнаты. Но однажды служанка оставила дверь в гостиную приоткрытой; приоткрытой осталась она и вечером, когда вошли жильцы и зажёгся свет. Они уселись с того края стола, где раньше ели отец, мать и Грегор, развернули салфетки и взяли в руки ножи и вилки. Тотчас же в дверях появилась мать с блюдом мяса и сразу же за ней сестра – с полным блюдом картошки. От еды обильно шёл пар. Жильцы нагнулись над поставленными перед ними блюдами, словно желая проверить их, прежде чем приступить к еде, и тот, что сидел посредине и пользовался, видимо, особым уважением двух других, и в самом деле разрезал кусок мяса прямо на блюде, явно желая определить, достаточно ли оно мягкое и не следует ли отослать его обратно. Он остался доволен, а мать и сестра, напряжённо следившие за ним, с облегчением улыбнулись.

Сами хозяева ели на кухне. Однако, прежде чем отправиться на кухню, отец зашёл в гостиную и, сделав общий поклон, с фуражкой в руках обошёл стол. Жильцы дружно поднялись и что-то пробормотали в бороды. Оставшись затем одни, они ели в полном почти молчании. Грегору показалось странным, что из всех раз-

RESPUBLIKA TATARSTAN MARKAZI

нообразных шумов трапезы то и дело выделялся звук жующих зубов, словно это должно было показать Грегору, что для еды нужны зубы и что самые распрекрасные челюсти, если они без зубов, никуда не годятся. «Да ведь и я чего-нибудь съел бы, – озабоченно говорил себе Грегор, – но только не того, что они. Как много эти люди едят, а я погибаю!»

– Дорогие родители, – сказала сестра, хлопнув, чтобы призвать к вниманию, рукою по столу, – так жить дальше нельзя. Если вы этого, может быть, не понимаете, то я это понимаю. Я не стану произносить при этом чудовище имя моего брата и скажу только: мы должны попытаться избавиться от него. Мы сделали всё, что было в человеческих силах, мы ухаживали за ним и терпели его, нас, по-моему, нельзя ни в чём упрекнуть.

– Она тысячу раз права, – сказал отец тихо. Мать, которая всё ещё задыхалась, начала глухо кашлять в кулак с безумным выражением глаз.

Сестра поспешила к матери и придержала ей голову ладонью. Отец, которого слова сестры навели, казалось, на какие-то более определённые мысли, выпрямился в кресле; он играл своей форменной фуражкой, лежавшей на столе среди всё ещё неубранных после ужина тарелок, и время от времени поглядывал на притихшего Грегора.

– Мы должны попытаться избавиться от него, – сказала сестра, обращаясь только к отцу, ибо мать ничего не слышала за своим кашлем, – оно вас обоих погубит, вот увидите. Если так тяжело трудишься, как мы все, невмоготу ещё и дома сносить эту вечную муку. Я тоже не могу больше.

И она разразилась такими рыданиями, что её слезы скатались на лицо матери, которое сестра принялась вытирать машинальным движением рук.

– Дитя моё, – сочувственно и с поразительным пониманием сказал отец, – но что же нам делать?

Сестра только пожала плечами в знак растерянности, которая – в противоположность прежней её решимости – овладела ею, когда она плакала.

– Если бы он понимал нас... – полувопросительно сказал отец.

Сестра, продолжая плакать, резко махнула рукой в знак того, что об этом нечего и думать.

– Если бы он понимал нас, – повторил отец и закрыл глаза, разделяя убеждённость сестры в невозможности этого, – тогда, может быть, с ним и удалось бы о чём-то договориться. А так...

– Пусть убирается отсюда! – воскликнула сестра – Это единственный выход, отец. Ты должен только избавиться от мысли, что это Грегор. В том-то и состоит наше несчастье, что мы долго верили в это. Но какой же он Грегор? Будь это Грегор, он давно бы понял, что люди не могут жить вместе с таким животным, и сам ушёл бы. Тогда бы у нас не было брата, но зато мы могли бы по-прежнему жить и чтить его память. А так это животное преследует нас, прогоняет жильцов, явно хочет занять всю квартиру и выбросить нас на улицу.

Как только он оказался в своей комнате, дверь поспешно захлопнули, заперли на задвижку, а потом и на ключ. Внезапного шума, раздавшегося сзади, Грегор ис-

RESPUBLIKA TALIM MARKAZI

пугался так, что у него подкосилась лапки. Это сестра так спешила. Она уже стояла наготове, потом легко метнулась вперёд – Грегор даже не слышал, как она подошла, – и, крикнув родителям: «Наконец-то!» – повернула ключ в замке.

«А теперь что?» – спросил себя Грегор, озираясь в темноте. Вскоре он обнаружил, что вообще уже не может шевелиться. Он этому не удивился, скорее ему показалось неестественным, что до сих пор он ухитрялся передвигаться на таких тонких ножках. В остальном ему было довольно покойно. Он чувствовал, правда, боль во всём теле, но ему показалось, что она постепенно слабеет и наконец вовсе проходит. Сгнившего яблока в спине и образовавшегося вокруг него воспаления, которое успело покрыться пылью, он уже почти не ощущал. О своей семье он думал с нежностью и любовью. Он тоже считал, что должен исчезнуть, считал, пожалуй, ещё решительней, чем сестра. В этом состоянии чистого и мирного раздумья он пребывал до тех пор, пока башенные часы не пробили три часа ночи. Когда за окном всё посветлело, он ещё жил. Потом голова его помимо его воли совсем опустилась, и он слабо вздохнул в последний раз.

– Поглядите-ка, оно издохло, вот оно лежит совсем-совсем дохлое!

Тело Грегора и в самом деле было совершенно сухим и плоским, это стало по-настоящему видно только теперь, когда его уже не приподнимали ножки, да и вообще ничего больше не отвлекало взгляда.

Давайте обсудим

1. Является ли превращение Грегора реальным событием или символом?
2. Можно ли сказать, что Грегор был «чужим» ещё до превращения?
3. Кто на самом деле проявляет жестокость – общество, семья или сам Грегор?
4. Как в повести представлена тема одиночества?
5. В чём смысл названия «Превращение» – кто ещё «превращается» в повести?

Практическое задание

Заполните таблицу.

Персонаж	Отношение к Грегору в начале	Отношение в конце

RESPUBLIKA TA'LIM MARKAZI

O‘quv nashri

Mirkurbanov Nasirulla Mirsultanovich,
Miraxmedova Dilbar Turgunovna,
Axmedov Muhridin Nuriddin o‘g‘li

ADABIYOT
11-sinf

Ta’lim rus tilida olib boriladigan
umumiy o‘rta ta’lim maktablari uchun darslik

G‘afur G‘ulom nomidagi nashriyot-matbaa ijodiy uyi
Toshkent – 2026

Редактор	*М. Мухамедова*
Корректор	*З. Сардарян*
Технический редактор	*А. Каримов*
Художественный редактор	*Д. Джалилов*
Художник	*И. Холходжаев*
Дизайнер-верстальщик	*О. Силенко*

Лицензия издательства AI № 290, выдана 04.11.2016 года.
Подписано в печать с оригинал-макета 00.00.2026 г.
Формат 84x108 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Arial». Кегль 12. Офсетная печать.
Условно-печатных листов 25,2. Учётно-издательских листов 17,7.
Тираж __. Номер заказа__.

Сведения о состоянии учебника, выданного в аренду

№	Имя, фамилия ученика	Учебный год	Состояние учебника при получении	Подпись классного руководителя	Состояние учебника при сдаче	Подпись классного руководителя
1.						
2.						
3.						
4.						
5.						
6.						

Таблица заполняется классным руководителем при выдаче учебника в аренду и возвращении назад в конце учебного года.
При заполнении таблицы используются следующие оценочные критерии

Новый учебник	Состояние учебника при первой выдаче
Хорошее	Обложка целая, не оторвана от основной части книги. Все страницы в наличии, не порваны, на них нет записей и помарок
Удовлетворительное	Обложка не смята, слегка испачкана, края стёрты. Вырванные страницы восстановлены пользователем, отдельные страницы исчерчены. Учебник отреставрирован
Неудовлетворительное	Обложка испачкана, порвана, корешок оторван от основной части книги или совсем отсутствует. Страницы порваны, некоторых нет в наличии, исчерчены, испачканы. Учебник для дальнейшего пользования не пригоден, восстановлению не подлежит